Академия Наук СССР

Ордена Дружбы народов Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая

Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, XIV

Издательство "Наука", Москва 1984

Топрак-кала
Дворец

Ответственные редакторы *Ю. А. Рапопорт, Е. Е. Неразик*

Издательство "Наука", Москва 1984

Городище Топрак-кала - выдающийся памятник истории и культуры нашей страны. Он расположен в низовьях Амударьи, на территории современной Каракалпакии. "Священный дворец" царей Хорезма II-III вв. н. э. - ключевой памятник среднеазиатской античности, важный для понимания истории, искусства и религии всего древнего Среднего Востока. В монографии даны описание и трактовка около 150 помещений, украшенных настенными росписями и скульптурой (Тронный зал, Зал царей, Зал побед, Зал танцующих масок, Зал воинов). Публикуются документы, найденные во дворце.

Т $\frac{0508000000\text{-}104}{042\ (02)\text{-}84}$ -59-84-1

© Издательство "Наука", 1984 г.

Топрак-кала. Дворец

Утверждено к печати Ордена Дружбы народов Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор Издательства **С. Н. Васильченко**

Художник **В. С. Поплавский**

Художественный редактор **Н. А. Фильчагина**

Технический редактор **В. В. Тарасова**

Корректоры **М. С. Бочарова, Н. М. Вселюбская**

ИБ № 26626

Сдано в набор 12.10.83. Подписано к печати 8.02.84.. Т-05520. Формат 70×90 1/16. Бумага для глубокой печати. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,83. Уч.-изд. л. 26,4. Усл. кр. отт. 25,4. Тираж 4900 экз. Тип. зак. 862. Цена 2 р. 60 к.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени первая типография издательства "Наука"

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

Введение

Посвящается памяти Сергея Павловича Толстова

Городище Топрак-кала - выдающийся памятник истории и культуры нашей страны, расположенный в низовьях Амударьи на отвоеванных у пустыни землях нового Элликкалинского района Кара-Калпакской АССР. Замечательные результаты раскопок во дворце, которые в 1945-1950 гг. провел С. П. Толстов, были освещены в его работах и получили широкую известность*. О Топрак-кале говорится в учебниках, в обобщающих трудах по всемирной истории**, истории СССР*** и республик Средней Азии****, в исследованиях по истории архитектуры ***** и искусства******, во многих научных и научно-популярных изданиях. К сведениям об этом памятнике часто обращаются иностранные авторы, работающие над проблемами истории и культуры Кушанской империи, Ирана и Средней Азии*******.

* (*См. работы С. П. Толстова: Древне-хорезмийские памятники в Кара-Калпакии. - ВДИ, 1939, № 3, с. 178, 185; Топрак-кала (К истории позднеантичного хорезмийского города). - ИАН СИФ, 1944, №4, с. 182-186; Хорезмская археологическая экспедиция 1940 г. - КСИИМК, 1946, вып. 12, с. 90-93; Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. - ВДИ, 1946, № 1, с. 69-72; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. - ИАН СИФ, 1947, № 2, с. 177-178; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1947 г. - ИАН СИФ, 1948, № 2, с. 182-186; Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 119-124, 347, 350, 351; По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 164-190; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1948 г. - ИАН СИФ, 1949, №3, с. 255-261; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1949 г. - ИАН СИФ, 1950, №6, с. 514-521; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. Сов. археология, т. 18. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 306-313; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948). - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 9, 31-44; Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937-1956). - СЭ, 1957, № 4, с. 31-35; Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. - ТХЭ, 1958, т. 2, с. 195-216; Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема "эры Шака" и "эры Канишки". - ПВ, 1961, № 1, с. 54-71; По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. лит., 1962, с. 206-226; Новые археологические открытия в Хорезме и не которые проблемы древней истории Индии. - В кн.: Индия в древности. М.: Наука, 1964, с. 138-142. См. также по этому циклу раскопок работы сотрудников Хорезмской экспедиции: Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 67-86; Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма. - Там же, с. 87-104; Жданко Т. А. Работы Хорезмской археолого-этногра-фической экспедиции АН СССР в 1949 г. - ВИ, 1950, № 3, с. 148, 149; Орлов М. А. К вопросу о реконструкции дворца хорезмшахов III в. н. э. Топрак-кала. - ИАН СИФ, 1950, № 4, с. 384-392; Он же. Реконструкция "Зала воинов" дворца III в. н. э. Топрак-кала. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 47-66; Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. - Там же, с. 119-134.*)

** (*Всемирная история. Т. 2. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1956, с. 750-754.*)

*** (*История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.; Наука, 1966, с. 289.*)

**** (*История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент: ФАН, 1967, с. 145-147, 174, 176, 179; История Туркменской ССР. Т. 1. Ашхабад: Изд-во АН ТуркмССР, 1957, с. 132-134, 140, 173; История таджикского народа. Т. 1. М.: Изд-во вост. лит., 1963, с. 370, 389, 428, 441; Гафуров Б. Г. Таджики. М.: Наука, 1972, с. 158, 166, 175, 187, 582.*)

***** (*Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М.: Стройиздат, 1970, с. 355, 356, 361, 363-365.*)

****** (*Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965, с. 41, 42, 49, 50, 87-91, 95.*)

******* (*См. например: Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962, p. 29, 193, 324, 325; Bussagli M. Die Malerei in Zentralasien. Geneve: Albert Skira, 1963, S. 21, 29, 124; Frye R. The Heritage of Persia. Cleveland and New York: 1963, p. 175; Rice T. T. Ancient Arts of Central Asia. New York and Washington: F. A. Praeger Publishers, 1965, p. 117-121; Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of Kushans. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967, p. 45, 46, 167-170, 201; Frumkin G. Archaeology in Soviet Central Asia. Leiden: E. J. Brill, 1970, p. 93, 96, 97; RowlandB. The Art of Central Asia. New York: Crown Publishers, 1970, p. 24, 54-56, 76; Azarpay G. Sogdian Painting. Berkeley, Los Angelos, London: University of California Press, 1981, p. 76, 84, 166.*)

Однако полной публикации огромного материала, обнаруженного при раскопках дворца, до сих пор не было. Целью предлагаемой монографии поэтому является систематическое описание памятника и обобщенный анализ полученных археологических данных. Объем одной книги не позволяет выполнить эти задачи с исчерпывающей полнотой. Даже для того чтобы сравнительно коротко охарактеризовать десятки раскопанных помещений, важнейшие конструкции и находки, приходится отказаться от публикации некоторых разработок, ряда нужных иллюстраций, ссылок и сопоставлений. Кроме того, совершенно очевидно, что потребуется еще значительный цикл полевых и камеральных исследований, выпуск ряда работ, чтобы ввести все богатства Топрак-калы в научный оборот. Так, сотни фрагментов настенных росписей и скульптур, десятки полевых копий с них еще ждут кропотливого труда реставраторов, искусствоведов и издателей, прежде чем появится монография о монументальном искусстве Топрак-калы (археологические раскопки продолжают приносить для нее замечательные материалы). В подготовляемой работе по истории религии Хорезма должны быть развернуты и подробно обоснованы соответствующие выводы данной книги, изложенные конспективно. Специальная монография будет посвящена хорезмийским документам. После завершения раскопок Северного комплекса Топрак-калы - огромного дворцово-храмового сооружения, лежавшего вне городских укреплений, - очевидно, станет необходимой его отдельная публикация. Наконец, познакомившись с этой книгой, читатель поймет, какие волнующие открытия ждут исследователей, которые проникнут в глубь высокой платформы дворца, раскроют его подножие. Но это дело будущего. А сейчас взглянем на Топрак-калу глазами ученого, который открыл этот памятник для науки в пустыне Кызылкум. Даже эти немногие строки С. П. Толстова, яркие и энергичные, могут, как нам кажется, сказать кое-что и о нем самом, и о неповторимой романтике первых лет работы Хорезмской экспедиции:

"В ясный октябрьский вечер 1938 года, когда наша маленькая разведочная группа поднялась на стены кушанской крепости Аяз-кала, с шестидесятиметровой высоты перед нами открылась широкая панорама пройденного и предстоявшего пути. И наряду со знакомыми силуэтами развалин на юге и на востоке далеко на западе, за гладкой равниной бесплодных такыров, песков и солончаков, на горизонте возник контур огромных

развалин, увенчанных на северном крае могучими очертаниями трехбашенной цитадели. "Что это за крепость?" - спросил я нашего проводника. - "Это Топрак-кала. Там нет ничего интересного", - был лаконичный ответ. На следующий день наш караван подходил к "неинтересной крепости".

После зеркальной, лишенной всякой растительности поверхности аязкалинских такыров на полдороге к Топрак-кала мы вступили в мрачную и безжизненную равнину топраккалинских пухлых солончаков. Черно-серая неровная поверхность солончаковой корки скрывала рыхлый слой разъеденной солью почвы, в которой ноги верблюдов проваливались по щиколотку, оставляя крупные, неровные пятна следов. Мертвую картину черной солончаковой пустыни делали еще более мрачной конические всхолмления бугристых песков, покрытые солончаковой коркой и увенчанные пучками высохших кустарников.

Солнце садилось, когда мы подошли к северной стене крепости, повернутой к близким здесь Султан-Уиздагским горам, поднимавшимся выше и выше рядами параллельных, то серых, то черно-зеленых обрывов и хребтов, увенчанных зазубренными скалистыми вершинами. Наскоро выбрав место для ночлега и предоставив проводникам развьючивать верблюдов и готовить ужин, мы отправились на развалины.

Вблизи вздымающаяся на двадцатиметровую высоту серая громада трехбашенного замка производила подавляющее впечатление. Мы вскарабкались вверх по осыпи. Справа от нас в южном срезе северо-восточной башни зиял ряд раскрытых сводчатых помещений, могучие полуразрушенные арки, угрожающе нависали над головой громадные античные кирпичи...

С южной башни, грозно нависающей вертикальным срывом рухнувшей южной стены, открывалась панорама города: прямоугольник грандиозных, поднимающихся на высоту 10-15 метров стен, превращенных временем в вал, со следами многочисленных башен. Как стены, так и пространство внутри них было покрыто той же безжизненной черновато-серой коркой пухлого солончака.

Как и на окружающей городище местности, местами на внутреннем пространстве крепости торчали странные конические бугры, увенчанные султанами корявых сухих сучьев. И вдруг в косых лучах заходящего солнца на серой поверхности городища четко выступил рисунок древней планировки: от ворот в южной стене протянулась узкая темная полоса главной улицы; в стороны от нее разошлись симметричные переулки, очертившие четким контуром дома-кварталы, распадающиеся на бесчисленные прямоугольники комнат. Перед нами в причудливой игре вечернего света предстал нарисованный на поверхности солончака план античного хорезмийского города"[*].

[*] (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 164.*)

Раскопки на Топрак-кале, начатые в 1940 г., прервала война. В боях под Москвой был тяжело ранен артиллерист-разведчик капитан Толстов. В 1945 г. он вернулся в Хорезм, а дворец вплоть до 1950 г. стал основным объектом работ большой Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, в определенной степени ее школой (рис. 1).

Рис. 1. С. П. Толстов на раскопках Топрак-калы. Зал воинов, 1949 г.

В связи с подготовкой издания памятника отряд под руководством Е. Е. Неразик в 1965 г. начал раскопки городских кварталов[*]; монография о городище Топрак-кала опубликована в 1981 г.[**] Были также проведены дополнительные исследования во дворце (начальник отряда Ю. А. Рапопорт)[***]. Результаты раскопок 1945-1950 гг. и более скромных по масштабам работ 1967-1972 гг. обобщены в этой книге.

[*] (*См. информацию о раскопках в сборниках "Археологические открытия" за 1965-1968, 1972, 1973 гг. Предварительное обобщение: Неразик Е. Е. Раскопки городища Топрак-кала. - КСИА, 1972, вып. 132, с. 23-30; Nerazik E. E., Rapoport Ju. A. Die Festung Toprak-Kala in Choresmien. - Das Altertum, 1978, Bd. 24, S. 83-88.*)

[**] (*Городище Топрак-кала. - (ТХЭ, 1981, т. XII).*)

[***] (*См. информацию о раскопках в сб. "Археологические открытия" за 1967, 1969, 1970, 1972 гг. См. также: Nerazik E. E., Rapoport J u. A. Die Festung Toprak-Kala, S. 79-83; Рапопорт Ю. А. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-кала. - В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978, с. 275-284; Он же. Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала. - В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981, с. 228-240.*)

В написании ее участвовали: Ю. А. Рапопорт (главы I, III, IV и заключение); М. С. Лапиров-Скобло (гл. II), С. А. Трудновская (гл. V), В. А. Лившиц (гл. VI).

Архитектурные чертежи и реконструкции принадлежат М. С. Лапирову-Скобло. Копии и реконструкции росписей и барельефных композиций, а также другие рисунки подготовлены для публикации Г. М. Баевым (рис. 81 - А. Н. Лихницкой).

В своей работе мы постоянно опирались на исследования С. П. Толстова и пользовались огромной полевой документацией, авторами которой являются многие участники Хорезмской экспедиции. Поэтому предлагаемую монографию следует рассматривать как труд большого научного коллектива, созданного С. П. Толстовым.

Глава первая. Топрак-кала, Высокий дворец. Общие сведения

Дворец, о котором расскажет эта книга, - часть обширного и сложного до своей структуре археологического комплекса Топрак-кала (рис. 2). Его составляют: хорошо укрепленный город; дворец на высокой платформе, которая замыкает северо-западный угол крепости*; прилегающий к нему участок, отделенный от остальной территории города мощной стеной (цитадель?); большой дворцовый массив к северу от города (Северный комплекс); значительное незастроенное пространство, ограниченное насыпным валом, северо-западнее города. Все это возводилось практически одновременно, о чем свидетельствуют, как мы увидим, многие археологические данные, единство ориентировки, близость ряда планировочных элементов и художественного убранства двух дворцов. Поэтому понять каждый из компонентов Топрак-калы можно, видимо, лишь учитывая связь между ними.

* (*В дальнейшем изложении мы иногда будем называть его Высоким дворцом, чтобы отличать от Северного комплекса (Нижнего дворца).*)

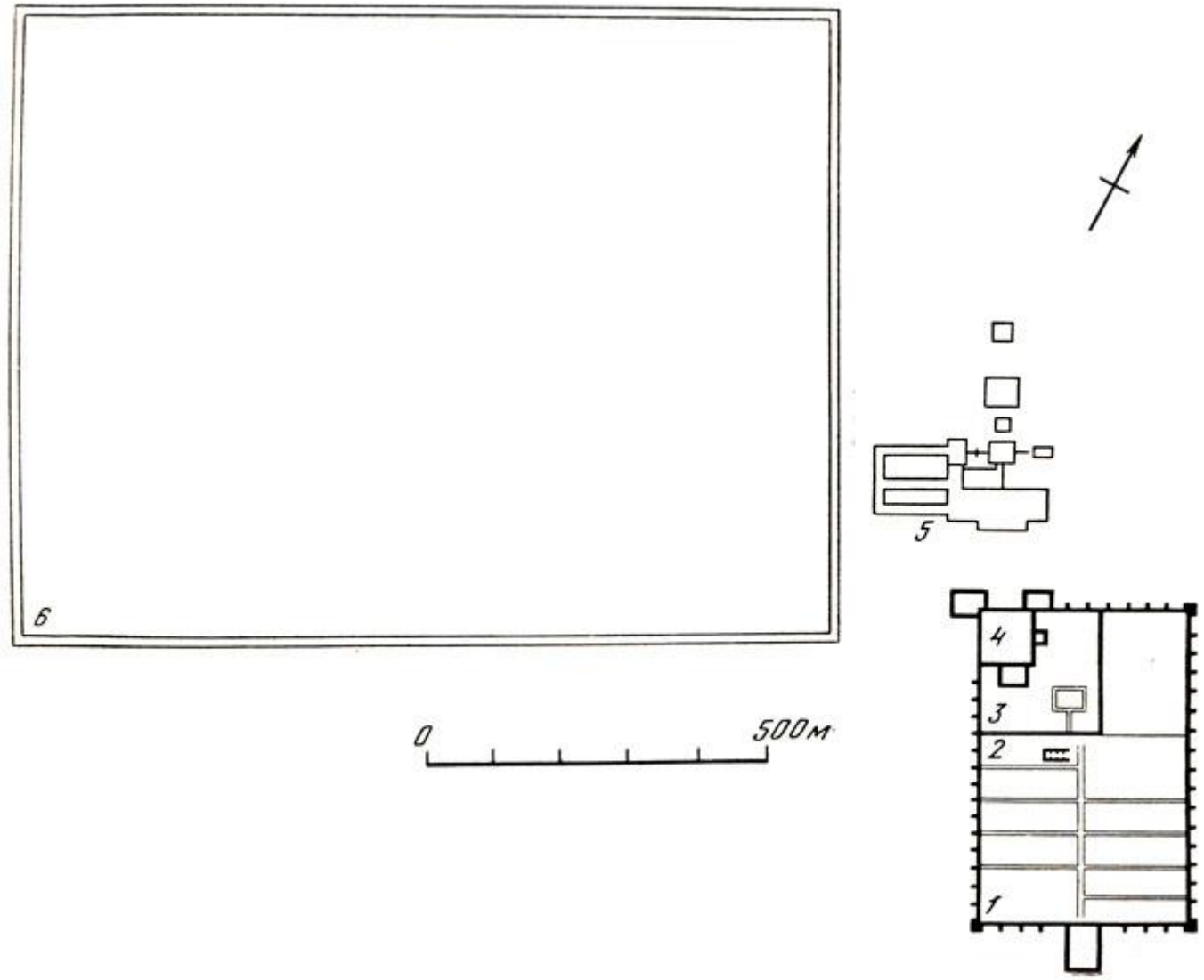

Рис. 2. Схематический план археологического комплекса Топрак-калы: 1 - город; 2 - храмовый квартал; 3 - цитадель со следами храма огня; 4 - дворец (Высокий дворец); 5 - Северный комплекс (Нижний дворец); 6 - незастроенное пространство, обведенное валом

Поскольку городу посвящена специальная монография, ограничимся самым кратким напоминанием о принципах его планировки. Крепостные стены охватывают прямоугольное пространство, вытянутое в меридиональном направлении[*]. Длина города достигала 500 м, ширина 350 м. Укрепленные ворота располагались по середине южной стены. От них в северном направлении шла центральная улица. Перпендикулярные ей переулки делили застройку на несколько кварталов. Большинство из них были жилыми, но в одном, как показали раскопки Е. Е. Неразик, были городские храмы.

[*] (*Точно говоря, азимут продольной оси городища 333°. Называть стены "северными", "западными" и т. д. мы будем несколько условно, не учитывая отклонения ориентировки всего комплекса от севера на 27°.*)

Центральная улица подводила к дворцовому участку или цитадели, которая занимает в северо-западной части города площадь 180×180 м. Она изолирована от остальных кварталов стенами, которые вполне можно назвать крепостными. Толщина их достигала 10 м, внутри заметен коридор, несомненно, была и стрелковая галерея. В пределах цитадели при исследованиях 1938-1940 гг. прослеживалась планировка своеобразного сооружения, которое С. П. Толстов определил как храм огня[*]. Центром его являлось обширное помещение (40×30 м), окруженное двойной стеной с проходом внутри. Проход соединялся с длинным коридором, который подводил к южной стене цитадели. Коридор с

небольшим смещением к западу как бы продолжал направление главной улицы города. В центральном помещении были отмечены значительные наслоения белой золы.

* (*Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 123, рис. 62.*)

Следует отметить, что поздние напластования, столь мощные в городских кварталах, в пределах цитадели по какой-то причине отсутствуют*.

*(*Городище Топрак-кала. - ТХЭ, 1981, т. XII, с. 9.*)

Примерно в 100 м севернее города находятся руины Нижнего дворца, которые после расчистки здесь в 1949 г. двух помещений получили название Северного комплекса. Стационарные раскопки его мы начали в 1976 г.* По числу платформ, на которых возводились основные планировки Северного комплекса, в его составе мы насчитываем сейчас 12 зданий. Все платформы, затронутые нашими раскопками, оказались соприкасающимися друг с другом, ряд конструктивных деталей указывает на практическую единовременность их постройки. Поэтому правильнее было бы говорить теперь не об отдельных зданиях, а о корпусах одного огромного дворца. Его протяженность по южному фасу достигает 300 м. Цепь "зданий", отходящая в северном направлении, тянется на 350 м. Возможно, у всех платформ этой полосы меридиональная ось окажется общей с осью Высокого дворца. Огромную площадь, занятую зданиями на платформах, дополняли те планировки Северного комплекса, у которых полы помещений лежали на материковой поверхности. По всей видимости, они сохранились лишь под защитой достаточно высоких (1,5-2,5 м) платформ, в непосредственной близости от них. Поэтому вряд ли удастся получить четкое представление о максимальных границах Северного комплекса.

* (*Информацию о раскопках см. в сб. "Археологические открытия" за 1976-1982 гг.*)

Раскопками 1976-1982 гг. на платформах раскрыто около 150 помещений. Стены большинства из них сохранились на небольшую высоту, но план читается четко и уже позволяет сделать определенные выводы относительно особенностей раскрытых частей сооружения. В западной части комплекса на пяти платформах, образующих каре, разделенное на два двора, в основном находились однотипные блоки помещений. Каждый из них состоял из двух комнат и вспомогательного входного помещения, через которое, видимо, попадали и на второй этаж блока. Подобные элементы планировки мы увидим в южной части Высокого дворца. Двухкамерные блоки на платформах Северного комплекса объединялись сводчатыми коридорами, длина которых достигала 100 м. В двух зданиях, лежащих напротив Высокого дворца, в южной части рассматриваемого комплекса, были сосредоточены парадные помещения. В их числе обширные залы и святилища, украшенные настенными росписями и глиняными барельефами. Это убранство по технике исполнения, стилистическим особенностям и орнаментальным мотивам весьма близко найденному на Высоком дворце. Реставраторам удалось извлечь большой участок рухнувшей композиции с тремя фигурами плачущих женщин и другие обломки сюжетных и орнаментальных росписей. В юго-восточной части Нижнего дворца находились хозяйственные помещения и хранилища. Одно из зданий Северного комплекса, судя по сохранившимся конструкциям платформы, было храмом, подобным храму огня, зафиксированному на цитадели. Находок в многочисленных помещениях Северного комплекса очень мало, он производит впечатление покинутого планомерно, без спешки и потерь. Можно отметить лишь такие предметы, как золотая головка льва и алебастровые формы для изготовления барельефов (голова персонажа дионисийского круга, лист аканта

и т. д.). Обнаружены также монеты, кушанские (Вима Кадфиз, Канишка, Хувишка) и хорезмийские (ранняя медь, чеканенная царем Артавом)*.

* (*Вайнберг Б. И. Монетные находки из раскопок городища. - В кн.: Городище Топрак-кала, с. 128.*)

Всего в 50 м от западной платформы Нижнего дворца проходит восточный вал огромного прямоугольника, охватывающего пространство около 125 га (1250×1000 м). Вал насыпной, его высота сейчас местами достигает 3 м, а была не менее 4 м. Как показал разрез, первоначальная ширина вала была около 10 м. Несомненно, обвалованный прямоугольник был как-то связан с городом и дворцами: его южная граница проходит по линии, продолжающей направление северной стены города; кладки низких планировок Северного комплекса подтягиваются вплотную к валу, на их стыке найдены монеты Хувишки.

Обнаружив громадный прямоугольник на аэроснимках 1969 г., мы предположили сначала, что это парк хозяев Топрак-калы. Однако самое внимательное рассмотрение снимков и поиски на местности не обнаружили никаких следов гряд, арыков и других элементов парковой планировки, которые обычно хорошо заметны. Вне прямоугольника следы полей, виноградников и мелких оросительных каналов отчетливо видны на тех же снимках 1969 г. Ближайшей аналогией рассматриваемому компоненту топраккалинского комплекса оказываются большие обвалованные прямоугольники подле курганных групп и мавзолеев Приаралья, наиболее ранние из которых относятся к началу сакской эпохи*. Обосновать закономерность такого сопоставления мы попытаемся в заключительной части книги.

* (*Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Курганы на возвышенности Чаштепе. - В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М.: Наука, 1979, с. 156.*)

Над городом, Северным комплексом и всей округой доминировал Высокий дворец (рис. 3 и 4). В данной главе мы охарактеризуем основные особенности его структуры и этапы истории. Это поможет ориентироваться во время подробного археологического рассмотрения памятника, которое предстоит в III и IV главах книги (рис. 5А, Б; рис. 6А, Б; см. вклейку)*.

* (*Номера помещений обозначены на реконструктивном плане (рис. 6Б).*)

Рис. 3. Топрак-кала. Вид на дворец и город с воздуха, 1950 г.

Рис. 4. Вид на дворец с северо-запада

(*В книге-источнике отсутствуют рискунки 5, 6*)

Первоначальную и главную часть дворца мы будем именовать Центральным массивом. Он построен на квадратной платформе из больших необожженных кирпичей. Высота платформы 14,3 м[*], сторона в основании - около 90 м, по поверхности - 83 м. Поэтому можно сказать, что дворец стоит на четырехгранной усеченной пирамиде. Западная и северная ее грани продолжают направление соответствующих крепостных стен. Таким образом, Центральный массив лежит в пределах прямоугольной площади города. Раскопки, проведенные на месте примыкания ранних крепостных стен к основанию дворца, позволяют утверждать, что конструкции эти единовременны. Стена упирается в наклонный массив дворцовой платформы. К ней были приложены кирпичи свода, перекрывавшего коридор, который проходил в нижнем ярусе крепостной стены.

[*] (*Все отсчеты высот даются от условной нулевой отметки, соответствующей поверхности равнины, на которой стоит Топрак-кала (уровень такыра к востоку от городища).*)

Наружные стены Центрального массива на 1,5 м отступали от края платформы. Фасад был украшен выступами с парными вертикальными лопатками и покрыт алебастровой побелкой. Есть участки, где под защитой более поздних конструкций наружные стены дворца уцелели на высоту 7,5 м (первоначальная высота их была около 9 м). Таким образом, все сооружение поднималось почти на 25 м над окружающей равниной.

По середине восточного фаса Центрального массива находилась входная башня. Обнаружены нижние ступени лестницы, которая вела из города во дворец.

На поверхности платформы квадрат наружных стен замыкал свыше ста помещений Центрального массива, составлявших его первый этаж (рис. 5, 6). Сохранилось также несколько комнат второго этажа, но их первоначальное число нам неизвестно.

Анализ планировки Центрального массива и археологические особенности составляющих ее помещений позволили разделить их на несколько групп, в той или иной степени изолированных друг от друга и, как правило, отличавшихся по своим функциям.

Основную группу образуют парадные комнаты, залы и святилища (помещения 1-33, первый номер дан восточному коридору, в который попадали, поднявшись по лестницам входной башни)[*]. Эти помещения занимали центральную и северо-восточную часть массива.

[*] (*В настоящем издании номера помещений изменены по сравнению с принятыми в прежних публикациях. Это вызвано тем, что при раскопках номер или индекс помещению давался в зависимости от времени начала работы в нем, причем не во все годы обозначения шли в одной системе. Комнаты с близкими номерами нередко оказывались в разных концах памятника, иногда номера дублировались и т. д. Все это сильно затрудняло ориентировку в чертежах. Мы без изменений сохраняем названия, данные С. П. Толстовым наиболее примечательным залам и святилищам ("Зал царей", "Зал округами" и т. д.). Подавляющая часть опубликованных ранее материалов происходит именно из этих помещений.*)

Помещения 34-37 (северная группа) были связаны, по всей видимости, с дополнительным входом во дворец с северной стороны.

Западная группа (помещения 38-59) выделена несколько условно, главным образом потому, что она лишь двумя проходами связана с помещениями основной группы и в отличие от нее не имеет залов со скульптурным убранством.

Изолированную и, видимо, наиболее оберегаемую часть Центрального массива составляют помещения южной группы (60-87). Своеобразные блоки расположены вдоль южного коридора и вокруг так называемого Зала с кругами (помещение 77).

Наконец, в юго-восточной части Центрального массива находилось несколько помещений (88-102), отделенных от всех остальных. Они никогда не были расписаны и, очевидно, имели вспомогательный характер. Здесь обнаружены остатки архива.

Помещения второго этажа сохранились лишь в северо-западном углу массива. Они показаны на отдельном плане (рис. 80) и будут рассмотрены в заключении III главы.

К центральному массиву примыкают три дополнительных массива, - своего рода огромные башни. Установлено, что первоначальный архитектурный замысел их не предусматривал, но сооружены они были либо одновременно с завершением строительства центральной части дворца (Северо-западный массив), либо вскоре после этого.

Платформа Северо-западного массива, наиболее раннего и мощного, была доведена до уровня поверхности полов Центрального массива, охватив его угол. На этой платформе окруженный периметральным коридором был поставлен верхний объем монолитного основания. На нем находились украшенные росписями помещения, полы которых лежали на отметке около 23 м. К сожалению, стены этих помещений почти смыты. Большой размер центрального зала заставляет предположить, что они имели значительную высоту. Общая высота Северо-западного массива должна была достигать 30 м. Судить о его назначении с уверенностью мы не можем. Не исключено, что это было легко изолируемое убежище, где в тревожное время царь мог чувствовать себя спокойнее, чем в лабиринтах центральной части дворца. Более вероятно, однако, что это какое-то обособленное святилище, высоко поднятое над остальной частью ансамбля.

Южный массив имеет высокое основание, построенное по той же схеме, что и у Северо-западного массива. Оно прикрыло фасад дворца, уже украшенный оштукатуренными выступами. Однако планировка верхнего яруса, поднятая на высоту около 23 м, отличалась меньшей площадью помещений и их большим числом. В своеобразной по своему плану комнате, расположенной по оси массива, была обнаружена кирпичная площадка, очевидно, подиум жертвенника. Не исключено поэтому культовое назначение и всей этой пристроенной "башни".

Северо-восточный массив резко отличается от двух предыдущих. Его основание вобрало в себя отрезок северной крепостной стены. Помещения расположены лишь чуть выше уровня платформы Центрального массива. Узкие, длинные и очень высокие (7,6 м) комнаты были укрыты за толстыми стенами и, как кажется, почти сразу заложены кирпичами. Можно предположить, что своды комнат показались недостаточно надежными, чтобы нести второй этаж. Однако допустимы и другие предположения о причинах закладки однотипных комнат под сводами.

Общая площадь дополнительных массивов почти 3,5 тыс. $м^2$, что составляет почти половину площади Центрального массива. Следует добавить, что его стены были спасены от размыва именно высокими монолитными основаниями дополнительных "башен". Прикрытые ими периферийные комнаты дворца сохранились на всю высоту, а кое-где даже удержали остатки второго этажа. Чашеобразный уровень разрушения в центре первоначальной части дворца проходит близко от основания стен. Не будь башен-

массивов, до нас дошла бы лишь размытая поверхность платформы с ничтожными следами стен, и великолепный план дворца никогда бы не был прочитан.

Пространство, замкнутое между Центральным, Северо-западным и Северо-восточным массивами, в сравнительно позднее время было ограждено с севера крепостной стеной[*]. Раскопки на площади Северного двора, который возник благодаря этому, ограничились шурфовкой. Есть основания полагать, что в стене" Северного двора были ворота, выводившие за пределы укреплений. С восточной стороны Северо-западного массива у его основания обнаружен низ пандуса, соединявшего Центральный массив со стеной Северного двора. Возможно, пандус существовал здесь и в более раннее время. Крепостная стена между Северо-западным и Северо-восточным массивами входила в систему укреплений, построенных на склонах дворцовых платформ после периода запустения дворца.

[*] (*На реконструктивном плане (рис. 6Б), отражающем этап завершения строительства дворца, мы ее не показываем.*)

Археологическую историю памятника можно разделить на три периода.

К первому относится строительство дворца (сначала Центрального массива, затем массивов дополнительных) и довольно длительное использование его как доминирующего сооружения династического центра царей Хорезма. Основой датировки служит сравнительно небольшой комплекс находок, связанный с этим периодом жизни памятника. В этот комплекс помимо немногих сосудов входят некоторые украшения, оружие, монеты (наиболее ранние из них монеты Канишки и хорезмийского царя Артава[*]) и шесть датированных документов из архива, найденного во дворце. Определенную хронологическую ориентировку дает также скульптурное и живописное убранство дворца.

[*](*Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 52, 137; Она же. Монетные находки..., с. 128.*)

Наиболее конкретна, на наш взгляд, датировка по документам. В них отмечены следующие годы недавно открытой "Хорезмийской эры": 188, 204, 207, 223 (?), 231 и 252 (см. гл. VI). Напомним, что летоисчисление в годах одной и той же эры велось в Хорезме, как установлено В. А. Лившицем, на протяжении по меньшей мере семи с половиной веков. Серебряные чаши донесли до нас несколько дат, лежащих в пределах 570-714 гг.[*] На костехранилищах (оссуариях) из Ток-калы были обозначены 658- 753 гг.[**]; эту группу датированных надписей удалось достаточно точно связать с нашим летоисчислением и установить, что они были сделаны на протяжении VIII в. н. э. Главной опорой для такого определения послужили монеты, найденные с оссуариями и чеканенные хорезмийскими царями, время правления которых хорошо известно по письменным источникам и по именам арабских наместников Хорасана на самих монетах. Таким образом удалось определить и начальную дату хорезмийской эры[***]. По мнению Б. И. Вайнберг, отсчет годов был начат в 40-х-начале 50-х годов I в. н. э. (не позднее 54 г. н. э.)[****]. В. А. Лившиц (учитывая, в частности, уточнение наиболее поздней даты в надписях с Ток-калы) продолжает, как и в первых статьях на эту тему, относить начало хорезмийской эры к 10-30-м годам н. э.[*****]

[*] (*Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на торевтике. - ВДИ, 1964, № 3, с. 160.*)

[**] (*Толстов С. П., Лившиц В. А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. - СЭ, 1964, №2, с. 67; Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема*

"хорезмийской эры". - Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1967, № 1 (27), с. 4, 9; Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. - В кн.: История, культура, языки народов Востока. М.: Наука, 1970, с. И, 12. Наиболее поздняя дата с Ток-калы в этих публикациях определялась 738 г. хорезмийской эры. Как сообщил нам В. А. Лившиц, ее следует уточнить: 753.)

*** (*С. П. Толстов отождествлял ее с традиционной "эрой Канишки" и "эрой Шака", которая отсчитывается от 78 г. н. э. (Толстов С. П. Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема "эры Шака" и "эры Канишки". - ПВ, 1961, № 1, с. 54-71). В. Б. Хеннинг ошибочно полагал, что наиболее поздняя дата с Ток-калы соответствует 712 г. н. э., относил начало хорезмийской эры к 42 г. до н. э. (Henning W. B. The Choresmian dokuments. - Asia Major. New series, 1965, v. 11, pt 2, p. 168). Практически одновременно с появлением статьи В. Б. Хеннинга, вне зависимости от нее, на научной конференции в Институте востоковедения АН СССР был прочитан доклад В. А. Лившица и Б. И. Вайнберг о хорезмийской эре (см.: Лившиц В. А. Хорезмийский календарь...)*)

**** (*Вайнберг Б. И. Археологические материалы из Хорезма в связи с проблемой кушанской хронологии. - В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху (Труды международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 1968 г.). М.: Наука, 1974, с. 280; Она же. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1974, с. 79.*)

***** (*Лившиц В. А. "Зороастрийский" календарь. - В кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975, с. 331.*)

Итак, датированные документы с Топрак-калы относятся к III в. н. э. (с возможностью выхода крайних дат за пределы этого столетия лишь на несколько лет). Разумеется, вряд ли среди шести случайно уцелевших датированных хозяйственных записей находятся наиболее ранний и наиболее поздний документы из числа тех, которые поступали в архив. Несомненно, однако, что архив этот непрерывно накапливался во дворце на протяжении не менее чем семи десятилетий. Поскольку некоторые документы найдены на закладках, связанных с пристройкой Южного массива, ясно, что самые ранние годы существования дворца и тем более время его постройки они не определяют. В целом первый период истории дворца мы склонны относить ко второй половине II и III в. н. э.

В какой-то момент дворец был оставлен его обитателями или (что, видимо, точнее) его хозяевами. Мы не смогли отметить следов гибели сооружения в результате военной катастрофы и признаков целеустремленного, единовременного разрушения изображений царей и богов, которое следовало бы ожидать после захвата династического центра врагами. Прослежено лишь постепенное падение расписной штукатурки со стен, накопление небольших наслоений глинистых намывов и песчаных наносов на полах. Судя по всему, пустующий дворец в этот период, который мы назовем вторым периодом, как-то охранялся. Нет никаких следов переселения в него жителей из города, который продолжал существовать. Отмечено даже что-то вроде попытки консервации некоторых барельефов посредством закладки их кирпичами. Наблюдаемая картина станет понятна, если предположить, что царская резиденция была куда-то перенесена с Топрак-калы, но правители Хорезма некоторое время продолжали проявлять минимальную заботу о старом династическом центре. И в то же время похоже, что именно при оставлении Высокого дворца в нем были ликвидированы некоторые важнейшие элементы дворцовой архитектуры, своего рода символы царской власти. Как мы увидим, была тщательно заложена и замаскирована центральная ниша в тронном ансамбле. Там же был срублен трехарочный портал - центр всей дворцовой планировки.

Существует письменный источник, который может хорошо объяснить перемены, отмеченные в Высоком дворце. Это "Памятники минувших поколений" великого средневекового ученого, хорезмийца по происхождению, ал-Бируни. Автору этого раздела

представляются заслуживающими полного доверия сведения Бируни о древней династии хорезмшахов (последними представителями которой он был вскормлен и обучен), в частности сообщение о постройке в 305 г. н. э. царем Афригом нового дворца в крепости Аль-Фир рядом с городом Кятом[*]. Можно предположить, что тогда и опустели топраккалинские дворцы. Примечательно, что в "Памятниках" Африг представлен как основатель новой династии и в то же время как потомок легендарного основателя династии предшествующей. В сообщении, как это отметил С. П. Толстов, слышатся отзвуки каких-то бурных событий, связанных с воцарением Африга[**]. Может быть, он получил власть, свергнув хозяина Топрак-калы, и не пожелал остаться там, но освященные династической традицией сооружения были сохранены. Так можно объяснить какое-то двойственное отношение к Высокому дворцу, прослеживаемое археологически для второго этапа его истории. Длился этот период сравнительно недолго, видимо, два-три десятилетия. Об этом свидетельствует небольшая толщина наносов и намывов, накопившихся за это время в помещениях.

[*] (*Бируни. Избранные произведения. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957, т. 1, с. 48. Кят (Кае) находился примерно в 40 км южнее Топрак-калы.*)

[**] (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 191.*)

После этого ряд помещений подверглись ремонту и частичной перестройке. Объем этих работ ничтожно мал по сравнению со строительством дворца. Кое-где разрушающиеся стены были укреплены дополнительной кладкой, местами произведена перепланировка, целью которой обычно было уменьшение площади обширных дворцовых помещений. Новые (а на отдельных участках и старые) стены были покрыты толстыми слоями грубой обмазки. Она бывает побелена, но никогда не несет росписи. Кирпичи новых конструкций по большей части клали прямо поверх намывов и лежавшей в завале расписной штукатурки. Иногда, впрочем, предварительно производили какие-то расчистки. При этом некоторые помещения были забиты отвалами, в которых встречаются обломки старого декоративного убранства и единичные предметы, не взятые при оставлении дворца или брошенные его стражей (нужно полагать, что большая часть таких отвалов была выброшена за пределы дворцовых массивов, и у подножия их археологов еще ждут замечательные находки). Специального уничтожения статуй, барельефов и росписей при ремонте не производилось. К этим изображениям, видимо, относились с полным равнодушием и там, где они не мешали, оставляли на месте. После ремонтных работ некоторая часть помещений, главным образом на периферии здания, была использована под жилье. К этому времени (третий период) относится подавляющая часть керамики и бытовой мусор, обнаруженные при раскопках.

Мы сказали, что ремонтные работы, проведенные на Центральном массиве (на дополнительных массивах из-за сильных смывов они прослеживаются плохо), были очень невелики. Действительно, они мало исказили старый план громадного дворца. Однако, если суммировать все, что было сделано при ремонте, станет ясно, что такая работа была бы не по плечу отдельным семьям, перебравшимся из города. Не вызывает сомнения и единовременность нового частичного освоения сооружения. Все говорит о том, что это освоение велось под руководством каких-то облеченных властью лиц. В то же время не может быть речи о попытке восстановить дворец как таковой. Очевидно, к этому времени представление о "святости места" угасло или прервалось и сооружение было превращено в цитадель города, может быть, стало местопребыванием его правителя и гарнизона. Для подтверждения этого мнения подчеркнем два обстоятельства. В пределах старой цитадели, располагавшейся у подножия Высокого дворца, не отмечено напластований развалин

жилых построек и культурных слоев, что характерно для остальной территории города. Очевидно, всякое строительство близ новой цитадели было запрещено, чтобы сохранить наилучшие возможности ее обороны. К старым платформам дворцовых массивов был пристроен оборонительный пояс, включавший ряд башен. В отличие от перестроек в помещениях дворца эти работы по своему объему достаточно велики. Возможно, к этому же этапу относится коренная перестройка городских крепостных стен, отмеченная раскопками. Как нам представляется, третий период истории рассматриваемого памятника начался около середины IV в. и длился до VI в. Это примерно соответствует второму этапу истории города, установленному работами Е. Е. Неразик.

Среди археологических материалов, полученных при раскопках Высокого дворца, встречаются находки, относящиеся к VI-VIII и даже XII-XIII вв. Они оставлены людьми, лишь эпизодически ютившимися в развалинах. Поэтому соответствующие слои и следы жалких построек лишь весьма условно можно отнести к четвертому периоду жизни памятника.

Наиболее подробно будут рассмотрены материалы, относящиеся к первому, дворцовому периоду. Описание будет дано по группам помещений, начиная от восточного входа во дворец. При рассмотрении отдельных помещений помимо упоминания обнаруженных в них предметов будут кратко описаны найденные в них остатки росписей и скульптур. Без этого нельзя ни охарактеризовать тот или иной зал или комнату, ни понять то немногое, что уцелело от великолепного убранства. Сведения о перестройках и поздних слоях в отдельные разделы сводить оказалось нецелесообразным. Они даются в конце описания отдельных помещений или участков дворца.

Глава вторая. Строительная техника и архитектурные конструкции

При строительстве такого грандиозного и уникального комплекса, каким является Топрак-кала, были наиболее полно использованы сложившиеся к тому времени основные приемы строительной техники - приемы возведения сооружений из сырца.

Важная часть этого комплекса - город - в пределах границ окружающего его рва, занимает территорию около 26 га. Его стены укреплены выступающими из их плоскости многочисленными прямоугольными башнями. Вход находился в южной стене и был укреплен предвратным сооружением. Северо-западную часть заключенной внутри городских стен территории (17,5 га) отсекают стены квадратной цитадели площадью около 4 га. Дворец, расположенный на огромной высокой платформе, занимал северо-западную часть цитадели и, замыкая линии городских стен, являлся решающим компонентом всей архитектурной композиции, господствуя не только над городом, но и над всей прилегающей местностью[*].

[*] (*Городище Топрак-кала. - ТХЭ, 1981, т. XII, с. 9, рис. 1 и с. 10, рис. 2.*)

Главный вход во дворец находился посредине его восточной стены. В этом месте платформа образовывала большой прямоугольный выступ в виде трех террас. На нижнюю террасу с расположенной на ней башней, контролировавшей подступы ко входу, вела лестница. Второй вход во дворец шел по примыкающему к восточной стене Северо-западного массива пандусу, причем вел не прямо в здание, а на обходную площадку, огибающую его по краю платформы (см. рис. 6Б).

Весь комплекс - дворец, цитадель и городские укрепления - представлял собой единый архитектурный ансамбль, что было достигнуто не только сходной пластической разработкой фасадов, но также и единством приемов строительной техники.

Строительные материалы

Основным видом строительного материала, из которого воздвигнута Топрак-кала, как и другие памятники Хорезма этого времени, были изготовленные из лёссовой глины кирпичи. Из них выполнены почти все несущие конструкции. Использовались два типа кирпича, различающиеся не только по форме, но и по своим свойствам. К первому и наиболее употребимому из них относятся обычные стеновые кирпичи квадратной формы размером 39,5-40×9-11 см объемом около 0,016 $м^3$ и весом в среднем 38 кг. Если учесть, что такие кирпичи составляют около 57% объема кладки (остальные 43% приходятся на раствор), то можно подсчитать, что в 1 $м^3$ кладки содержится 32 кирпича. Отсюда следует, что только, например, на сооружение платформы дворца, объем которой, включая все платформы дополнительных массивов, равен 183 600 $м^3$, их ушло около 6 млн. штук. Для строительства же всего комплекса не будет преувеличением определить их количество в не один десяток миллионов. Эта цифра звучит особенно внушительно, если учесть, что объем такого кирпича (а соответственно и вес) в 8 раз превосходит объем современного.

В Научно-исследовательском институте местных строительных материалов (РОСНИИМС) были произведены лабораторные исследования образцов древних сырцовых кирпичей: их зернового состава, пластичности, химического состава, водоразмокаемости и механической прочности при сжатии. По удельному весу и по последним двум пунктам показатели получились выше, нежели у современных сырцовых кирпичей. По-видимому, при формовке древних кирпичей глина замешивалась более густо, тщательнее перемешивалась и более плотно утрамбовывалась в формах.

Ко второму типу кирпичей относятся трапециевидные, применявшиеся только при возведении арочных и сводчатых конструкций. Они отличаются от кирпичей первого типа не только формой, но и составом глины, что повлияло на их механические свойства. В глину за счет уменьшения доли песка добавлялся саман (рубленая солома), что уменьшало вес кирпичей и вместе с тем придавало им большую прочность на скалывание. Их размеры: 20-21 см (широкое основание), 17-18 см (узкое основание), 40 см (высота) и 8 см (толщина).

Подавляющее большинство квадратных кирпичей помечено знаками-тамгами. Из различных мест удалось получить довольно значительную их выборку - 624 экз., из которых без тамг оказались только 60[*]. Следует, однако, оговорить, что почти все кирпичи вынуты из позднейших закладок и лишь небольшое количество добыто из шурфов в платформе и из завалов стен.

[*] (*Гертман А. Н. Некоторые особенности маркировки сырцовых кирпичей Средней Азии. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, табл. на с. 72.*)

Археологи и архитекторы, писавшие о таких знаках на кирпичах, в целом едины в том, что это метки мастеров или групп работников, изготовлявших кирпичи. На помеченных тамгой 564 кирпичах обнаружены, считая варианты, 66 типов знаков, которые фактически исчерпывают весь набор меток, применявшихся в Хорезме этого времени (рис. 7)[*]. Это может указывать, что кирпичи для возведения города и дворца изготовлялись по всей стране или же, скорее, что к месту строительства были направлены мастера из разных

районов государства. При этом обращает на себя внимание такой факт: 50% кирпичей, для которых была зафиксирована метка, дают лишь три типа знаков (первые три знака в таблице) и среди них преобладает знак в виде двух параллельных полос, пересекающих всю поверхность кирпича (63%). Можно предположить, что это метка работников, находившихся в непосредственном подчинении "дворцового ведомства". Что же касается двух других преобладающих знаков, то они могли принадлежать каким-то территориальным или общинным объединениям, находившимся в непосредственной близости от места сооружения династического центра.

[*] (*Таблица подготовлена А. Н. Гертманом. Им же произведен подсчет знаков.*)

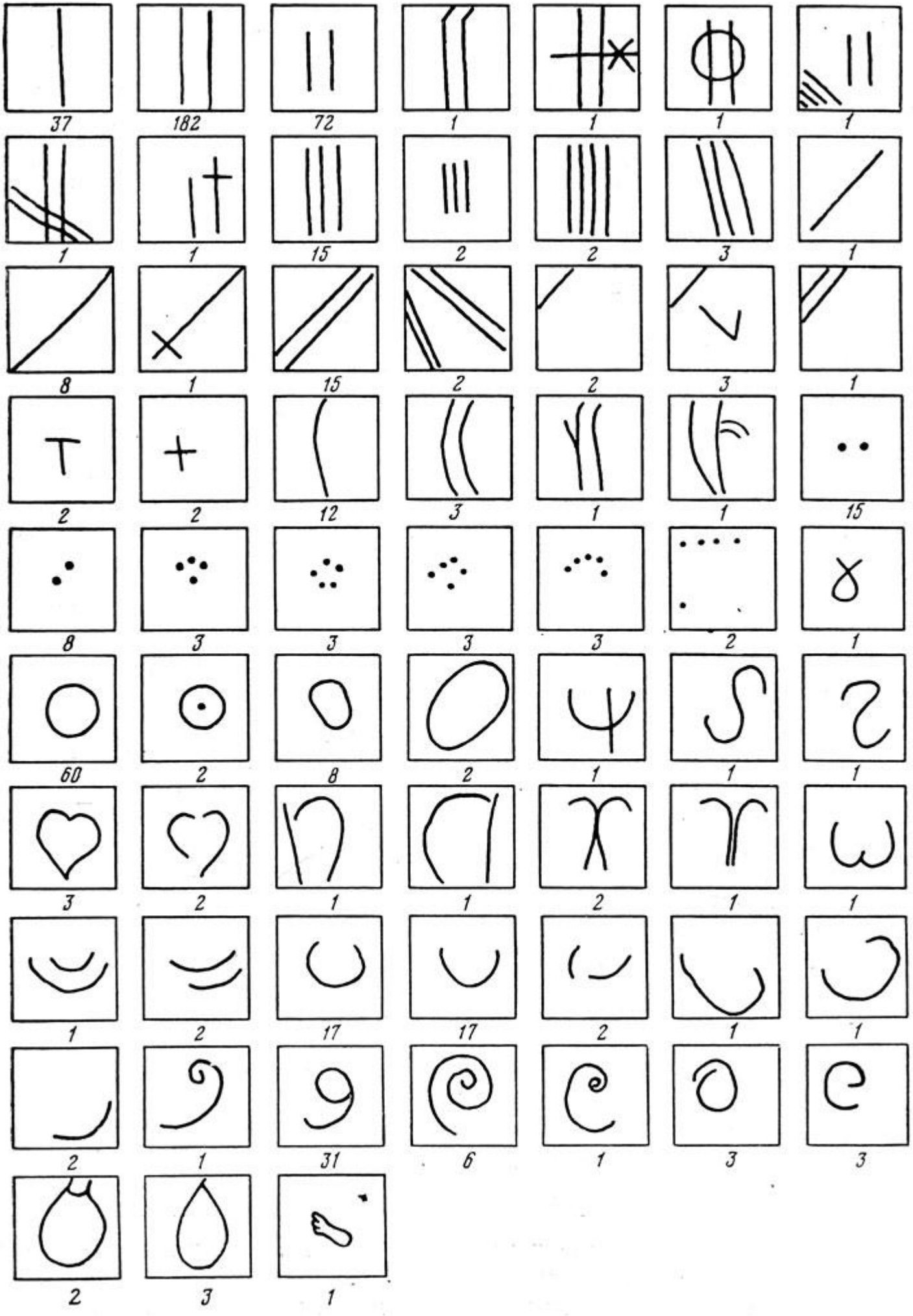

37
182
72
1
1
1
1
1
1
15
2
2
3
1
8
1
15
2
2
3
1
2
2
12
3
1
1
15
8
3
3
3
3
2
1
60
2
8
2
1
1
1
3
2
1
1
2
1
1
1
1
2
17
17
2
1
1
2
1
3
3
2
3
1

Рис. 7. Знаки на кирпичах. Цифры обозначают число кирпичей с данным знаком

На каждом из трапециевидных кирпичей на одной из его постелей имеются глубокие следы от пальцев - борозды, идущие в направлении от широкого основания к узкому (рис. 8). Однако это не тамги, а специальный технический прием, имеющий целью увеличение сцепления кирпичей с раствором. Ведь выполнение сводчатых конструкций происходило бескружальным методом - "техникой поперечных отрезков" (см. далее); благодаря этим глубоким вмятинам обеспечивалось более надежное прилипание кирпичей к ранее выведенным кольцам свода. Это вместе с наклоном колец в процессе работы (пока не уложен замковый кирпич) предохраняло кирпичи от сползания. Вмятины от пальцев проводились сверху вниз для того, чтобы углубленная верхняя их часть (место, где пальцы втыкались в глину) усиливала эффект сопротивления сползанию.

Рис. 8. Борозды на сводовых кирпичах. Рухнувший свод в помещении 102

В конструкциях стен (а в одном случае - и арки, перекрывающей нишу) были применены, правда в очень небольшом количестве, обожженные квадратные кирпичи, которые из-за небольшой толщины (3,5-5 см) можно назвать керамическими плитками. Их размеры колеблются в пределах 35-40 см. Они использовались также при устройстве лотков водоотводных желобов, различных вымосток и облицовок и, очевидно, для выстилки кровель. Везде они скреплялись алебастровым раствором.

Из лёссовой глины кроме кирпичей формовались также детали для рельефной отделки интерьеров: элементы карнизов, решеток и т. п. Пахса в виде больших пластов была применена только в конструкции платформы, на которой стоял дворец.

При строительстве широко использовался серый аллювиальный песок - превосходный строительный материал, не требующий никакой предварительной обработки (даже просеивания). Он шел как добавка к лёссовой глине при изготовлении кирпичей, связующих растворов и штукатурок для увеличения их пластичности и предотвращения растрескивания при высыхании. Кроме того, он применялся и в чистом виде при

устройстве закладок, подсыпок, вымосток и, главное, в конструкции внутренней части платформы.

Древесина применялась в конструкциях дворца главным образом для изготовления балок плоских перекрытий и колонн. Колонны, служившие опорами для балок перекрытия, достигали в диаметре 50 см (судя по размеру верхней площадки одной из горшковидных каменных баз, который удалось определить по осколкам). Произведенные нами ориентировочные расчеты покрытий по деревянным конструкциям при взятых средних нагрузках, пролетах и шаге выявили сечение основных несущих элементов (главных балок) с максимальными размерами по высоте в 28-30 см, (в некоторых случаях эти размеры должны были достигать даже 35-40 см). Возможно, часть бревен для наиболее рационального использования полного поперечного их сечения применялась без предварительной отески в брусья.

Из дерева были и другие элементы перекрытий: второстепенные балки и обрешетки, а также перемычки плоско перекрытых проходов, стойки и другие детали, входящие в конструкции этих проходов.

Как строительный материал использовался и камыш, применявшийся в плоских перекрытиях и для гидроизолирующих (дренажных) прослоек.

В конструкциях дворца нашел применение и естественный камень. Это полимиктовый песчаник, из которого были сделаны ступенчатые плинты и горшковидные базы под колонны, а также применявшиеся для расклинки сводов и арок плоские осколки черного султануиздагского амфиболита.

Платформа

Основной массив дворца воздвигнут на огромной, высотой в 14,3 м платформе, имеющей вид правильной усеченной пирамиды, нижнее основание которой 92,5 м. Площадь верхнего основания несколько отличается от квадрата (82,5×83,1 м). Это незначительное несоответствие связано с тем, что, заложив основание платформы в виде точного квадрата, строителям не совсем удалось строго выдержать наклоны ее боковых граней: по разным сторонам они колеблются в пределах 20-22°.

Общая площадь, занимаемая платформой (вместе с вплотную примыкающими к ней платформами дополнительных массивов), составляет 1,52 га. Общий объем кладки, напомним, достигает 183 600 м^3. Для Хорезма такие размеры платформы являются весьма внушительными - среди сооружений подобного рода она не имеет себе равных ни по площади, ни по объему[*].

[*] (*По высоте эта платформа несколько превышает широко известную платформу цитадели Саргона II в Дур-Шаррукине, хотя по площади она во много раз меньше, и это, разумеется, вполне закономерно, так как на ней располагался только дворец, а платформа цитадели Саргона вмещала, кроме дворца, еще храмы и дома приближенных (Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М.: Изд-во лит. по строительству, 1970, с. 209).*)

Размещение дворца на столь мощной и высокой платформе, помимо задач оборонительного характера, несомненно преследовало и иную - художественно-психологическую цель. Неприступность, массивность, тяжесть сооружения, подавлявшего даже окружающий ландшафт, - все это средствами архитектуры утверждало идею незыблемости, величия и святости власти царей Хорезма.

Имеющиеся данные, хотя и недостаточно полные, позволяют судить об основных конструктивных решениях, примененных при сооружении платформы (рис. 9). Она представляет собой прямоугольник мощных кирпичных стен - своеобразный панцирь шириной по верху 7 м, заполнение которого состоит из кирпичей, лежащих в песке, и кладки на глиняном растворе. По тщательности выполнения последняя значительно уступает кладке панциря, что вполне естественно. Заложенные в трех местах шурфы (в Зале царей, у входа в Тронный зал и посредине помещения 48) показали, что это заполнение кончается на отметке 11,45 м. До низа платформы пройти шурфами не удалось: в самом глубоком из них (пройденном на 4,3 м) у северной стены Тронного зала кирпичное заполнение прослежено лишь на глубину до 1,5 м. Выше него идет забивка пахсой, уложенной в три слоя, каждый из которых имеет толщину в 0,9-1,1 м. Эта забивка сделана из хорошо промешенной глины, но уложены слои довольно небрежно, вертикальной нарезки на блоки не имеют, из-за чего сильно растрескались. Не выдержана также горизонтальность шва между слоями пахсы, что свидетельствует о небрежности ее укладки, которая никогда не допускалась хорезмийскими мастерами при кладке наружных пахсовых стен. Это разумный подход строителей при выполнении конструкций, не образующих видимой архитектурной формы и имеющих лишь утилитарное назначение. Эти слои пахсы идут в виде длинных лент, притом не сплошь по всей площади платформы, а локализуются внутри каждого из больших помещений, обрываясь у стен. Образующиеся таким образом между помещениями "траншеи" заполнены кирпичами на песке, являясь как бы фундаментами под стены. Под группами небольших помещений такая система не прослеживается.

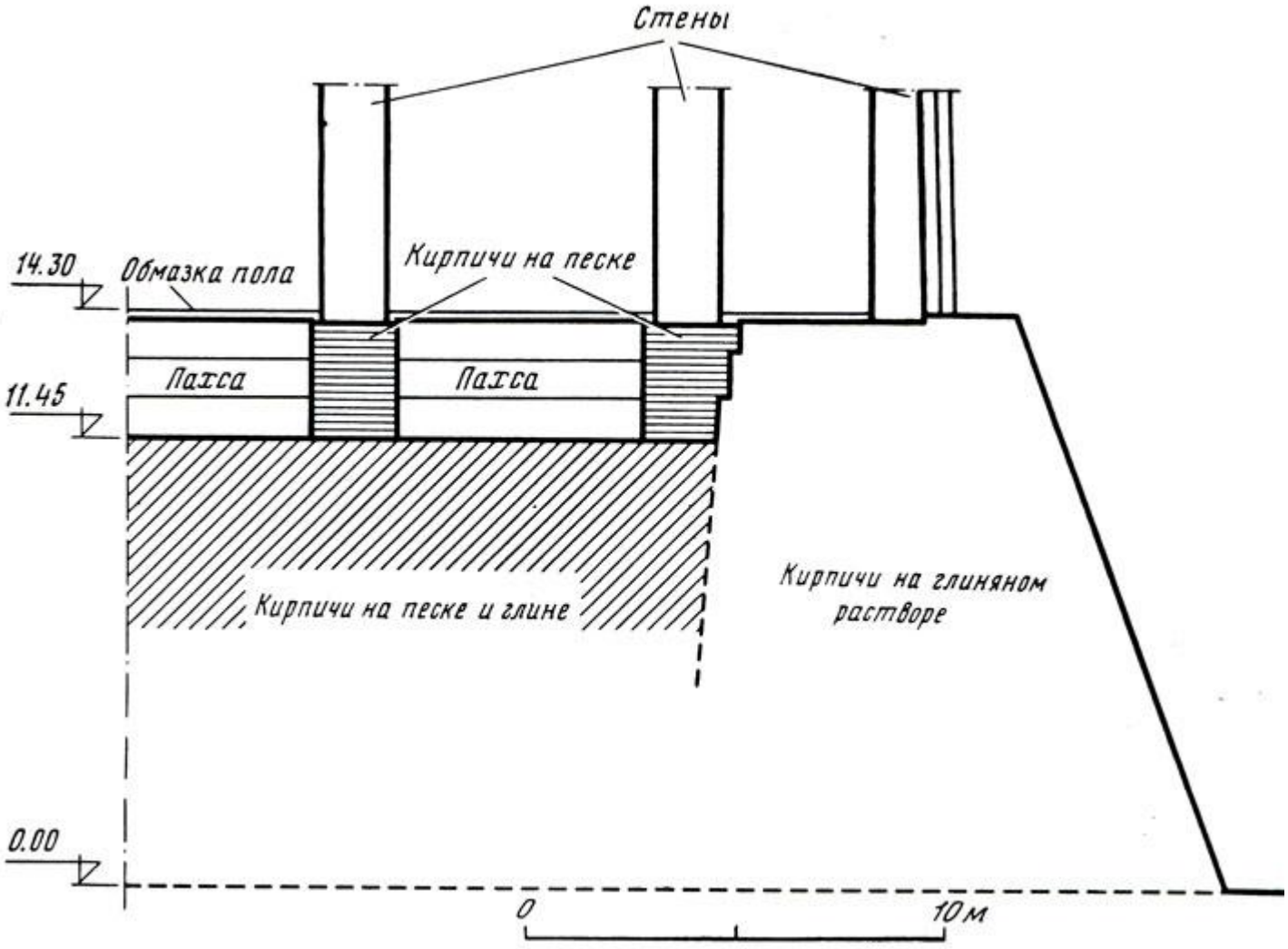

Рис. 9. Конструкция платформы Центрального массива дворца

Знаменательно, что, если принять верхнюю отметку кирпичной закладки в шурфе (низ пахсы), пробитом в помещении 48, за нулевую, то отметка ее выхода в шурфе в Тронном зале (помещение 11) составляет 8 см, а в шурфе в Зале царей (помещение 32) - 12 см. При расстоянии между крайними шурфами в 50 м такое небольшое колебание в отметках тем более для скрытой конструкции практически несущественно, но и такая незначительная разница в уровнях не была оставлена строителями без внимания и снивелирована при возведении пахсовых рядов и затем при устройстве полов.

Благодаря важному строительному качеству песка - его способности (по сравнению с другими строительными материалами) равномерно распределять давление на большую площадь (вследствие минимального угла естественного откоса и зернистости структуры) - он используется и в современном строительстве в качестве подушек под основания фундаментов при неблагоприятных грунтах. Архитектура же античного Хорезма вовсе не знала фундамента в современном его понятии, т. е. находящейся ниже поверхности земли конструкции, передающей и распределяющей давление от вышележащих конструкций на грунт. Ведь материал грунта, на котором стоит здание, и материал, из которого оно возводилось, был одним и тем же - лёссом, что не требовало ни заглубления фундамента, ни подсыпок.

И все же в данном случае мы встретились с наличием фундамента под стены, правда, заглубленного не в грунт, а в массив платформы (см. рис. 9). Особенности этого

своеобразного фундамента заслуживают более внимательного рассмотрения. Причиной его устройства несомненно является сейсмичность этого района. Поэтому основное внимание строителей было направлено на выработку конструктивных приемов, противостоящих такому грозному разрушительному фактору, как землетрясение. Песок, являясь сыпучим материалом, при подземных толчках и вибрации ведет себя не как твердое тело, а подчиняется в этот момент физическим законам жидкости: покоящиеся на нем конструкции получают возможность некоторого смещения без разрушений, как бы плавают. Таким образом, устройство ленточных фундаментов, состоящих из кирпичей, прослоенных песком, делает опирающиеся на них стены более надежными в сейсмическом отношении.

Следует отметить, что песок является идеальным материалом при устройстве антисейсмических конструкций только при условии, если он строго ограничен в своем перемещении. Поэтому под полами больших помещений и были уложены слои пахсы, локализующие песок в образованных ими траншеях.

Поскольку плоско перекрытые залы несомненно освещались через большие световые люки (а в двух случаях представляли собой перистили) и попадающие на их полы атмосферные осадки, не фильтруясь сквозь толщу пахсы и скапливаясь у стен, создавали бы угрозу размокания их оснований (что, как известно, опасно для конструкций из лёсса), то такие траншеи, заполненные кирпичом, перемежающимся с песком, служили к тому же дренирующими устройствами. Ведь песок не задерживает надолго попадающую в него влагу, легко ее отдает и поэтому является хорошим дренирующим материалом. Там, где под основания стен невозможно было подвести дренажную конструкцию из песка, дренирующим устройством служили прослойки камыша.

Описанные траншеи закладывались строителями на 11-метровой отметке, безусловно, по предварительно намеченному на этом уровне направлению и расположению основных стен, опираясь на задуманную заранее и четко представляемую систему всей планировки - иначе невозможно объяснить такую точность их выхода на поверхность платформы. Ведь траншеи возводились снизу вверх, и заполнение их шло, по-видимому, постепенно, вместе с наращиванием слоев пахсы.

Понимая, что внешние стены в сейсмическом отношении будут находиться в других, значительно худших условиях, так как они покоились на жесткой конструкции панциря платформы, зодчие сделали попытку повысить их устойчивость путем устройства часто расположенных контрфорсирующих их выступов-пилонов (см. далее).

Перед возведением внутренних стен поверхность платформы была снивелирована: местами строительным мусором, а в наиболее ответственных участках (больших помещениях и главных залах) рядами уложенных на глиняном растворе кирпичей - и затем покрыта слоем обмазки.

Платформы Северо-западного, Северо-восточного и Южного массивов и платформа входа внешними своими характеристиками представляют собой такие же конструкции, что и рассмотренная выше платформа Центрального массива дворца. Правда, платформа входа имеет более крутую восточную грань и, как мы полагаем, шла тремя террасами (см. рис. 6). Субструкции этих платформ не вскрывались. Следует лишь отметить, что Северо-восточный массив, возведенный, как и Южный, позже основного Центрального массива, поглотил в толще своей платформы участок городской крепостной стены, примыкающей к платформе Центрального массива.

Стены

Все стены дворца, как внешние, так и внутренние, стоят на выровненной поверхности платформы и сложены из сырцового кирпича. Исключение составляют лишь некоторые участки внутренних стен, где были применены обожженные кирпичи. Пахса при возведении стен нигде не применялась.

Внешние стены. Поскольку внешние стены, их конструкции и облик играют первостепенную роль в формировании архитектурно-художественного образа дворца и, главное, его объемного решения, их анализ особенно важен. Фасадные линии этих стен сохранились лишь на двух участках: там, где они были "законсервированы" пристроенными позже Северо-восточным и Южным массивами дворца. На первом из этих участков был установлен характер обработки углов здания (рис. 10), на втором удалось раскрыть линию фасада на протяжении 17 м - по всей ширине Южного массива (рис. 11). Таким образом, нам представилась возможность восстановить картину пластической обработки стен по всему периметру дворца. При этом, если для угла здания мы получили лишь контур, так как стены здесь сильно смыты, то южный останец стены сохранился на гораздо большую высоту - до 7,37 м, а это, как мы увидим дальше, всего на 2 м ниже определяемой ее изначальной высоты (считая до верха перекрытия дворца).

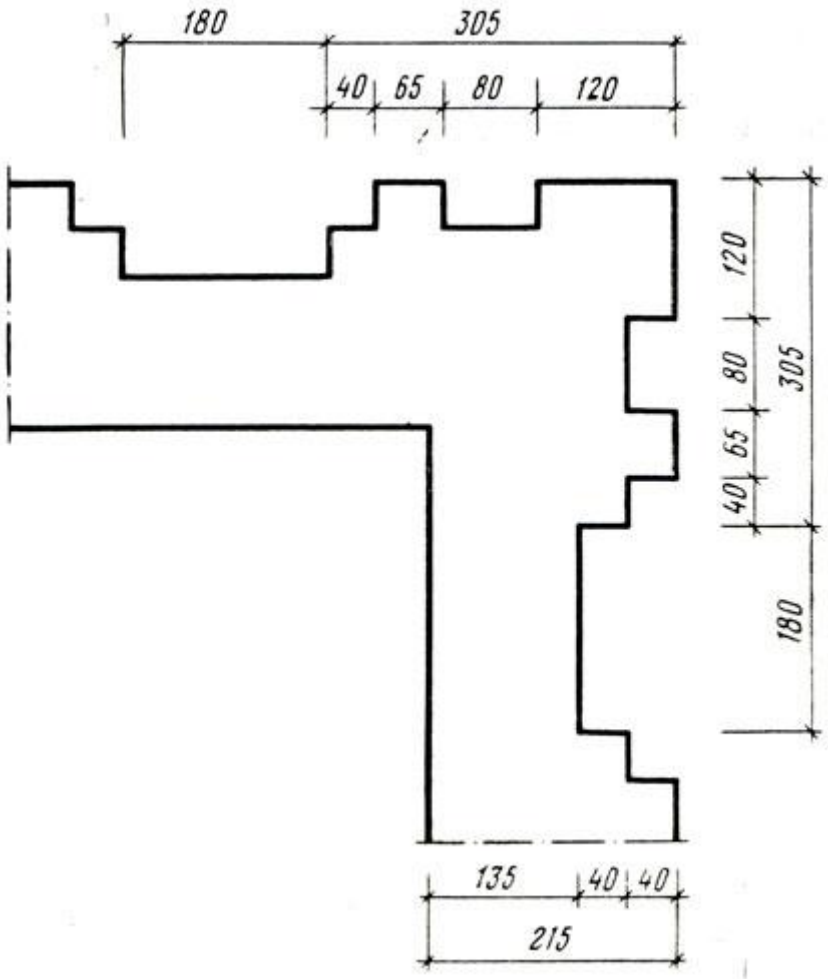

Рис. 10. Оформление северо-восточного угла Центрального массива дворца. План

Рис. 11. Внешняя стена Центрального массива дворца в месте примыкания Южного массива. Восточный участок южной стены. Вид с юга. В процессе раскопок разобрана метровая толща кладки платформы Южного массива и раскрыт уровень кладки с отметкой около 21 м. На выступах и в нишах видна глиняная штукатурка, покрытая алебастровой побелкой. Снимок 1947 г.

Внешний контур стены имеет в плане весьма сложные очертания (рис. 12а). Она обработана ритмически расположенными выступами шириной 2,9 м и выносом 0,4 м, размещенными на расстоянии 1,8 м друг от друга. Каждый из них в свою очередь также имеет по два выступа шириной 0,65 м и выносом тоже по 0,4 м с промежутком между ними, равным 0,8 м[*]. Общая толщина стены при этом равна 2,15 м.

[*] (*В этих размерах в натуре наблюдаются небольшие колебания (в основном за счет различия в ширине швов кладки), и поэтому они нами усреднены.*)

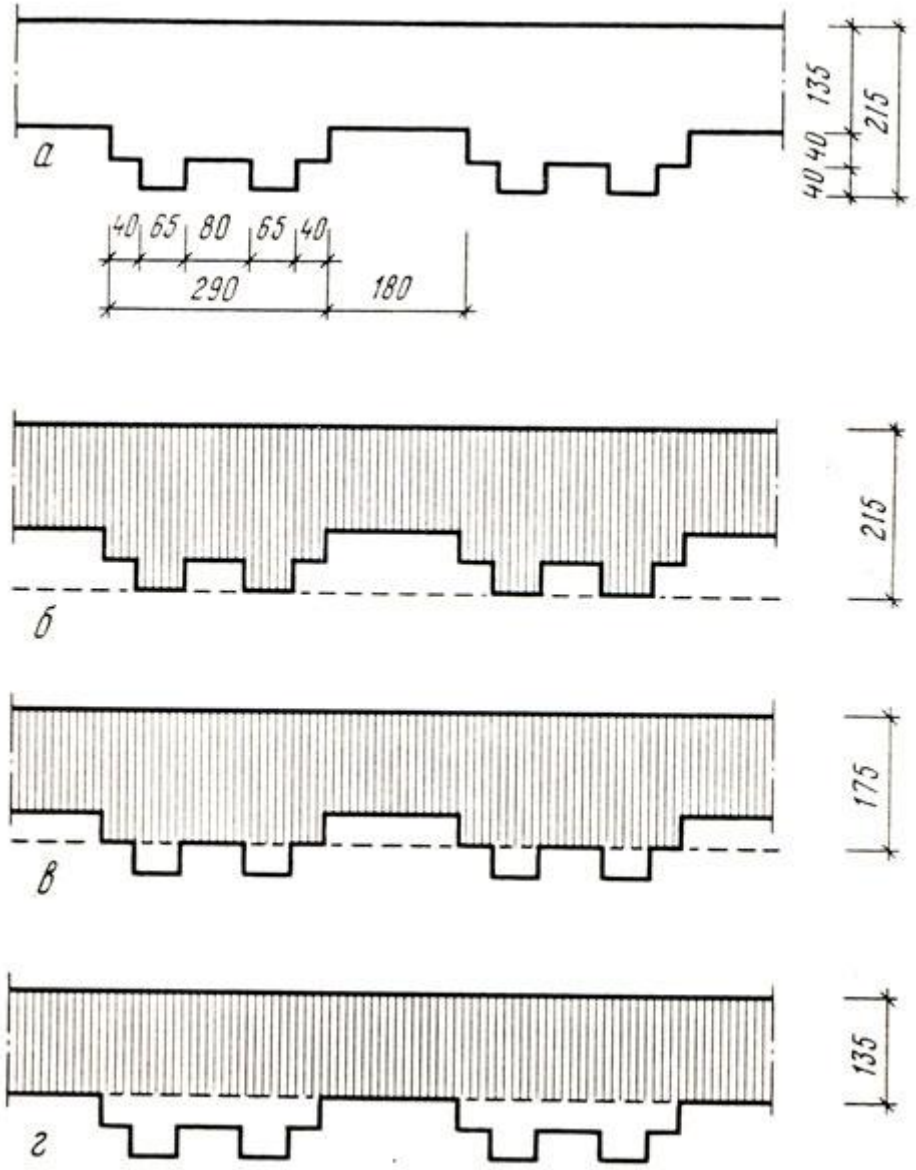

Рис. 12. Внешняя стена Центрального массива дворца: а - план (фрагмент); б-г - варианты трактовки обработки фасада стены

В зависимости от того, что принять за основную плоскость стены, где провести ее фасадную линию, можно трактовать ее пластическую обработку в трех вариантах. В одном случае, если принять за плоскость стены самую внешнюю в плане ее линию (рис. 12б), то ее пластическая обработка может быть представлена в виде раскрепованных в плане ниш (либо двух ниш - "перспективных", размещенных одна в другой), между которыми расположены более узкие и менее заглубленные ниши. В другом случае, если считать, что основная стена имеет толщину 1,75 м, т. е. за ее плоскость принять линию, проходящую по задней стене малых ниш, то можно заключить, что фасад обработан одинарными нишами, в простенках между которыми размещены по два выступа-лопатки (рис. 12в)[*]. И, наконец, по третьему варианту, считая стену толщиной в 1,35 м, ее плоскость может быть представлена в виде широких выступов, каждый из которых обработан двумя лопатками (рис. 12г).

[*] (*В литературе такие выступы иногда называют пилястрами. Однако, если строго придерживаться архитектурной терминологии, то пилястры должны повторять все части того или иного архитектурного ордера, т. е. иметь базы и капители, а в лопатках, в отличие от них, не выделяются ни основание, ни завершение.*)

В реконструкции стены мы остановили свой выбор на последнем варианте. И вот почему: широкие и глубокие ниши (вариант первый) требуют решения довольно сложного вопроса об их перекрытии. Эти конструкции должны были постоянно подвергаться разрушающему воздействию атмосферных осадков и выветриванию, так как они в данном случае открыты и ничем не защищены. Кроме того, плоскость стены, обработанная разного размера нишами половина из которых еще к тому же раскрепована в плане, представляется излишне усложненной и изрезанной настолько, что сама она зрительно исчезает.

Во втором случае дело обстоит значительно проще в смысле осуществления перекрытий ниш, но и такой вариант не лишен, на наш взгляд, того же недостатка в композиционном отношении, что и первый, правда, в меньшей степени, хотя и вводится новый архитектурный мотив - лопатки, которые, чередуясь с нишами, также усложнили бы фасад.

И лишь в третьем варианте вся композиция фасада смотрится проще, лаконичнее и выразительнее: ниши вовсе отсутствуют, остается лишь один декоративный элемент - лопатки, размещенные на выступающих частях стены. Такое решение небезынтересно и в конструктивном отношении: эти выступы, укрепленные к тому же лопатками, как бы контрфорсируют стену, что необходимо, если учесть ее относительно небольшую толщину, значительную протяженность и отсутствие сейсмозащитных мер.

Избранный нами вариант подкрепляется и с позиций фортификации. Ведь дворец, естественно, должен был быть укреплен, так как, размещаясь в углу города и продолжая своими фасадами линии городских укреплений, он входил тем самым в систему этих укреплений. Сам дворец, располагаясь на высокой крутой платформе, был в достаточной мере труднодоступен, и поэтому не было нужды в создании пояса обороны по всему его фасаду (скажем, валганга и т. п.). Но все же необходимость контроля подножья платформы оставалась и требовала создания хотя бы отдельных оборонительных ячеек - "огневых точек". Выступающие части фасада - пилоны, укрепленные по верху парапетом с зубцами, и могли служить такими оборонительными ячейками - стрелковыми площадками. Размеры пилонов в плане были для этого вполне достаточны.

Одним из самых сложных вопросов при попытках воссоздания первоначального облика сооружения является определение высоты его внешних стен. В этой связи нас в первую очередь, естественно, должно интересовать определение высот примыкающих к этим стенам периферийных помещений дворца. Для этого необходимо было найти в руинах какие-то твердые точки, опираясь на которые, можно было бы произвести соответствующие расчеты, выкладки и доказуемые логические построения.

На памятнике существует всего три места, где мы можем получить походные данные для расчетов, но и это дает возможность путем сопоставления результатов определить наиболее близкую к истинной интересующую нас цифру. Это юго-восточный угол планировки в месте примыкания Южного массива, ее южная часть и северо-западная, охваченная Северо-западным массивом, благодаря чему некоторые помещения первого этажа в этом месте сохранились полностью и частично уцелели даже контуры нескольких помещений второго этажа.

В первом из этих мест благодаря пристроенному несколько позже Южному массиву стены помещений 89 и 90 сохранились на довольно значительную высоту. Множество трапециевидных кирпичей (сводовых) в завалах этих помещений показывают, что они

были перекрыты сводами. В южной стене помещения 89, более высокой и являющейся внешней стеной дворца, сохранившейся с внутренней стороны на высоту 6,5 м, следов пяты свода не обнаружено. Для определения минимальной высоты этого помещения мы допустили, что обрушенная пята свода находилась выше внутренней поверхности останца стены хотя бы на один ряд кирпича (а это составляет вместе с нижним и верхним швами около 20 см), и построили контур свода стандартной для этого памятника кривизны. Высота стрелы подъема кривой при этом оказалась равной 1,92 м, а следовательно, общая высота помещения - 8,6 м (рис. 13).

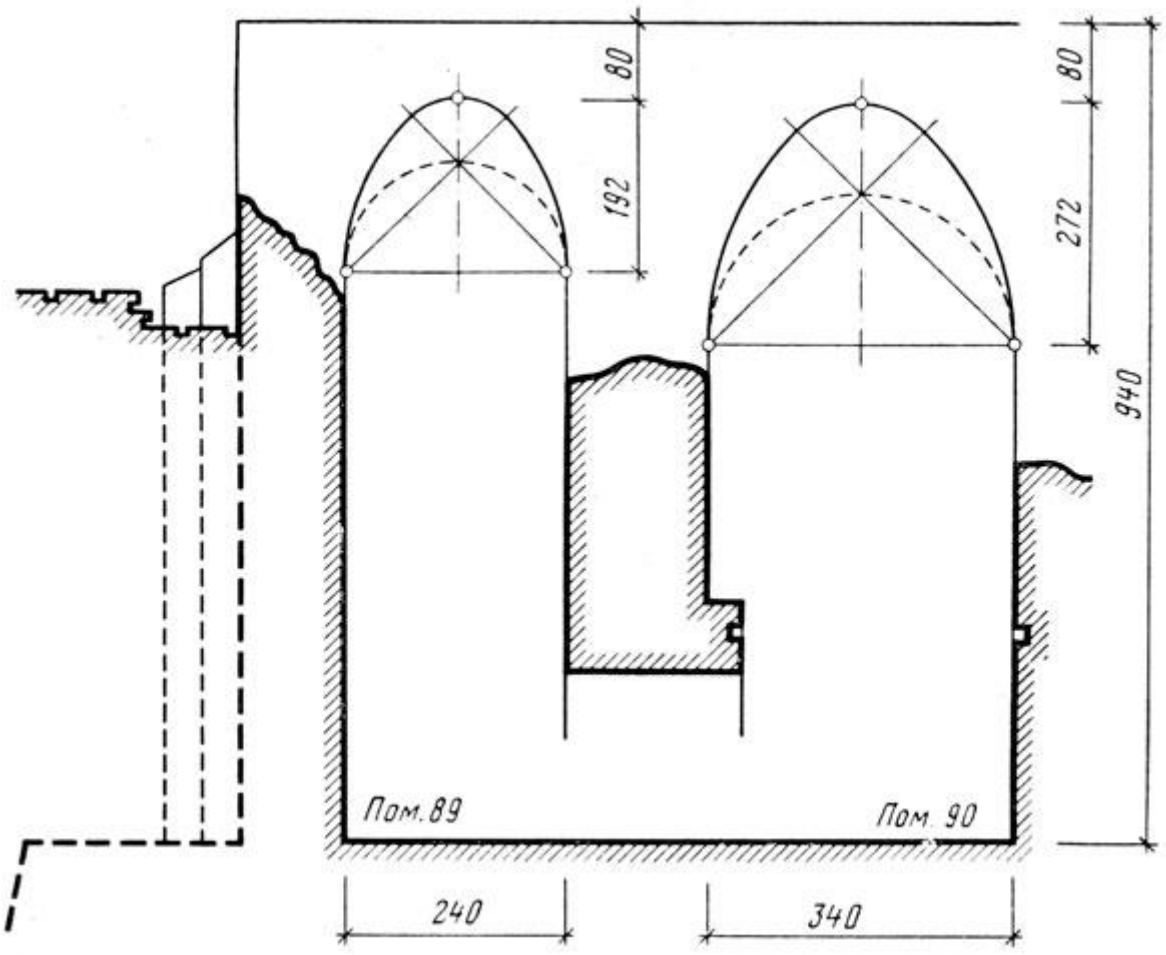

Рис. 13. Помещения 89 и 90. Определение высоты перекрытия

Для проверки мы построили кривую свода помещения 90, смежного с помещением 89. Разумеется, эти помещения имели одинаковую высоту, но поскольку первое имеет больший пролет, то пяты перекрывавшего его свода должны были быть расположены ниже. Определив величину стрелы подъема этого свода как 0,8 от его пролета (см. далее), мы решили обратную задачу - вычислили предполагаемый уровень расположения его пят. Оказалось, что одна из них (в южной стене) располагалась так же, как и в южной стене помещения 89, - несколько выше уровня внутренней поверхности останца. Таким образом, если прибавить к высоте этих помещений размер толщины перекрытия равный 0,8 м (она слагается из размера по высоте замкового кирпича свода, одного-двух рядов кладки над ним и толщины гидроизолирующего слоя), мы получим отметку верха перекрытия над уровнем платформы, выражающуюся цифрой 9,4 м. Соответственной должна была быть и минимальная высота внешних стен дворца.

Во втором из интересующих нас мест помещения, примыкающие к внешней южной стене дворца, представляют собой отдельные выходящие в общий коридор одинаковые двухэтажные ячейки. Одна из них, состоящая по первому этажу из помещений 75 и 76,

сохранилась значительно лучше, чем остальные. На отсутствующий в настоящее время второй этаж вела двухмаршевая лестница, от которой сохранился лишь один марш, заканчивающийся промежуточной площадкой, расположенной на 2,3 м над уровнем пола. Поскольку нет оснований считать, что этажи по высоте были разными, так как планировка второго, по-видимому, повторяла планировку первого и к тому же функционально они тоже были одинаковыми, то определив уровень пола второго этажа и удвоив эту величину, мы тем самым получим отметку верха перекрытия над вторым этажом - т. е. кровли дворца.

Отметка пола второго этажа по отношению к уровню первого, естественно, равна удвоенной отметке промежуточной площадки, соединяющей этажи двухмаршевой лестницы - т. е. 4,6 м, а отсюда следует, что искомая отметка кровли дворца равна 9,2 м - величине, очень близкой к вычисленной нами выше (9,4 м).

В третьем из указанных мест - в одном из помещений, занимающем северо-западный угол планировки Центрального массива дворца (помещение 46; по второму этажу - II-4 и II-5), наиболее сохранившаяся северная стена имеет высоту 8,5 м от поверхности пола, причем на уровне 8 м (отметка 22,17 м) в ней сделан горизонтальный уступ. На первый взгляд он может быть принят за конструкцию, связанную с устройством плоского перекрытия, но гнезд для балок такого перекрытия в этой зоне не обнаружено. По-видимому, этот уступ был предназначен для установки какого-то фриза, завершающего стены помещения, и в таком случае может служить косвенным свидетельством того, что перекрытие было расположено несколько выше этого места. За минимальную высоту его расположения можно принять отметку верха останца северной стены (8,5 м), при этом несколько увеличенную хотя бы на один ряд кирпичной кладки (20 см), как мы это делали при определении уровня пяты свода в помещении 89. В результате, прибавив к этим размерам размер толщины перекрытия (0,8 м), мы для уровня его верха получаем, как и в предыдущих случаях, почти ту же цифру - 9,5 м.

Сохранившийся участок поверхности пола в помещении II-7 второго этажа, расположенного над помещениями 43 и 45, имеет отметку по отношению к полу первого этажа 4,7 м, удвоив которую, так же как и при определении высоты южного фасада, мы для отметки верха перекрытия получаем опять-таки цифру 9,4 м.

Итак, в результате приведенных выше исчислений предположительной высоты стен Центрального массива дворца, получив во всех случаях практически единый результат (9,4; 9,2; 9,5 и 9,4 м), мы определяем размер стен по высоте равным среднему из них - 9,4 м.

Приняв трактовку фасада, которая нам кажется предпочтительней (по третьему варианту, см. ранее) - как плоскость стены, ритмически расчлененную выступами-пилонами, сделаем попытку их реконструировать. Оформляющие фасадную плоскость лопатки несомненно шли не на всю высоту стены, а имели какое-то общее завершение. Так же как и в случае определения высоты пяты свода в южной стене помещения 89, мы считаем, что обрушение завершения лопаток произошло в зоне, несколько превышающей передний край их останцов, т. е. на отметке 20,9 м. Таким образом, фасад пилона нам представляется в виде двух выступающих из его передней плоскости лопаток высотой 7,05 м, шириной 0,65 м и выносом 0,4 м каждая, расположенных на расстоянии 0,8 м друг от друга. Выше, заподлицо с их передней гранью, продолжалась стена пилона, производя впечатление покоящейся на них уширенной башенки (рис. 14).

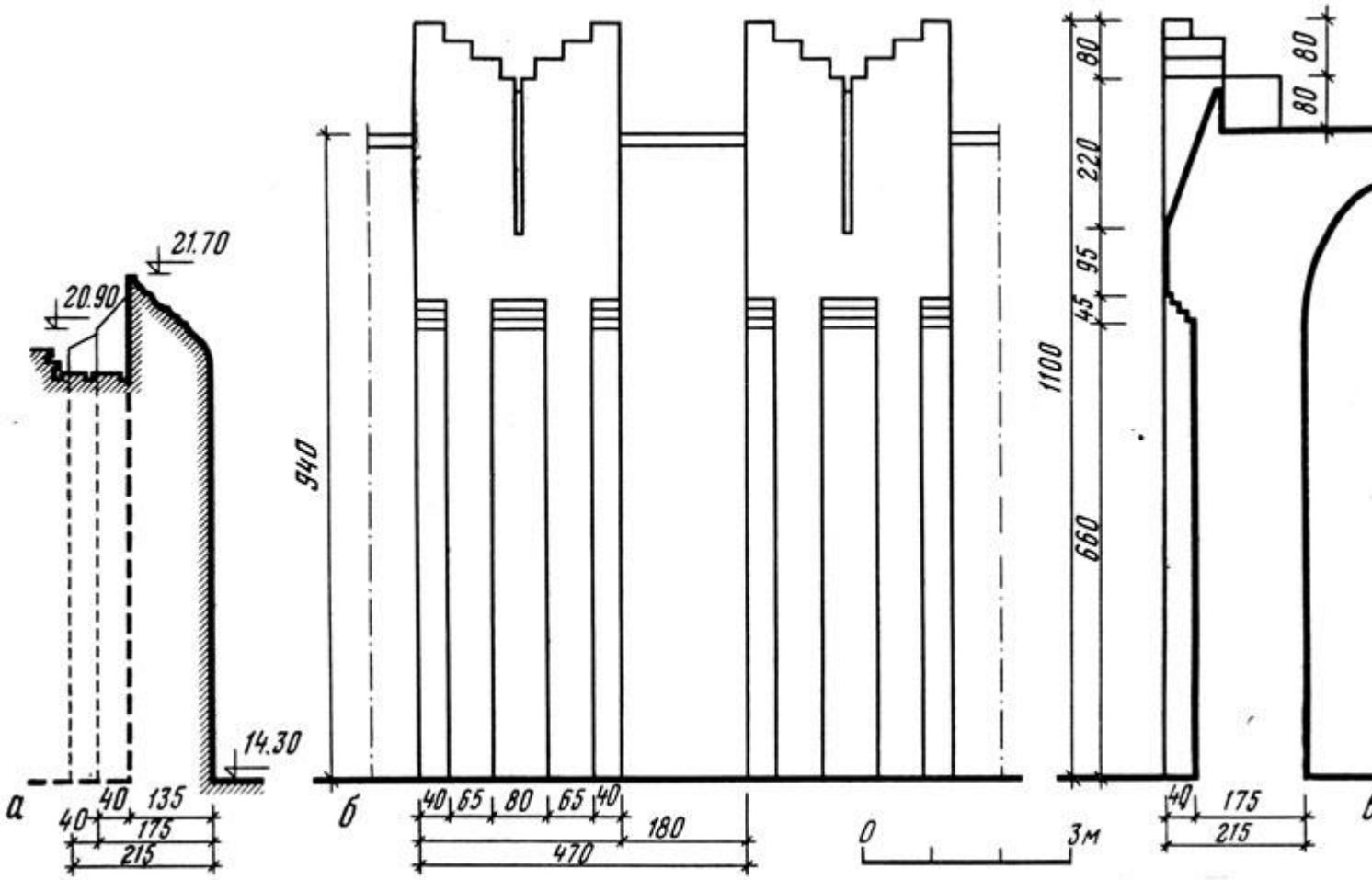

Рис. 14. Реконструкция внешней стены Центрального массива дворца: а - останец стены у юго-восточного угл (разрез по участку между пилонами); б - фрагмент фасада; в - разрез по оси бойницы

Такие башенки, завершающие узкие высокие выступы стен, действительно известны в древневосточной архитектуре. Их мы находим в произведениях монументального и прикладного искусства (ассирийские барельефы, урартские бронзовые модели и т. п.). В Урарту, например, на фрагментах моделей жилых домов воспроизведена трактовка фасадов, весьма схожая с той, которую мы предлагаем: разделяющие их обработанные лопатками выступы завершаются более широкими укрепленными ступенчатыми зубцами башенками (бронзовый рельеф в Топрак-кале)[*]. В нашем случае переход от плоскости верхней части пилона к плоскости стены, обработанной лопатками, осуществлялся, видимо, ступенчато, из выступающих друг над другом кирпичей, как и в нишах реконструированной нами городской крепостной стены[**]. Это является единственным вариантом, так как ни рядовую перемычку по балкам, ни тем более арочную конструкцию в данном конкретном случае осуществить невозможно.

[*] (*ВИА, с. 261; Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М.: Изд-во вост. лит., 1959, с. 204, рис. 57 и табл. XXXV, б; Herzfeld E. Archaeological History of Iran. L., 1935, p. 8.*)

[**] (*Городище Топрак-кала, с. 59, рис. 32 и с. 64.*)

Зубчатые парапеты, завершающие пилоны и ограждающие расположенные на них стрелковые площадки, мы приняли по высоте равными 1,6 м. Нет необходимости в превышении этого размера, так как высокорасположенная передняя кромка зубца как бы повышает его над головой стоящего воина, средний рост которого примерно равен 1,65 м[*].

Части парапета между зубцами, в которых прорезаны наклонные бойницы, мы приняли возвышающимися над уровнем площадки на 0,8 м. Для бойниц, расположенных между зубцами крепостной стены города, их входные отверстия были приняты нами возвышающимися над уровнем поверхности валганга на 0,9 м[**], но в данном случае этот размер нами уменьшен. Ведь помимо того, что по мере повышения уровня бойниц в стене уклоны их лотков возрастают, их входные отверстия для большего удобства при стрельбе сверху вниз должны одновременно понижаться над уровнем стрелковой площадки.

[*] (*Средний рост воина - 165 см, подтвержденный данными палеоантропологии, был исчислен нами при исследовании бойниц внешнего кольца обороны Кой-Крылган-калы (см.: Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. - IV в. н. э. - ТХЭ, 1967, т. V, с. 296).*)

[**] (*Городище Топрак-кала, с. 59, рис. 32а.*)

Более крутой уклон лотков бойниц в пилонах дворца, чем лотков бойниц валганга крепостной стены города, был принят нами не только из приведенных выше соображений, но и потому, что им, видимо, была определена другая задача. Бойницы валганга обеспечивали защиту только дальних подступов, являясь вторым ярусом обороны (защита подножья стены осуществлялась первым ярусом - из бойниц стрелковой галереи). Из бойниц же пилонов дворца должна была осуществляться и защита подножья платформы, ибо дворец имел только один ярус обороны - стрелковые площадки пилонов.

Если принять размер расстояния между зубцами, равным расстоянию между ними на крепостной стене города - 0,5 м, то каждый из зубцов будет по ширине соответствовать угловым зубцам башен этой стены - 1,2 м (рис. 15). Угловые зубцы этих башен несколько шире остальных, поскольку к ним примыкают боковые стены, в противном случае к крайним бойницам не было бы доступа. Учитывая ширину зубцов пилонов, равную в основании 1,2 м, а высоту - 0,8 м (шесть рядов кладки), можно представить их силуэт в виде трех ступеней шириной в кирпич и высотой в два кирпича каждая (рис. 16). Парапет был, естественно, тоньше стены, что помогало решить вопрос об устройстве поверх пилонов стрелковых площадок. При толщине парапета в два кирпича на пилоне могла быть получена площадка размером по фронту в 1,3 м, что вполне достаточно для размещения стрелка.

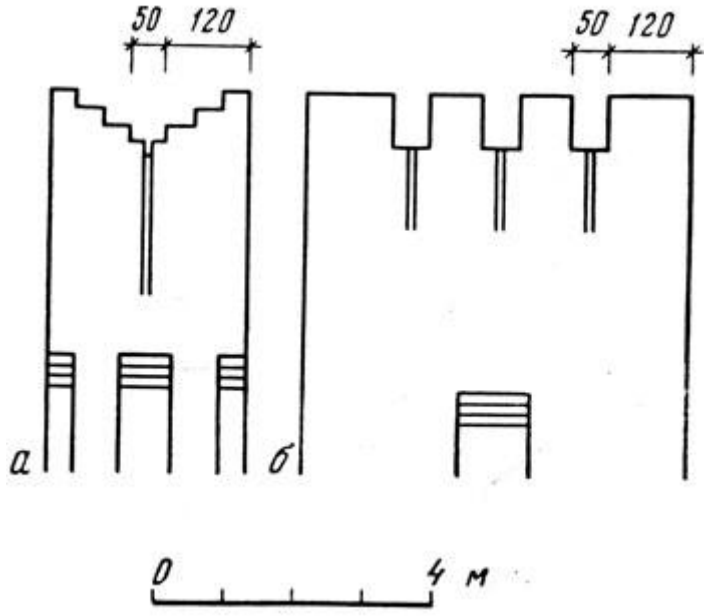

Рис. 15. Зубцы: а - пилонов Центрального массива дворца; б - башен крепостной стены города

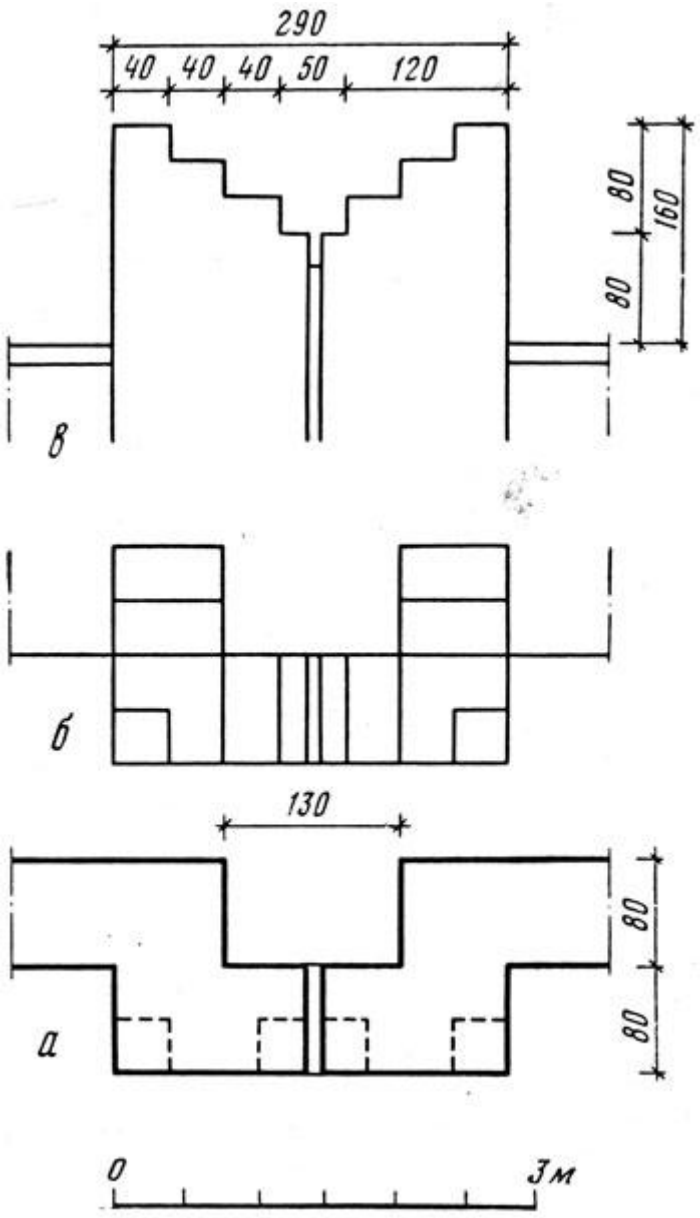

Рис. 16. Стрелковая площадка, образованная парапетом пилона Центрального массива дворца: а - план в уровне бойницы; б - вид сверху; в - фасад

Как было сказано выше, целью устройства бойницы в парапете был контроль за подступами к платформе, на которой располагался дворец. Для того чтобы можно было обстрелять участок у самого подножья платформы, уклон лотков бойниц должен был быть достаточно крутым. Соединив на чертеже профиля пилона прямой линией низ входного отверстия бойницы с подножьем платформы, мы получили уклон ее лотка равным 72°. Ее вертикальный размер по фасаду при этом будет равен 2,2 м (рис. 17а).

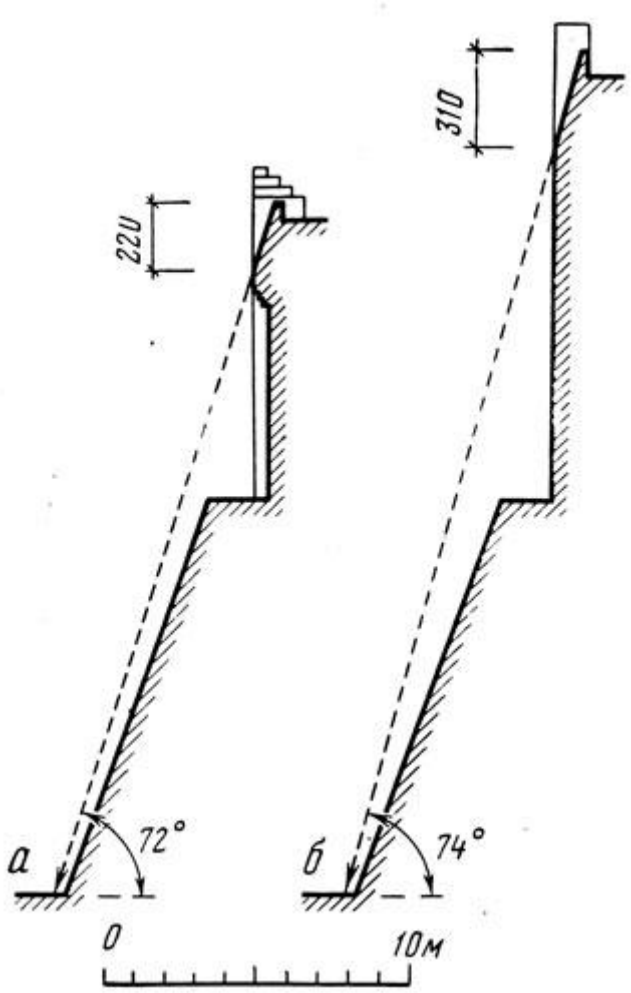

Рис. 17. Определение уклонов бойниц и их размеров по фасаду: а - в пилонах Центрального массива дворца; б - в пилонах Северо-западного массива

Пилоны, расположенные по углам дворца, в месте стыковки фасадов, были решены несколько иначе, нежели расположенные вдоль стен. В целях конструктивного укрепления углов дворца каждая из лопаток, расположенных непосредственно у угла, была расширена, ликвидируя тем самым его раскреповку и создавая нечто вроде углового пилона. Ширина этих лопаток была подобрана так, чтобы опирающаяся на них башенка имела бы поверху ту же ширину, что и остальные (см. рис. 6А).

Участвующий в решении фасадов дворца (западного и северного) его Северо-западный массив, который был возведен практически одновременно с Центральным дворцом, оставил нам только одно указание на его внешнюю обработку: нишу, найденную при раскопках в месте примыкания его восточной стены к северной стене Центрального массива дворца. Остальные внешние поверхности его наружных стен утрачены. Как и при реконструкции внешней стены Центрального массива дворца, мы за внешнюю поверхность стены принимаем заглубленную часть ниши, т. е. считаем, что фасад Северо-западного массива тоже представлял собой выступающие из плоскости стены участки (пилоны), также защищенные поверху парапетом с зубцами и прорезанными между ними бойницами.

При этом, однако, полагаем, что зубцы эти были не ступенчатыми, а подобными зубцам городской крепостной стены[*], отличаясь от них шириной - она была равна ширине зубцов пилонов Центрального массива дворца: во-первых, нет оснований предполагать, что завершающая часть пилонов была такой же, как в пилонах Центрального массива дворца, поскольку трактовка их фасадов другая, более простая (они не имели лопаток); во-вторых,

устройство именно таких зубцов - менее усложненных, т. е. придание им более высоких оборонительных свойств за счет уменьшения декоративности, вполне логично, если подойти к вопросу обороны дворца в целом. Весь Северо-западный массив представляет собой мощный "бастион", расположенный на углу дворца, целиком принимающий на себя фланговую оборону его внешних стен (западной и северной). Поэтому не только зубцы, но и вся пластическая обработка его стен, также отличалась, очевидно, большей простотой и лаконичностью, нежели стены Центрального массива дворца. Она осуществлена тем же приемом и в том же ритме, но без усложняющей декоративности, что не только не вступало в противоречие с решением фасадов Центрального массива дворца, но, напротив, подчеркивало их парадность. Отсутствие лопаток, увеличивающих вынос пилонов и тем самым размер стрелковых площадок, в данном случае не уменьшает их размера, так как эти пилоны выступают из плоскости стены почти на ту же величину, что и пилоны Центрального массива дворца вместе с лопатками.

[*] (*Городище Топрак-кала, с. 65, рис. 35.*)

Тем же способом, что и при определении уклонов и вертикального размера бойниц по фасаду для Центрального массива дворца, было определено и то и другое для Северо-западного его массива. Уклон бойниц здесь определен в 74°, а вертикальные их размеры по фасаду получились равными 3,1 м (рис. 17, б).

Внутренние стены. Все внутренние стены дворца имеют различную толщину, которая колеблется в пределах от 0,9 до 3,0 и даже 3,5 м (в основном там, где на них опираются своды смежных помещений). Обращает на себя внимание, что все эти размеры кратны размерам кирпича (со швом) или его половине, что позволяло легко осуществлять перевязку как внутри горизонтальных, так и внутри вертикальных рядов кладки. Система перевязки имеет четко выраженную схему: там, где толщина стены кратна полному размеру кирпичи, все равно вводятся его половинки для смещения (разрезки) продольных вертикальных швов, причем сколотая грань кирпича всегда обращена внутрь стены. Разрезка поперечных вертикальных швов осуществляется в основном двумя способами. При первом шов приходится на середину кирпича нижележащего ряда кладки, при втором он сдвигается по отношению к нижнему шву на некоторую величину, примерно равную толщине кирпича. Практический смысл такого способа перевязки заключается в том, что усилия, возникающие при возможных деформациях, передаются в этом случае не на середину постели кирпича, а на ее край, благодаря чему кирпич лучше противостоит появлению трещин и даже раскалыванию.

Толщина горизонтальных швов между рядами кладки колеблется в пределах 5-8 см. Вертикальные швы, особенно продольные, как правило, тоньше, так как за счет их строгого размера осуществляется правильность перевязки в направлении ширины стены, что позволяет точно выдерживать ее размер, в то время как ширина горизонтального шва (постельного) не оказывает, разумеется, никакого влияния на характер перевязки.

Примыкание взаимно перпендикулярных стен друг к другу в большинстве помещений осуществлено вперевязку. В тех же случаях, где к комплексу одновременно построенных помещений пристраивался ряд новых, примыкание стен осуществлялось "впритык".

Примечательно, что общая площадь, занятая под стены Центрального массива (3310 кв. м), несколько превышает 50% общей площади его застройки (6480 кв. м), полезная же площадь, т. е. сумма площадей помещений, в этом случае равна 3170 кв. м. Такое соотношение общей площади застройки к полезной площади или, другими словами,

отношение полезной площади к площади, занятой под стены, составляет весьма характерную особенность планировки древних сооружений из сырцовых материалов.

Кроме сырцового кирпича, при возведении внутренних стен применялся в относительно небольшом количестве обожженный кирпич - керамические плитки. Они образовывали блоки из "пакетов" плиток по шесть штук в каждом пакете, скрепленных алебастровым раствором. Плитки в пакетах укладывались вертикально, иногда - горизонтально, а пакеты - взаимно перпендикулярно. Такие блоки обнаружены во многих помещениях, причем лежат они в основаниях стен, преимущественно в одной из сторон проходов. Всего в одном случае - в проходе, ведущем к Тронному залу - они расположены с обеих сторон. Иногда блоки состоят из одного яруса пакетов, иногда - из двух и более.

В одном случае из таких плиток сложена на всю свою длину и, по-видимому, высоту поверхность северной сырцовой стены коридора, ведущего в помещение 77 (Зал с кругами). Плитки здесь также уложены пакетами во взаимно перпендикулярном направлении, причем характерно, что вся эта конструкция - отнюдь не произведенная впоследствии облицовка стены. Об этом можно судить по характеру соприкосновения кладок из плиток и сырцового кирпича, которые как бы проникают друг в друга, что свидетельствует об одновременном возведении обеих частей в виде единого монолита.

Из таких же плиток, также в единственном случае, сложена арка, образующая нишу в южной стене помещения 23, что представляется вполне закономерным, ибо она почти прилегает к упомянутой кирпичной конструкции северной стены коридора.

Не думаем, что применение обожженных плиток явилось следствием стремления придать большую прочность отдельным участкам сырцовых стен, поскольку они включены в конструкции этих стен (кроме приведенных выше двух случаев) лишь понизу, в основном только в некоторых проходах, да и то почему-то только по одной из сторон. Весьма затруднительно сказать что-либо определенное по этому поводу. Размещение кирпичных блоков в нижних участках одной из сторон проходов, т. е. там, откуда начинается возведение стен, по-видимому, не случайно. Возможно, с установки этих блоков начиналась разметка планировки, они служили как бы своеобразными маяками - основой, на которую опирались строители при последующем построении плана на поверхности платформы. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, как было отмечено, только в одном случае - при входе в Тронный зал - такие выкладки имеют место по обеим сторонам прохода. Не проявилось ли в этом случае решение зодчих таким приемом закрепить ось центра всей архитектурно-планировочной композиции (главного зала и этим самым - всего Центрального массива дворца), которая идет как раз по проходу на равном от этих выкладок расстоянии?

Разметка всей планировки, очевидно, производилась при помощи бечевы и колышков. Такие разбивочные колышки и обрывки бечевы обнаружены в двух помещениях - 90 и 85. В первом из них при расчистке помещения в углах, примыкающих к его северной стене, обнаружены колышки, а вдоль всей стены, немного заходя под нее, лежали куски веревки, сплетенной из растительных волокон. Во втором помещении в одном из углов также был обнаружен колышек с обрывком бечевы. Эти простейшие разметочные инструменты, с помощью которых была произведена четкая прямоугольная разбивка планировочной схемы, являются одним из неопровержимых доводов в пользу того, что древнехорезмийские зодчие обладали суммой математических знаний, необходимых при строительстве. О высоком уровне математических знаний в древнем Хорезме писал С. П. Толстов[*].

[*] (*Толстов С. П. Бируни и его время. - В кн.: Бируни. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 18-19.*)

Древние строители бесспорно могли производить всевозможные построения планов на местности, основой чего, как известно, было умение расчертить прямой угол, а это является решающим в осуществлении геометрических построений, лежащих в основе планировки. Причем при создании такой правильной прямоугольной планировки им вовсе не было необходимости решать задачу с построением прямого угла для разметки каждого из помещений. Для этого вполне достаточно было построить под прямым углом несколько основных стен, чтобы затем всю планировку размечать путем простых отмеров от них с помощью бечевы и колышков.

Примечательно, что колышки и остатки бечевы были найдены не в главных, а именно во второстепенных помещениях. Ведь направление и место стен главных помещений были заданы еще в процессе возведения платформы закладкой траншей под фундаменты; при возведении непосредственно самих стен, очевидно, вносились только незначительные коррективы. Иначе невозможно объяснить такую точность в их местоположении, тем более что фундаменты под них были заложены еще в толще платформы на отметке 11,45 м (см. рис. 9). Ошибки получились настолько незначительные, что ими можно пренебречь. Например, в Зале царей северная и противолежащая ей южная стены имеют размеры соответственно 19,60 и 19,65 м, западная и восточная - 11,46 и 11,40 м, а в Зале воинов промеры показали еще большую точность: северная и южная стены - по 6,8 м, западная и восточная - 12,13 и 12,11 м. Учитывая, что кладка этих стен произведена из сырцового кирпича и углы, по которым мы вели промеры, получили естественное нарушение и, главное, что при таких больших размерах помещений получившиеся невязки составляют весьма ничтожный процент от длины стен, такую точность нужно признать очень высокой.

Перекрытия

В конструкциях Центрального массива дворца мы встречаемся с двумя видами перекрытия помещений. Это плоские перекрытия по деревянным балкам и сводчатые, выполненные из специально сформованного кирпича. Перекрытие проемов в стенах (проходов) осуществлялось в виде плоских рядовых перемычек из обычного квадратного кирпича, уложенного по деревянным балкам, а также в виде сводчатых конструкций, где наряду со специальным кирпичом применялся и обычный (при выполнении простых клинчатых сводов по опалубкам). Ниши, устроенные в стенах, перекрывались арками[*].

[*] (*Здесь следует оговорить, что аркой мы называем конструкцию только в случае, если перекрываемый ею пролет значительно больше ее размера в глубину, а сводом - наоборот: когда протяженность конструкции в глубину больше перекрываемого ею пролета.*)

Может показаться странным, что такая конструкция, как свод, весьма выгодная для решения интерьера с точки зрения его пластической и пространственной выразительности, применялась лишь для перекрытия второстепенных помещений, а в помещениях, более важных по назначению, осуществлялись плоские перекрытия по деревянным балкам. Но это вполне естественно, так как величина пролета, который может быть перекрыт сводом, весьма ограничена по сравнению с пролетом, который может быть перекрыт перекинутой со стены на стену балкой. При большом пролете помещения в силу довольно ограниченного размера и деревянных балок (как по длине, так и по сечению) вводились промежуточные опоры - деревянные колонны. Так было, например, в Зале побед, где обнаружен каменный плинт под одну из таких колонн, располагавшийся на продольной

оси помещения. Такие балочные конструкции по колоннам были применены и при возведении перистильных залов: Тронного зала и Зала царей.

Небезынтересно, что в Тронном зале для придания ему большей парадности и создания акцента в направлении главного композиционного и функционально значимого места - айвана, где помещался трон, была все же введена арочная конструкция - тройная арка, на которую опиралась вышележащая часть передней стены айвана, образуя возвышающийся над остальными стенами портал (см. рис. 32). Устройство в этом случае плоских рядовых перемычек по деревянным балкам, несущих верхнюю часть портала, в конструктивном отношении было бы весьма ненадежным. Выделение этого портала по высоте было вызвано, видимо, не только архитектурно-композиционными соображениями, но в первую очередь, безусловно, соображениями идеологическими. О том, что он возвышался над залом, косвенно свидетельствуют, как уже выше отмечалось, устройство мощных кирпичных пилонов сечением 1,85×1,20 м, ибо при его высоте, равной высоте других стен, достаточно было бы опереть перекрытие на деревянные колонны.

Сводчатые перекрытия. Из всего количества сводов, перекрывавших большинство помещений дворца, мы останавливаемся лишь на тех, останцы которых удалось обмерить. Эти останцы, представляющие собой порою полные поперечные сечения сводов (рис. 18), были открыты всего в 18 местах. Однако наличие таких признаков, как кирпичи трапециевидной формы, употреблявшиеся только при возведении сводов методом "поперечных отрезков", обнаруженные в завалах помещений, следы пят или примыкания первых колец сводов к торцевым стенам помещений, уплощенные осколки камня, служившие расклинками сводов позволяет утверждать, что и во многих других помещениях существовали сводчатые перекрытия.

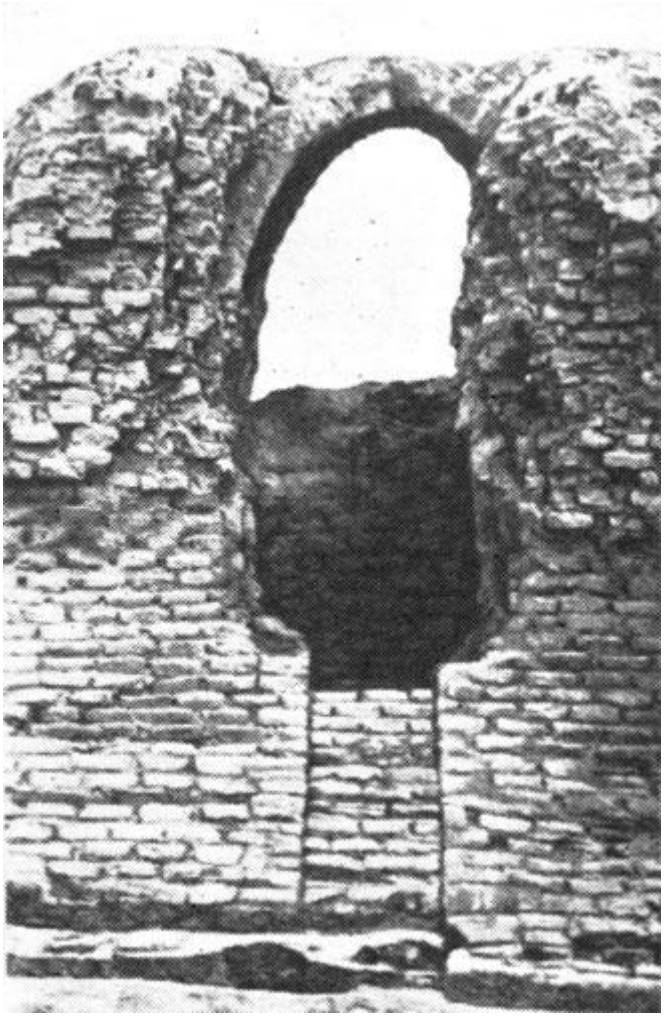

Рис. 18. Помещение 4В. Останец свода

По величине перекрываемых ими пролетов рассматриваемые своды могут быть распределены на пять групп. В первую группу входят своды, перекрывающие помещения пролетом 2,3 м; ко второй группе принадлежат своды пролетом 2,6 м; третья состоит из сводов пролетом 3,65 м; в четвертую группу объединены своды различных пролетов в среднем около 2 м; своды, перекрывающие проходы, максимальный пролет которых равен 1,2 м, также объединены в отдельную группу[*].

[*] (*Все указанные здесь размеры несколько округлены. Например, своды, равные по пролетам 2,28; 2,32 и даже 2,36 м, объединены нами в одну группу со средним размером пролетов в 2,3 м. Такие небольшие различия в указанных размерах можно отнести к естественным погрешностям при возведении стен, служащих им опорами, и при проведении наших обмеров (ведь руины!). То же относится и к сводам других групп, например второй, где величина пролетов колеблется в пределах от 2,55 до 2,65 м и за средний нами принят пролет в 2,6.*)

Как известно, элементами, входящими в понятие сводчатой конструкции, являются структура свода и его форма (очертания) - характер кривой, по которой он возведен. Для архитектуры античного Хорезма типичны очертания сводчатых конструкций в виде многоцентровых кривых, приближающихся к эллипсам и порою даже являющихся половинами геометрически правильных эллипсов, что практически позволяло довольно легко воспроизводить начертание этих кривых в натуре путем закрепления в фокусах эллипсов бечевы соответствующей для каждого случая длины[*]. Ведь эллипс - это частный случай овала, отличительным свойством которого является равенство суммы расстояний от любой точки его контура до двух определенных точек на его оси - фокусов, причем сумма этих расстояний равна размеру оси.

* (*Кой-Крылган-кала, с. 286-288, рис. 116, 117.*)

Анализ формы кривой, по которой были возведены своды первой группы, показал, что эти кривые очень близки кривым эллиптическим, но все же не являются таковыми. Исходя из того, что пролет свода является малой осью эллипса, а высота - его большой полуосью, мы определили несколько точек, лежащих на контуре этого эллипса (методом построения эллипса по двум заданным осям) с тем, чтобы проверить попадут ли эти точки на вычерченную нами по обмерам кривую. Эти точки вышли за габариты нашей кривой (рис. 19а), следовательно, она не является геометрически правильным эллипсом.

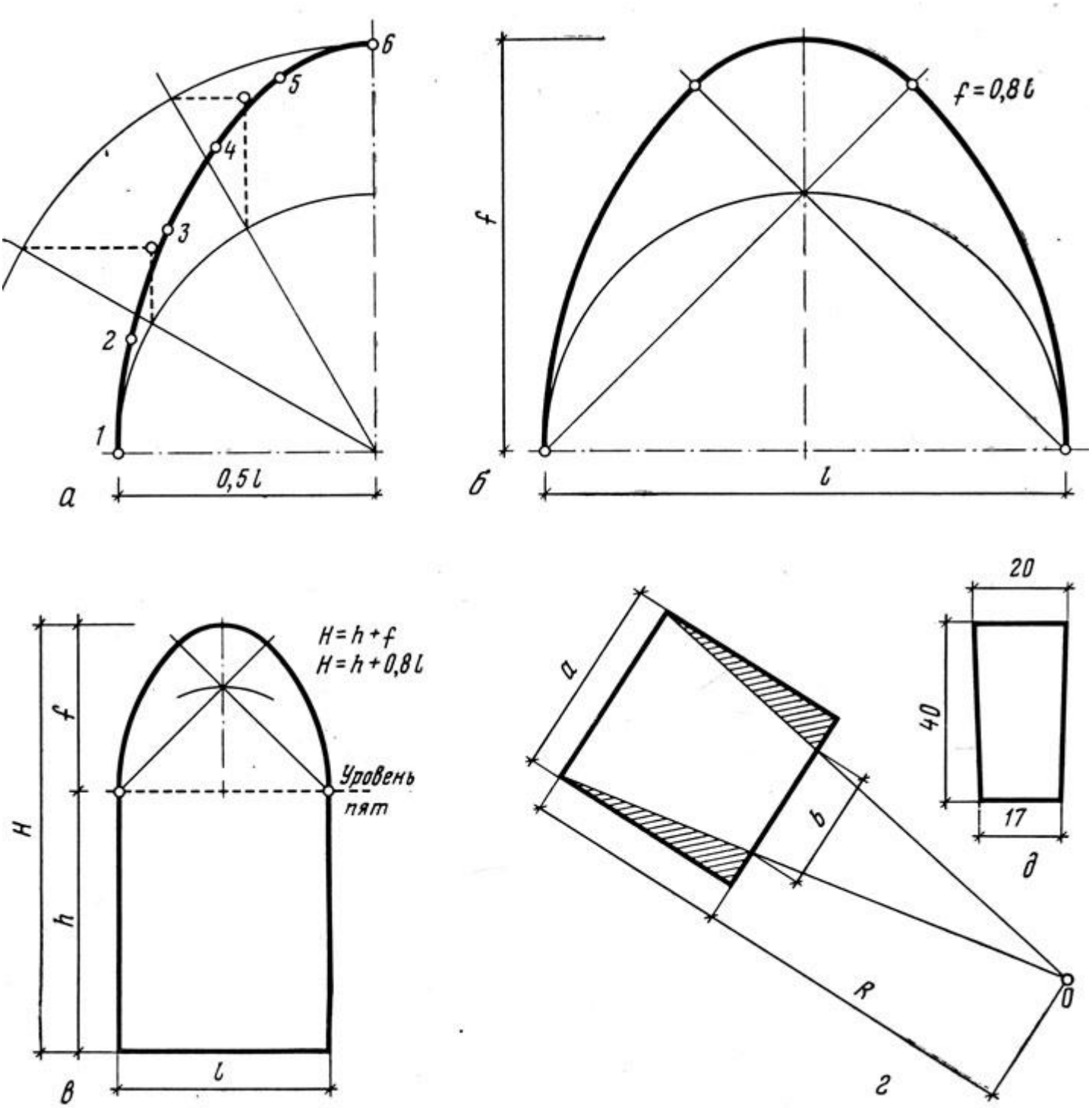

Рис. 19. Определение формы сводов: а - анализ эллипсовидности кривой свода; б - расчерчивание кривой свода методом построения полуовала по заданной ширине; в - установление высоты помещений с помощью коэффициента формы свода; г - анализ

пропорций сводового кирпича (для наглядности пропорции изменены и 'лишние' части прямоугольного кирпича заштрихованы); д - действительные пропорции сводового кирпича

При этом, однако, обратило на себя внимание то обстоятельство, что величина, характеризующая подъем свода, т. е. отношение его высоты - стрелы подъема - к пролету, названная нами коэффициентом формы свода, так как является числовой характеристикой крутизны изгиба образующей форму свода кривой выразилась числом 0,8 (подробнее об этом см. статью автора о некоторых приемах построения формы сводов в древнем Хорезме[*]). Оно может быть представлено в виде отношения 4:5, т. е. как отношение большего из катетов в "египетском треугольнике" к гипотенузе. Построение этой кривой с таким соотношением осей может быть произведено способом, известным в геометрии как "построение овала по заданной ширине" (рис. 19б). Действительно, построив кривую такого овала, мы убедились, что все шесть точек, которые были зафиксированы на внутренней поверхности свода, легли на нее, т. е. наша кривая является контуром полуовала именно с таким соотношением осей.

[*] (*Лапиров-Скобло М. С. О некоторых приемах построения формы сводов в древнем Хорезме. - В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1980, с. 243.*)

Вторая, четвертая и пятая группы сводов при подобном же аналитическом построении оказались по начертанию кривых, по которым они были выложены, тоже полуовалами, причем, что весьма характерно, с таким же соотношением стрелы подъема к пролету, выражающимся тоже числом 0,8.

Третья группа сводов, несмотря на то что они так же, как и в остальных группах, представляют собой по характеру их образующих полуовал, отличается от других групп характером подъема этой кривой, что выражается меньшим числом, а именно 0,55. Это говорит о том, что данная кривая - образующая свода - более полога. Такое отклонение от принятого зодчими для этого сооружения стандарта в начертании кривых было, по-видимому, вызвано тем, что пролеты этих сводов значительно больше других и при выполнении их подъемом в 0,8 соответственно значительно бы увеличилась по сравнению с другими сводами и стрела подъема. Значит, для возведения шелыг сводов в том же уровне, что и у соседних помещений (а это было необходимо ввиду наличия второго этажа), пришлось бы значительно понизить уровень пят. Это создавало бы определенные затруднения при устройстве проходов в боковых стенах: перекрытия проходов пришлось бы врезать в своды, создавая так называемые распалубки, а они являются весьма непрочным местом конструкции свода, особенно при выполнении его из сырцового кирпича. Чтобы избежать этого, строители и пошли на известное нарушение установленного ими же стандарта в начертании кривой свода, изменив ее подъем в сторону уменьшения (уплощения).

Целесообразность принятого строителями единого метода для расчерчивания кривых сводчатых перекрытий по всему дворцу и огромной протяженности сводов, перекрывавших внутристенные галереи крепостной ограды города (их развернутая длина, включая стены цитадели и предвратного укрепления, приближается к 2 км), не подлежит сомнению. Ведь выполняя начертание сводов именно с таким подъемом (0,8), они достигали того, что на месте эти кривые очень просто расчерчивались, так как центры боковых дуг находились в точках пят. При любом другом соотношении осей полуовала центры, из которых описываются боковые дуги, не попадут на концы горизонтальной оси (т. е. в точки пят), что значительно усложняет построение кривых на месте. Если соотношение осей будет выражаться числом большим, нежели 0,8, то эти центры попадут

за пределы пролета (т. е. в толщу стен, на которые опирается свод), и наоборот, при меньшем числе, выражающем подъем, эти центры попадут внутрь пролета, что также не совсем удобно для построения кривой. Поэтому идеальным методом построения кривых является тот, который определен нами выше и, очевидно, "канонизирован" зодчими для всего этого памятника. Этот метод позволяет в натуре наиболее просто производить расчерчивание кривых: на пролете будущего свода, как на диаметре, строится полуокружность, точка пересечения которой с вертикальной осью является центром малой (верхней) дуги, а концы горизонтальной оси (пролета) - центрами, из которых проводятся большие (боковые) дуги. Сопряжение больших и малой дуг происходит в точках, полученных на прямых линиях, проведенных из центров боковых дуг через центр верхней дуги (см. рис. 19б).

Весьма существенным преимуществом, связанным с принятием единого для всех сводов подъема, является возможность выкладки их на единую высоту (несмотря на различие пролетов). Для этого достаточно было, имея в виду эту высоту, путем определения стрелы подъема как 0,8 от его пролета решить обратную задачу: в каждом случае вычесть из этой общей высоты помещения стрелу подъема свода и получить этим самым уровень расположения пят, откуда, собственно, и начинается его возведение (рис. 19в). Такой подход к производству работ был продиктован их огромным объемом, что, очевидно, и привело строителей к выработке универсального и более прогрессивного, чем прежде, метода.

Рассмотрим своды, очертания которых мы выше исследовали, с точки зрения их конструктивных характеристик. Идея конструирования перекрытий из элементов, во много раз меньших, чем перекрываемый ими пролет, заключается в создании конструкции, не только равномерно передающей вышележащую нагрузку на опоры, но и "держащей" самое себя, не рассыпаясь на составные элементы. Такой конструкцией является свод. В нем возникают сжимающие усилия, как бы скрепляющие отдельные элементы, из которых он состоит, в единый монолит. Свод, так же как и балка, передает нагрузку от вышележащих конструкций перекрытия и от собственного веса непосредственно на опоры. Но балка при этом в своем нижнем поясе испытывает растягивающие усилия, которые при несоответствии поперечного сечения величине пролета могут привести ее к перелому. Чем больше пролет, тем больше, естественно, должно быть сечение балки. В сводчатой же конструкции, повторяем, кирпичи испытывают лишь сжимающие усилия, которые вполне выдерживаются материалом, из которого они состоят.

Чем круче образующая свода, т. е. чем большим числом выражается его подъем, тем благоприятнее для работы данной конструкции распределяются и передаются на опоры усилия. При перекрытии больших пролетов свод в своей верхней части получается довольно пологим (ведь чем больше пролет при одном и том же подъеме, тем большим становится радиус закругления центральной части свода, и следовательно, тем более она становится пологой), а, следовательно, и менее прочным. Древние строители безусловно учитывали это обстоятельство, и возможно, поэтому мы не встречали в Хорезме выполненных из сырцового кирпича сводов, перекрывавших большие пролеты.

Из двух основных видов сводов, выполнявшихся в древнем Хорезме из сырцового кирпича - простых клинчатых и наклонными поперечными отрезками, - на Топрак-кале для перекрытия помещений применялся лишь последний. Несмотря на его меньшую прочность по сравнению с первым, он обладает двумя очень ценными свойствами, не требует для своего возведения опалубки и имеет несравнимо большую

сейсмоустойчивость. При подземных колебаниях его кольца, не перевязанные между собой, могут получить лишь незначительное смещение по отношению друг к другу, не разрушаясь и продолжая выполнять свое конструктивное предназначение. Простой же клинчатый свод, перевязанный в обоих направлениях и представляющий собой как бы жесткую монолитную оболочку, в этом отношении значительно менее надежен. Но все же там, где необходимо было усиление конструкции, как, например, в перекрытиях проходов в помещения Северо-восточного массива дворца, поверх которых шла мощная стена (шириной в 4 м), эти проходы были перекрыты сводом в два переката, из которых нижним, как бы опалубкой под усиливающий конструкцию клинчатый свод, служил свод поперечными отрезками (рис. 20).

Рис. 20. Помещение 5В. Сводчатое перекрытие прохода

Однако своды поперечными отрезками в отличие от клинчатых, возводившихся из обыкновенного кирпича, требовали применения специально сформованного, трапециевидного кирпича. Такая его форма появилась в результате необходимости уменьшения чрезмерной клиновидности швов в случае возведения свода из обычного квадратного кирпича. Ведь в клинчатых сводах кирпич укладывается ребром, а в сводах поперечными отрезками - плашмя, из-за чего клиновидность швов в сильной степени возрастает, что, как известно, ослабляет конструкцию свода. К тому же внутренняя поверхность свода получится не столь плавной, а будет состоять из прямых отрезков - граней прямоугольного кирпича. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что строители Топрак-калы очень точно рассчитали соотношение верхнего и нижнего оснований трапециевидного кирпича (рис. 19г) и таким образом, вовсе ликвидировали клиновидность в швах колец свода на протяжении 7/9 общей длины кривой[*]. На 2/9 этой кривой - в замковой части свода - из-за значительно меньшего в этом месте радиуса ее закругления все же пришлось ввести расклинки (либо необходимо было разработать и

изготовить только для верхней части свода другой стандарт трапециевидного кирпича, что несравнимо сложнее).

[*] (*Лапиров-Скобло М. С. О некоторых приемах построения формы сводов в древнем Хорезме. - В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1980, с. 247-248.*)

Мы остановились на анализе формы сводов и их конструктивном решении несколько подробнее, поскольку они являются наиболее интересными, самыми сложными и наиболее ответственными элементами строительных конструкций. К тому же это позволяет судить, насколько совершенна и вместе с тем проста разработанная строителями этого сооружения техника возведения сводов, что позволило унифицировать ее, а это, подчеркиваем еще раз, при огромном количестве сводчатых перекрытий (включая и своды, перекрывавшие огромной протяженности внутристенные галереи крепостной стены города) являлось весьма существенным обстоятельством.

Плоские перекрытия. Второй тип перекрытий дворца - плоские по деревянным балкам - можно разделить на две группы: перекрытия по балкам, перекинутым со стены на стену, и перекрытия, опирающиеся на промежуточные опоры - деревянные колонны. Большие помещения, в которых не обнаружено следов этих промежуточных опор и размер пролета которых не превышал оптимального размера длины деревянной балки, были перекрыты, как мы полагаем, перекинутыми со стены на стену балками, имевшими, видимо, большие поперечные сечения. Гнезда от этих балок не могли быть обнаружены в связи с тем, что стены помещений сохранились на относительно небольшую высоту. В двух помещениях меньшего пролета, где останцы сохранились до 3 м, были обнаружены прямоугольные гнезда от балок размером в среднем 15×20 см и расстоянием между ними от 40 до 60 см. Материалы разборки завалов некоторых помещений позволили создать следующую схему конструкции такого перекрытия: по балкам, перекинутым со стены на стену поперек помещения, в перпендикулярном им направлении, т. е. вдоль помещения, настилались брусья либо жерди, служившие накатом, поверх которого клали слой камыша, промазанного глиной, смешанной с саманом. Поверх камыша укладывали на глине ряд или два кирпичей плашмя. Перекрытие второго этажа, являющееся одновременно кровлей, выстилалось, сверх того, обожженным кирпичом (керамическими плитками), уложенным на алебастровом растворе (более надежное средство защиты от атмосферных осадков).

В помещениях с большим размером пролетов вводились дополнительные опоры - деревянные колонны, располагающиеся по оси помещения. По ним перекидывались балки-прогоны, на которые уже опирались основные несущие балки перекрытия. В одних случаях, когда несущие балки были достаточной длины, но имели небольшое поперечное сечение, такие колоннады просто "подпирали" перекрытие по балкам, перекинутым со стены на стену, в других - в основном при устройстве перистилей-балки опирались одним концом на стену, а другим - на прогоны, покоящиеся на колоннах (так называемая архитравная конструкция). В единственном случае - в Зале танцующих масок - колонны располагались не по оси помещения, а были сгруппированы посредине его, по-видимому, ограничивая световой люк. Прогоны и несущие балки могли в этом случае идти в любом направлении, перекрытие же по ним настилалось по известной уже нам схеме.

В разных местах дворца были найдены четыре каменных прямоугольных ступенчатых плинта и две горшковидные базы под деревянные колонны, также выполненные из камня (рис. 21). Диаметр верхней площадки одной из них равен 30 см, другой - 40 см. В Тронном зале был найден крупный скол от горшковидной базы, которая, судя по закругленному краю, имела диаметр 55 см. In situ был открыт лишь один из плинтов (в помещении 29),

остальные были перемещены, а три фрагмента от баз были извлечены даже из верхних слоев шахты (помещение 10). Поскольку диаметры оснований колонн безусловно должны были соответствовать размерам верхних площадок баз, то можно предположить, что база с диаметром верхней площадки, равным 55 см, принадлежала колоннаде главного зала - Тронного (где, кстати, были найдены ее обломки); а меньших диаметров - 40 и 30 см - служили опорами для колонн в Зале царей и в каком-то другом большом помещении (№ 5, 6, 14, 29 или 86). Все колонны были скорее всего не строго цилиндрической формы, а имели естественный для древесного ствола сбег.

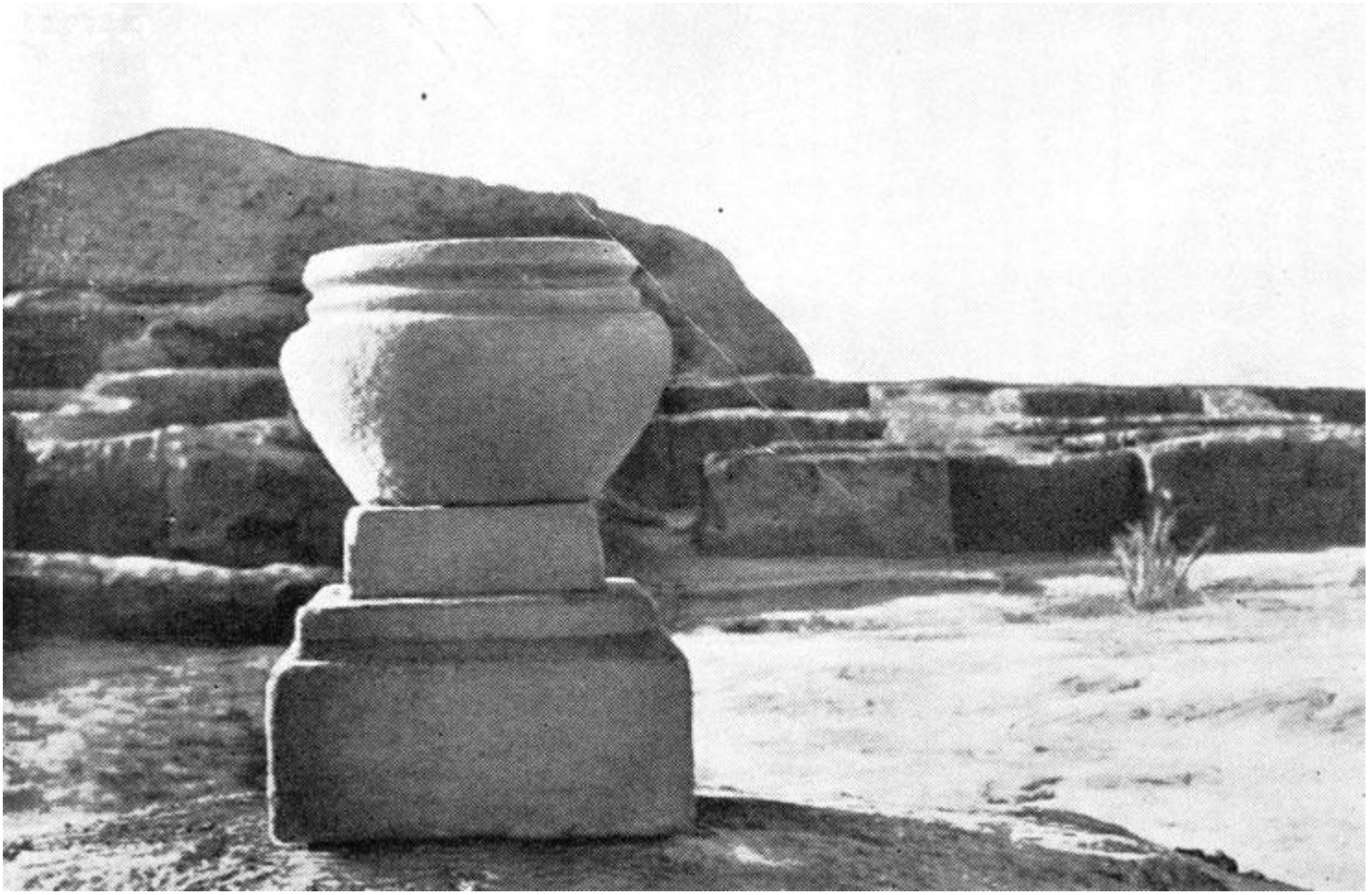

Рис. 21. Ступенчатый плинт и горшковидная база колонны. Из шахты в помещении 10

Как известно, по канонам ахеменидской архитектуры высота колонны равняется 10-12 ее диаметрам. На Топрак-кале каменные базы были совершенно такими же, какие были обнаружены в дворцовом здании рубежа V-IV вв. до н. э. на Калалы-гыре 1[*]. Поэтому есть все основания считать, что сохранился и ахеменидский модуль колонны в целом. Исходя из сказанного выше, мы определяем наибольшую высоту колонны примерно в 7 м, а отсюда следует, что, очевидно, перекрытия залов лежали на 1,5-2 м ниже, чем кровля периферийных помещений, в большинстве своем двухэтажных.

[*] (*Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958-1960 гг. - МХЭ, 1963, вып. 6, с. 146, рис. 3.*)

Проходы, лестницы, световые проемы

Проходы, устроенные во внутренних стенах, имели арочные и плоские перекрытия. Арочные перекрытия проходов конструктивно не отличались от сводчатых перекрытий

помещений, они тоже выполнены техникой поперечных отрезков. Но если, как мы знаем, кольца таких сводов непременно должны опираться на одну из торцевых стен, то кольца арок проходов, разумеется, этой опоры не имели. Возможно, что при возведении арки первое кольцо опиралось на временную сложенную из сырца стенку, которая после возведения арки разбиралась, как это делали в ассирийских сооружениях. Возможно, что возведение арок производилось по кружалам, устройство которых для таких незначительных пролетов было делом не очень сложным. В этой связи небезынтересен весьма остроумный прием арочного перекрытия проходов в помещения Северо-восточного массива, где они по сути являлись сводами, так как величины их пролетов - 1,2 м - более чем в три раза меньше протяженности (см. сноску к подразделу "Перекрытия"). В нижних сводах (перекрытие, как было выше отмечено, состояло из двух перекатов), осуществленных наклонными поперечными отрезками, первые несколько колец (считая со стороны помещений) были выведены по кружалам, а на них уже как на торцевую стену опирались остальные кольца, наклонные, причем наклон их возрастал постепенно, за счет уширения швов между нижними частями каждого из последующих колец.

В плоских перекрытиях проходов применялось дерево. В проходе, ведущем в помещение 38, во время расчистки завала под слоем штукатурки были найдены шесть столбиков, по три с каждой стороны прохода, на расстоянии 0,3 м друг от друга. Диаметр столбиков 12-15 см. В помещении 74 на полу прохода были обнаружены еще два столба диаметром 20 см. В помещении 90 на одной из сторон прохода вскрыт деревянный столб и опертая на него одним концом балка, другой конец которой покоился на стене. Такую же схему конструкции перекрытия дали материалы раскопок прохода в Зал царей. Здесь вдоль западной стены, заходя под нее, шла борозда, образованная в результате полного разрушения деревянной балки, служившей основанием для вертикальных столбов - опор перекрытия. Два из них сохранились. Такие же столбы имеются на противоположной стене. В завале обнаружено много слоистой обмазки перекрытия. Она состоит из слоя глины с оттисками камыша, затем идет саманная обмазка, поверх которой нанесен слой алебастровой штукатурки.

Сообщение между этажами осуществлялось по лестницам. В основном они расположены в служебных помещениях южной части Центрального массива дворца. Так, в помещении 94 была вскрыта лестница, ступени которой выложены из сырцового кирпича. Она оканчивалась площадкой, с которой открывался проход в помещение 95, являющееся лестничной клеткой для ведущей на второй этаж двухмаршевой лестницы. Высота ступеней 12 см при ширине проступи 15 см. Ширина лестничного марша 0,6 м. Лестницы, вскрытые в помещениях, примыкающих к южному фасаду Центрального массива, по своим конструкциям и параметрам идентичны ей.

Особого рассмотрения заслуживает наружная лестница, ведущая ко входу во дворец. От этой лестницы, вскрытой у основания восточного откоса платформы входного комплекса, в три раза более крутого, чем остальные (7°), сохранилось лишь 8 первых ступеней шириной 1,5 м, высотой 15 см и проступью 19 см. Они сделаны из сырцового кирпича вперевязку с платформой, т. е. лестница не приставлена к ней, а возводилась постепенно, одновременно с наращиванием высоты платформы.

Весь комплекс нами полностью реконструирован. Приведем основные соображения. Всего для подъема на обходную площадку платформы Центрального массива (перед входом во дворец она имеет уширение) необходимо 92 ступени, что определяется путем деления разности отметок этой площадки (14,3 м) и основания нижней ступени (0,55 м) на высоту этих ступеней. Отметка основания останца башни, стоящей на первом уступе

платформы входного комплекса, 9,85 м, следовательно, на этот уступ вело 62 ступени (как и в предыдущем случае, делим разность отметок на высоту ступени). Оставшиеся 30 ступеней мы распределили соответственно рельефу дневной поверхности (считая, что смыв ее был равномерным) на два раздельных марша по 15 в каждом. Последний марш мы расположили по оси входа во дворец, а предыдущий- посредине между башней и краем второго уступа платформы (см. рис. 6Б). Таким образом, чтобы попасть непосредственно ко входу во дворец, противнику, поднявшемуся на первый уступ платформы, необходимо было обогнуть башню с левой стороны, находясь по отношению к ней все время своей правой, незащищенной щитом стороной, что является одним из правил древней фортификации*. Более того, перед преодолением им последнего лестничного марша башня оказывалась у него с тыла, а это в фортификационном отношении еще более предпочтительно.

* (*Витрувий. Десять книг об архитектуре. Т. 1. М., 1936, гл. V, § 2.*)

Световые проемы, устроенные в стенах, нигде на памятнике не были обнаружены. Очевидно, помещения второго этажа освещались прорезающими кровлю световыми люками, а помещения первого - люками, прорезающими междуэтажное перекрытие и выходившими в помещения второго этажа или в специальные изолированные от них световые колодцы. Примером такого светового колодца может служить замкнутое по контуру - не имеющее входа - помещение II-3, расположенное над помещением 40 первого этажа. Почти в центре его имеется квадратное отверстие - световой люк размером 0,45 м, прорезающий сводчатое перекрытие нижнего помещения. По краям этот люк обведен бортиком из кирпича для страховки от затекания атмосферных осадков из помещения II-3, что является прямым указанием на то, что оно не перекрывалось и действительно являлось световым колодцем.

Водоотводы

Вопрос водоотвода в условиях большой площади застройки, плоских кровель и сырцовых конструкций не мог не беспокоить строителей дворца.

Кровли по своей конструкции в сущности не отличались от обычных межэтажных перекрытий по балкам либо сводчатых. Они лишь для большей гидроизоляции выстилались керамическими плитками на алебастровом растворе, о чем свидетельствует большое количество таких плиток в завалах помещений второго этажа и на полах одноэтажных частей здания.

Раскопками вскрыты многочисленные фрагменты керамических труб, назначение которых не вызывает сомнений. Эти трубы, длиной до 50 см и диаметром до 22 см, вставлялись одна в другую, для чего одно из устьев каждой делалось в виде манжетки шириной около 7 см, внешний диаметр которой соответствовал внутреннему диаметру другого конца трубы. Сделаны трубы из красно-коричневой глины на гончарном круге и покрыты белым ангобом (рис. 22). Фрагменты этих труб были найдены на разных уровнях вскрываемых помещений. Наиболее важной можно считать находку керамической трубы в помещении 84. В северо-восточном его углу на уровне пяты свода в штрабе сечением 0,45×0,5 м была обнаружена вертикально стоящая труба, расположенная узким концом (манжеткой) вниз. Внутри этой почти целой трубы находились фрагменты узкой части вставлявшейся в нее верхней трубы. Найденные там же куски алебастра не оставляют сомнений, что он служил для скрепления и герметизации стыка.

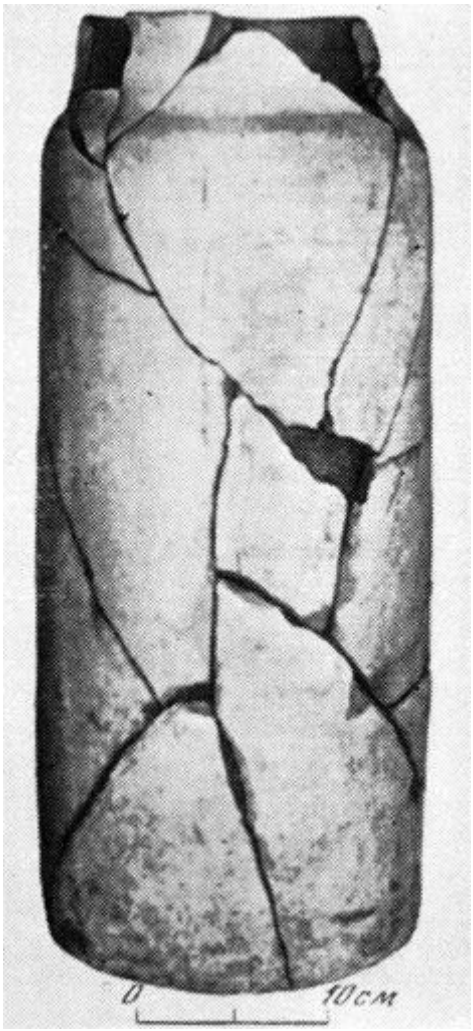

Рис. 22. Керамический элемент водоотвода

Горизонтальная разводка осуществлялась открытыми и закрытыми желобами из керамических плиток, скрепленных алебастровым раствором. Такой открытый желоб шел с небольшим уклоном вдоль южной стены Северо-западного массива, поворачивая затем к югу и продолжаясь вдоль западной стены Центрального массива. Колено закрытого желоба вскрыто в месте примыкания Северо-восточного массива к Центральному. На одном конце этого желоба к нему под прямым углом примыкает вертикальный участок трубы. В месте примыкания Северо-западного массива к северной стене Центрального также вскрыта система, состоящая из элементов вертикальной трубы, переходящей в горизонтальный закрытый желоб, из которого вода попадала в открытый, идущий вдоль восточной стены Северо-западного массива (рис. 23).

Рис. 23. Водоотводный желоб на стыке Центрального и Северо-западного массивов дворца. Вид с северо-востока. На первом плане открытый лоток, отводивший воду вдоль восточного фасада Северо-западного массива. Лоток сложен из обожженных кирпичей, покрытых толстой алебастровой обмазкой. Над лотком нависают два разновременных водоотвода, состоявшие из керамических труб, которые заключены в кожухи из обожженных кирпичей и алебастра. В эти трубы вода поступала из вертикального участка водоотвода, скрытого в толще лестницы

На западном склоне платформы Центрального массива дворца был обнаружен выход керамической водоотводной трубы, помещенной внутри короба из кирпичей. Следует подчеркнуть, что эта конструкция заложена значительно ниже уровня полов, в толще платформы, из чего можно заключить, что в верхней части последней скрыта какая-то внутренняя обособленная водоотводная система.

Таким образом, схему решения водоотводов можно представить в следующем виде: перекрытия верхних этажей, служившие кровлей, были выстланы керамическими плитками с небольшим уклоном, достаточным для обеспечения стока воды в вертикальные трубы, выходящие на уровень кровли. Далее вода из отдельных участков сети попадала в закрытые желоба, служившие коллекторами, и выводилась наружу в открытые желоба, идущие вдоль оснований стен, откуда уже попадала за пределы здания. Для отвода же вод с кровель, расположенных в центральной части здания, перистилей и больших залов, служила обособленная система, заложенная в верхней части платформы еще в период ее возведения.

Такая система водоотводных устройств имеет аналогии с подобными системами, обнаруженными в Уре, а также при раскопках ассирийских и хеттских городов. Основное

отличие состоит в способе скрепления труб, так как материалом для этой цели там служил битум, которым, очевидно, не располагали хорезмийские строители.

* * *

Наш по необходимости краткий обзор конструктивных решений и строительных приемов, примененных при возведении дворца Топрак-калы, показывает, что его создатели опирались на глубокие корни древневосточной архитектуры, одной из ветвей которой было древнехорезмийское зодчество. Многое из этого опыта было не только использовано, но и развито при создании такого грандиозного и уникального комплекса. Строители, учитывая огромный размах работ, находили наиболее простые и оптимальные решения, которые позволили им унифицировать приемы возведения конструкций, обеспечить их надежность и устойчивость. Отметим хотя бы открытый всем ветрам и дождям, частично сохранившийся полным своим сечением свод над одним из помещений Северо-восточного массива дворца. Умелое применение традиционных строительных материалов и совершенство инженерных решений несомненно во многом определили сохранность руин дворца, весьма редкую для синхронных памятников. Эта сохранность в сочетании с логичностью и четкостью архитектурного замысла и позволили нам сделать ряд реконструкций, как частных, так и общих. Предлагаемые реконструкции легли в основу разрабатываемого проекта частичной реставрации дворца, осуществление которой позволит нагляднее представить высокий уровень, достигнутый хорезмийской архитектурой в позднеантичное время.

Глава третья. Центральный массив

1. Вход во дворец (помещения 1-6)

Вход во дворец. С восточной стороны к середине платформы примыкает кирпичный башнеобразный массив, который, как сразу было предположено, связан со входом. В 1950 г. вход во дворец пытались найти между этим выступом и Северо-восточным массивом. Однако большие земляные работы показали, что никакого входного проема в кладке восточного фаса платформы нет. Тогда было высказано мнение, что во дворец поднимались по пандусу, остатками которого и является упомянутый выступ. В 1969 г. эту догадку удалось несколько уточнить. Были обнаружены четкие, почти вертикальные грани с трех сторон сооружения, которое оказалось большой башней, почти квадратной в плане (примерно 25×26 м). Эту башню, очевидно, действительно следует считать входом во дворец со стороны города.

С уровня материка в северном направлении поднималась кирпичная лестница, примыкавшая к восточной стороне башнеобразного массива (рис. 24). Следует подчеркнуть, что ступени лестницы положены вперевязку с кладкой башни. Это свидетельствует о единовременности обеих конструкций и о том, что ради устройства лестницы был сильно усложнен процесс возведения большого башенного массива. Из этого следует вывод, что башня строилась именно для устройства подъема на Центральный массив.

Ширина лестницы 1,5 м, высота ступенек 15 см при ширине около 20 см. С восточной стороны лестница была ограничена (без перевязки) стеной, которая у лестничного проема имела вертикальный выступ, а затем ограничивала какое-то фланкирующее сооружение, нами не раскопанное. Поверх материкового грунта на пространстве перед лестницей был обнаружен слой плотно утрамбованной глины (15 см), своего рода мостовая*, и

значительная толща культурных напластований. В 3,5 м южнее лестницы был очаг, заполненный белым пеплом и окруженный большим пятном утоптанной золы. Расположение очага допускает предположение о его ритуальном назначении, связанном с представлением об очищающей и оберегающей силе огня.

* (*В шурфе у северного края башни на таком же слое оказался каменный настил из песчаниковых плит разной величины и конфигурации.*)

Сохранилось всего восемь ступеней лестницы. Выше они смыты, но тот участок кладки, который удалось освободить от мощных намывов и наносов, продолжает подниматься, сохраняя общий уклон лестницы. У северо-восточного угла башни она могла вывести на десятиметровую высоту. Кладка Входной башни смыкается с Центральным массивом на отметке полов его помещений (14,3 м). Очевидно, вход с башни в восточную галерею дворца (помещение 1) совпадал с широтной осью памятника (она же ось Входной башни). Однако из-за сильного размыва поверхности трудно с уверенностью сказать, каков был путь от восточной лестницы к дверям дворца.

На массиве Входной башни у ее северо-восточного края сохранился кирпичный останец, высота которого примерно на 2 м превышает уровень платформы Центрального массива. По всей вероятности, это остатки боевой башенки-площадки, с которой можно было контролировать небольшие открытые лестничные марши и террасы входного сооружения, непосредственно подводившие к дворцовой двери. Простейший вариант возможного расположения этих лесенок и террас показан на реконструкции (см. рис. 6Б).

Восточная галерея (помещение 1). Вдоль восточного края Центрального массива проходил коридор шириной около 3 м. Сюда и должны были попадать с Входной башни, пройдя через дверь, вероятно богато украшенную.

Южная половина коридора, теперь смытая, вела к группе вспомогательных помещений (их мы рассмотрим в конце главы, хотя, возможно, сначала шли как раз туда, чтобы совершить омовение). Северный отрезок галереи, ведущий к парадным залам и святилищам, сохранился достаточно хорошо, чтобы можно было представить себе его первоначальный вид. Это была своего рода анфилада из пяти узких, но очень высоких сводчатых помещений. Следует полагать, что замок свода был на высоте более 8 м.

Стены галереи имели кирпичные выступы, расположенные противолежащими парами на расстоянии от 4,5 до 7 м друг от друга. Длина таких около 1,6 м, толщина примерно 0,6 м. Несомненно, что на эти выступы опирались кирпичные арки, перекрывавшие проходы между отдельными участками галереи. Ширина проходов 1,6 м. Следует полагать, что кладки, лежавшие выше арок, служили опорными стенками для отрезков свода, перекрывавшего коридор. Сводовые кирпичи в изобилии зафиксированы в завалах при раскопках. Имея в первую очередь конструктивное значение, арки несомненно очень украшали галерею. Не все опоры-выступы сохранились. Некоторые из них полностью смыты, другие скрыты в поздних прикладках. Однако общая система расположения арок восстанавливается достаточно легко.

Не исключено, что в восточной стене дворца были узкие окна, освещавшие галерею, которая была богато расписана. Сейчас на стенах сохранились лишь пятна голубой краски над полом. Как мы увидим, для помещений дворца характерна синеватая панель по низу стен. Все остальные фрагменты росписи галереи найдены в завале и не позволяют, к сожалению, ее реконструировать. В северной части коридора на довольно значительном

протяжении были найдены куски одного орнаментального пояса. Какие-то красно-оранжевые фигуры, обведенные черным контуром, и зеленоватые каплевидные пятна, ограниченные двойной черной линией, были разбросаны на белом фоне. Возможно, к тому же поясу относился фрагмент с черно-оранжевой спиралью на белом поле. У восточной стены были найдены куски росписи с розоватыми восьмилепестковыми розетками и изгибающимися оранжевыми полосами на ярко-красном фоне. Отмечены крупные изображения белых и красных "лилий" на черном фоне, цветы оконтурены оранжевым. Сохранились изображения нежно-зеленых листьев на светло-оранжевом фоне. Найдены куски бордюра с прорисованным черной краской мотивом бегущей волны. Несомненно, что приятные по краскам и тонко выполненные росписи придавали галерее праздничный вид.

В коридоре были обнаружены обломки глиняных раскрашенных барельефов. Их очень немного, и по всей вероятности, они попали сюда из других помещений. Отметим фрагмент со складками белой одежды, украшенной черными с красным орнаментальными полосами. Он найден у северной стены.

На полу лежал слой намывов. Поверх них - упавшая штукатурка, размытые кирпичи и бытовой мусор. Найдены кости животных, перья, косточки фруктов, ветки, камыш. В заброшенной галерее иногда разводили костры, которые местами закоптили стены. Немногочисленные фрагменты керамики относятся к сосудам поздних, случайных обитателей пустующего сооружения.

Помещения около входа (2 и 3). В 7 м севернее того участка, где, как мы предположили, был вход во дворец, находится дверной проем, который соединяет восточную галерею с помещением 2. На полу прохода, точнее в слое песчаного намыва на нем, были найдены три бронзовые позолоченные головки львов (рис. 25). Это небольшие (6 см в высоту) маскароны с ушками для подвешивания наверху. Вместе с ними были обнаружены медные гвозди длиной около 3,5 см. По всей видимости, ими львиные головки были прибиты к деревянной основе, причем довольно толстой. Скорее всего это были доски двери, на что указывает и место находки. Гвозди вбивали в отверстие в ушках, которые потом, вероятно, перекрывались горизонтальными планками, на это указывает плоский верх головок. Устрашающие изображения, в том числе и львиноподобные, оберегающие вход, хорошо известны в раннесредневековой архитектуре Средней Азии. Такая деталь, как встречные завитки волос на лбу, достаточно характерна для эллинистических изображений, они встречаются в кушанском искусстве. Прямых аналогий рассматриваемым предметам мы не нашли, ближе всего к ним золотая головка с Северного комплекса[*].

[*] (*Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А. Работы в Топрак-кале. - АО, 1978, с. 528.*)

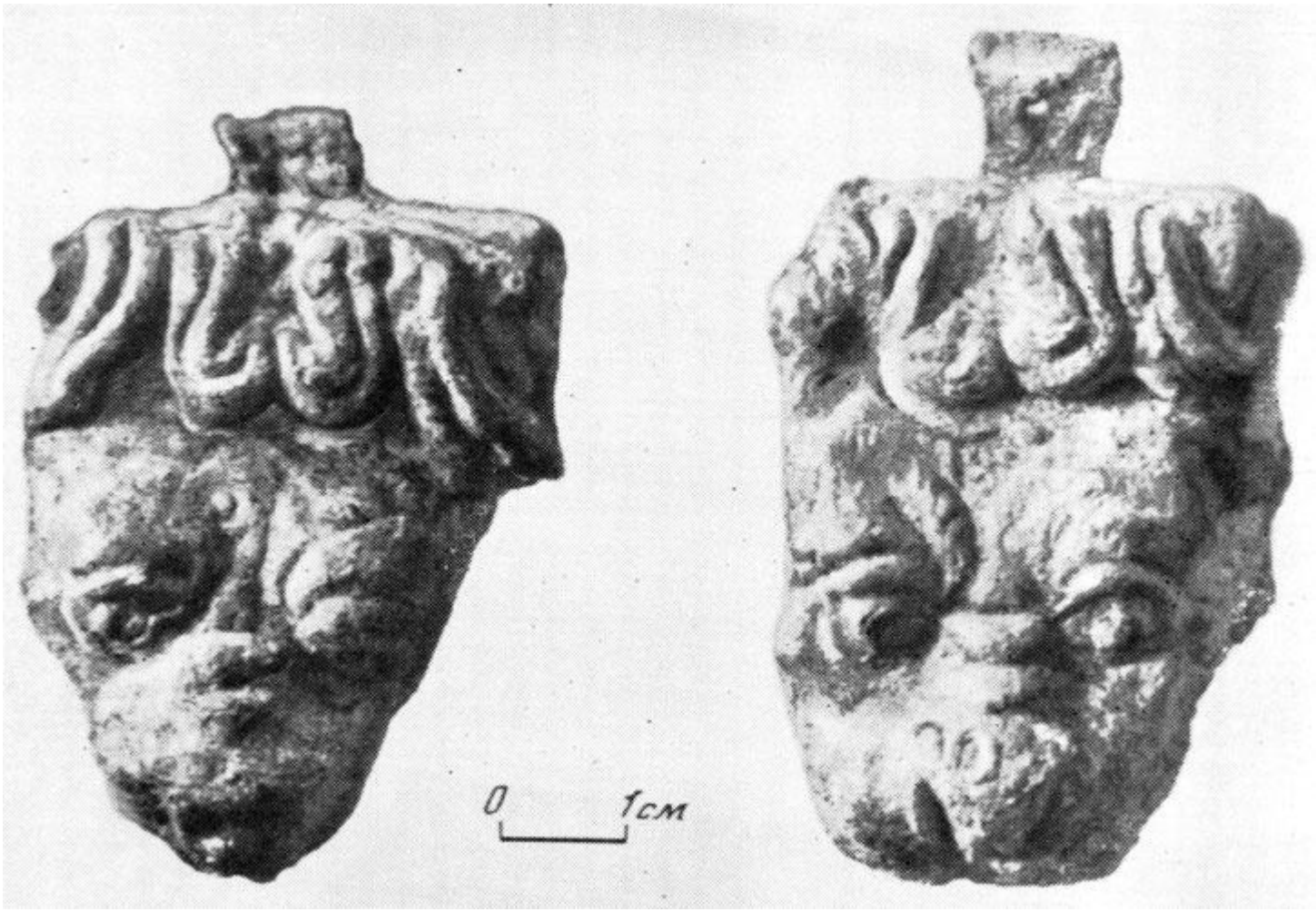

Рис. 25. Головки львов, найденные во входе в помещение 2. Бронза с позолотой

Комната имела площадь около 15 м^2 и сохранила на стенах небольшие участки росписи, выполненной по красному фону. В юго-восточном углу помещения был проход, одна из стенок которого переходила в восточную стену помещения 3*, лежавшего южнее. Проем имел раньше арочное перекрытие.

* (*Дверные проемы подобного устройства в дальнейшем изложении мы иногда будем называть "скользящими проходами".*)

Помещение 3 вытянуто с востока на запад на 10 м, ширина его 4 м. Вдоль южной, западной и северной стен располагалась невысокая узкая суфа. Посредине южной стены была прямоугольная ниша (2×0,7 м), дно ее на уровне суфы. К северной стене была приставлена кладка с четырьмя высокорасположенными нишами. Ширина каждой из них около 1 м, глубина 0,6 м, перекрытия арочные. На стенах помещения и в большой нише были отмечены следы росписи.

О первоначальном назначении небольшого изолированного комплекса, который составляли помещения 2 и 3, позволяет догадываться его расположение около входа и некоторые особенности планировки. Возможно, в большой парадной комнате посетители ожидали, сидя на суфах, разрешения пройти в глубь дворца или решали здесь незначительные вопросы с дворцовыми чиновниками. В проходном помещении мог быть пост дворцовой стражи.

Следы запустения дворца отчетливо заметны в рассматриваемых комнатах. Так, помещение 2 на 30-40 см было затянуто наносами и намывами. Прямо по ним к размытым стенам были приложены ремонтные кладки. В помещении 3 они были поставлены на суфы. Был заложен проход в восточную галерею. Как сообщался рассматриваемый комплекс с остальной частью сооружения в третьем периоде, мы не знаем, очевидно, из помещения 3 был прорублен проход, который пришелся на разрушенный теперь участок одной из стен. Повторно освоенные комнаты довольно интенсивно использовались в хозяйственных целях. В помещении 2 в намывы горлом вниз были врыты оббитые до плечиков хумы и в них устроены очаги. В позднем заполнении, расслоенном несколькими утоптанными поверхностями временных полов, найдено много костей животных, обрывки овчины, фрагменты грубой керамики и т. п. На втором полу обнаружена железная стрела. Несколько неожиданной была находка здесь золотой серьги с жемчужиной.

В восточной части помещения 3 были зафиксированы два больших кострища. На полах поверх намывов было много золы, обгоревшей глины и грубой керамики. Почти полностью сохранился керамический чан.

Северная галерея (помещение 4) и северо-восточный зал (помещение 5). В северном конце восточной галереи был проход на запад. Сразу за ним край Центрального массива смыт ниже уровня пола. Однако можно утверждать, что здесь начинался коридор, идущий в западном направлении. Основанием для этого является прослеженная здесь полоса кирпичей, лежащих в песке. Она проходит параллельно наружной северной стене дворца, в 2 м от нее. Как мы знаем, на "траншеи", заполненные кирпичами и песком, ставили стены внутренней планировки. Длина северной галереи должна была быть не менее 27 м. Что касается ее высоты и оформления, то можно предположить сходство с восточной галереей. Впрочем, меньшая, чем у последней, ширина допускает возможность различий.

Южнее коридора, несомненно сообщаясь с ним, лежало помещение 5 - северо-восточный зал. Длина его 14,8 м, ширина 6,2 м. Стены помещения даже там, где их можно проследить, разрушены почти до основания. Лишь в юго-западном углу они поднимаются на высоту около 1,5 м. Здесь же удержались часть культурного слоя и завалы, заполнявшие помещение. О том, что северо-восточный зал был богато украшен, свидетельствует роспись, уцелевшая по самому низу южной стены. Она сочетала какие-то геометрические и растительные мотивы, нанесенные красной и черной краской по белому фону. Примечательно, что в большинстве парадных помещений, как мы увидим, на соответствующем уровне проходила лишь однотонная панель. На обломках штукатурки с росписью, которые найдены в завале, отмечен мотив волны, переданный черным по голубовато-серому фону, и в основном различные элементы растительного орнамента. Это черные пальметты на белом и розовом фоне, черные веточки на красном или голубоватом фоне, черные розетты на розовом поле и, наконец, виноградные листья, отделенные черным контуром от красного фона.

В юго-западном углу были найдены очень интересные глиняные барельефные скульптуры, но мы не можем утверждать, что они входили в убранство зала. Дело в том, что скульптуры (и часть отмеченных росписей) лежали на 1 м выше пола, в слое с поздним бытовым мусором. Допустимо предположение, что барельефы рухнули с южной стены очень поздно, когда накопился большой культурный слой. Более вероятно, однако, что они были переброшены сюда при каких-то перекопах завала рассматриваемого помещения или Зала царей (помещение 32), где сходные скульптуры были обнаружены рухнувшими

или даже удержавшимися на месте. Фрагменты, найденные в помещении. 5, относились к трем горельефным женским изображениям, выполненным в натуральную величину.

Почти полностью удалось составить фигуру, куски которой лежали вдоль южной стены на глубине около 0,5 м от современной поверхности. Изображена женщина в длинной розовой одежде, ниспадающей свободными складками (рис. 26). На груди три банта или рюши какой-то короткой накидки. Длинный рукав согнутой в локте правой руки охвачен у запястья браслетом. Бок и бедра задрапированы складками, передающими, очевидно, шарф, спускающийся с плеч. На корпусе по розовому фону отмечена роспись красным и черным в виде лепестков-сердечек. Левая рука не сохранилась. Она, очевидно, была передана очень невысоким рельефом, поскольку фигура повернута в три четверти.

Рис. 26. Статуя из помещения 5. Женская фигура в натуральную величину. Глина с полихромной росписью

Корпус второй скульптуры лежал лицевой поверхностью вверх, плечами к западу на расстоянии 0,6 м от южной стены на том же уровне, что и предыдущая фигура. Этот фрагмент, судя по высокому рельефу левого плеча, имел тоже трехчетвертной поворот.

Одежда розовая, складки подчеркнуты черной краской. На правом плече большой бант. Возможно, был передан плащ. У основания шеи показано ожерелье.

На расстоянии 2 м от южной стены и в 0,5 м от западной был найден торс барельефного изображения, видимо располагавшегося фронтально*. Поднятая к середине груди кисть руки поддерживает округлый предмет, сохранивший следы оранжево-красной краски. Вероятно, это плод граната. На шее - ожерелье с полосой росписи из кружочков. Ниже красными линиями передано широкое оплечье или вышивка. На горизонтальных полосах - углы, кружочки и треугольники. Основной тон платья, видимо, был зеленым.

* (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, рис, 61.*)

Если все три барельефа составляли одну композицию, в центре ее, очевидно, была фронтальная фигура богини с плодом граната, а по сторонам - полуобернутые к ней женские изображения. Скорее, однако, это обломки скульптур с разных участков.

В зале прослеживались следы запустения (намывы и обломки штукатурки на нижнем полу образовали слой в 30 см), перестройки и позднейшего обитания. С уровня 14,67 м к западной стене, на которую был предварительно нанесен толстый слой обмазки, была приставлена стенка в один кирпич толщиной. Этой кладке соответствовал пол с отметкой 14,69 м. В культурном слое выше него - кости животных, клочья шерсти, солома, камыш, яичная скорлупа, обломки керамических сосудов, в том числе от поздних, афригидских хумов. Вышележащий завал был образован рухнувшими и размытыми стенами, песчаными наносами.

Аванзал (помещение 6). Есть основания полагать, что северная галерея приводила в обширный зал, который планировочно и функционально был связан с лежащим южнее тронным ансамблем. Поэтому помещение 6 можно назвать аванзалом. Большая часть его теперь смыта. Точно определяется длина 16,6 м, ширина должна была достигать 11 м, а площадь - 180 м^2. Стены, имевшие двухметровую толщину, были расписаны, но следов росписи сохранилось так мало, что судить о ней почти невозможно. Отмечена красная, черная и белая краски, а также отпечаток черной полосы с белыми кругами. Обычно такие полосы бывают на обрамлении живописных панно. Посредине южной стены, на меридиональной оси Центрального массива, находился довольно узкий вход в северный коридор тронного ансамбля. Стенки дверного проема были расписаны.

Помещение ремонтировалось и было сильно перестроено. На деформированную западную стену были нанесены выравнивающие обмазки общей толщиной до 12 см. Затем на 25-сантиметровый слой намывов и сползшей штукатурки была поставлена ремонтная стенка толщиной в два кирпича. Был заложен дверной проем в южной стене, который раньше вел к тронному ансамблю. Поверх штукатурки с росписью нанесли грубую обмазку. У южной стены накопился слой толщиной до 20 см из обломков штукатурки, глины и намывов, когда здесь поставили дополнительную кладку шириной до 1,5 м. Эта новая стена не доходила до восточной стены аванзала, так как длина помещения 6 в это время была уменьшена до 12,2 м. Между новой и старой восточными стенами южная стена была проломлена, видимо для того, чтобы по-новому соединить северный ряд помещений с остальной частью сооружения.

2. Ансамбль тронного зала (помещения 7-13)

Центром дворца было самое большое из его помещений (11), которое составляли парадный двор (11а), обширная лоджия (11б) и айван (11в), некогда разделенные между собой порталом. Особенности планировки помещения (анализ ее будет дан ниже) и его размеры не оставляют сомнения в том, что оно предназначалось для наиболее многолюдных и торжественных церемоний, происходивших во дворце. Поэтому лучше всего называть его тронным залом, хотя, по всей вероятности, здесь же совершались и некоторые чисто религиозные обряды. С тронным залом планировочно и функционально были связаны другие помещения: коридор (7), который подводил к залу и в то же время позволял миновать его на пути к дальним покоям; маленькие комнаты (8 и 9) по концам коридора, возможно предназначенные для постов стражи; комната с шахтой, ведущей в глубь платформы (10); боковые приделы парадного двора (12 и 13). По сути дела, к ансамблю тронного зала следовало бы отнести и Зал танцующих масок (14), но ввиду его особого значения мы посвятим этому помещению специальный раздел.

Северный коридор тронного ансамбля (помещение 7). Ширина коридора 2 м, его длина 22 м. Западный конец отделен выступом, образующим отрезок 7а. В северо-западном углу коридора стены достигают высоты 4,4 м, однако сам коридор был ниже - 3,3 м. На этом уровне в северной стене участка 7а сохранились гнезда балок плоского перекрытия. Можно полагать, что над коридором проходила галерея второго этажа, охватывавшая парадный двор. Южная стена помещения по краям прорезана дверными проемами, выводившими в тронный зал. Середина этой стены разрушена, и не исключено, что здесь был третий, осевой проход. Однако, скорее, она его не имела: в дворцах и храмах нередко устраивают специальные стенки ("гуломгард" в среднеазиатской средневековой архитектуре), препятствующие тому, чтобы взгляд извне мог достичь трона, алтаря и т. п.

В пределах отрезка 7а напротив входа в тронный зал находился весьма своеобразный очаг, верхняя часть которого была срублена при устройстве второго пола. Подчеркнем, что основание очага - кирпичная вымостка размером 190×145 см - была заглублена в массив платформы. Это указывает, что очаг был предусмотрен архитектурным планом и ему придавалось по какой-то причине важное значение. От самого устройства сохранились лишь нижние кирпичи. Их четыре; расположенные на расстоянии друг от друга, они образуют крестообразную внутреннюю камеру, в которой и горел огонь. Обращенные к центру углы кирпичей были срезаны по окружности; возможно, вверху камера становилась круглой. Необычайная конструкция очага и его расположение свидетельствуют, что он имел культовое назначение. Помещать бытовой огонь у самого входа в тронный зал и внутренние помещения дворца было бы неуместно. Для прохода оставлено узкое, полуметровое пространство; очевидно, это сделано специально для того, чтобы все, входящие в тронный зал, проследовали в непосредственной близости от огня, горевшего в крестообразном очаге. По всей вероятности, этому огню приписывали очистительные свойства. Этнографические и палеоэтнографические примеры подобных представлений достаточно известны[*]. Возможно, второй подобный очаг был в восточном конце коридора. Пол там сильно разрушен, но опаленная глина и зола зафиксированы в намывах. Если это было так, то в тронный ансамбль проходили между двух огней.

[*] (*Тэйлор Э. Первобытная культура. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1939, с. 510-517. Приведем сообщение Плано Карпини (XIII в.) о монголах: "Говоря кратко, они веруют, что огнем все очищается, отсюда, когда к ним приходят послы или вельможи или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению" (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд-во геогр. лит., 1957, с. 31). Есть и более ранние свидетельства о подобном обычае.*)

Коридор был расписан. На северной стене восточнее выступа за поздней прикладкой сохранилась роспись in situ (рис. 27, 4). Уцелели следы двух фигур, мужской и женской, выполненные с некоторым превышением натуральной величины. Рядом с выступом было женское изображение, обернутое в три четверти вправо. Красный рисунок во многих местах дополнен черными линиями. Лицо смыто, заметен лишь красный мазок на месте рта и тяжелый подбородок, объем которого подчеркнут направлением красной штриховки. Похоже, что подбородок подвязан платком или наушниками головного убора. На затылке пучок черных волос. Правая рука опущена и откинута назад, от локтя она была "срезана" перегибом стены (роспись переходила на уступ). Левая рука скрыта светлым шарфом или плащом. Платье белое или бледно-розовое. По округлому вороту оно отделано полосой вышивки из сомкнутых красных окружностей с красными пятнами в центре. Не исключено, что так изображено ожерелье. Несколько ниже талии показана нависающая складка или приспущенный пояс.

Рис. 27. Настенные росписи: 1 - ниша в помещении 41; 2 - из помещения 25; 3 - из помещения 27; 4 - северная стена помещения 7; 5 - восточная стена помещения 13

Перед женской фигурой, немного закрывая ее, в том же повороте изображен мужчина. Его правая рука согнута в локте таким образом, что предплечье располагается выше пояса. Левая рука закрыта красноватым плащом или одеждой третьей, не сохранившейся фигуры. Мужчина одет в длинный черный кафтан с зеленоватой полосой отделки по вертикальному разрезу. Кафтан перехвачен поясом, первоначально, видимо, красным. Обе фигуры даны на розовато-оранжевом фоне; под ними, очевидно, была монохромная панель высотой 30-40 см (низ стены разрушен).

Можно предположить, что до нас дошло изображение супружеской четы, входящей в состав какой-то процессии, запечатленной на стенах коридора, ведущего в тронный зал.

В завале, заполнявшем помещение, встречались многочисленные обломки штукатурки с раскраской, чаще всего розовато-оранжевой и черной. Два сравнительно крупных фрагмента позволяют дополнить представление о росписи коридора. Они сохранили оранжево-красный фон живописного пояса с многофигурной процессией и участок соседнего пояса росписи - черного с цветочным орнаментом (рис. 28,8)[*]. Последний, видимо, располагался над фигурами, возможно, достигая потолка (над полом, как правило, бывает однотонная панель). Поскольку головы прослеживались на высоте 2,3 м от пола, можно думать, что ширина полосы с цветочным орнаментом достигала 1 м. Орнамент составляли два элемента, расположенные в шахматном порядке. Один из них - три лепестка изображенного сбоку цветка со стебельком и двумя листочками, напоминающего тюльпан или лилию, второй - восьмилепестковая розетта с четырьмя шипами (листками околоцветника). Цветы белые, оконтурены и прорисованы красно-оранжевыми линиями. Даже незначительные следы живописи, которые мы могли рассмотреть, показывают, какой интересной и эффектной была она в коридоре тронного ансамбля.

[*] (*Рис. 28, 35, 48, 76 см. на цветной вклейке.*)

Рис. 28. Таблица I. Цветочные орнаменты в росписях: 1 - из помещения 12; 2, 6 - из Зала царей; 3 - из помещения 91; 4 - из помещения 28; 5 - из помещения 12; 7 - из помещения 25; 8 - из помещения 7; 9 - из помещения 51

Обмазка полов, хорошо сохранившиеся на участке 7а благодаря высоким стенам культурные напластования и завалы дали четкую стратиграфическую картину и позволили представить позднейшую историю помещения. Между нижним и вторым полом был слой намывов (10 см) с вкраплениями расписной штукатурки. По этому уровню был заложен проход в помещение 8, а к южной стене приставлены три небольших глиняных возвышения, назначение которых неясно. Третий пол лежал еще на 10 см выше. В это время коридор был перегорожен по линии выступа между отрезками 7 и 7а. На полу образовавшейся комнатки - кости животных и обломки грубых керамических сосудов. В завале на различной высоте встречались куски цветной штукатурки и мелкие обломки глиняной и алебастровой скульптуры. Последние, несомненно, попали из других помещений. В основном завал состоял из размытых сырцовых кирпичей. В третьем периоде ремонтные работы были проведены и в основной части коридора. К его северной стене была приложена дополнительная кладка в два кирпича шириной. К моменту раскопок она устояла лишь на отдельных участках. Сильное разрушение как старых, так и ремонтных стен объясняется тем, что все конструкции коридора были поставлены на одну

широкую "траншею", заполненную кирпичами в песке. Песок уносило водой по промоинам, что приводило к просадкам и деформациям стен. Посредине коридора в 1949 г. был заложен большой шурф, который дал интересные сведения о структуре верхних 4 м платформы Центрального массива (см. гл. II).

Помещение 8. С западным участком (7а) коридора тронного ансамбля соединяется расположенное с южной стороны помещение 8. Это каморка площадью около 6 м^2. Стены ее сохранились на высоту от 1,3 до 4 м. В дверном проеме остались следы росписи в синих и серых тонах. Стены самого помещения были покрыты глиняной обмазкой, под которой роспись не отмечена.

На конструктивном полу комнаты в северо-западном углу было обнаружено много комочков и обломков плиток красящих составов, которые были брошены здесь художниками, отделывавшими дворец. Краски были таких тонов: красного (они преобладают), коричневого, желтого, синего. Здесь же встречена яичная скорлупа; возможно, яйца использовались для приготовления краски. Конструктивный пол вместе со следами отделочных работ был перекрыт обмазкой нижнего пола, который никаких находок не дал.

О первоначальном назначении комнатки можно только догадываться. Здесь мог быть пост внутренней стражи у входа в западную группу помещений. Не исключено, что здесь находился человек, смотревший за огнем в крестообразном очаге и хранился запас топлива[*].

[*] (*Даже в самых бедных святилищах современных огнепоклонников предусмотрены чуланы с дровами для тлеющего священного огня (Boyce M. The fire-temples of Kerman. - Acta Orien-talia, Copenhagen, 1966, XXX, p. 51).*)

Поверх ранних полов лежал слой намывов (10-15 см) и навеянного песка (5 см). Эти следы запустения были перекрыты на всей площади комнатки 20-сантиметровым слоем перегнившего дерева, веток и камыша. Предполагается, что это остатки рухнувшего перекрытия. Еще выше располагалась почти метровая толща рыхлого глинистого заполнения, содержавшая много костей животных, птиц и рыб, яичную скорлупу, косточки плодов, куски дерева, камыш, солому и т. п. Попадались обломки грубых сосудов, обожженных кирпичей, водосточных керамических труб, куски алебастрового раствора.

Наряду с бытовым и строительным мусором по всей толще отмечены находки иного характера и происхождения. Это десятки бусин (в том числе обрывки ожерелья из жемчуга и кораллов), кусочки многоцветных стеклянных сосудов и розовой шелковой ткани, обрывки золотой фольги, золотая бляшка в форме листочка, бронзовые бляшки (иногда золоченые). Здесь же были обломки стенных росписей, глиняных и алебастровых скульптур. Наряду с плохо сохранившимися изображениями цветов и фруктов из алебастра (такие же найдены в соседнем парадном дворе 11а) особо отметим два скульптурных фрагмента.

Первый из них - часть барельефа, изображавшего в половину натуральной величины воина, облаченного в чешуйчатый панцирь (рис. 29). Голова утрачена, на обломке сохранилась черная клиновидная борода. Чешуйки панциря переданы рельефом и подчеркнуты росписью. На шее изображено широкое ожерелье. В данном случае это не украшение, а часть доспеха, которая держала тяжесть панцирной рубахи и защищала горло. Верхнюю часть груди прикрывал прямоугольный отросток "ожерелья". Трудно

сказать, где скульптура была первоначально. Она напоминает барельефы из Зала воинов, но кое-чем отличается от них.

Рис. 29. Торс воина в панцире. Глиняный барельеф с раскраской из помещения 8

Второй фрагмент - отливка из алебастра, это борода скульптуры, выполненной в натуральную величину (рис. 30). Деталь изготовлена отдельно от лица статуи, к которому она прикладывалась тыльной стороной, сохранившей отпечаток ткани. Мастерски переданы крупные, струящиеся пряди бороды, повторяющие контур щек и сходящиеся у подбородка. Создается впечатление, что это мокрая борода какого-то водного божества. Местами на алебастре удержались кусочки золотой фольги - волосы были позолочены. Фрагмент уникален, поэтому трудно представить скульптуру, к которой он относился, и тем более ее место во дворце. Возможно, это была переносная статуя, выполненная из различных материалов: золоченого алебастра, дерева, кости.

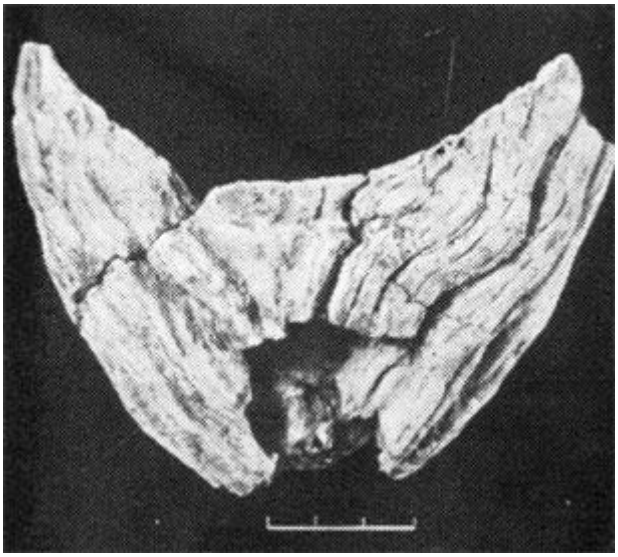

Рис. 30. Фрагмент скульптуры. Борода. Алебастр со следами позолоты

В процессе раскопок было высказано предположение, что рассматриваемый слой образовался на полу второго этажа и рухнул вместе с перекрытием. Но и приняв это, мы останемся перед довольно сложными вопросами. Чем объяснить необычную для памятника толщину слоя? Почему в нем оказались и навоз и жемчуг, и золоченая скульптура и черепки поздних горшков? Нам представляется, что в ненужный никому тупичок был переброшен слой, лежавший на полах соседних помещений. Может быть, их расчищали перед новым использованием или просто, перерывая мусор, не слишком тщательно искали остатки дворцовых сокровищ. В южной стене помещения 8 был пролом, подле которого обнаружена роспись, некогда украшавшая придел тронного зала (помещение 12). Возможно, именно оттуда через пролом и была переброшена какая-то часть рассматриваемого слоя.

Помещение 9. Симметрично помещению 8 с восточной стороны коридора 7 расположено помещение 9. Ширина его 1,8 м, первоначально намеченная длина 7,1 м. Однако большая часть помещения, видимо, сразу* была заложена кирпичами и свободной осталась лишь северная часть длиною около 2 м. Здесь отмечены следы росписи, были они и в дверном проеме, ведущем в коридор. Отказ от большей части площади помещения, очевидно, был вызван стремлением усилить стену Зала царей (помещение 32). Оставленный тупичок мог занимать человек, наблюдавший за входом в комнату с шахтой (помещение 10). Нижние обмазки пола лежат в уровне 14,33-14,42. Затем слой намывов (15 см), на них - культурные напластования позднего характера. На уровне 14,7 они перекрыты углистым слоем со следами жердей. Вероятно, сгорело позднее перекрытие каморки. Проход в коридор был заложен.

* (*Закладка лежит на совершенно чистом первоначальном полу поверх глиняного слоя, напоминающего строительный раствор. Прекрасно сохранившаяся штукатурка позади закладки не расписывалась.*)

Помещение с шахтой (10). Помещение 9 соединялось с комнатой, в которой раскопками 1970 г. был обнаружен долгожданный спуск в глубь платформы дворца. Ширина помещения № 10 - 5,5 м (в южной части 4,4 м). Северная стена смыта. По всей вероятности, она продолжала линию стены северо-восточного зала, и тогда длина комнаты 10 достигала 7 м. Сняв поздние слои, мы обнаружили, что большую часть площади помещения раньше занимала квадратная (4,2 и 4,2 м) шахта. Три стены комнаты на 1-1,5 м отстояли от краев шахты; восточная стена непосредственно переходила в ее вертикаль (рис. 31). Стены шахты очень старательно сложены из кирпичей, которые по углам

тщательно перевязаны друг с другом. Поражает прослеженная с поверхности толщина кладки, ограничивающей шахту - 3,5 м. С внешней стороны (уже за пределами помещения 10) эти стены смыкаются с обычными субструкциями платформы из пахсы и кирпичей в песке.

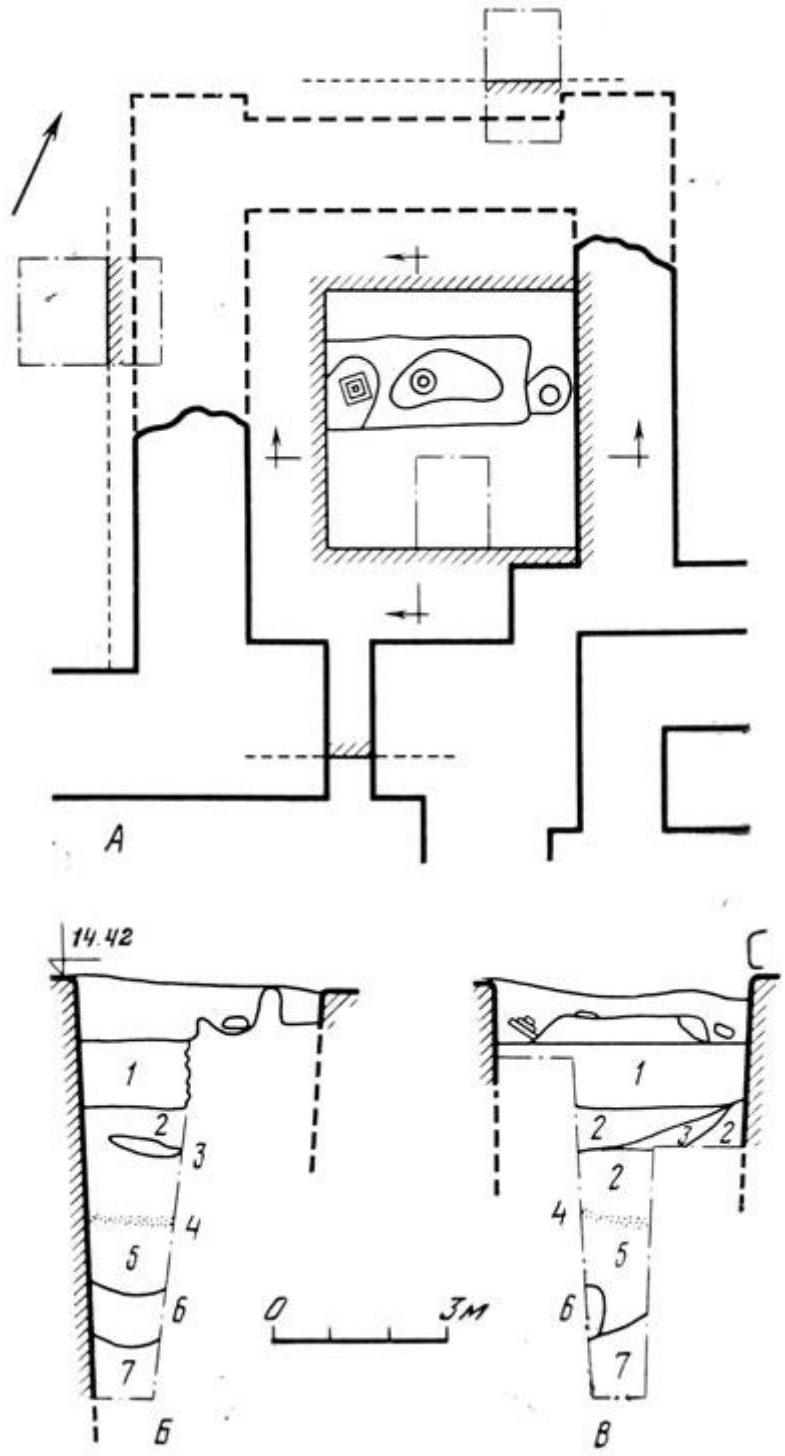

Рис. 31. Помещение 10: А - план, косой штриховкой показаны границы стен шахты; б - разрез юг-север; В - разрез запад-восток; 1 - мелкие обломки сырцовых кирпичей; 2 - комковатая глина; 3 - слой с опаленными обломками сырцовых кирпичей и штукатурки; 4 - песчаная прослойка; 5 - завал из слежавшихся замытых обломков кирпича; 6 - рыхлый завал с перегноем, костями и обломками керамики; 7 - плотный завал из крупных обломков кирпичей

Во внутренний объем шахты слегка заглублена кирпичная конструкция, назначение которой неясно. Это кладка шириной около 1,5 м и высотой около метра, лежащая между меридиональными стенами и отстоявшая на 70 см от северной стены. Поверхность кладки сохранилась на уровне конструктивного пола здания (14,33). Обмазки пола, примыкавшего к конструкции с севера и юга, дают отметки 13,7 и 13,4 м. С боков кладка обмазана, местами сохранилась побелка. Не исключено, что уцелело лишь основание стенки, для чего-то перегораживавшей заложенную почти до краев шахту. Возможно, однако, что с самого начала кладка была невысокой и несколько напоминала средневековые надгробья.

В рассматриваемой конструкции были вырублены три ямы неправильных очертаний, в которых оказались каменные базы колонн. У западной стены шахты лежал ступенчатый плинт, в средней яме была горшковидная часть, видимо, от той же составной базы, у восточной стены - такая же деталь, но с более простой профилировкой и меньшего размера (см. рис. 21). Нет никаких сомнений что все эти базы были притащены из других дворцовых помещений и помещены (иногда вверх основанием) в вырубленные тогда же ямы. Вероятнее всего, камни были подложены под столбы какого-то ворота, с помощью которого раскрывали шахту древние грабители.

Видимо, по их следам и прошел наш шурф, прорытый у южной стены шахты, которая слегка опалена, возможно, факелами. До отметки 11,65 м мы раскрыли большую часть южной половины шахты. На срезах местами были заметны горизонтальные слои кирпичей на рыхлом глинисто-песчаном растворе. Очевидно, это проступает закладка шахты, не затронутая грабителями. Ниже отметки 11,65 м шурф пришлось сузить (до 1,6×1,2 м) и пробивал он, видимо, лишь заполнение грабительского хода Мы вынимали главным образом раздробленные кирпичи, между которыми попадались кости животных, обломки керамики. В верхних слоях шурфа встречено несколько мелких бронзовых и стеклянных изделий и фрагменты росписи. Отметим обломок, на котором по серовато-голубому фону в шахматном порядке нанесены небольшие черные прямоугольники. Все это, несомненно, попало в грабительскую воронку сверху, со стен и полов дворцовых помещений.

Дно нашего шурфа, сузившегося внизу до предела (0,8×0,8 м), лежит на уровне 7 м, т. е. на середине высоты платформы. Шахта безусловно глубже. Толщина ее стен позволяет думать, что они доходят до материка. К сожалению, мы пока не можем даже сказать, сразу ли была заложена шахта, или она в какой-то период истории дворца стояла открытой. В первом случае следовало бы предположить, что обнаружен спуск к каким-то камерам, тщательно скрытым в платформе дворца или под ней. Возможно, что шахта вела к колодцу. Разумеется, колодец, расположенный между династическим святилищем (пом. 32) и тронным залом, вряд ли мог быть бытовым. Однако пока шахта не раскрыта, видимо, рано вспоминать и о гробницах под древневосточными дворцами и храмами, и о священных колодцах. Весьма вероятно, что именно шахта даст ключ к полному пониманию всего памятника.

Помещение 10 подверглось перестройке. К западной и южной стенам с уровня 14,5 м были приложены ремонтные кладки толщиной в два кирпича. Восточная стена была срублена почти до уровня пола, и затем на ней воздвигли новую стену, на несколько сантиметров сместив ее в глубь комнаты. Отметка основания новой стены - 13,59 м. Почти на том же уровне найдена монета типа Б[2] 11 (по классификации Б. И. Вайнберг)[*].

[*] (*Городище Топрак-кала. - ТХЭ, 1981, т. XII, с. 128.*)

Тронный зал (11а, 116, 11в). Помещение 11, которое мы несколько условно назовем залом, состояло из парадного двора, имевшего площадь 300 м^2 (20×15 м), "лоджии" площадью 66 м^2 (11×6 м) и айвана, занимавшего (вместе с порталом, который его ограничивал с севера) около 80 м^2 (10,3×7,5 м). Общая площадь зала - 450 м^2 представляется достаточно внушительной, особенно если помнить, что планировка создана не на материковом грунте, а на высокой платформе и под каждым квадратным метром лежит 20 тонн кирпичей. Архитектору, строившему дворец, удалось добиться также значительной протяженности пространства - почти 30 м. Несомненно, человека, поднявшегося на искусственную гору, а затем прошедшего ряд помещений и коридоров, должна была поразить открывающаяся перед ним перспектива (рис. 32)*.

* (*Рис. 32, 56, 57, 78 см. на черно-белой вклейке.*)

Высота стен, окружавших двор и айван, к моменту раскопок была в среднем около 1 м. Есть основание считать, что первоначально она приближалась к 7 м.

Об убранстве северной стены известно лишь, что по низу ее проходила синяя полоса. Лучше сохранилась западная стена двора, разделенная по середине двухметровым проходом в помещение 12. Уцелели следы ниш, украшавших эту стену. Они располагались на высоте 60-70 см от пола и были подчеркнуты горизонтальной налепной тягой, прямоугольной в сечении (20×4 см). Высоту и характер завершения ниш мы не знаем. Глубина их 20 см, ширина примерно 1,6 м. Ниши отстояли друг от друга на 0,6-0,7 м. Разделяющие участки стены были украшены вертикальными налепами, ширина которых 12 см и толщина 4 см. Ниже тяги стена была окрашена прямо по глине в синий цвет с черной отбивкой по верху и в основании панели. Тяга и вертикальные налепы сохранили поверх белой подгрунтовки следы черной и оранжевой краски. Стенки ниш уцелели не более чем на 20 см, но можно утверждать, что барельефов в них не было. Отмечены только следы росписи в розовых и красных тонах. На западной стене было, очевидно, шесть таких живописных панно. Две ниши сейчас смыты полностью.

По середине восточной стены был вход в помещение 13. Несомненно, принцип ее оформления был тот же, что и на противоположной стене.

На южной стене парадного двора (11а) должны были располагаться по две ниши с каждой стороны лоджии. Одна из них, сходная с вышеописанными, частично сохранилась в юго-западном углу.

Живопись и лепнина требовали защиты от дождя и снега. Поэтому, очевидно, вдоль стен были навесы, опиравшиеся на колонны. В пределах двора обнаружен (помимо мелких кусков) обломок базы из полимиктового песчаника с диаметром 55 см. Это позволяет определить высоту колонны в 6-7 м. Ту же высоту для стен мы получим, зная, что около парадного двора была двухъярусная галерея с межэтажным перекрытием на уровне 3,3 м. Можно полагать, что колонны стояли по линиям, продолжавшим направление западной и восточной стен лоджии.

Лицевая поверхность стен в лоджии (11б) разрушена, но можно утверждать, что раньше она была расписана. В завале найдены обломки штукатурки с росписью черным по белому, зафиксировано сочетание черного с красным, оранжевый и серо-голубой тона. В юго-западном углу найдены куски краски, преимущественно розовато-оранжевой, а также комочки красных, белых, черных и синеватых пигментов. Все это находилось в небольшой

ямке, куда художники, украшавшие помещение, очевидно, сбрасывали засыхающие краски.

На расстоянии 6 м от северной границы лоджии восточная и западная стены имеют утолщение в 35 см. Соответственно несколько меньшую ширину, чем лоджия, имеет айван - самый южный объем тронного зала (11в).

Чуть отступая от места перелома линии стен, перпендикулярно им отходят две кирпичные полосы. Ширина каждой из них 1,6 м, длина 3,6 м. Таким образом, концы этих кладок отстоят друг от друга на 3 м. Кладки немного заглублены в "траншеи", заполненные кирпичами в песке, и сейчас возвышаются над уровнем конструктивного пола лишь на несколько сантиметров. Противолежащие концы конструкций были покрыты вертикальным слоем алебастрового раствора толщиной 4 см. Эта облицовка по северной и южной стороне каждой из двух полос кладки шла на 1,2 м от их торцов. Примерно в пределах облицовки кирпичи, входящие в кладку, были положены на глиняном растворе, насыщенном алебастром. Такой раствор необычен для хорезмской строительной техники и мог быть применен для придания кладке особой прочности, а также для лучшего скрепления с алебастровой облицовкой. Следует добавить, что около выкладок были отмечены над полом кирпичи того типа, который применялся для возведения сводов[*].

[*] (*ИЭ, Архив Хорезмской экспедиции, Полевой дневник 1950 г., № 6, с. 6.*)

Представляется очевидным, что рассмотренные кладки - основание трехарочного портала, отделявшего айван. Облицованные алебастром участки обозначают контур кирпичных столбов, на которые опиралась центральная арка трехметровой ширины. Боковые арки, имевшие меньший (2,4 м) пролет, были перекинуты между столбами и выступами, которые по западной и восточной стене определяют границу айвана.

По середине южной стены, замыкая ось симметрии всего ансамбля, находилась большая ниша. Глубина ее 0,8 м, ширина 2,05 м. Стены ниши сохранились на высоту 1,5-1,7 м. Они были покрыты росписями, которые почти уничтожены влагой и корнями растений. Удалось отметить, что до высоты 0,35 м от пола стена была окрашена в голубой цвет. Выше сохранились лишь чешуйки розовато-оранжевой и красной краски. На западной стене отмечен участок ярко-синего цвета.

У основания южной стены айвана мы смогли зафиксировать следы голубой оконтуренной черным полосы, которая опоясывала весь зал.

Никаких других следов многоцветной росписи ни на стенах айвана, ни в завале не отмечено. В то же время в процессе раскопок неоднократно фиксировалась побелка стен. Все это заставляет предположить, что в отличие от других парадных помещений айван был белым. Возможно, благодаря этому получали отраженный свет, достаточный для того, чтобы собравшиеся в ярко освещенном дворе могли видеть происходящее в крытом затененном айване. Допустимо предположение, что пестрый фон считался невыгодным или неуместным для церемоний, происходивших в айване, или же мешающим восприятию росписи в центральной нише. Добавим, что в айване были найдены куски побеленной обмазки, сохранившие с внутренней стороны отпечатки витых жгутов и балок, возможно потолочных.

В имеющихся публикациях парадный двор обычно назван Алебастровым залом. Это название было дано потому, что в пределах двора (который рассматривался тогда как

отдельное помещение) и лоджии сохранились участки пола, казавшиеся специально побеленными*. Толщина алебастрового слоя достигала 3 мм. Во множестве встречались куски ганча. Были найдены и определимые фрагменты алебастрового декора: лист аканта, розетты, что-то вроде плодов. Где размещались эти алебастровые украшения? Их не могло быть на стенах, где отмечена обычная глиняная лепнина. Очевидно, алебастровые барельефы накладывались на такую же облицовку портала. Для отделки этой архитектурной конструкции, которая с северной стороны была открыта для дождя и снега, необходим был водостойкий материал. Не исключено, что это подобие триумфальной арки украшали достаточно сложные композиции. Среди изображений могли быть фигуры тритонов и вздыбившихся козлов. Алебастровые формы для изготовления таких барельефов были найдены во дворце. В залах Центрального массива другого места, кроме портала, для них как будто не находится.

* (*Скорее всего это просто следы отделочных работ со значительным применением алебастрового раствора.*)

Помещение 12. По середине западной стены парадного двора, как уже было отмечено, находился широкий (2 м) дверной проем. Он вел в небольшое (около 10 м^2) помещение 12, которое наряду с почти идентичной комнатой 13, лежавшей напротив, составляло органическую часть планировки тронного ансамбля.

Стены помещения сохранились на высоту до 1,5 м. Скос, образованный разрушением, дает снижение поверхности с запада на восток. В западной стене была ниша, имевшая длину 2,1 м и глубину 0,6 м.

Комната была расписана, но на месте удержалось мало штукатурки, и это не позволяет представить декоративную схему достаточно ясно. По низу стен, заходя в нишу, шла голубоватая полоса, оконтуренная черным. Высота ее 35-40 см. На северной стене на 1 м выше пола были отмечены следы красной, черной и белой краски. Видимо, они относились К поясу росписи, более сохранившиеся участки которого найдены в завале (в северной части комнаты и во входе). По алому фону была нанесена решетка из белых линий с поперечными черными полосками (рис. 28, 5). Они образовывали ромбы или квадраты со стороной около 25 см. В месте пересечения полос - небольшие кружочки. В центре каждой ячейки - четырехлепестковая белая розетта. Она строилась на основе процарапанного циркулем круга, имевшего диаметр 12 см. От места соприкосновения лепестков отходят черные мазки пикообразной формы. В верхних слоях завала было много кусков штукатурки с однотонной черной или белой раскраской.

Можно думать, что над основным декоративным поясом с цветами в сетке проходила сравнительно широкая черная полоса, а верх стены был белым. К сюжетным или символическим изображениям мог относиться фрагмент, лежавший во входе: от округлой фигуры белого цвета с оранжевыми штрихами по краю отходят три оранжевые полосы. По мере удаления от основания они сближаются и должны пересечься. Сюжетная композиция могла находиться в нише. Однако там в намывах сохранился лишь фрагмент с цветочным орнаментом по красному фону. Белые четырехлепестковые розетты диаметром 5 см располагались как будто в шахматном порядке. Орнамент дополняли остроконечные цветы или бутоны, изображенные сбоку на стебельке с двумя листьями. Наряду с ними представлены "трубочки", обертывающие веточку с листом (рис. 28, 1). Этот свободный и красивый орнамент довольно широко применялся художниками, расписывавшими дворец. В нише он скорее всего был на боковой стенке.

Помещение 13. Восточный придел парадного двора имел длину 4,5 м и ширину 1,8 м. В южной и северной стенах на высоте 0,4 м от пола были устроены небольшие ниши, белые внутри. Ширина их 1,1 м, глубина 0,8 м. Вся комнатка, исключая проход, была заложена кирпичами на глиняном растворе. Есть основание полагать, что это сделали вскоре после завершения отделочных работ для укрепления стены Зала царей. Убрав закладку, мы обнаружили на стенах следы росписи.

Внизу шла голубая полоса, нанесенная, как и во всем ансамбле, без алебастрового грунта на хорошо затертую глину. Выше располагалась сюжетная роспись, красочный слой которой был положен на тонкую алебастровую подгрунтовку. Этот слой сохранился лишь на немногих участках в виде отдельных пятен черного и розовато-оранжевого тона. Можно было отметить, что черные пятна относились к раскраске каких-то фигур, а оранжевые - к фону. Из-под краски и подгрунтовки местами проступали красновато-коричневые линии какого-то контурного рисунка, нанесенного на глиняную штукатурку. После тщательной фиксации красочных пятен рисунок был раскрыт.

Несколько слов о соотношении цветного и контурного изображений. Рисунок, несомненно, нанесен смелой и уверенной рукой, и трудно думать, что опытный художник, располагавший всей гаммой ярких красок, собирался оставить в плохо освещенной комнате-нише лишь грязновато-коричневые контуры на достаточно близкой по тону глине. Местами видно, что мастер передвигал неудавшуюся линию, как это делают на предварительном наброске. Заметно, что порой он работал грязной или иссыхающей кистью. Следы черной краски находились лишь в пределах участков, предварительно оконтуренных по глине; под оранжевым фоном нет контурных линий. Все это заставляет говорить о предварительной прорисовке всей композиции, которая, очевидно, после соответствующего утверждения покрывалась тонким алебастровым грунтом и повторялась уже в окончательном многоцветном варианте. Контурные линии, вероятно, слегка просвечивали и служили опорой для живописца или его помощников. Заметим, что росписи, выполненные по подстилающему наброску, встречались и в других комнатах дворца.

Сохранность предварительного рисунка также оказалась очень плохой, но некоторые детали удалось разобрать (рис. 27, 5). Композиция занимала все 4,5 м восточной стены и, возможно, переходила на другие. К сожалению, стена уцелела лишь на 1 м в высоту. У ее южного (правого на рисунке) края над голубой полосой хорошо заметны две передние ноги с копытами, расположенные горизонтально. Ближе к середине стены достаточно ясно видна еще одна пара ног существа, как бы устремившегося навстречу первому. Остальные обрывки линий поддаются осмыслению с меньшей точностью. По-видимому, чудовище в центре композиции имело "русалочий" хвост, извив и плавник которого намечаются слева. Идущие сверху вниз линии, пересекающие фигуру "гиппокампа", вероятно, относятся к платью богини, на нем восседающей. Следует заметить, что при том положении, которое придано ногам с копытами, реальное животное просто не могло быть изображено над панелью. Над ней либо распластано какое-то чудовище, либо часть его погружена в воду, которую в данном случае и могла передавать голубая полоса. В целом композицию можно отнести к категории так называемых "морских триумфов" с их морскими кентаврами, конями, быками, дельфинами и т. д.[*] Следует полагать, что весьма популярная в римское время сцена была воспринята в Хорезме в связи с культом местной речной богини. Изображения ее на гиппокампе известны в хорезмийской глиптике[**].

[*] (*Обратим внимание на раздвоенные "бычьи" копыта правой фигуры. Вероятно, именно дельфин (с обычным для таких изображений "гребешком") передан над левым копытом "гиппокампа". Ср., например: Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба. М.: Искусство, 1980, илл. 168, 172.*)

[**] (*Толстов С. П. Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ, 1948, с. 304, табл. 83, 10.*)

Помещение 13 следует, видимо, считать своего рода приделом, посвященным водной стихии. В пользу этого свидетельствует его место в рассматриваемом ансамбле, размеры и планировка, ниши, которые явно не могли иметь бытового назначения, и, наконец, роспись, которую мы попытались истолковать.

Теперь можно приступить к обобщенному анализу планировки ансамбля тронного зала. Прежде всего следует сказать, что она дает яркий пример так называемого дворово-айванного комплекса, характерного для дворцовой и храмовой архитектуры Востока с глубокой древности до средневековья. В подобных комплексах неизменно сочетались парадный двор, где стояли подданные или молящиеся, и доступное для их взора перекрытое помещение меньших размеров, где восседал царь или был поставлен какой-либо кумир. Нередко двор и айван соединяет широкий проем, перекрытый высокой аркой, по сторонам которой бывают две арки меньших размеров. Мы не станем приводить здесь примеры планировок, сопоставимых с топраккалинской. Они достаточно известны и образуют длинную цепь, в числе первых звеньев которой древнейшие дворцы Двуречья, а среди завершающих - храмы и дворцы Пенджикента, Варахши и Калаи Кахкаха, Интереснее и важнее определить значение рассматриваемого ансамбля, исходя из его места в системе дворцовой планировки, особенностей и взаимосвязей отдельных его элементов.

Двор, лоджия и айван - составные части комплекса - объединены осью симметрии, идущей с севера на юг. Эту ось замыкает южная ниша зала, которая является, таким образом, композиционным фокусом всего ансамбля. Более того, она находится и на меридиональной оси Центрального массива - ядра всего дворца. Это заставляет предположить, что южная ниша рассматривалась как наиболее почетное и священное место во всем колоссальном сооружении. Однако не станем спешить с этим выводом. Широтная ось сооружения проходит по трехарочному порталу, отделявшему айван. Здесь же пересекаются диагонали всего огромного квадрата, в который вписан основной дворец. Итак, в пределах тронного ансамбля заключены два композиционных центра планировки, несомненно являющиеся также центрами функциональными и символическими. Это южная ниша и главная арка портала.

В нише могло быть живописное или скульптурное изображение главного божества. Достаточно вероятно также, что она предназначалась для трона. Однако культовым центром всего сооружения, местом кульминации важнейших церемоний и обрядов была, очевидно, центральная арка. Исходя из принятых теперь представлений о древней символике квадрата и таких сооружений, как пирамида, зиккурат, храм[*], придется заключить, что и квадратный дворец на пирамидальной платформе ассоциировался с моделью мира, мировой горой. Универсально представление, что через нее проходит ось мира (axis mundi), здесь находится "пуп земли" (’ομφαλός nabhi). В ритуале этот мифический центр совпадает с местом жертвоприношения, алтарем, тем или иным фетишем. Более четко указать центр "горы", чем это сделано планом Центрального массива, кажется, невозможно. Но ось была отмечена еще трехпролетным порталом, который сам по себе рассматривается как аналог мироздания, вариант мирового древа и служит излюбленным обрамлением для многих ритуальных действий[**].

[*] (*См. соответствующие статьи в книге: Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. экцикл., 1980; Т. 2, 1981. Там же библиография вопроса.*)

[**] (*Smith E. B. Architectural Symbolism of Imperial Rome and the Middle Ages. Princeton: University Press, 1956, p. 10, 30, 181; Топоров В. Н. О брахмане. - В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974, с. 68-70; Фриденберг О. М. Семантика архитектуры вертепного театра. - Декоративное искусство СССР, 1978, № 2, с. 42, 43. Дворец - постройка, считавшаяся сакральной в той же мере, как и власть царя. Очень характерны суждения ал-Бируни на эту тему: "Затем оно (право на царство) сосредоточивается в руках одного человека, более достойного, чем другие, и переходит к его потомству, его наследнику, и царство окончательно закрепляется за ним. К этому добавляются и чудеса, благодаря которым достигается огромная мощь, а именно, помощь свыше и божественный приказ, указывающий на род, за пределы ствола которого царство не должно выходить... Цари, отличаясь от прочих этими (особыми) свойствами, усугубляют такое свое отличие тем, что воздвигают дворцы, строят обширные замки, просторные дворы и площади и восседают высоко на тронах. Все это они делают, чтобы подняться к небесам и превознестись над знатными и простыми" (Абу Райхая Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 27).*)

Можно полагать, что в топраккалинском дворце под центральной аркой получали свое завершение не только тронные церемонии, но и обряды, начинавшиеся в нескольких святилищах-"целлах". Это могло быть явление царя после приобщения к божеству, вынос переносной статуи бога или алтаря со священным огнем. Вполне вероятно, что боковые арки при этом предназначались для двух спутников царя, божества или главного огня. Не следует забывать и о двух помещениях (12 и 13) по сторонам парадного двора. Вполне возможно, что они были небольшими святилищами богов, входивших в одну триаду с тем, чье изображение находилось в южной нише тронного зала. В этой связи отметим, что наряду с планировочной схемой, при которой к двору примыкает один "айван", в древневосточной архитектуре существует другая - с айванами или портиками по всем четырем сторонам. В наиболее четком виде она представлена культовой постройкой 3 в Дахани-Гуламан (Сеистан, конец VI-IV в. до н. э.). Особенностью этого памятника являются три огромных алтаря посредине двора. Их связывают с триадой древнеиранских богов - Ахурамаздой, Анахитой и Митрой. Путем тонкого анализа археологических деталей У. Шерато показал вероятность того, что культу трех божеств были посвящены и три "портика" постройки (четвертый был связан со входом)[*]. Возникает вопрос, не являются ли помещения 12 и 13 рудиментами той же планировочной схемы[**] и свидетельством почитания трех великих богов в Хорезме? Роспись в восточном приделе, очевидно посвященная водной стихии, которую в иранских религиях олицетворяла прежде всего Ардвисура Анахита, делает это предположение вероятным. Мы еще не раз столкнемся с троичностью в планировочных построениях во дворце и вновь обратимся к материалам Дахани-Гуламан.

[*] (*Scerato U. Evidence of religions Life at Dahan-e Ghulaman, Sistan. - South Asian Archaeology, Naples, 1979, v. 2, p. 709-735.*)

[*] (*В этом случае южную часть тронного зала (11б и 11в) можно рассматривать как результат развития одного из равноценных элементов исходной планировки. Вероятно и объединение двух планировочных схем в архитектуре зала 11.*)

Коротко скажем о перестройках, которые прослежены в рассматриваемом комплексе. О скорой закладке помещения 13 мы упоминали; подчеркнем, что входной проем при этом превратился в большую нишу, что позволило сохранить основной принцип плана. Очень тщательно была заложена ниша в южной стене. Три слоя до блеска заглаженных обмазок на полу ниши указывали, что это произошло не сразу. Наносов на верхнем полу не было. Лицевая поверхность закладки была выведена в одну линию со стеной, которая после этого была покрыта новым слоем штукатурки. Ликвидацию центральной ниши тронного

ансамбля, как и разрушение портала, мы склонны связывать с оставлением дворца, где нельзя, видимо, было оставить элементы архитектуры, которым приписывали символическое и магическое значение*.

* (*Если кто-то даже случайно садился на трон, это считалось ужасающим предзнаменованием для царя (ср.: Арриан. Поход Александра, VII, 24, 1-3; Плутарх. Александр, LXXIII; Диодор. Историческая библиотека, XVII, 116).*)

Дальнейшие переделки произошли после периода запустения, о чем свидетельствуют куски рухнувшей штукатурки и намывы под прикладными стенами. Одна из них закрыла южную стену. По северной границе лоджии была поставлена стенка или забор, расчленившая комплекс. Торцы этой кладки приставлены к штукатурке с росписью на старых стенах. В этот период были выровнены наносы и обломки, скрывшие основание срубленного ранее портала. К западной стене двора была приложена кладка, введенная и в декоративные ниши. Проход в помещение 12 был сужен, но сохранен.

Большая часть поверхности в пределах участка 11а смыта ниже уровня первоначального пола. Те поздние наслоения, которые сохранились в пределах комплекса, свидетельствуют о чисто бытовом использовании дворов в последний период. В северо-западном углу участка 11а был врыт большой хум.

3. Зал танцующих масок (помещение 14)

Помещение 14 - почти квадратный в плане зал площадью чуть больше 100 м^2. Он расположен западнее айвана тронного зала и является единственным крупным помещением, непосредственно связанным с этим центром дворцовой планировки. Особенности архитектуры и убранства Зала танцующих масок, которые мы сейчас рассмотрим, также указывают на его важное значение.

Стены помещения сохранились на высоту от 0,4 до 1,7 м. Первоначально стены должны были достигать 6-7 м, о чем можно судить по тем же косвенным данным, которые приведены для помещения 11.

В 1972 г. в центре зала была обнаружена квадратная (2×2 м) кирпичная выкладка с прокаленной поверхностью (рис. 33Б). Многое заставляет полагать, что это - уцелевшее основание алтаря* или, вероятнее, подиума для металлического или каменного жертвенника.

* (*Кирпичный столбообразный жертвенник мог быть срублен почти до основания, но и позднее на его месте, возможно, эпизодически зажигали ритуальный огонь. Следы подобных совершавшихся по традиции обрядов мы отмечали в других заброшенных святилищах дворца.*)

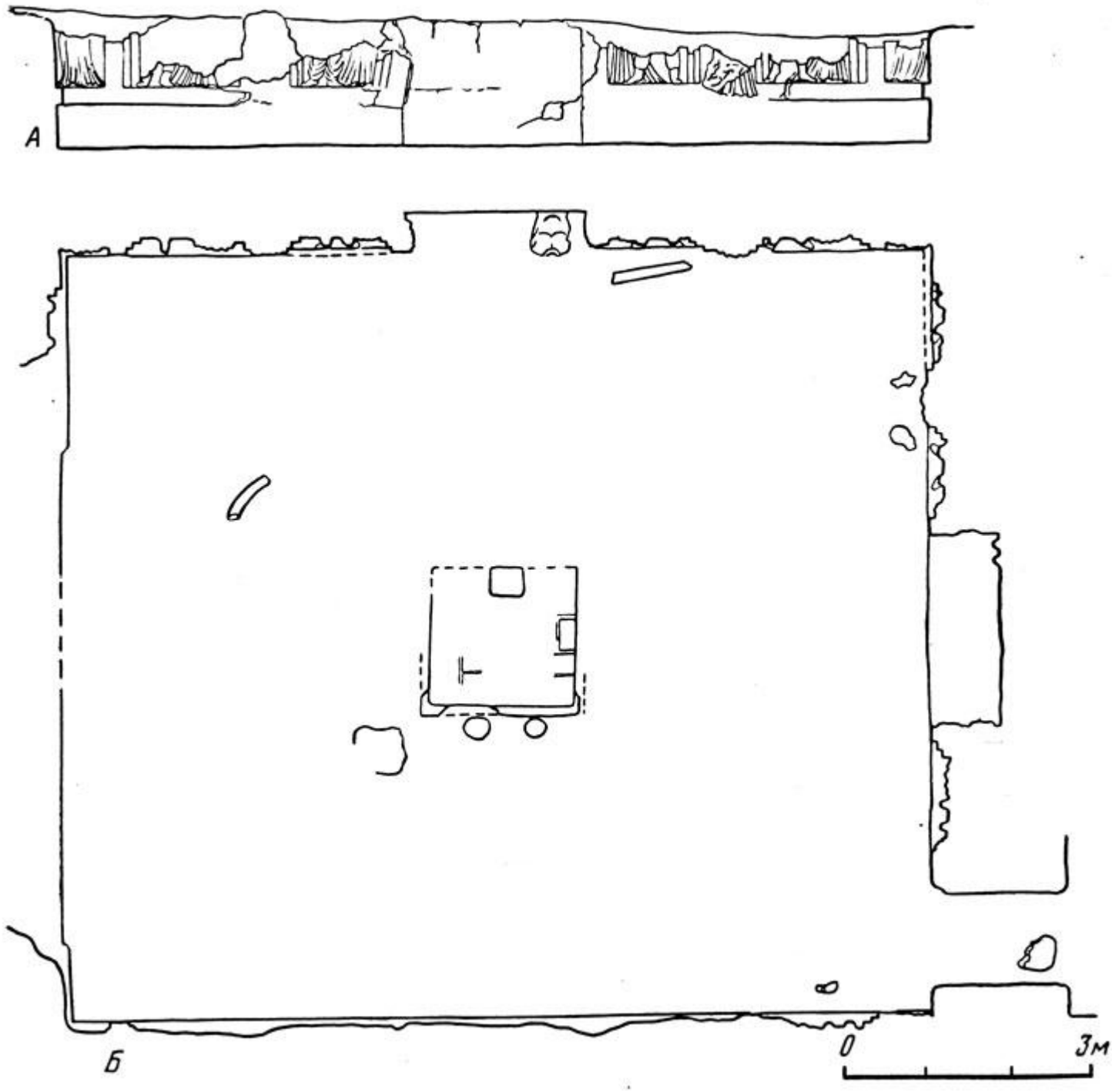

Рис. 33. Зал танцующих масок (помещение 14): А - северная стена, фасад; Б - план

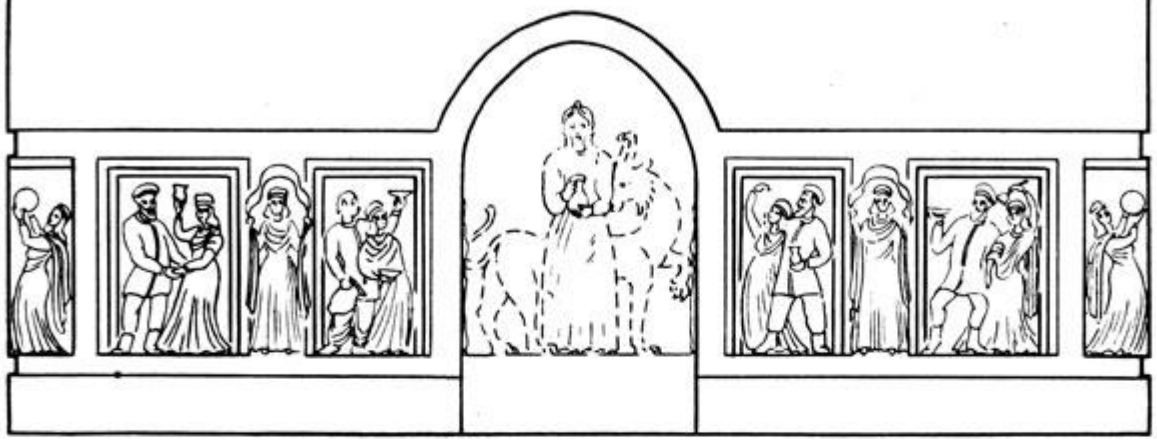
Около угла вымостки отмечено прямоугольное вдавление в пахсовую кладку, подстилавшую пол помещения. Очевидно, это след базы колонны. Большой обломок каменной базы был найден в дверном проеме. Это часть квадратного плинта со стороной 51 см, его особенностью является округленность углов. Все это позволяет считать, что плоское перекрытие зала опиралось на четыре колонны, расположенные около центральной вымостки; над алтарем в кровле могло быть квадратное отверстие.

Посередине трех стен зала были большие ниши. Одна из них, северная, имела дно на том же уровне, что и пол всего помещения. Ширина ее 2,2 м, глубина 0,5 м. Дно восточной ниши было на 0,4 м выше пола; ширина ее 2,37 м, глубина 0,83 м. Западная ниша сильно разрушена промоиной, но по сохранившимся следам ее можно считать аналогичной

противолежащей. В южной стене, сохранившейся на достаточную высоту, несмотря на тщательные поиски, мы ниши не обнаружили. Сверху большие ниши перекрывались арками, об этом можно судить по дугообразным кускам налепного глиняного обрамления, найденным в завале.

Во всех четырех стенах были неглубокие ниши, предназначенные для размещения барельефных панно. Они находились на высоте 0,6 м от пола, над горизонтальной глиняной тягой, которая имела толщину 6-8 см и ширину 20 см. Ширина каждой ниши около метра (от 0,92 м до 1,18 м). Боковые стеночки были раскрепованы - имели прямоугольный выступ со сторонами по 10 см. Кроме того, каждое панно было обрамлено вертикальными налепами, толщина которых 8 см, а ширина 10 и 20 см (более широкие полосы были около центральных ниш). Вертикальные налепы внизу смыкались с горизонтальной тягой; такая же тяга, очевидно, проходила и над панно (рис. 34А).

А

Б

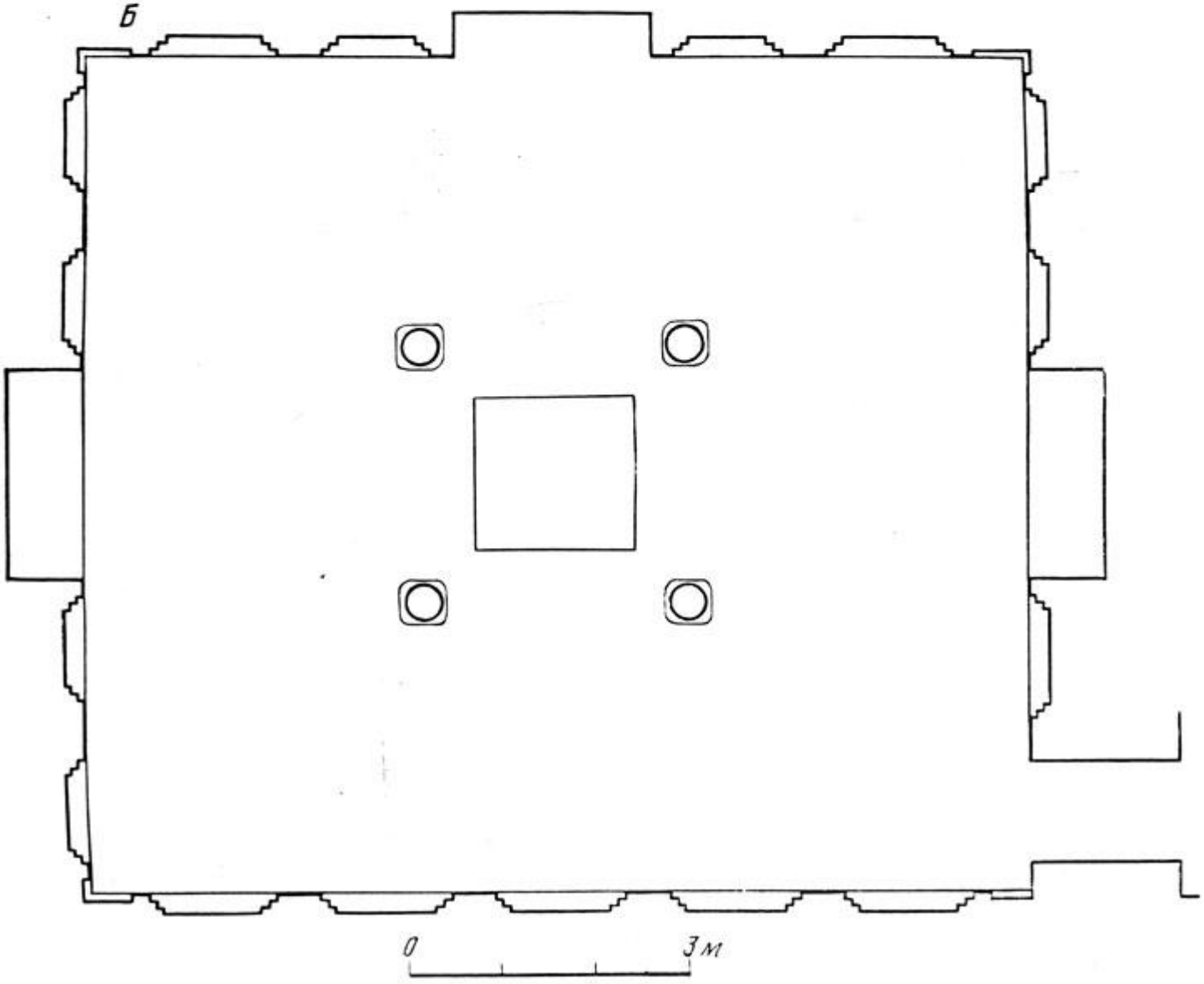

Рис. 34. Зал танцующих масок (помещение 14): А - северная стена, реконструкция; Б - план, реконструкция

По налепным полосам была нанесена роспись: на черном фоне белые круги с двумя красными концентрическими кольцами внутри; диаметр кругов 14,5 см, они отстояли друг от друга на 6,5 см. Низ стены был окрашен в серовато-голубой цвет. О росписи над поясом с барельефами приходится судить по нескольким сравнительно небольшим обломкам, найденным в завале. Это крупные (до 25 см в диаметре), несколько отличающиеся друг от друга розетты, которые, очевидно, и были основным элементом орнамента. Можно отметить восьми лепестковые серые и желтые цветы на красном фоне. Очень красивы розетты с 16 лепестками, прорисованными темно-красными линиями поверх пяти концентрических окружностей разного цвета (вокруг белого кружка - кольца: темно-красное, розовое, белое, светло-оранжевое и темно-оранжевое; рис. 35, 3). Рядом с этим цветком, как бы пронизанным солнечным светом, на розовом фоне изображены ветки с голубовато-серыми листочками. Возможно, эти веточки образовывали ромбическую сеть орнаментального построения. Были встречены также желтые круги на оранжевом фоне и роспись красным по черному - может быть, пальметты. Убранство стены, возможно, завершала лепная гирлянда. Однако найденные в завале обломки могли относиться и к атрибутам персонажей на барельефных композициях.

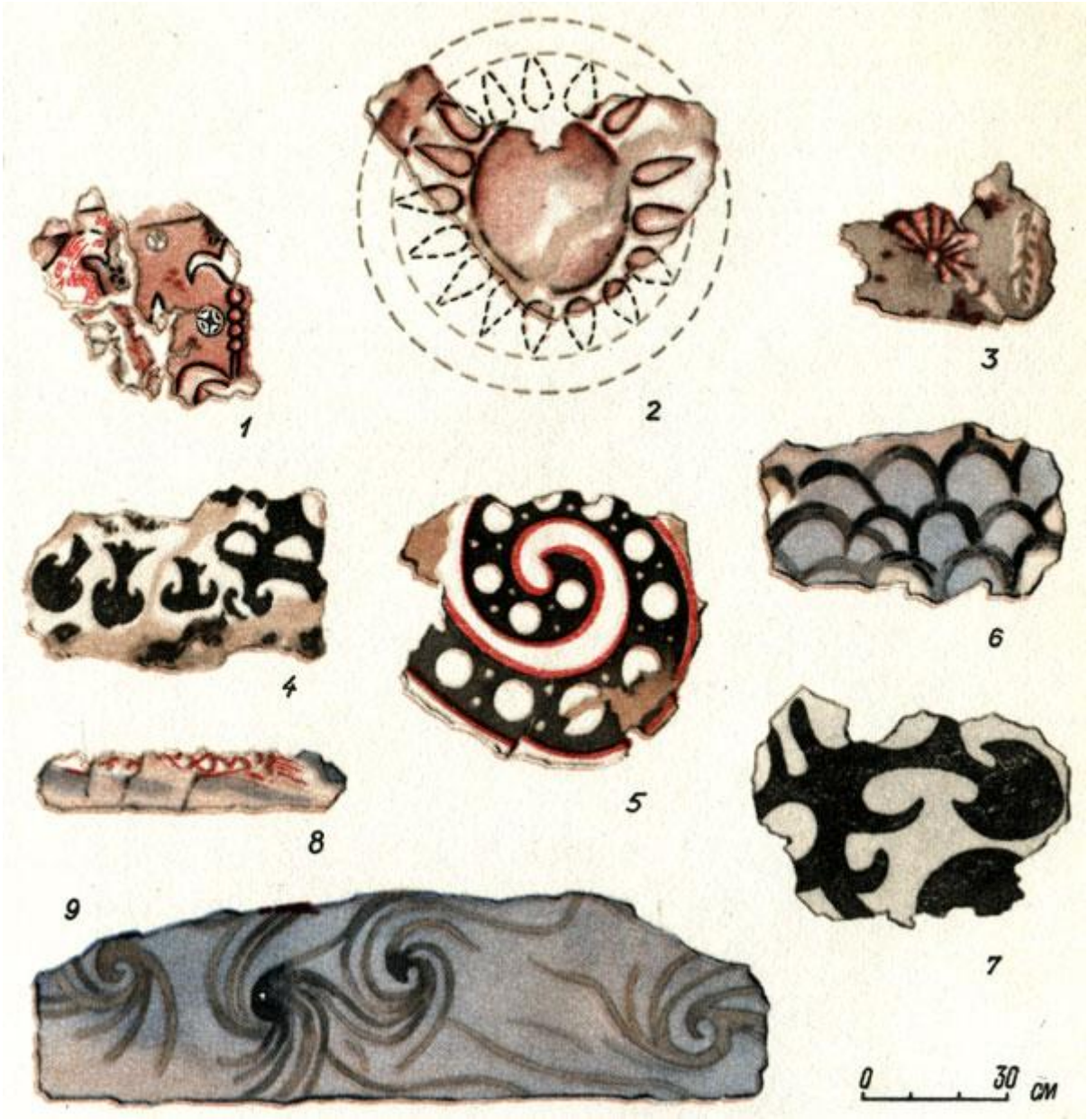

Рис. 35. Таблица II. Орнаментальные мотивы в росписях дворца: 1 - из помещения 28; 2 - из помещения 75; 3 - из Зала танцующих масок; 4 - из помещения 24; 5 - из помещения 67; 6 - из помещения С-6; 7 - из помещения 16; 8, 9 - из помещения С-3

Перейдем к их описанию, предварительно напомнив, что, судя по дошедшему до нас, во всех неглубоких нишах были переданы в натуральную величину пляшущие попарно мужчины и женщины, а в простенках находились одиночные женские фигуры того же масштаба. На месте уцелели лишь ноги танцоров.

У западного (левого для смотрящего) края северной стены на ее основной плоскости была передана женская фигура, расположенная в профиль влево. Нога прижата к углу, в то время как большую часть простенка занимают складки развевающегося платья и еще остается довольно большой участок зеленого фона (рис. 36). Часть складок подола скульптор перевел на западную стену. Естественно, он не мог использовать этот прием для головы изображения. Для того чтобы она не упиралась носом в угол, необходимо было сильно откинуть корпус назад. В этом случае женщина имела позу, характерную для вакхических плясок.

Рис. 36. Северо-западный угол Зала танцующих масок (помещение 14)

Барельеф в западной нише северной стены почти полностью разрушен. Можно было отметить, что женское изображение в длинном зеленом платье было справа, а мужское - слева. На простенке правее этой ниши барельеф не сохранился.

На панно, расположенном левее большой (центральной) ниши, фигуры были показаны движущимися к ней в танце, сохранились красные складки платья женщины, как бы "плывущей" впереди партнера. Левая нога мужчины повернута боком, правая развернута, и ее носок оттянут назад. Танцор одет в широкие красные штаны, стянутые на щиколотке и свисающие мягкими складками, серповидными спереди. В завале около правой ступни найден обломок, изображающий кисть руки, касающейся другой фигуры. Фрагмент показывает, что в своей верхней части композиции были горельефными.

В центральной нише северной стены также была скульптура. Фрагмент барельефа, несколько сползший с западной стенки, изображает низ красного платья (рис. 37). Женщина, видимо, была передана танцующей: левая нога отведена в сторону, ее носок оттянут, складки платья обернули правую ногу. Задняя стенка ниши следов скульптуры не сохранила, на высоте 0,6 м на ней заметен след горизонтальной тяги. В восточном углу найден фрагмент барельефа - торс женщины в темно-красной одежде (рис. 38). Заметно широкое ожерелье. Левое плечо опущено и, видимо, охвачено легким шарфом. Судя по направлению складок, они могли быть переданы взметнувшимися вверх. Фигура, очевидно, была развернута в три четверти вправо на восточной стене и была парной той, от которой сохранился подол у противоположной стороны ниши.

Танцоры справа от центральной ниши изображены примерно в том же движении, что и на симметрично расположенном предыдущем панно, но здесь фигуры повернуты левой стороной. Ноги танцующей скрыты длинным платьем зеленого цвета; ткань спереди обтягивает левую голень, сзади тянется шлейф. Правая нога мужчины, пропустившего даму немного вперед, показана на фоне ее платья. Ступня опирается на полупальцы. Левая нога развернута, ступня оттянута назад и упирается в край ниши. Одежда мужчины красная, но несколько иная, чем на парном барельефе: штаны более узкие и доходят лишь до низа икры; сапожки мягкие, облегающие ногу.

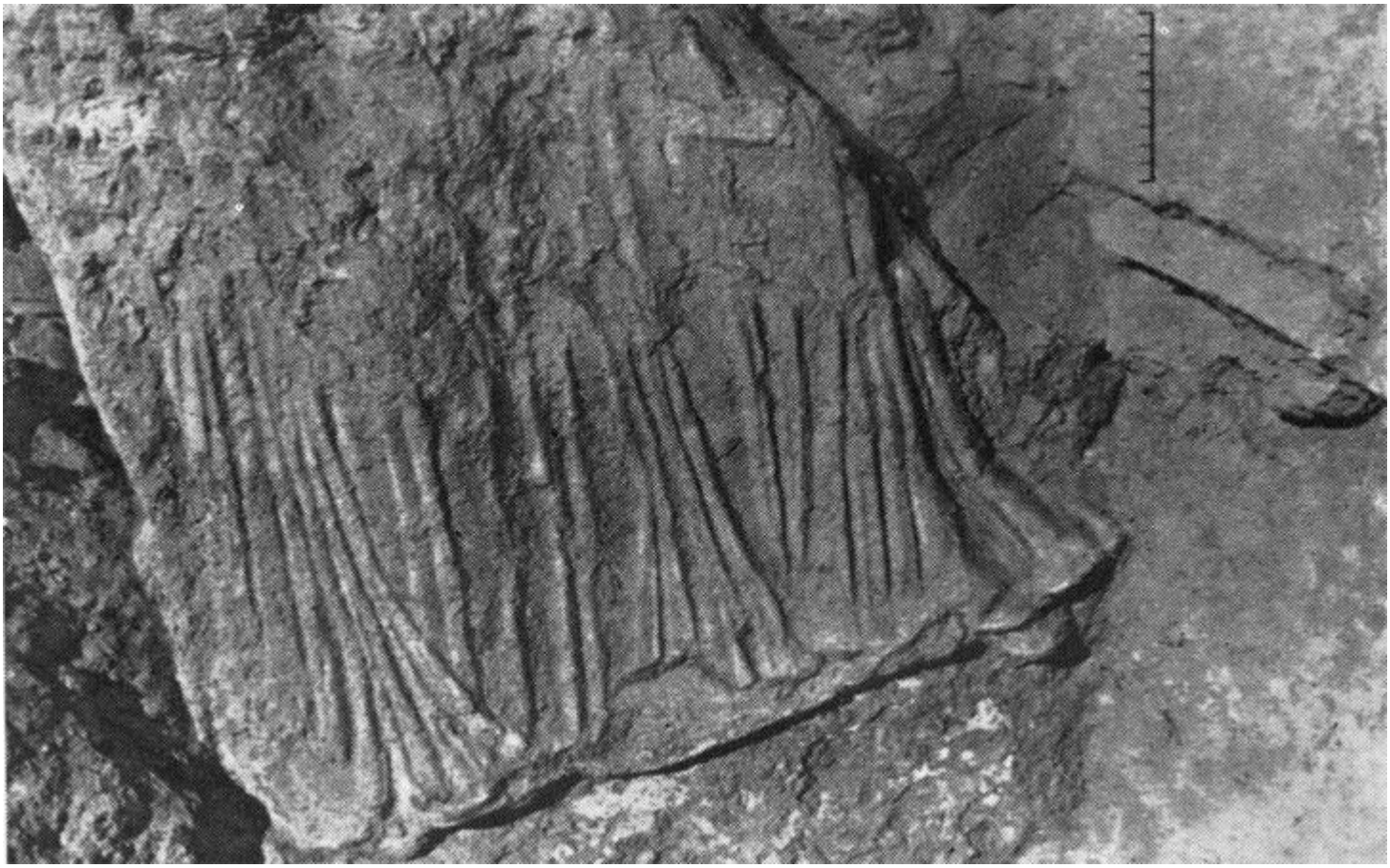

Рис. 37. Барельеф на западной стене центральной ниши северной стены Зала танцующих масок (помещение 14)

Рис. 38. Женский торс в завале в центральной нише северной стены Зала танцующих масок (помещение 14)

На простенке правее вышеописанного панно сохранились следы женского изображения в длинном платье. Фигура, видимо, располагалась фронтально.

В четвертой нише, крайней справа, барельеф сохранился на незначительную высоту, но несколько лучше других (рис. 39). Мужская фигура была расположена с левой стороны панно и, очевидно, повернута в три четверти влево. Левая нога поставлена боком, пятка ее приподнята. Правая ступня показана с небольшим разворотом и опорой на полупальцы. На ногах облегающие сапожки. Одежда красная. Женская фигура, занимавшая правую половину ниши, была, видимо, повернута в три четверти влево, к партнеру по танцу. Левый носок вытянут вперед. Великолепно переданы разметавшиеся складки розового платья танцующей.

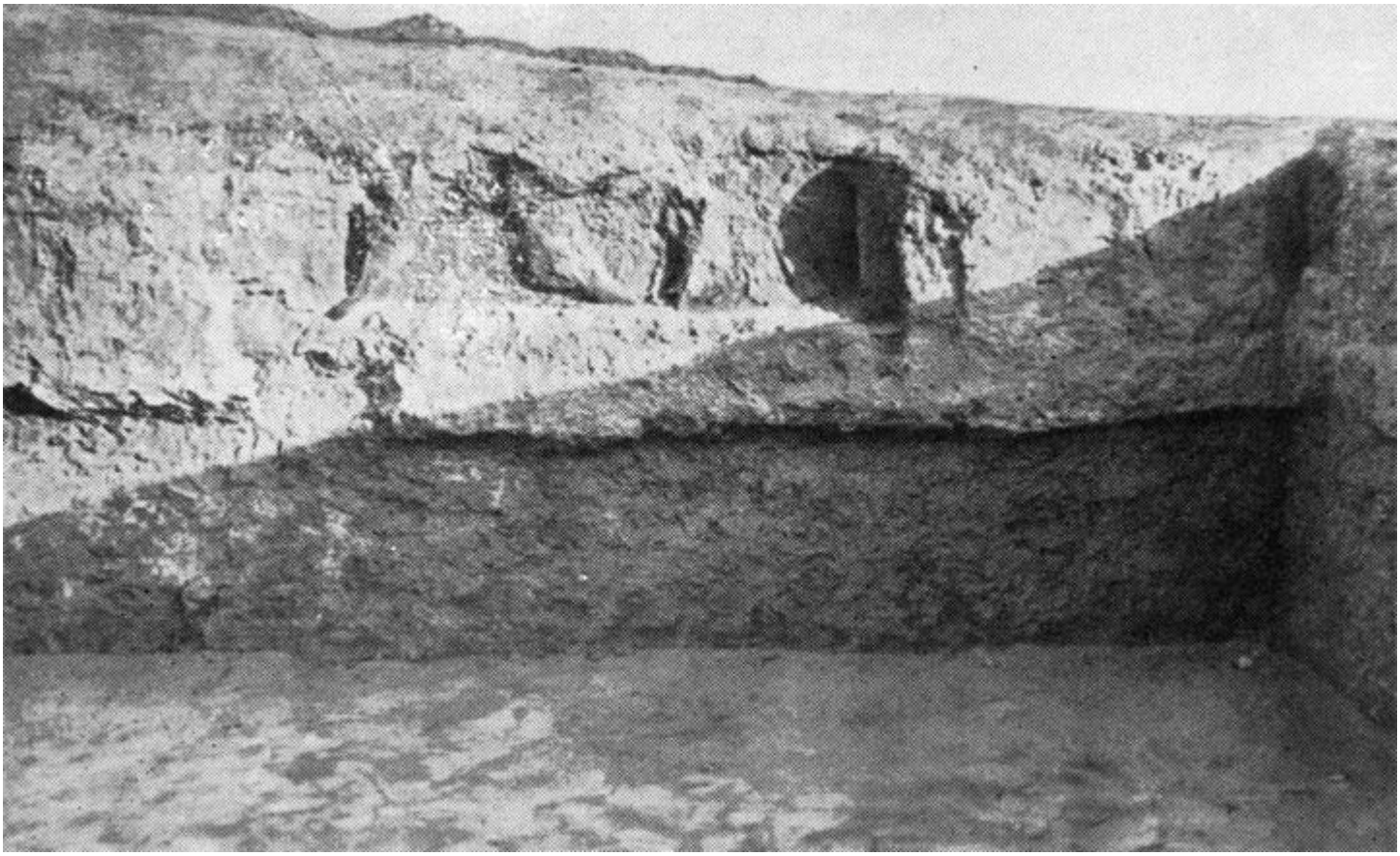

Рис. 39. Зал танцующих масок (помещение 14). Северо-восточный угол

На восточном конце северной стены следы барельефа весьма нечетки. Заметив определенное стремление к симметричному расположению фигур и композиций, можно предположить, что и здесь была "вакханка".

Рассмотрим теперь то, что сохранилось на восточной стене зала и около нее. Здесь было три ниши с барельефными панно и на месте четвертой - дверной проем. Отличие от оформления северной стены еще в том, что угловые простенки очень узки и барельефов не несли.

На северном панно, сохранившемся лишь на 30 см, композиция была, видимо, аналогичной той, которую вмещала четвертая ниша северной стены. Также расположено слева изображение мужчины в красной одежде, справа - женщины в розовой. Передана та же позиция танца.

Плоскость стены между первой и второй нишами украшал барельеф, изображавший женщину в зеленом платье. Она, очевидно, была показана фронтально. Ступни поставлены на ширину плеч и развернуты в стороны. Женщина опирается на носки, которые выступают из-под складок платья. Очевидно, и это было изображение танцовщицы.

В следующей к югу нише барельеф был почти разрушен. Можно лишь отметить, что мужская фигура была сдвинута к левой стороне панно, одежда на сохранившемся уровне была красной. Видимо, этой фигуре принадлежала голова, к сожалению, единственная, найденная в зале. Она лежала около стены, на 40 см выше пола и в 2,2 м от северо-восточного угла помещения. Высота фрагмента 33 см, толщина рельефа достигает 10 см. Тыльная плоскость горельефа не сохранилась, и поэтому трудно сказать, фронтально или в три четверти было дано изображение на стене. Отсутствие левого уха может

свидетельствовать в пользу второго предположения. Передано розовато-желтое лицо с усами и длинной черной бородой, которая начинается на висках и выбрита под нижней губой (рис. 40). На месте верхней губы линия разрушения, не сохранилась большая часть носа. Под черными сросшимися бровями выпуклые глаза миндалевидных очертаний, по векам они обведены черной краской. Ею же обозначены зрачок и край радужной оболочки. На голове светлая шапка. В ее основе белая лента со следами черного узора, выше желтоватая, чуть нависающая тулья, большая часть которой разрушена. Правое ухо расположено значительно выше и ближе к глазу, чем это требует натура. Оно заострено вверху и выглядит скорее звериным, чем человеческим! К тому же на ухе сохранилась местами черная краска. Вверху ухо мягко сливается с шапкой. Интересна и такая деталь скульптуры: от уха по лбу, вверх и к центру, проходит обозначенный рельефом рубец, точнее - граница небольшого перепада поверхности. Создается впечатление, что ухо - деталь головного убора, хотя они и окрашены в разные цвета. Явных признаков того, что на голове была изображена маска, нет. Следует в то же время подчеркнуть, что голова значительно грубее и примитивнее, чем этого можно было ожидать, зная, как свободно и правильно были исполнены торсы и ноги. Как-то слишком резко наведены черным брови и веки, не проработана ни рельефом, ни росписью борода. Все это позволяет думать, что если перед нами не маска в прямом смысле слова, то изображение ряженого. Отсюда установившееся наименование зала.

Рис. 40. Голова персонажа с ушами животного. Зал танцующих масок (помещение 14)

Не исключено, разумеется, что изображено фантастическое существо, голову которого скульптор передал, следуя давним и достаточно примитивным канонам*, может быть,

даже сознательно избегая реалистических приемов безусловно знакомой ему эллинистической школы[**].

[*] (*Ср.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971, с. 41, 42, рис. 4.*)

[**] (*На Северном комплексе Топрак-калы была найдена алебастровая форма для изготовления головы козлоухого, рогатого персонажа, достаточно близкого сатирам в эллинистическом искусстве (Рапопорт Ю. А., Гертман А. Н. Работы на Топрак-кале. - АО, 1977, рис. на с. 539).*)

В большой центральной нише барельефы обнаружены на ее боковых стенках. На правой из них были две стоящие рядом женские фигуры. Сохранилась нижняя часть изображений, примерно от коленей. Переданы легкие ниспадающие одежды, обрисовывающие ноги. У скульптуры, расположенной глубже, подол красного платья как бы лежит на дне ниши. У второй показаны кончики ступней, немного развернутых в стороны. Платье этой скульптуры было желтым. Остатки скульптуры на северной стенке очень незначительны. На задней плоскости ниши ее, как кажется, и не было.

Между центральной нишей и дверным проемом панно сохранилось лишь на 27 см в высоту. Справа были заметны складки платья и слева - ноги мужского изображения в широких штанах, перехваченных у щиколотки.

На южной стене у ее восточного края была изображена женская фигура, повернутая в профиль влево, раскраска не сохранилась. На обломке, лежавшем в углу, по моделировке одежды отмечена роспись красным, белым, желтым и оранжевым. Рядом с плясуньей - единственная сохранившаяся ниша с барельефным панно. Женская фигура в длинном платье занимала его левую сторону. Этой скульптуре, очевидно, принадлежала рука с браслетом, найденная тут же в завале. Сохранившегося достаточно, чтобы считать, что принцип убранства южной стены был таким же, как и у остальных. Однако поскольку глубокой ниши здесь не обнаружено, очевидно, на ней размещались пять барельефных панно. Выделялось ли чем-нибудь центральное из них, мы сказать не можем.

На западной стене уцелела лишь одна ниша у северного края. В ней отмечены складки розового платья слева и ступня мужского изображения.

Обобщим данные о барельефах. Достаточно ясно можно представить себе пестрый рой танцоров, который охватывал зал. Число фигур в этом поясе, по-видимому, достигало 55 (16 пар, 13 танцовщиц между панно, 10 женских фигур на боковых стенках глубоких ниш). Среди них лишь 16 мужских персонажей. На панно не повторялось изображение одной и той же пары, а на простенках - одной и той же плясуньи. Об этом свидетельствует разная раскраска платьев: красных, зеленых, розовых, желтых или многоцветных. Мужская одежда всегда красная, но двух типов: узкие штаны, заправленные в сапожки, или широкие шаровары. Не исключено, что ряженые мужчины уподоблялись каким-то двум персонажам.

Все или почти все фигуры были переданы танцующими. Живость и правильность изображений, видимо, свидетельствуют о воспроизведении фигур реально известного парного танца. Хотя архитектурные детали и расчленяли скульптурный пояс на отдельные участки, в целом он, несомненно, оставлял впечатление единого пестрого хоровода. Некоторые моменты могут указывать на сознательное стремление к этому: платье фигуры, изображенной на одной стене, может переходить на другую; без обрамления размещены фигуры на боковых стенках центральных ниш. При всем разнообразии в позах танцующих фигур их расположение и направление движения безусловно подчеркивают, что центр

композиции каждой стены - большая арка. Очевидно, в центре каждой из них находились какие-то изображения, более значительные, чем танцоры. Из трех таких изображений важнейшим было то, которое находилось под северной аркой. В этом убеждают композиция зала и тот простой факт, что восточная и западная ниши идентичны, а северная отличается от них.

Что же могло быть главным в центральных нишах? Мы уже отметили, что в восточной из них на задней стенке барельефов не нашли, хотя состояние ее было сравнительно неплохим и работа здесь велась очень тщательно. Приходится думать, что в нишах на широтной оси главные изображения были выполнены живописью или же в круглой, отделенной от стены скульптуре. Последнее предположение кажется более вероятным, так как объясняет большую глубину восточной и западной ниш.

Среди фрагментов скульптуры, найденных в завале и не связанных с барельефами, удержавшимися на стене, привлекает внимание обломок с большой когтистой лапой и крупными складками женского платья (рис. 41). То, что нам известно о повторяющихся звеньях, из которых состоял скульптурный пояс, не оставляет на них места для изображения хищника или чудовища. Размеры лапы показывают, что оно было большим и не могло уместиться на центральном панно южной стены (если последнее имело обычную метровую ширину). Поэтому следует предположить, что барельеф с женщиной и хищником первоначально находился в северной арке. Но где бы он ни замкнул "хоровод", тот сразу приобретал фантастический характер. И в то же время, вероятно, пляс, воспроизведенный на стенах, являлся реальным эпизодом какого-то ритуала, совершавшегося в Зале танцующих масок.

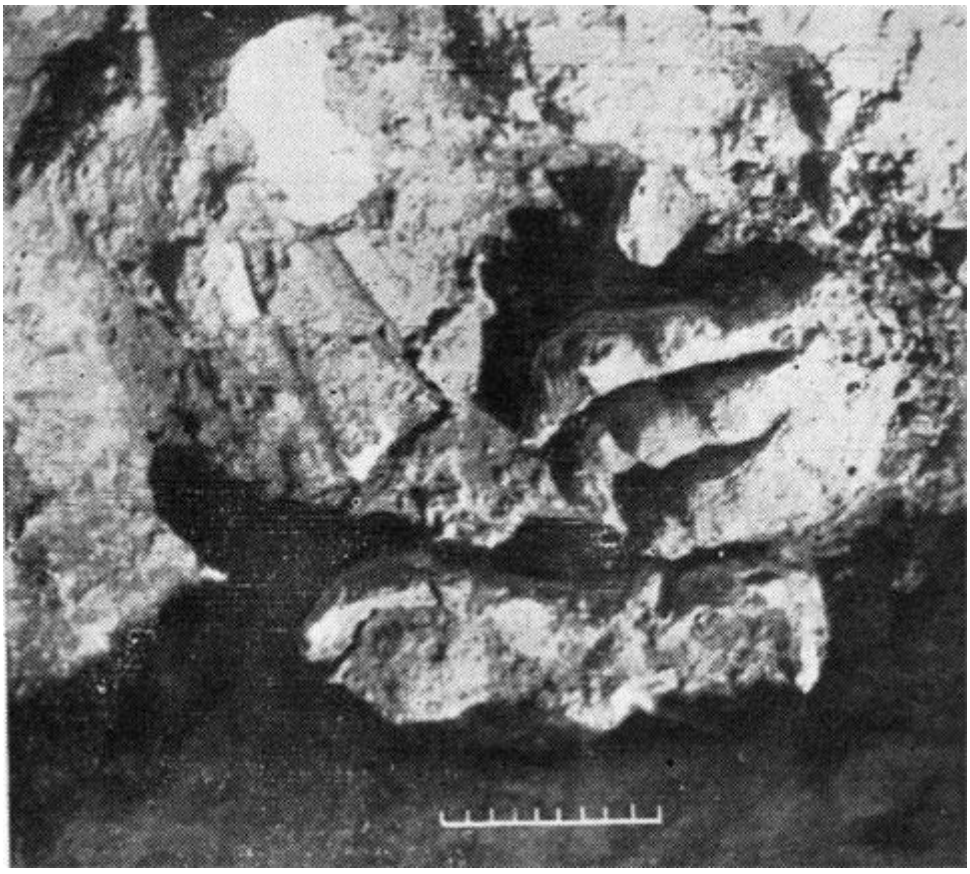

Рис. 41. Большая лапа с когтями и крупные складки женского платья. Фрагменты глиняных барельефов с полихромной росписью по алебастровой подгрунтовке в завале над полом Зала танцующих масок (помещение 14). Снимок сделан в момент раскопок в 1950 г.

Исходя из особенностей убранства зала, С. П. Толстов уже в 1951 г. высказал предположение, что "зал был посвящен какой-то религиозной мистерии с культом дионисийского характера"[*]. К этому мнению присоединились многие авторы[**]. Дополнительные раскопки, проведенные нами, подтвердили, что помещение было культовым, и несколько уточнили детали планировки, которые, как кажется, дают возможность лучше представить некоторые стороны этого культа.

[*] (*Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1950 г. - Сов. археология, Т. 18. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 310.*)

[**] (*Ср., например: Пугаченкова Г. А., Ремпелъ Л. И. История искусства Узбекистана. М.: Искусство, 1965, с. 90, 91; Массой В. М. Страна тысячи городов. М.: Наука, 1966, с. 138; Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии, М.: Искусство, 1974, с. 143; Федоров-Давыдов Г. А. На окраинах античного мира. М.: Наука, 1975, с. 71.*)

Действительно, остатки алтаря или подиума жертвенника в центре помещения свидетельствуют, что это было святилище. Три большие ниши позволяют предположить, что оно было посвящено трем божествам. Одно из них (и, видимо, главное) - женское, имеющее спутником хищного зверя.

Изображения такого рода характерны для богинь круга Наны-Анахиты. Они известны, в частности, на раннесредневековых хорезмийских серебряных сосудах. Танцовщицы, переданные на "восточном серебре"[*], обычно рассматриваются как храмовые служительницы великой богини плодоносящих сил. При раскопках городских кварталов Топрак-калы в нижнем слое был найден фрагмент керамического сосуда с подобным изображением[**]. На местном металле танцовщицы пока неизвестны[***], зато прямое отношение к ритуалу и персонажам из рассматриваемого святилища может иметь композиция на хорезмийской серебряной чаше, найденной у поселка Верхне-Березовского в Прикамье[****]. Человек с козлиной головой, обутый, как танцоры из помещения 14, держит подобие тирса и какое-то растение. Козлоголовый персонаж, видимо, подносит это растение к стоящему перед ним алтарю, т. е. изображен в момент жертвоприношения. Это обстоятельство может противоречить предположению, что на чаше передано божество[*****]. В то же время ленты, развевающиеся за головой, которая четкой линией отделена от шеи, указывают на царственность изображенного.

[*] (*Для трактовки рассматриваемого святилища особенно интересно блюдо из Национальной библиотеки в Париже, найденное где-то в Приуралье и принадлежавшее П. Д. Солтыкову, Богиню с чудовищем, которое имеет голову козла и туловище льва, окружают четыре танцующие пары со священными атрибутами; два лунарных мужских божества расположены у краев блюда по его оси (Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. VII, 40; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976, с. 37, рис. 3). Поздняя датировка упоминаемых нами сосудов не является решающим препятствием для привлечения их к истолкованию топраккалинских материалов. Дело в том, что ряд сюжетов, которые представлены на раннесредневековых сосудах, были предвосхищены на замечательных барельефах хорезмийских керамических фляг IV-III вв. до н. э. Таковы, например, полиморфная птица, сцена с охотником (и, возможно, его спутницей) на верблюде, персонаж с виноградной гроздью и сосудами для вина. Все это свидетельствует о мифологической п художественной традиции, восходящей к значительно более давним временам, чем Топрак-кала.*)

[**] (*Городище Топрак-кала, с. 79, рис. 41.*)

[***] (*В начале VIII в. большой успех в Танской империи имели танцовщицы, "крутящиеся в вихре", которые, как иногда полагают, происходили из Хорезма (ср.: Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М.: Наука, 1981, с. 85, прим. 148). Чрезвычайно выразительны и, безусловно, архаичны по происхождению хорезмийские мужские танцы, подражавшие повадкам зверей и иногда исполнявшиеся еще недавно в масках, в том числе козлиных.*)

**** (*Смирнов Я. И. Восточное серебро, табл. XVIII, XIX, 45; Даркевич В. П. Художественный металл Востока, рис. 14, 2.*)

***** (*Толстов. С. П. Древний Хорезм, с. 205. Ср. разъяснения М. Нильссона по поводу барельефа II в. с изображением жреца в образе Диониса, сжигающего на алтаре козлиную голову (Nilsson M. P. The Dionysiac Mysteries of the Hellenistic and Roman Age. Lund, 1957, p. 99-106).*)

Независимо друг от друга В. П. Даркевич и автор этой главы по ряду причин предположили, что на чаше показан хорезмийский царь-жрец в маске божества*. По всей видимости, композиция позволяет представить еще один момент мистерии, происходившей в Зале танцующих масок и сохранявшейся в Хорезме до VII в. (когда была изготовлена чаша).

* (*Даркевич В. П. Художественный металл Востока, с. 113; Рапопорт Ю. А. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-кала. - В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978, с. 281.*)

Археологические материалы, в данном случае достаточно выразительные сами по себе, становятся яснее в свете некоторых письменных и нарративных источников.

Вслед за С. П. То лотовым мы обратились к известному сообщению Бируни о хорезмском празднике, еще отмечавшемся в его время, который назывался "ночь Мины"*. Сопутствовавшая ему легенда вкратце такова: опьяневшая царица Хорезма как-то весной вышла в шелковом одеянии из своего дворца, упала за его пределами на землю, заснула, и застигнутая холодом ночи, умерла. Следует предположить, что опьянела царица на пиру во дворце, а вся легенда не что иное, как отзвук ритуала и мифа вегетативного цикла, связанного с виноделием. Лучше всего из празднеств такого рода известны афинские Анфестерии - Цветочный праздник в начале аттического года. Сопоставление с ними скупых сведений о "ночи Мины" показало совпадение сроков, некоторых обрядов и удивительную близость образов "царицы Хорезма" и Ариадны (Миноиды)**. Роль ее в афинских мистериях играла "царица", (басилина) - жена архонта-басилея, унаследовавшего сакральные функции древнего царя-жреца. Свадьба басилины с Дионисом в старом дворце составляла центральный эпизод государственного ритуала. Полагают, что "царица, в помощь которой избирали 14 аристократок, в мистической свадьбе играла роль Ариадны, которая в архаическую эпоху была великой богиней умирающей и воскресающей природы.

* (*Бируни Абурейхан. Избр. произв. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957, с. 257.*)

** (*Подробнее см.: Рапопорт Ю. А. К вопросу о дионисийском культе...*)

Весьма вероятно, что повсеместно распространенный магический обряд священной свадьбы, направленный на приумножение производящих сил природы, совершался и в хорезмийском дворце, причем на каком-то этапе мистерии царица уподоблялась несчастной Мине* или же эту роль играла "временная царица". Средиземноморские параллели для "ночи Мины" вряд ли следует считать результатом мощного эллинистического воздействия на религию древнего Хорезма. Скорее они являются отражением сходных аграрных циклов и социальных институтов (складывавшихся, разумеется, в разные сроки). В то же время греческая художественная традиция бесспорно заметна в женских изображениях из Зала танцующих масок, и вполне вероятно влияние дионисийской иконографии** и даже "хореографии" на священный маскарад в хорезмийском дворце.

* (*В. А. Лившиц на основании анализа данных Бируни пришел к заключению, что героиню легенды хорезмийцы называли Менака (me/inaka). Он допускает возможность того, что имя это означало "маленькая", "меньшая". Если это так, наше предположение о близости "Мины" и Ариадны получает определенную поддержку: греческие мифографы иногда различали Ариадну старшую и Ариадну младшую. Первая - счастливая супруга Диониса, вторая - несчастная погибшая любовница Тезея (Plut. Thes.. 20). Исследователи считают, что это лишь попытка объяснить противоречивость обрядов, радостных и траурных, совершавшихся в честь одной богини умирающей и воскресающей природы. Трудно сомневаться, что и в Хорезме вслед за смертью Менаки радостным торжеством отмечали какой-то день ее возрождения, быть может возрождение в другой, счастливой ипостаси.*)

** (*Напомним, что в Хорезме были найдены статуэтки обнаженного тучнеющего бога с виноградной гроздью, безусловно демонстрирующие знакомство с образом Диониса.*)

Другая группа сообщений об оргиастических праздниках, которые могли быть известны хорезмийцам, связана с так называемыми Сакеями (σαχατι). Они ежегодно отмечались в обширной зоне распространения иранских культов в многочисленных святилищах богини Анахиты, которая иногда имела в них общий алтарь с двумя другими божествами. Участники "сакского праздника" плясали в скифской одежде, "непристойно заигрывая друг с другом и пирующими с ними женщинами"*. Есть сведения о Сакеях в Вавилоне и об участии в них временного царя**. Античные авторы обычно воспринимали шумный ритуал как своего рода патриотический фарс, представляющий пир саков перед избиением их персами. По ряду причин это маловероятно. Страбон недаром называет Сакеи "вакхическим праздником" - очевидно, это действительно было сезонное оргиастическое торжество, как всегда связанное с культом плодородия и соответствующими божествами. Название и этническая окраска Сакеев, которые греки нередко просто именовали "сакскими праздниками" или "скифскими праздниками", позволяют предположить, что и в Персию, и в Понт, и в Вавилон они были занесены именно саками***. В таком случае хорезмийцы, саки по происхождению****, издавна знали их; позднее праздник мог лишь вернуться к ним, получив передневосточное храмовое оформление. Но, даже исключив местную основу, следует думать, что длительные контакты с Ираном должны были познакомить хорезмийцев с этим важным культовым торжеством, с тем магическим значением, которое ему несомненно приписывали. Поэтому связь Зала танцующих масок с "сакскими праздниками" весьма вероятна.

* (*Strabo, XI, 8, 4, 5; XV, 3, 15.*)

** (*Dio Chrisostom. Peri basileias IV, 67; Atheneus. Deipnosophiste, XIV, 639 c.*)

*** (*Об экстатическом пении и плясе, вызываемых наркотической интоксикацией, сообщает Геродот в рассказе о приаральских сако-массагетских племенах (Herod., I, 201). Эти сведения подтверждаются археологическими находками приспособлений для опьянения дымом конопли у скифов Алтая.*)

**** (*Strabo, XI, 8, 8.*)

Одного из двух богов, имеющих общий алтарь с Анахитой в ее святилище, Страбон называет Анадатом (XI, 8, 4)*. Исследователи довольно единодушно отождествляют его с зороастрийским "бессмертным святым" - Амертатом, покровителем растений. Второе божество названо Оманом, вынос его деревянной статуи в торжественной процессии наблюдал Страбон (XV, 3, 15)**. Большинство ученых приравнивают Омана к Воху Мана (эманация верховного божества в зороастризме), покровителю скота. Однако такой авторитетный иранист, как Э. Бенвенист, доказывал тождество Омана с Хаурвататом, гением вод, который, как правило, выступает в паре с Амертатом***. Как бы то ни было, даже одно уравнение Анадат- Амертат позволяло обратиться к многочисленным версиям

легенды о Харуте и Маруте - падших ангелах (кораническая форма зороастрийских имен Хаурватат и Амертат). Их обольстила, заставила пьянствовать в своем доме, поклониться идолу и убить мужа прекрасная женщина, которая может быть названа Анахитой (Нахид), Иштарью, Зухрой (Венерой), "дочерью бога", небесной плясуньей, блудницей и т. д. За всем этим отчетливо проступает ритуал храма, а в уникальном варианте, записанном Г. П. Снесаревым в Хорезме, страсти бушуют вокруг ожившей деревянной статуи, взятой во дворец, а затем вернувшейся в дерево[****]. Напомним, что Ариадна и Елена - древесные богини.

Сказанное выше позволяет предположить, что Зал танцующих масок был святилищем Анахиты и здесь происходила какая-то часть мистерии священной свадьбы царя Хорезма и царицы, которая, как и в Иране, могла отождествляться с этой великой богиней.

[*](*Для сопоставлений с топраккалинским дворцом интересна'еще одна подробность, сообщаемая Страбоном, относительно наиболее известного храма Анахиты в Зеле: он был воздвигнут на предварительно насыпанном искусственном холме посреди равнины (XI, 8, 4). Насыпь названа "курганом Семирамиды" (XII, 3, 37). Ср. легенду о "пирамиде" сакской царицы Зарины с ее золотой статуей наверху у Ктесия (Diod., II, 34, 1).*)

[**] (*Может быть, переносными были статуи, стоявшие в боковых нишах рассматриваемого нами святилища?*)

[***](*Benveniste E. The Persian Religion According to the Chief Greek Texts. Paris, 1929, p. 64-68. Как полагают, зороастрийской паре Хаурватату и Амертату среди индоиранских функциональных богов предшествовали плясуны Агавины, в свою очередь сближаемые с Диоскурами, братьями Елены. Сходство образов Елены и Ариадны подчеркивал М. Нильссон (Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaen Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1927, p. 451). Сравнительно недавно вопрос о взаимосвязи индийской, иранской и греческой близнечных пар вновь привлек внимание в связи с публикацией сасанидского блюда из музея Метрополитен с Диоскурами, крылатыми конями, богиней вод и музыкантом.*)

[****](*Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969, с. 205. С разрешения исследователя считаем необходимым опубликовать эту интереснейшую запись: "Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. 1955 г. Информатор Мулла Юсуфата. Хивинский р-н, колхоз им. Сталина.*

Харут и Марут были ангелы (паришта). Ангелы, как известно, не едят и не женятся. Однажды три человека тронулись в путь. Один - резчик по дереву, один - торговец ситцами и один - чудотворец. Остановились на ночь и каждый по очереди должен был сторожить, когда другие спали. Когда сторожить стал резчик, он взял кусок тутового дерева и вырезал из него изображение девушки. Тогда торговец нарядил это изображение в одежды, а чудотворец вымолил у бога живую душу для этой девушки. Всем она очень понравилась и все трое стали спорить: "Я вырезал", "А я одел", "А я дал душу". Пошли они на суд к падишаху. Хан увидел девушку и сразу влюбился. Он сказал: "Я сам ее возьму".

Все это видели два ангела - Харут и Марут. Они появились на земле и влюбились в эту девушку. Харут и Марут не едят и не пьют, но у них появилось желание к этой девушке. Тогда, видя это, бог разгневался и сказал: "Вы грешники! Как вас наказать за это? В загробной жизни или сейчас на земле?" Харут и Марут повешены до киемата вниз головой в колодце без воды. И к ним туда проникает каждый запах.

А о судьбе девушки потом спорили падишах и казн. Кончилось же тем, что девушка подошла к туту, тот разошелся и поглотил ее".)

Как известно, культ Анахиты был тесно связан с огнем, и рассмотренное святилище достаточно похоже на целлу храмов огня. Будь оно расположено на одной оси с парадным двором и айваном, вся эта планировка оказалась бы чрезвычайно близкой той, которая для таких храмов характерна[*]. Можно предположить, что, создавая своеобразный дворцово-храмовый комплекс, хорезмийские зодчие пошли на некоторое изменение традиционного решения[**] по двум причинам. В южной стене айвана была необходима ниша,

предназначенная для трона или изображения верховного божества; культовый центр сооружения нужно было связать не с одной целлой, а с несколькими дворцовыми святилищами, из которых в айван-пронаос в определенных случаях переносилась открытая часть церемонии. В этой ситуации центральный двор (11а) становился храмовым. Из главного святилища (Зала танцующих масок) могли выносить под арку портала священный огонь, статуи или культовые символы. Здесь могли появляться после мистической свадьбы царь и царица.

[*] (*Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtumer. Berlin-New York: W. de Gruyter, 1971, S. 496, Abb. 83.*)

[**] (*Обратим внимание, что ширина айвана (11в) совпадает с длиной Зала танцующих масок. Это позволяет предположить, что в какой-то исходной архитектурной схеме пронаос (ему соответствует помещение 11в) и целла, подобная помещению 14, имели общие боковые стены.*)

В заключение раздела, следуя принятой структуре, остается сказать, что перестройки в помещении 14 не отмечены, но на завалы и наносы в позднее время лег небольшой слой бытового мусора.

4. Помещения 15 и 16; Зал оленей (помещение 17)

Южнее тронного зала находится небольшое распределительное помещение 15. Здесь были отмечены лишь незначительные следы росписи по розовому фону. В соседнем помещении 16, являвшемся преддверием Зала оленей (17), следует задержаться (рис. 42).

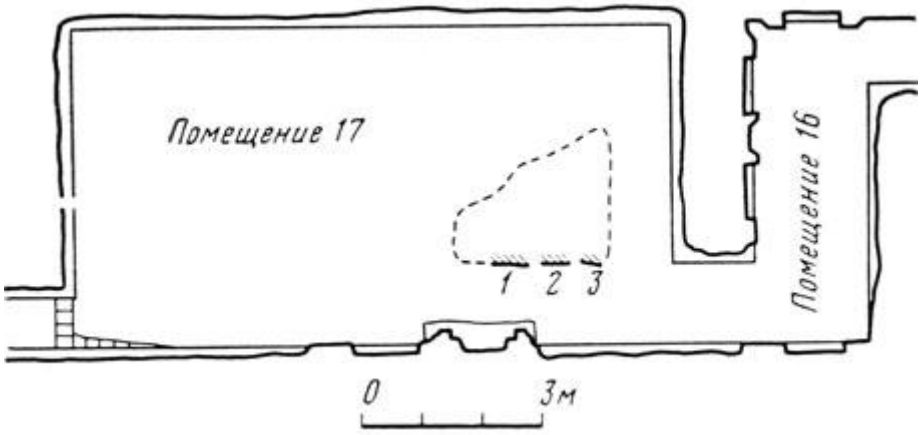

Рис. 42. Помещения 16 и 17 (Зал оленей). Пунктир ограничивает пространство, которое было насыщено рухнувшими барельефами; 1-3 - участки барельефов, упавших лицевой стороной к югу; 1 - фрагмент с изображением е Рифона; 2 - фрагмент с головой оленя; 3 - фрагмент с ногами оленя

Стены этого маленького коридора, уцелевшие на высоту до 1,3 м, сохранили остатки архитектурной разработки, которая состояла из неглубоких ниш, обрамленных глиняными налепами. Ниши находились на высоте 0,6 м от пола, они имели ширину 0,9-1,15 м при глубине 10 см. Под ними проходила горизонтальная тяга шириной 20 см и толщиной 5 см. С боков обрамление образовывало вертикальные налепы, при той же толщине имевшие ширину около 25 см. Один их край продолжал боковую стеночку ниши, а другой был срезан под тупым углом, ширина фаски достигала 5-7 см. Между двумя нишами на западной стене был простенок шириной 0,9 м, его центральный участок (0,4 м) оставался между краями двух "рам". У своих концов западная стена также имела открытые плоскости шириной примерно 30 см. На северной стене была обнаружена одна ниша с

остатками сходного обрамления; в южной стене ниша была поглубже - 22 см. О высоте и завершении ниш мы можем догадываться лишь по косвенным признакам (см. ниже). В восточной стене, несмотря на достаточную высоту и сохранность ее близ угла, нишу найти не удалось.

У южного края западной стены на оторвавшемся и сползшем ее куске, левее вертикального налепа от обрамления сохранился фрагмент барельефа - вертикальный ствол, перевитый растительным побегом или лозой. Подобные обломки (иногда еще с отходящими от ствола ветками и листьями) найдены и на других участках. На фрагментах, сохранивших красочный слой, фон оранжевый, стволы и ветки коричневые с черным контуром, листья и побеги зеленые. В пределах рассматриваемого помещения растения располагались по краям западной стены и, очевидно, на простенке между нишами. Последние, несомненно, предназначались для панно, живописных или барельефных. Высказать предположение об их содержании мы сможем чуть позже.

Барельефы и архитектурная лепнина дополнялись росписью. Ее нижний пояс был выполнен черной краской по белому фону. Орнамент выглядит как причудливая сетка из переходящих друг в друга силуэтных завитков, отростков и секирообразных фигур. Последние преобладали, видимо, у верхнего края, будучи обращены к нему "лезвиями" (рис. 35, 7). Ближайшие ассоциации эта панель, какая-то резковатая и беспокойная, вызывает с некоторыми среднеазиатскими аппликациями и разработкой рогов, крыльев и растений на большом войлоке для шатра из Пазырыка. Черно-белая роспись, прослеживавшаяся на стенах помещения 16 и Зала оленей, сверху была отбита, видимо, по-разному: красной налепной тягой или тремя полосами краски: красной, желтой и синей. Так было сделано на восточной стене, которая в отличие от других барельефного декора, очевидно, не несла.

Большие куски верхнего пояса стенописи были расчищены и извлечены из завала в юго-восточном углу коридора. Они позволяют реконструировать следующую декоративную композицию, очень интересную в художественном и историко-культурном отношении (рис. 43). Сверху роспись была ограничена широкой (26 см) белой полосой, оконтуренной черными линиями. Выше сохранился небольшой участок белого цвета. Под полосой находилась роспись, выполненная по красному фону, который к моменту раскопок выглядел в основном розовым. Составленный из уцелевших фрагментов участок росписи имеет в высоту чуть более метра, но, судя но раппорту, этот пояс не мог быть уже 2 м (скорее он занимал почти всю стену). Красное поле было покрыто сеткой из вертикально вытянутых ромбов со сторонами 0,6 м и диагоналями 0,9 и 0,8 м. Стороны ромбов образованы гирляндами из узких остроконечных листочков и полосами, на которых по черному фону нанесены белые кружочки с крестиками внутри. На месте пересечения гирлянд и полос с "бусами" показаны восьмилепестковые розетты с кружками в центре. Изображена подвеска гирлянд к верхней белой полосе. Они подходят к кольцу и "привязаны" ленточкой с развевающимися концами. Гирлянды прорисованы черными мазками, листья сероватые, раньше, возможно, зеленые. Как можно видеть на реконструкции, однородные элементы сетки (гирлянды и полосы с "бусами") должны были образовывать большие ромбы со стороной 1,2 м, в каждый из которых вписывались 4 малых ромба.

Рис. 43. Роспись с восточной стены помещения 16 (с элементами реконструкции)

Внутри каждой такой ромбической ячейки были изображены какие-то предметы или эмблемы. В одном из треугольников хорошо различим широкий светлый венок. Он заполняет лишь треть ячейки, заметны и другие линии, вероятно, концы крыла и лент. Полнее сохранилось изображение внутри одного из ромбов. Оно написано очень живо и смело, и может быть поэтому его так трудно понять и описать. Верхняя часть эмблемы - кольцо, образованное в основном из небольших кружочков, ярко-красных внутри. Середина кольца заполнена красной краской, не слишком интенсивной, видимо, это просто фон всей росписи. Под окружностью справа - пара энергично прорисованных крыльев, а левее - их участок, закрашенный черным, в который вклинивается подобие красного овала. Под местом стыка крыльев и черного участка - две светлые

лопастеобразные фигуры. От вышележащей части изображения они отделены двумя полосами. Верхняя из них белая, слева кончается каким-то скруглением. Нижняя напоминает ленту, украшенную бахромой и красными перлами.

Можно ли объединить во что-то определенное рассмотренные элементы? Нам представляется, что можно. Видимо, изображена корона, построенная по принципу сасанидских корон. Круг вверху - венец из перлов или обведенный ими шар (korymbos). Крылья, сходным образом расположенные, - деталь, часто встречающаяся со времени Варахрана II. Черная фигура левее крыльев - часть короны в виде головы зверя с разверстой пастью или протомы орлиноголового грифона. Лопасти внизу - характерные для сасанидских корон наушник и назатыльник ("башлык"). Ленты - непременная деталь царских венцов. Развевающиеся концы лент хорошо видны в соседнем ромбе. Короны или эмблемы в росписи были не одинаковы, так, одно из изображений как будто включает рога.

Зал оленей (помещение 17). Помещение имеет площадь около 55 $м^2$. Его стены сохранились на высоту до 1,5 м, но их лицевая поверхность разрушена почти всюду. Можно полагать, что, как и в помещении 16, здесь были декоративные ниши, но лишь две из них отмечены в южной стене: одна в дверном проеме, другая чуть западнее так называемого "камина".

Подобных устройств для установки переносных очагов или алтарей во дворце около двух десятков, и в свое время мы подробнее рассмотрим важный вопрос об их назначении (см. рис. 73, 3). Сейчас нужно лишь сказать об их конструкции. У подножия стены выкладывалась из необожженных кирпичей прямоугольная площадка, над ней была очень неглубокая ниша, чуть скругленная по краям и сверху глиняной обмазкой. Нишу обрамлял раскрашенный портал, высота которого даже в небольших помещениях превышала 2 м. От жара обмазка ниши постепенно приобретала свойства керамики. Со временем этот экранирующий слой растрескивался и его обновляли. Заметим, что в помещении 17 обмазка, нанесенная при ремонте, прокалиться не успела. Ширина "экрана" здесь равнялась 0,8 м. От декоративного портала сохранилось лишь основание. Боковые выступы имели толщину 20 см и ширину около 50 см; грани, обращенные к нише, были раскрепованы на два угла. Перед нишей была вымостка, сложенная из кирпичей в один слой. Ее длина 1,8 м, ширина, зафиксированная при раскопках, 0,4 м (передняя сторона разрушена).

Расстояние от середины камина до западной стены зала - около 7 м, а до восточной - чуть более 3 м. Такое расположение устройства необычно. "Камины" всегда находятся на оси симметрии помещения. Это правило окажется в силе, если принять за восточную границу зала стену помещения 16. Мы даже предположили, что стена, отделившая преддверие, вставлена позднее, но тщательная расчистка показала перевязку в кладке. И тем не менее расположение "камина" видимо, свидетельствует, что помещения 16 и 17 рассматривались как единое целое. В пользу этого говорят и такие моменты: ниша в стенке прохода между помещениями; один достаточно сложный орнамент нижней панели; обломки одинаковых налепов и барельефных изображений растений в зале и в его преддверии. Все это позволяет предположить, что единым было декоративное убранство двух помещений и для его реконструкции допустимо использование взаимодополняющих материалов, полученных при раскопках этого комплекса.

Зал получил свое название в связи с тем, что здесь были найдены обломки барельефных изображений оленей. Наиболее сохранившийся экземпляр лежал на расстоянии около 2 м

от восточной стены зала на линии, соответствующей северной стенке входа из помещения 16. Уцелели от разрушения лишь голова и передняя нога животного (рис. 45). Барельеф был расположен почти вертикально, лицевой стороной к югу, морда животного была обращена вниз. Однако сохранившиеся участки шеи свидетельствуют, что на стене голова оленя была вытянута вперед. Таким образом, уцелевший над рогами участок рельефного обрамления был горизонтальным. Изображение животного дано с некоторым уменьшением против натуральной величины, длина барельефа должна быть около метра при высоте 0,8 м. Надглазный отросток и лопатки рогов указывают, что изображен был самец лани (Cervus dama). Для этого рода оленей характерна пятнистая шкура. Пятна, ограниченные двойной каплевидной линией, хорошо заметны на рассматриваемых барельефах. Условно в виде шариков были переданы отростки рогов, которые по контуру были обведены черной линией. Черная краска сохранилась на месте зрачка и на копытах.

Второй фрагмент с изображением головы лани был найден на 1 м севернее предыдущего. Он лежал лицевой поверхностью вниз и удержал красочный слой. Фон рельефа синий с отдельными красными пятнами. Корпус был красновато-коричневым со светлыми каплевидными пятнами. Рога розоватые. На них хорошо заметны бороздки, расходящиеся от основания рога в направлении отростков-шариков. Поверху бороздки объединены процарапанной линией. Над рогами сохранилась часть горизонтального обрамления, прямоугольного в сечении и выступающего на 3 см выше фона барельефа. Заметны следы оранжевой и черной раскраски лепной полосы. Как и предыдущее, изображение обращено в профиль влево. Головы были похожи, но они определенно не оттиснуты одной формой.

Еще один обломок - корпус лани - лежал у южной стены на расстоянии 2,5 м от юго-западного угла зала, на 45 см выше пола. Показан левый бок животного. Окраска красно-коричневая с пятнами. Основание ног помимо рельефа обозначено красными и черными линиями.

Среди найденных в зале обломков к фигурам оленей можно с уверенностью отнести еще три.

На той же линии, что и первая голова лани, западнее нее был найден еще один барельеф с изображением орлиноголового грифона. В завале эта скульптура также была обращена лицевой поверхностью на юг, клювом к полу и почти смыкалась с тем блоком, на котором был передан олень. Сохранилась лишь передняя часть чудовища: часть головы с клювом, грудь, начало левой ноги и крыла. Заметны перья на горле. Левая лапа приподнята. При расчистке была отмечена розоватая окраска барельефа, но попадались участки ярко-красной и черной краски. Видимо, в основном грифон был красным. Около головы сохранился участок глиняной рамы, прямоугольной в сечении. Здесь обрамление проходило по наклонной линии. Таким образом, сверху оно, очевидно, было двускатным (рис. 44).

Рис. 44. Фрагмент изображения грифона. Глиняный барельеф; Зал оленей

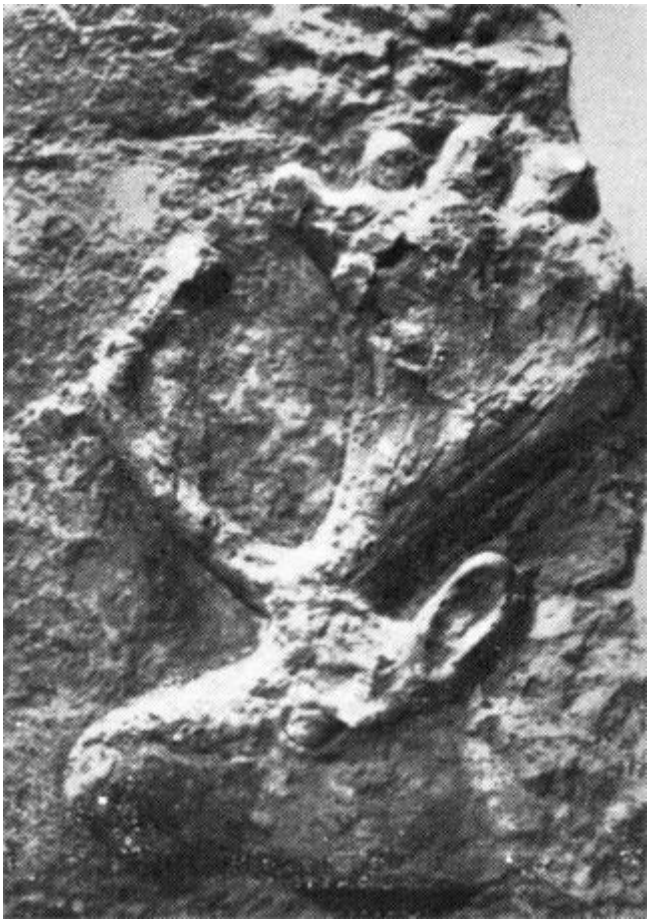

Рис. 45. Голова оленя. Глиняный барельеф; Зал оленей

Нет сомнения, что изображение грифона находилось на той же стене, где и фигура оленя, непосредственно над ней, их разделяла горизонтальная лепная полоса. Расположение двух рассмотренных соседних барельефов в завале позволяет с достаточной уверенностью предположить, что они рухнули с частью восточной стены зала, причем первоначально они украшали ее южный торец, иначе говоря, северную щеку входного проема. Еще одно обстоятельство подтверждает это предположение. Севернее барельефов лани и грифона были расчищены участки рухнувшей кладки. Оказалось, что кирпичи располагались нижней (отличимой по меткам) плоскостью к востоку. Под этой оторвавшейся от восточной стены кладкой лежал лицевой стороной к полу горизонтальный слой с остатками барельефов и росписей. Этот слой подходил почти вплотную к рассмотренным изображениям, которые располагались к нему перпендикулярно. Следует отметить, что севернее скульптуры оленя в горизонтальном слое, который, несомненно, являлся когда-то декором восточной стены, также были найдены обломки изображений лани. Это указывает, что процессия оленей, начавшаяся во входе (или еще в помещении 16), продолжалась в том же уровне по восточной стене зала. Скорее всего грифоны и олени были распределены попарно в неглубоких нишах, подобных прослеженным в помещении 16.

Некоторое недоумение вызывает сравнительно высокое расположение пояса с ланями: если определять его по расстоянию рухнувших участков от подножия восточной стены, то около 2 м. Между тем обнаруженные ниши, напомним, начинаются с уровня 0,6 м от пола. Таким образом, не исключено, что лани были не самым нижним компонентом в барельефной композиции. Около южной стены при раскопках был зафиксирован скульптурный фрагмент красного цвета, изгибающийся около какого-то голубого вдавления и несколько напоминающий хвост три гона или другого водяного чудовища*.

Может быть, подобные существа были в нижних ячейках барельефных панно? Такая догадка весьма соблазнительна, но недостаточно доказуема.

[*](*ИЭ, Архив Хорезмской экспедиции, Полевой дневник 1950 г., № 19, с. 32-33. Ср. в гл. IV об алебастровых формах.*)

Скульптура в помещении 17 дополнялась многокрасочной стенописью, но ее найдено слишком мало для каких-либо заключений, кроме того, что внизу шла панель с черными "силуэтами" на белом фоне.

Прежде чем предложить варианты убранства Зала оленей, нужно дополнить уже сказанное о барельефных изображениях растений. В довольно большом числе были найдены фрагменты с виноградными гроздьями и лозой. Фон этих изображений красный. Гроздь была покрыта черным тоном, а затем окрашена красным. Следует также отметить прекрасный барельеф с листьями и плодами граната. Плоды были ярко-красными, листья - черными, фон - розовый. Напомним, что в помещении 16 ствол растения был изображен рядом с нишей.

Предлагаемая на рис. 46 реконструкция основана на достаточно вероятном предположении, что в таких нишах и находились барельефы грифонов и ланей. Несколько противоречат ей два обстоятельства. Не было найдено изображений с вертикальными участками обрамления перед мордами животных; все обломки относятся к фигурам, повернутым левым боком, между тем персонажи, заключенные в нишах, в топраккалинском дворце обычно направлены к центру композиции в середине стены. Поэтому не исключен другой вариант реконструкции: шествия грифонов и оленей, отделенные друг от друга сплошной горизонтальной полосой. В этом случае невысокие лозы и деревца могли находиться между фигурами одного пояса, в одной плоскости с ними.

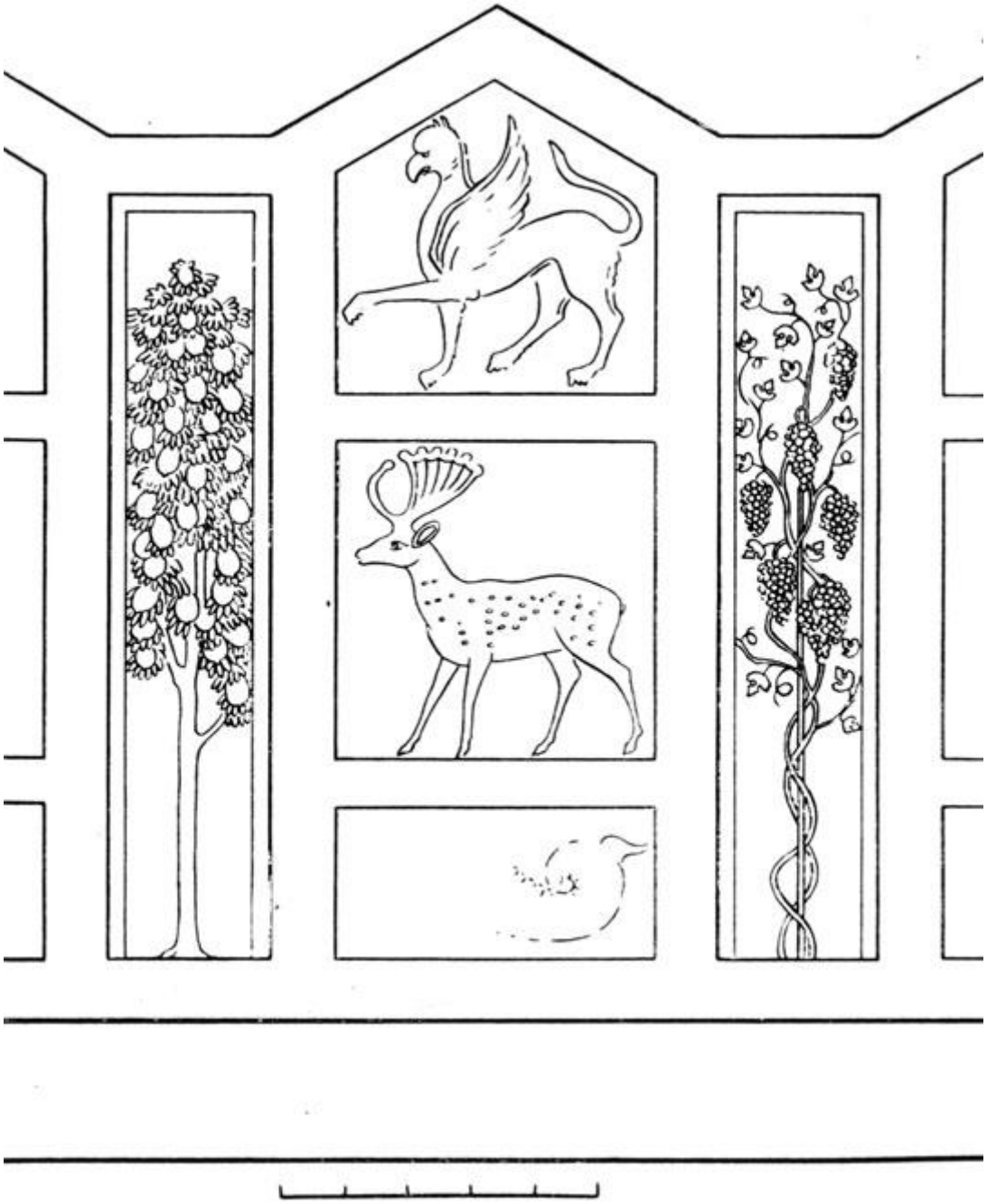

Рис. 46. Декоративная композиция на стенах ансамбля Зала оленей. Вариант реконструкции

Какому бы варианту реконструкции ни отдать предпочтение, несомненно, что убранство Зала оленей обладало большой художественной выразительностью и своеобразным сочетанием реалистических и условных, глубоко традиционных изобразительных приемов[*]. Но для современников все это не было просто красивой декорацией, композиция была насыщена для них значительным содержанием. В общих чертах его можно себе представить, исходя из достаточно изученной символики составляющих изображений и расположения их по отношению друг к другу.

[*](*С. П. Толстов, установив наличие в зале нижнего пояса барельефов с оленями и верхнего с грифонами, отметил, что и на ковре из Пазырыка шествие оленей находится под изображениями грифонов (ТХЭ, т. II, с. 200, 201). Добавим, что изображены именно лани, а грифоны над ними находятся в своеобразных рамках. Топраккалинская роспись с черными силуэтами напоминает аппликации из Пазырыкских курганов.*)

Грифон - олицетворение небесного светоносного начала[*]. Олень, находясь под ним, видимо, представляет средний земной мир. Если в нижней части барельефного панно действительно был третий ярус, существо, на нем изображенное, могло символизировать хтонические воды. И олени и грифоны часто бывают представлены подле мирового дерева, объединяющего три мира мифологической Вселенной. Осознавались ли подобным образом растения в Зале оленей, сказать трудно. Однако генетическая связь с универсальной изобразительной схемой здесь весьма вероятна. Выбор виноградной лозы и гранатового дерева мог быть обусловлен традиционными атрибутами бога умирающей и воскрешающей природы и богини плодородия. В целом можно полагать, что убранство Зала оленей отражало космологические представления хорезмийцев, выраженные посредством зооморфных и вегетативных символов.

[*](*Об образе грифона в хорезмийском искусстве см.: Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах. - В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977, с. 62 и др.*)

Возникает вопрос, почему в одном ансамбле оказались наряду с барельефами растений и животных переданные живописью изображения корон? Дело, очевидно, в том, что корона, как правило, является весьма сложной священной композицией, составленной из символов богов и компонентов Вселенной. Видимо, создатели дворца стремились в одном из его залов или святилищ отразить связь между принципами мироздания и важнейшими царскими инсигниями.

Трудно сказать, почему дошедшая до нас эмблема напоминает именно сасанидскую корону. Возможно, это свидетельство каких-то политических или идеологических контактов между Хорезмом и Ираном. В этом случае росписью скорее всего выражали лишь уважение к могучей соседней династии[*]. Но большинство элементов изображения могло быть и на хорезмийской короне, компоновавшейся из традиционных для местной иконографии деталей и символов. Нельзя, например, утверждать, что зооморфные символы могли появиться лишь после религиозной реформы Картира-Варахрана II. Известно изображение хищной птицы на значительно более ранней хорезмийской монете; сложнейшая аллегория, состоящая из зооморфных и антропоморфных элементов, украшает сосуд IV в. до н. э., найденный на Кой-Крылган-кале[**]. Наушники, назатыльники, ленты представлены на ранних хорезмийских монетах. Специфическое сходство с сасанидскими коронами по сути дела придает лишь окружность, венчающая корону, но она, пожалуй, более похожа на венок, чем на характерный шар.

[*](*Напомним в этой связи известное сообщение относительно постройки в Кушании, на стенах которой были "красками написаны" цари разных стран, в том числе и такие, о подчинении которым согдийского правителя не может быть и речи (Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 315).*)

[**] (*Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет..., с. 58 и сл.*)

Во всяком случае, мы не считаем возможным использовать рассмотренное изображение для хронологических или исторических заключений[*].

[*](*Время правления Варахрана II соответствует наиболее поздним датам на хозяйственных документах, найденных во дворце. Роспись с эмблемами (коронами?) в ромбах не перекрывала более раннюю роспись. Но следует указать, что Зал оленей - это единственное помещение дворца, где при раскопках отмечены куски штукатурки с двумя слоями росписи, причем это были не подновления, а новая роспись по загрунтованной старой (ИЭ, Архив ХЭ, Полевой дневник 1950 г., № 19, с. 11).*)

В Зале оленей были отмечены следы пожара, особенно явственные в его юго-западной части, где стены и пол были прокалены. Опалены были и стенки узкого прохода, ведущего в Западный комплекс. Позднее проход был заложен, кирпичные прикладки закрыли также западный отрезок южной стены. Бытовых находок в помещении 17 практически не было.

5. Помещения 18-25

Направившись из тронного зала к югу и миновав помещение 15, можно было попасть в просторную комнату (18), являвшуюся своего рода вестибюлем для остальных шести помещений рассматриваемой группы. Именно ее следовало бы считать собственными покоями хорезмшаха, если полагать, что какое-то время цари должны были проводить в Высоком дворце. К такому допущению приводит логика плана Центрального массива, некоторые особенности архитектуры и убранства помещений, которые будут отмечены ниже.

Помещение 18. Площадь комнаты 32,2 м. Все ее стены, сохранившиеся на высоту до 1,7 м, прорезаны дверными проемами разной величины. Северный из них имел ширину 1,3 м, западный - 1,1 м, восточный - 0,9 м и южный - 0,8 м. Похоже, что ширина двери зависела от числа комнат, расположенных за ней. В южной части комнаты были отмечены в завале сводовые кирпичи; не исключено, что ее перекрывал свод большого пролета (4,6 м).

Стены были украшены прямоугольными в плане выступами. На восточной стороне их было четыре, на западной стене сохранилось два выступа; всего их, видимо, было двенадцать. Ширина выступов 0,8 м, толщина 7 см. К плоскости каждого выступа было примазано по два вертикальных налепа шириной 10 см. Эти лопатки отстояли друг от друга на 40 см. Боковая грань выступа красная, лопатки - розовая. На плоскости выступов отмечены следы росписи по белому фону красной, черной и розовой красками. Стены также были покрыты многоцветными росписями, обломки которых найдены только в завале. Фон на фрагментах красный или белый.

В южной части комнаты была найдена голова глиняной горельефной скульптуры, выполненной в половину натуральной величины. Изображено безбородое округлое лицо с большими глазами. Оно окрашено в довольно яркий красновато-оранжевый цвет, черным прорисованы брови, веки и зрачок. Маловероятно, что в помещении 18 были скульптурные композиции. В то же время трудно сказать, откуда могла попасть такая голова.

Помещение 19. Расположено западнее рассмотренного выше. Длина помещения 12 м, ширина 3 м. Стены сохранились на высоту до 1,5 м. В древности помещение было перекрыто сводом. Есть основание полагать, что стены его были украшены выступами, подобными тем, которые описаны в помещении 18. Один такой "пилястр", очевидно сползший с южной стены, был найден в 2-2,5 м от юго-восточного угла. Сохранилась роспись. Боковые грани столбиков-лопаток красные, на передней стороне черной краской нанесена решетка. Между столбиками в половину натуральной величины был изображен юноша в темной одежде (рис. 47)[*]. Его голова повернута в профиль вправо. Корпус, видимо, дан при развороте в три четверти[**]. Рисунок был сделан красной линией, раскрашен и затем местами обведен черным по контуру. Фон белый с красными сердцевидными пятнами-лепестками[***]. Черной краской показаны спадающие на лоб волосы и большой глаз с длинными ресницами. Нос длинный, прямой, бороды и усов нет, подбородок скругленный, сильно выступающий. Шея охвачена светлой оторочкой одежды

и, возможно, ожерельем. По разрезу черного одеяния, напоминающего недлинный кафтан, шла светлая полоса. Внизу, видимо, изображены широкие черные штаны с мягкими серповидными складками. Рукава имеют светлые обшлага. За спиной сохранились оконтуренные черным изображения древков стрел с прорезью для тетивы. Подобные древки достаточно известны, хотя стрелы, найденные на самом памятнике, утолщения на конце не имели. Очевидно, за плечами юноши наполненный стрелами открытый колчан. Тогда можно определить плохо сохранившееся изображение длинного предмета с плавными изгибами, который юноша держит правой рукой. Это спущенный лук. Его концевая пластина находится у правого плеча.

[*] (*Г. Азарпай предположила, что это женщина (Azarpay G. The Heroic Art of the East Iranian World. - In: Highlights of Persian Art. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979, p. 166, fig. 99). Полностью исключить такое предположение нельзя. В его пользу могут служить изображения богини с колчаном за спиной на некоторых парфянских и кушанских монетах. Подчеркнем, что на монетах Хувишки дано имя этой богини - Нано (Rosenfield J. M. The dynastic arts of the Kushans. Berkeley and Los Angelos: University of California Press, 1967, p. 84, pi. VII, N 141; ср. 101, pi. X, N 204.*)

[**] (*"Пилястр" был переломлен в трех местах. При этом, похоже, разрушен и сдавлен участок росписи под плечами. Поэтому на воспроизводимой полевой копии они, как кажется, несколько придавлены к сохранившейся ниже части корпуса. Не совсем точно поставлен обломок с головой.*)

[***] (*Отсюда название "червонный валет", встречающееся в некоторых изданиях.*)

Рис. 47. Юноша с луком и колчаном. Копия росписи из помещения 19

Неподалеку от рассмотренного изображения обнаружен фрагмент еще одного. Частично сохранилась переданная в половину натуральной величины голова человека, показанная в профиль влево. Левая рука поднята к груди. Размер, черные волосы над лбом, характерная прорисовка глаза - все это заставляет полагать, что и в данном случае был изображен молодой воин. Похоже, что он находился на выступе правее двери в комнату 20. Тогда изображения вооруженных юношей, обернутых друг к другу, как бы охраняли этот вход. Возможно, что и на других расписанных выступах в комнатах 18 и 19 были изображены телохранители царя.

Помещения 20-22. Эти комнаты, безусловно составлявшие один блок с помещением 19, расположены рядом друг с другом и имеют длину 5 м. Ширина их, соответственно, 3; 2,2 и 2,9 м. Стены с южной стороны сохранились на высоту 1,9 м. Судя по находкам саманных кирпичей, помещения были перекрыты сводами. Комната 20 была проходной. Следов первоначального убранства сохранилось очень мало. В помещении 21 это были лишь мелкие обломки розовой штукатурки, в комнате 22 - кусок красного алебастрового

карниза, а в помещении 20 - один сравнительно большой фрагмент росписи. На нем изображены разбросанные на красном фоне розетты, кружочки, спирали и листья, свернутые в трубочку; контуры даны черной линией, заполнение сероватое.

Помещения 18-22 довольно интенсивно использовались в третьем периоде жизни памятника. Первое из них после некоторого обветшания, отмеченного слоем намывов с вкраплением кусочков росписей, было отремонтировано: обнаружены обожженные кирпичи, подложенные под размытые внизу декоративные выступы. Был положен новый пол (на нем остановлены раскопки в 1949 г.), в этом уровне отмечены следы горения и бытовой мусор. В помещении 19 стены были покрыты грубой штукатуркой и побелены; предварительно, видимо, были срублены многие обветшавшие "пилястры". Иногда побелка покрывала старую роспись. На верхнем полу - кострища, обломки керамических сосудов, кости и т. п. Следует отметить находку двух медных монет. Они были зафиксированы на глубине 0,8 м, т. е. много выше пола. В помещениях 20 и 21 на поздних полах отмечены следы костров, кости, угли, перегнившие растительные остатки и фрагменты керамики. Почти все они относятся к третьему периоду, но есть обломки еще более поздних афригидских сосудов.

Помещение 23. Площадь этой комнаты, расположенной южнее "вестибюля" (пом. 18), 14,5 м. Стены сохранились на высоту 2-2,6 м. В южной стене ниша, дно которой в уровне пола. Ее ширина 2 м и глубина 0,65 м. Подобных ниш, как мы увидим, во дворце много, но лишь в рассматриваемом помещении она перекрыта аркой, выведенной из обожженных кирпичей на алебастровом растворе. Кирпичи, размер которых 33×33×4 см, расположены ребром к плоскости стены, иначе говоря, арка клинчатая. Высота ее 2,2 м.

У северной стены напротив ниши расположена вымостка с прокаленным экраном над ней. Эта уже знакомая нам конструкция для переносного огня к моменту раскопок была сильно разрушена. Вымостка сложена из одного слоя сырцовых кирпичей, длина ее 1,4 м, ширина 0,75 м. Ширина экрана 0,7 м, он был обрамлен глиняными выступами, имевшими толщину 20 см и ширину около 40 см. Внутренние грани этих "пилястров" были раскрепованы: переход от наружной плоскости к экрану дан через небольшой уступ, прямоугольный в плане. В завале найдена часть двускатного перекрытия от декоративного портала. Снизу эта глиняная полоса была украшена маленькими кубическими выступами-"сухариками".

Восточная часть комнаты занята лестницей, сложенной из сырцовых кирпичей; нижний марш ее примыкает к северной стене и пятью ступенями дает подъем на 1,2 м. На этой высоте небольшая площадка, после которой следует подъем к югу по второму маршу, примыкающему к восточной стене. От этого участка лестницы сохранились от размыва только три ступени, но массив кирпичной кладки поднимается до самого юго-восточного угла на высоту 2,5 м. Ширина нижнего марша 0,7 м, верхнего - 1,2 м[*]. Высота каждой ступени в среднем 20 см, такова же ширина проступи. На этом основании можно реконструировать высоту заданного подъема. От площадки до южной стены 2,5 м. На этом протяжении может быть 12 ступеней, которые дадут подъем на 2,5 м. Однако более вероятно, что лестница кончалась площадкой и высота ее была менее 3,6 м (1,2+2,4 м). При размерах верхней площадки таких же, как у промежуточной, общая высота лестницы должна быть примерно 3,2 м. Очевидно, в этом уровне был пол комнаты второго этажа, лежавшей над рассматриваемым помещением[**].

[*] (*Возможно, верхний отрезок лестницы сразу был шире нижнего; скажем, чтобы разместить какие-то перила. Не исключена и дополнительная прикладка (она должна быть ранней, так как на западной плоскости лестницы была роспись). Если оба марша были вначале одной ширины, найдет объяснение асимметрия плана*

комнаты. Дело в том, что обычно ниша и очажное устройство лежат на оси помещения. Если принять за ширину комнаты расстояние между ее западной стеной и западной стороной лестницы (при ширине последней 0,7 м), стандартность планировки не окажется нарушенной. Архитектор М. С. Лапиров-Скобло считает, что по первоначальному замыслу на месте лестницы могла быть дверь в южный коридор (пом. 63).)

** (*Выход на перекрытие Южного коридора (пом. 63) кажется невозможным, а на кровлю Зала с кругами (пом. 77) - маловероятным.*)

Комната была расписана, но, к сожалению, мы ничего не можем сказать о сюжетах и композиции. Любопытно, что в арке роспись дана не по алебастровой штукатурке-раствору, а по нанесенной на нее глине с обычной алебастровой подгрунтовкой.

Находки - кости и грубая керамика - лежали выше пола и должны быть связаны с третьим и четвертым периодами. Тогда же был сделан пролом в помещение 22. Ниже этого пролома сохранился полуметровый участок западной стены рассматриваемой комнаты со следами росписи на нем.

О назначении комнаты 23 с уверенностью сказать нельзя. Даже рассмотрев ряд подобных помещений и признав часть из них святилищами, мы не сможем полностью исключить использование той же планировки для жилой комнаты. Допустив же, что таковым могло быть помещение 23, придется признать его жилищем хозяина дворца. В пользу этого свидетельствовали бы местоположение комнаты, уникальная арка из материала, крайне скупо применяемого во дворце, изображения рядом юных стражей. Нужно сказать, однако, что указанная трактовка кажется автору этой главы все менее и менее вероятной.

Помещение 24. Заканчивая рассмотрение комнат, группирующихся вокруг зала-вестибюля, перейдем к описанию двух помещений, в которые можно было войти из него через дверь в юго-восточном углу. Первое из них (24) - маленький коридор. Но именно в этом вспомогательном помещении были найдены исключительно интересные росписи. На стенах, сохранившихся на высоту до 2 м, удержались лишь их незначительные следы. В завале встречен большой обломок с уже знакомыми нам черными "силуэтами" на белом фоне.

На многих участках в разных слоях завала были найдены фрагменты орнаментальной полосы, состоявшей из огромных белых цветов на красном фоне (рис. 48). Можно утверждать, что эта полоса образовывала большую дугу с радиусом до 1,5 м. Вне ее на белом фоне были разбросаны красные лепестки-сердечки. Цветы на живописной арке располагались в шахматном порядке в два или три ряда. Они напоминали изображенные сбоку лилии. Длина каждого цветка 45 см, ширина 30 см. Минимальная ширина орнаментальной полосы 50 см. Скорее всего роспись была на северной стене, где была обнаружена очень неглубокая (10 см) ниша шириной около 3 м.

Рис. 48. Таблица III. Человек, несущий свитки; участок обрамляющей дуги. Копия росписи из помещения 24

Над полом примерно в середине комнаты были расчищены остатки композиции, очевидно находившейся под дугой с белыми цветами. Частично уцелело изображение человека, исполненное примерно в 1 $^{1}/_{4}$ натуральной величины. Высота стоящей фигуры должна была достигать 2,2 м. Линии рисунка нанесены черным, в раскраске угадывается стремление передать светотень. Голова обернута в профиль вправо. Сохранилась часть головного убора от уха до затылка. На красной шапке черный знак. Его верхняя часть сопоставима с буквой С, положенной горизонтально; внизу - как бы прописное Л, усложненное черточками, отходящими от концов вниз. Обе части объединены вертикальной черточкой. Корпус фигуры развернут в три четверти. Одежда красная. Спереди проходит вертикальная широкая полоса белого цвета. Таков же узкий пояс. Рукав у запястья охвачен белым манжетом или браслетом, напоминающим узкий валик. Несколько выше обшлага еще одна белая полоса, довольно широкая. Правая рука согнута, кисть приходится на середине груди. Сохранились следы левой руки, также согнутой. На ладони и предплечье лежит горизонтальная красная полоса, которая клинообразно заканчивается спереди и разрушена сзади. Поверх нее участок темно-красного цвета с волнистым краем сверху. Похоже, что все это передает лежащую на подносе подушку. Выше две горизонтальные полосы белого цвета, ширина нижней 6,5 см, верхней - 5,5 см. Они сохранили свое окончание. Горизонтальные линии контура соединены здесь изогнутой чертой. Немного отступя от края предмета, нанесены три дугообразные полоски, определенно передающие его цилиндрическую форму. Вполне убедительно мнение С. П. Толстова, что изображены перевязанные шнурком свитки. Длина их должна была достигать 60 см.

Фон изображения был, очевидно, светло-желтым с разбросанными по нему цветами и лепестками. Левее фигуры на уровне ее пояса были заметны какие-то черные мазки,

несколько напоминающие арамейские буквы (к сожалению, этот кусок росписи сохранить не удалось).

Перед человеком, несущим свитки, находилось изображение какого-то предмета, от которого на том же фрагменте росписи сохранился только верхний угол. На основании всех зафиксированных обломков можно дать такую предположительную реконструкцию этой детали композиции: это был коричневый прямоугольник полутораметровой высоты; вдоль его краев полоса с белыми кругами, их диаметр 8 см; середина предмета охвачена красной прямоугольной рамкой; внизу - уступчатое основание. Можно думать, что изображен какой-то богато украшенный параллелепипед, может быть, алтарь или аналогий, к которому изображенный персонаж подносит свитки. Не исключено, что предмет был в центре композиции, а справа могла быть вторая фигура. Ширина ниши и дуги допускает это. К истолкованию росписи мы вернемся, изучив соседнее помещение 25.

В заключение отметим находку скульптурного изображения головы темнокожего воина. Она аналогична найденным в соседнем зале (26), оттуда этот фрагмент и попал в рассматриваемое помещение.

Помещение 25. Комната невелика по размеру: 5,1×3,4 м. Посередине северной стены ниша шириной 2 м и глубиной 0,7 м. Дно ее образует слой кирпичей, выступающий внутрь комнаты на 30 см.

У южной стены напротив ниши находилось обычное устройство для переносного огня. Прокаленная поверхность (более, чем всегда: на 40 см) заглублена в стену, но это, вероятно, результат подрубки при возобновлении обмазки. На обрамлявших нишу лопатках сохранились следы белой и розовой краски.

Достаточно характерную для памятника планировку комнаты нарушает вторая ниша в восточной стене. Ширина ее 1,3 м, глубина 1,1 м, дно в уровне пола. В заполнении встречались обожженные кирпичи, можно предположить, что они относились к своду, перекрывавшему необычную нишу.

Посередине комнаты была кирпичная выкладка, сохранившаяся к моменту раскопок на высоту 20 см. Она прямоугольная в плане: 0,9×0,7 м. Поверхность выкладки прокалена, и можно предположить, что на ней горел огонь или устанавливалась какая-то жаровня. Но нужно учесть следующее: в третьем периоде на 20 см выше нижнего пола был намазан новый. При этом выкладка была скрыта в глиняном слое и ее дошедшая до нас поверхность стала участком верхнего пола. На нем в середине комнаты зафиксировано кострище. Возможно, огонь костра или очага и прокалил поверхность кладки. Тогда вероятно, что кирпичное устройство в центре комнаты первоначально было выше и было срублено при ремонте или при оставлении дворца, когда уничтожали элементы архитектуры, имевшие сакральное значение.

Помещение было богато расписано, но на стенах, кладка которых уцелела на 1,5-2 м, практически ничего не удержалось. Обломки, найденные в завале, показывают, что одна из ниш была обведена дугообразной полосой. На ней между красными линиями на черном фоне располагались белые круги (диаметр 12 см), а между ними у края полосы - лепестки-сердечки. Где-то, видимо по низу стены, был однотонный голубой участок. В северной нише были найдены куски штукатурки, окрашенные в красный цвет. По этому фону проходили узкие (3 см) гирлянды из остроконечных зеленых листочков, оконтуренных

черным. Там же обнаружен фрагмент сюжетной росписи, возможно изображавшей человека с чашей. На том же куске заметен небольшой овал, обведенный двойной красной линией, внутри его какой-то черный рисунок. Может быть, передана брошь или фибула. В роспись комнаты входил орнаментальный пояс, в пределах которого по белому фону были разбросаны весьма изящно прорисованные красным и черным цветы, напоминающие тюльпаны, розетты, лепестки, листочки (рис. 28, 7). Возможно, частью другой декоративной полосы является фрагмент, на котором розетты нанесены по розовому полю. Один из участков живописи, найденный у западной стены, предположительно может быть отнесен к изображению полуобнаженного человека.

Наиболее интересна женская голова, написанная со значительным превышением натуральной величины (рис. 27, 2). Изображение дано на голубоватом фоне, по которому разбросаны красные цветы. Голова повернута влево, почти в профиль. Сохранился каплевидный контур глаза и широкая прямая бровь. Тон лица розовый с лиловатым оттенком. Волосы черные, они разделены прямым пробором, длинные локоны закрывают уши. Прическу охватывает белая диадема, разделенная двумя продольными полосками. Спереди лента прерывается изображением маленького белого полумесяца. Он немного смещен в сторону от оси лица. Возможно, передана лишь часть симметричной эмблемы из двух или трех лунниц.

Рассмотренное помещение, несомненно, занимало во дворце очень важное место. Прежде всего об этом свидетельствует роспись в маленьком коридоре. Нигде более не встречены такие огромные трех лепестковые цветы. Подобные изображения иногда рассматриваются как жреческий символ[*]. Трудно сомневаться, что персонаж под аркой с цветами, значение которого подчеркнуто и масштабом изображения, - не простой писец. Знак на головном уборе человека, несущего свитки, весьма близок тем, которые характерны для зороастрийских жрецов высшего ранга[**]. Сочетание красного и белого цвета в одежде может указывать на царственность. Как полагают, эти цвета в облачении иранских царей символизировали их связь со жречеством и воинами[***]. Интересна для нас одна конкретная деталь известного описания одежды Дария III: "пурпурная туника с вытканной посредине белой полосой" (Curt., III, 3, 17: purpurae tunicae medium album intextum erat..). Вполне возможно, что изображённая в помещении 24 красная одежда с белой полосой глубоко традиционна и указывает на самый высокий ранг персонажа.

[*] (*О символике цветов см.: The Sacred Books of the East. V. 5 Oxford, 1880, p. 104 (Bundahisn, XXVII, 24); Dushesne-Guillemin J. Symbolic des Parsismus. Stuttgart: A. Hiersemann, 1961, S. 48-50.*)

[**] (*Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961, с. 53, 54; Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963, с. 39, 44.*)

[***] (*Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1965, S. 240.*)

Какие же свитки с таким благоговением несет на подносе и подушке человек, которого с достаточным основанием можно считать царем или жрецом, а скорее всего - царем-жрецом. Конечно же, это не повседневные хозяйственные записи, подобные найденным при раскопках. Изображены либо важные государственные акты, либо священные тексты. Вероятнее кажется второе предположение.

Сцены, изображенные на стенах древневосточных дворцов, часто связаны с назначением соответствующего помещения, нередко они запечатлевают те церемонии, которые в этих стенах происходили. То же самое следует предположить относительно

рассматриваемой росписи. Однако в маленьком коридоре, где трудно было охватить взглядом даже саму живописную композицию, никакие церемонии происходить не могли. Возможно, царь был изображен направляющимся в соседнюю комнату, где хранились священные свитки. Не исключено также, что сцена, запечатленная в преддверии помещения 25, на самом деле происходила в нем самом. Планировка комнаты дает для таких умозаключений определенные основания.

Сравнительно узкая и глубокая ниша в восточной стене не имеет подобных себе ни в одном другом помещении дворца. Она хорошо сопоставима со стенными шкафами (лат. armarium) - обычными вместилищами манускриптов в древнем мире. Может быть, священные тексты читали перед алтарем, стоящим на подиуме в центре комнаты. Если же предположить, что кладка, от которой уцелело основание, имела столбообразную форму, она могла быть и высоким жертвенником, и своего рода аналогием для возложения священных рукописей. В этом случае огонь, перед которым их читали, мог гореть на пристенном алтаре. Мы уже предположили, что разрушенный прямоугольник, к которому на росписи подходит царь-жрец со свитками, и есть "аналогий".

Небольшие размеры помещения 25 не могут препятствовать предположению, что здесь хранились священные рукописи и совершал богослужение сам царь. Для сравнения укажем, что внутренняя камера башнеобразного храма огня (как полагают, посвященного Анахите[*]) в Накш-и-Рустаме имела размер 3,7×3,7 м[**]. Надпись III в. н. э. на этой величайшей святыне Фарса (так называемой Каабе Зороастра), почитавшейся на протяжении веков, позволила предположить, что сооружение было "хранилищем официальных хроник, документов и религиозных постановлений, а может быть, и списка священной Авесты"[***]. Не исключено, что Высокий дворец был для хорезмийцев таким же "домом основ", "крепостью надписей", как для персов сооружение в Накш-и-Рустаме.

[*] (*Упомянутая выше большая голова с лунарным символом на диадеме могла относиться к изображению той же или близкой по своему значению богини.*)

[**] (*Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligtiimer, S. 188. Р. Гиршман приводит для камеры Кааба-йи Зардушт размеры (включая длину дверного проема?), почти точно совпадающие с промерами помещения 25:5,3×3,75 м (Ghirshman R. Perse. Proto-iraniens. Medes, Achemenides. Paris: Gallimard, 1963, p. 227).*)

[***] (*Луконин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969, с. 12-13.*)

В заключение подчеркнем, что помещение 25 (точнее - его восточная ниша) находится на пересечении диагоналей юго-восточной четверти Центрального массива. Очевидно, уже при разработке плана дворца в первую очередь наряду с порталом тронного зала и алтарем в Зале царей (см. ниже) было зафиксировано местоположение "комнаты жреца" - помещения 25. И это также указывает на очень важное значение этого небольшого святилища.

6. Зал воинов (помещение 26); помещения 27 и 28

Площадь зала около 84 м^2. Стены довольно равномерно сохранились , на высоту около 1,5 м. Около дверного проема, который через помещение 27 вел в тронный зал, расположена ниша с дном в уровне пола. Устроив ее, древние строители добились расширения пространства около смещенного к углу входа. Подобный прием широко применялся уже во дворце на Калалы-гыре 1 (рубеж V-IV вв. до н. э.)[*], в рассматриваемом сооружении такая ниша лишь одна.

[*](*Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр в 1958 г. - МХЭ, 1963, вып. 6, с. 144, рис. 2.*)

Центральный отрезок восточной стены был занят алтарем, который от упомянутых ранее пристенных устройств отличался только большими размерами. Ширина прокаленного экрана 1,3 м, ширина выступов обрамляющего портала по 0,6 м; вымостка имела длину 2,5 м при ширине 1 м и высоте 0,4 м. При сохранении тех же пропорций устройства, какие известны для них в небольших помещениях, высота его должна была превысить 3 м.

В западной стене напротив большого "камина" находилась ниша, имевшая ширину 2,3 м и глубину 0,8 м. Можно не сомневаться, что перекрытие ниши было арочным (арки-ниши мы увидим в сходных по планировке комнатах, сохранившихся на большую высоту).

По аналогии с соседним залом, где сохранилась база колонны, можно реконструировать плоское перекрытие, опирающееся на четыре деревянные колонны, которые располагались по продольной оси помещения.

Перейдем к описанию декоративного убранства Зала воинов. В его стенах на высоте 0,7 м от пола были ниши, имевшие по основанию ширину 0,6-0,7 м и глубину около 25 см. На северной и, очевидно, южной стенах было по две ниши; на западной - четыре (по две с каждой стороны арочной ниши). Восточная стена сохранила следы двух декоративных ниш, несомненно была и третья. Всего, таким образом, в зале было 11 ниш, которые предназначались для размещения барельефных скульптур.

В восточной нише северной стены на высоту 66 см сохранилось изображение стоящего мужчины, повернутого влево. Размеры фигуры должны быть близки натуральным. Высота рельефа в уцелевшей части скульптуры до 10 см. Переданы облегающие ногу штаны, которые под икрой стянуты лентой или ремешком, ниже - мягкие сапоги. Одежда красная, вероятно покрытая узором (сохранились следы черных линий). Персонаж стоит на небольших полушариях, расположенных в два ряда, диаметр их 7-8 см. В нише на западной стене удалось зафиксировать раскраску, шаров: по краю они были синими, середина красная. Шары отмечены во всех дошедших до нас нишах; стенки последних всегда красные. Очевидно, все большие скульптуры были однотипными, но уцелели следы лишь еще одного барельефа в северной нише западной стены.

По сторонам барельефов были обнаружены остатки чрезвычайно интересного налепного декора. Ясно, что нижняя часть каждой нишки находилась между двумя спиралями, ширина которых достигала 90 см. Полоса из глины с рубленой соломой, образующая спираль, была прямоугольной в сечении. Ширина ее 15-18 см, толщина 5 см. С боков полоса была красной, на ее плоскости между двумя красными линиями была раскраска в виде черной ромбической сетки[*]. Под спиралями, как бы поддерживая их, шла по всему периметру зала горизонтальная тяга шириной 15-17 см. Раскраска ее была черным и красным.

[*] (*Орлов М. А. Реконструкция "Зала воинов" дворца III в. н. э. Топрак-кала. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 53.*)

Боковые стенки нишек, сложенные из лекальных кирпичиков, внизу повторяли абрис спирали. Поэтому расстояние между ними на уровне колен скульптуры уменьшалось до 40-50 см, а выше как будто замечалось некоторое расширение. Не вполне ясно, во что переходили ленты спиралей выше того уровня, до которого сохранились стены. М. А.

Орлов предложил реконструкцию, согласно которой две соприкасающиеся спирали соединяются друг с другом на полутораметровой высоте и образуют нечто вроде капители с двумя волютами*. Полевая документация не дает убедительного подтверждения этого предположения. Следует обратить внимание на такое обстоятельство: помимо больших ("двойных") простенков, позволявших разместить между нишами "капитель" с двумя волютами, в зале есть такие, на которых могла быть только одна спираль. При реконструкции северо-западного угла было высказано предположение, что на такие участки ложится "капитель", как бы согнутая по оси под прямым углом. Но есть такие простенки, например рядом с центральной нишей, где применить такой прием невозможно. Между тем и здесь лежали сползшие со стены спирали (рис. 49). Очень трудно думать, что они могли располагаться по одной, не входя в какие-то симметричные построения.

* (*Орлов М. А. Реконструкция "Зала воинов" дворца III в. н. э. Топрак-кала. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 65, рис. 11.*)

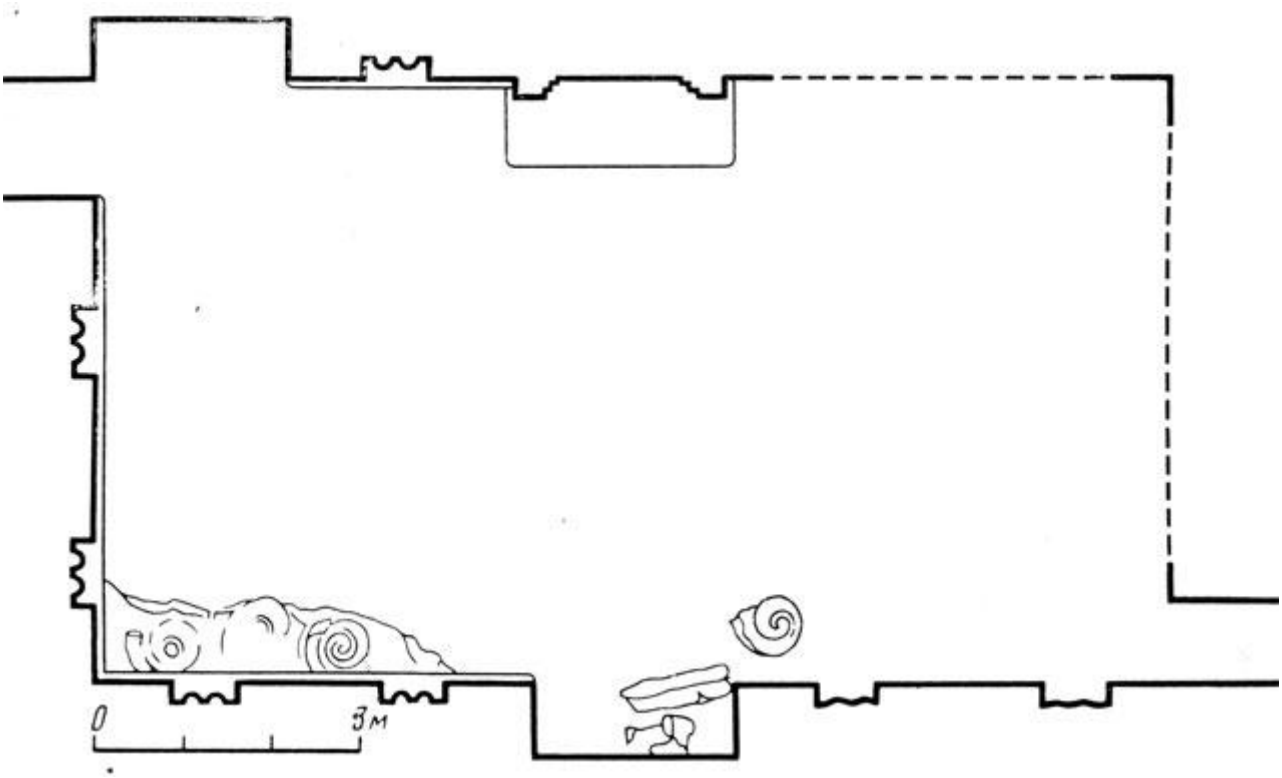

Рис. 49. Зал воинов (помещение 26). План

Представляется возможным такое решение: развернувшаяся из спирали лента поднималась вверх, огибала сверху нишу со скульптурой и, опустившись, переходила во вторую спираль (рис. 50). Расширение ниши, как будто прослеживаемое на высоте около 1,5 м, не может препятствовать такой реконструкции, поскольку после некоторого отклонения в сторону очерчивающая нишу кривая могла плавно переходить в арку. Отметим, что и М. А. Орлов вполне справедливо полагал, что ниша со скульптурой должна быть как-то перекрыта. Вероятность предполагаемой нами реконструкции подтверждают материалы раскопок парадного помещения или святилища на городище Гяур-кала. Алтарная ниша была охвачена сверху и с боков дугообразной рельефной полосой, которая внизу переходила в спирали*.

* (*Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала. - ТХЭ, 1958, т. II, с. 359, рис. 6, 7.*)

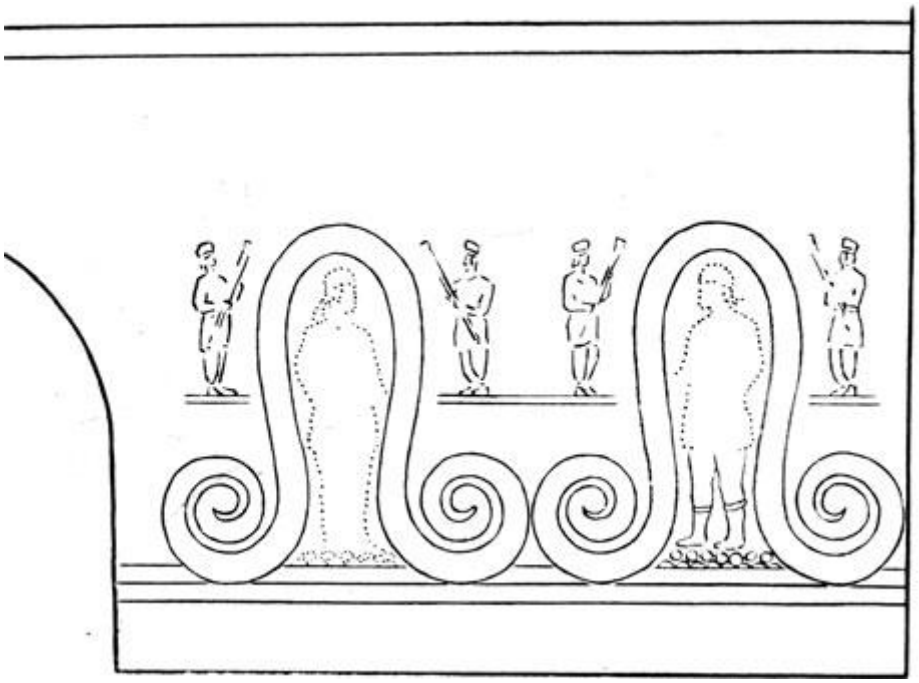

Рис. 50. Барельефные композиции в Зале воинов. Реконструкция участка западной стены

Теперь рассмотрим фрагменты скульптур, найденные в завале. Лишь немногие из них, не слишком выразительные, можно отнести к большим фигурам. Очевидно, эти барельефы долго удерживались в нишах и постепенно размывались вместе со стенами. Большинство находок относится к однотипным изображениям темнокожих воинов, исполненным в половину натуральной величины (рис. 51). Эти персонажи названы воинами потому, что на одной сравнительно хорошо сохранившейся фигуре, найденной близ северной стены, отчетливо заметны пластины панциря. Ширина корпуса 17 см, длина от шеи до бедер 30 см. На стене барельефное изображение должно быть повернуто в три четверти вправо. Локоть приходится посредине груди, предплечье поднималось вверх, и кисть должна была быть на уровне лица. От головы на фрагменте уцелела лишь черная клиновидная борода. Рельефом передан пояс. Краской обозначены перекрывающие друг друга панцирные пластины со скругленным концом, ширина их 2-3 см. Спереди к торсу примыкала какая-то деталь изображения в виде круглого в сечении предмета, длина сохранившейся части которого 10-12 см. Был найден еще один обломок торса воина около западной стены.

Рис. 51. Горельефное изображение воина

Найдено около десяти голов, причем одна из них рядом с фигурой в панцире. Степень их сохранности разная, но все головы, несомненно, были похожи друг на друга (рис. 52). Это позволяет дать обобщенную характеристику. Все головы даны в трехчетвертном повороте, но в двух случаях удается установить поворот влево, а в четырех - вправо. Очевидно, воины находились по сторонам персонажей на шарах и были обращены к ним. В основании головных уборов показана лента, форма тульи напоминает опрокинутый усеченный конус. Очень похож на них персидский головной убор, многократно повторенный на рельефах Персеполя. Однако если у ахеменидских гвардейцев тулья обработана вертикальным рифлением, то у топраккалинских воинов она украшалась росписью. В одном случае заметны чешуйки, обращенные скруглениями вверх, в другом - какие-то фигуры со ступенчатыми краями. Из-под шапок спускаются на уши черные волосы, скругленные внизу. Раскраской показаны бакенбарды, переходящие в черные бороды клиновидной формы. Окраска лица там, где красочный слой хорошо сохранился, красновато-черная. Глаза выпуклые; зрачок, края век и брови показаны черной краской. Нос имеет мягкую, несколько бесформенную моделировку; его кончик опускается ниже основания; переносица глубокая, низко расположенная. Темный цвет кожи и другие особенности лица, не свойственные антропологическому типу, обычно передаваемому в хорезмийском искусстве, позволили предположить, что были изображены воины, происходившие из дравидоидных индийских племен[*]. Не входя в рассмотрение этого вопроса, следует обратить внимание на одну своеобразную деталь изображений: рот и

часть щек воинов закрыты накладками с конусообразным выступом в центре. Край этой переданной рельефом пластины прогнут под основанием носа, немного поднимается по сторонам и затем опускается, повторяя очертания носогубной складки. В целом форму накладки можно назвать сердцевидной. Она окрашена светлой краской и по контуру обведена черным.

* (*Толстов С. П. Хорезмская археологоэтнографическая экспедиция в 1948 г. - ИАН СИФ, 1949, № 3, с. 258.*)

Рис. 52. Голова воина

Что передает или символизирует это необычное устройство? Можно предложить целый ряд догадок: кляпы, подобие забрала; нечто, функционально соответствующее повязкам жрецов огня; символ молчания или укрощенной стихии и т. д. Наиболее правдоподобной кажется такая трактовка - показан мундштук духового музыкального инструмента. Уже после первых находок О. А. Вишневская предположила, что изображены музыканты*. В пользу этого свидетельствуют вздутые щеки, вытаращенные глаза, напряженное выражение лиц, возможное положение руки. Вполне уместны были бы подле царей или богов небольшие изображения трубачей, играющих им славу. Известно, что некоторые музыкальные инструменты, например сурнай, имеют на мундштуке накладку, прикрывающую не только губы, но и часть щек. Подобные накладки бывают очень большими у некоторых музыкальных инструментов народов Юго-Восточной Азии.

* (*ИЭ, Архив Хорезмской экспедиции, Полевой дневник 1948 г., № 4, с. 28.*)

Но есть одно трудно преодолимое препятствие для такой трактовки рассматриваемого изображения: конус, вырастающий из накладки, не имеет отверстия и полностью окрашен. Если бы продолжением мундштука была какая-то прямая труба, очевидно, ее лепили бы вокруг жесткого стержня, и от него осталось бы отверстие. Если же к накладке добавлялся инструмент, через изгиб примыкавший к стене или фигуре музыканта, то зачем нужно

было окрашивать конус? На этот вопрос можно попытаться ответить так: голова окрашивалась целиком, а следы дополнительной лепки на конусе просто не удержались. Можно сделать еще одно предположение: "мундштуки" условно показывали, что музыканты трубят, а сами трубы воины держали у корпуса. Может быть, деталь музыкального инструмента и сохранилась перед фигурой в панцире. Следует еще заметить, что после реставрации фигура оказалась довольно похожей на изображение волынщика (ср. гл. III, 11).

В зале воинов была многоцветная роспись, но ее следов в завале обнаружено необычайно мало по сравнению с белой штукатуркой. В одном случае отмечено, что побелка примыкала непосредственно к горельефному изображению головы воина. Может быть, фриз с этими фигурами располагался высоко, но не исключено, что белой была вся стена над волютами и нишами. По низу стен шла синяя однотонная панель, под потолком - возможно, полоса с черным орнаментом, напоминающим мотив "бегущей волны" (обломки карниза встречены при раскопках). В большой нише была прекрасная роспись со свободным цветочным орнаментом по алому фону.

Хотя большая часть убранства Зала воинов не сохранилась, оно, как кажется, в общих чертах поддается осмыслению. "Шары", на которых стоят персонажи в нишах, - традиционный в древневосточном искусстве мотив горы. Так на ассирийских барельефах бывают показаны вершины, по которым движется победное войско, или гора, на которой царь-победитель совершает жертвоприношение. В композициях, которые ближе по времени Топрак-кале, в частности на кушанских монетах, над подобными "горами" находятся изображения богов или царей, претендующих на уподобление богам[*]. Очевидно, и хорезмийские скульпторы подобным символом стремились передать особую близость царя к божеству или величие его побед. Можно думать, что воины-музыканты ревом своих труб славили эти победы или сопровождали торжественное жертвоприношение.

[*] (*Rosenfield J. M. The Dynastic Arts..., p. 201.*)

С. П. Толстов предположил, что сдвоенные спирали из Зала воинов передавали бараньи рога, и указал некоторые этнографические примеры их почитания[*]. Предложенный нами вариант реконструкции отнюдь не противоречит такой трактовке. Известно, что баран был одним из воплощений Фарна - широко распространенного во всем ираноязычном мире понятия, которое персонифицировало удачу, в том числе удачу военную[**]. Мы уже приводили свидетельства того, что и в Хорезме этот образ был известен, отождествив с ним, в частности, круторогих баранов с человеческими ликами на мраморной капители, найденной в 1966 г.[***] Главным фетишем в одном из городских храмов Топрак-калы были огромные рога горного барана, украшенные золочеными браслетами[****]. Вполне вероятно, что изображения царей в Зале воинов находились под символом Фарна в виде рогов, и это не только должно было прославлять хорезмийских правителей, но и способствовать их военным успехам. В то же время следует помнить, что баран - одна из инкарнаций авестийского бога войны и победы Веретрагны, а именем этого божества называли у зороастрийцев священные огни высочайшего ранга. По всей видимости, и этот комплекс верований нашел отражение в устройстве и оформлении рассматриваемого помещения. Его, видимо, следует считать святилищем, где совершались обряды, связанные с войной и воинскими функциями царя.

[*] (*Отметим в этой связи, что в народной архитектуре жителей Хорезмского оазиса еще недавно можно было видеть окна, охваченные огромными рогами, изображенными краской.*)

** (*Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш, 1968, с. 52, 55.*)

*** (*Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет..., с. 65, 66. Публикацию капители см. в ст.: Манилов Ю. П. Мраморные архитектурные детали из Султа-нуиздага. - СА, 1975, № 3, с. 210-212.*)

**** (*Городище Топрак-кала, с. 53, 54, 146.*)

Около северной и западной стен зала был обнаружен ряд интересных находок, лежавших на полу в слое, который имел толщину до 15 см (большинство предметов найдено в 5 см от пола). Среди находок следует упомянуть бронзовое зеркало, колокольчик и нож, фрагменты стеклянных сосудов и множество бус (см. гл. V), часть из них входили в низку, к которой была привешена раковина каури. Рядом лежала подвеска из слоновой кости, довольно примитивно изображавшая человеческий бюст. В пределах центральной ниши была россыпь из 187 бусин, часть которых предназначалась для нашивания на одежду. В середине комнаты было большое пятно от горения, в огне явно побывала часть инвентаря (может быть, это результат локального пожара). Однако определенная закономерность чувствовалась в размещении шести пятен прокаленной обмазки пола у северной стены. Они расположены в два ряда, имеют правильные округлые очертания с диаметром 35-40 см. Нельзя исключить, что следы горения - результат каких-то ритуальных действий, связанных, допустим, с оставлением дворца.

Позднего бытового мусора в завале было немного, перестройки не отмечены.

Помещение 27. Через это помещение, стены которого сохранились на высоту до 2 м, пролегал кратчайший путь в айван тронного зала из Зала воинов (пом. 26), Зала побед (пом. 29) и Зала царей (пом. 32). Видимо, этим объясняется пышность росписи в маленьком (6,8×1,8 м) коридоре, введение в нее каких-то повествовательных мотивов.

Прежде всего следует отметить фрагмент, найденный в завале около восточной стены. Когда-то он входил в композицию, на которой были изображены в натуральную величину двое мужчин, сидящих спиной друг к другу. Уцелели ноги персонажа, обернутого вправо. Правая ступня поставлена на горизонтальную линию, низ левой ноги от нас скрыт; подразумевается, что она опирается на носок. Хорошо различимы светлые сапоги, перетянутые под пяткой и на щиколотке ремнями (рис. 27, 3). Штаны черные, с широкими полосами вышивки спереди: по белому фону был передан красный узор из листьев, цветов и побегов. Орнамент, видимо, имел симметричное построение, осью служила полоска в виде лесенки. Насколько можно судить по небольшому сохранившемуся участку, одежда мужчины, повернутого влево, была идентичной. Внизу изображения проходит полоса шириной около 15 см, образованная двумя черными линиями с гирляндой из узких, прорисованных красным листьев между ними. Под ней - полоска со светлым зигзагом на красном фоне и, наконец, узор из желтых и красных треугольников или ромбов. Полоса с гирляндой справа ограничена четкой наклонной линией, и это позволяет предположить, что фигуры были изображены сидящими на каком-то орнаментированном троне. В то же время совершенно незаметны какие-либо детали верхней части сиденья. Вероятно, передана пышная красная подушка; не исключено, однако, что изображено какое-то возвышение типа омфала.

В целом роспись своим построением и характером переданной одежды вызывает определенные ассоциации с некоторыми изображениями скифов (например, на сосудах из Гайматовой могилы и Частых курганов). Расположение и даже характер вышивки находят

прямые аналогии в скульптуре и живописи парфянского времени из Пальмиры, Дура Европос и Ашура.

Близ северной стены был зачищен кусок рухнувшей штукатурки с разрозненными участками какого-то крупного изображения в светлых (белых, желтых, розовых) тонах. Различимы лишь орнаментированные полосы (ремни? вышивки?), идущие в разных направлениях, а также часть окружности, образованной тремя красными концентрическими линиями. Скорее всего это детали человеческой фигуры, выполненной со значительным превышением натуральной величины. Не исключено, что был изображен конь в сбруе.

Отметим еще один крупный фрагмент. На белом фоне широкая (25-30 см) полоса красно-оранжевого тона. Местами заметна разделка полосы какими-то чешуйками или мелкими листочками, нанесенными красным контуром. Все это "перевито" несколькими черными линиями, идущими под углом к краям полосы. По сторонам ее заметны крупные трехлепестковые цветы. Если их чашечки были направлены вверх, то полоса была вертикальной. В этом случае она более всего напоминает ствол дерева, опутанный вьющимся растением*. Допустимо также предположение, что уцелел отрезок необычно широкой гирлянды.

* (*Напомним о таком мотиве в барельефе около Зала оленей.*)

Ряд небольших обломков можно отнести к одной из рассмотренных росписей. Исключение составляет орнамент из маленьких оранжевых и красных прямоугольников, расположенных в шахматном порядке. Так в среднеазиатской живописи обычно передается ткань ковров.

Под обмазкой нижнего пола в ямке у северной стены были обнаружены кусочки красной краски, оставленные древними живописцами. На намывах над полом найдена медная монета с отломанным краем и бронзовая бляшка. Дверной проем в Зал воинов был заложен кирпичами поверх примерно полуметрового слоя комковатой глины с намывными прослойками. На подобных поверхностях внутри комнаты отмечены два кострища и собраны обломки керамики и кости, в том числе кости рыб и птиц.

Помещение 28. В эту комнату из помещения 27 вел широкий (1,3 м) дверной проем, расположенный посредине стены. Уступы по сторонам прохода и найденный около него обломок лепнины с росписью белым и коричневым указывают на богатую отделку этой двери. Площадь комнаты около 30 м^2. Стены сохранились на высоту до 2 м. В северной стене был проход в помещение 30 и смещенная к западу ниша, ширина ее 2 м, глубина 0,65 м. Третья дверь открывалась в Зал побед (пом. 29), для которого рассматриваемая комната была своего рода вестибюлем.

Стены комнаты и ниша были расписаны. О характере стенописи можно судить лишь по обломкам, найденным в завале. На одном из них, видимо относившемся к человеческой фигуре, красивое сочетание ярко-голубой и темно-вишневой краски.

Особенно интересен фрагмент композиции, найденный около западной стены. Уцелели верхняя часть хищной птицы и своеобразный жезл или растение перед ней (рис. 35, 1). Изображения даны на светло-оранжевом фоне, по которому, как обычно, разбросаны цветы. Сверху черными линиями, возможно, был написан фронтон, заполненный светлыми дужками.

С. П. Толстов считал, что до нас дошел верх изображения царя в орлиноголовой короне и с жезлом в руке*. Возможно и другое предположение: орел (птица, обычно символизирующая верховное божество) перед священным растением или штандартом. При этой трактовке топраккалинское изображение получает хорошее соответствие в известном барельефе из Хатры**.

* (*Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции 1949-1953 гг. - ТХЭ, 1958, т. II, с. 214, рис. 100.*)

** (*Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962, p. 1, fig. 2. Священные штандарты в парфянское время имели вид шеста (обычно с трехконечным верхом) с нанизанными на него дисками и кольцами - символами светил. Возможно, эта иконография сказалась в трактовке "жезла" на рассматриваемой росписи. Однако здесь, судя по большим нижним листьям, все же скорее растение. Изображение орла (великой птицы Сайна в Авесте) около священного дерева легко находит объяснение в индоиранской мифологии. В зороастрийских текстах с "древом всех семян" связывается пара птиц (подробнее см.: Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет..., с. 62, 63). Вполне возможно, что композиция была геральдической.*)

О росписи ниши можно сказать, что она была многоцветной, уцелел фрагмент с разнообразными пальметтами и белыми цветами на красном фоне (рис. 28, 4).

Около входа в Зал побед и в дверном проеме было найдено несколько обломков барельефных скульптур. Среди них рука и часть торса в красной одежде с легкими складками. На другом фрагменте кольцевые складки вокруг предплечья были подчеркнуты черной краской.

На полу помещения найден бронзовый предмет, напоминающий створку раковины-беззубки. Следует также отметить черепок с остатками белой, желтой и красной краски на внутренней поверхности. Очевидно, это палитра древнего художника. На глубине 1,7 м в юго-восточной части помещения был обнаружен железный трехперый наконечник стрелы. На метр глубже современной поверхности, примерно в центре помещения найден человеческий череп со следами искусственного уплощения затылка. Возможно, для захоронения в заброшенном помещении были поставлены две стенки, обмазанные саманом. Они прослежены в южной части комнаты на расстоянии около метра друг от друга. В заполнении комнаты зафиксированы утоптанные и натечные поверхности, расслаивавшие завал. На некоторых из них были следы костров. На уровнях временного обитания собраны кости и фрагменты керамики.

7. Зал побед (помещение 29); помещения 30, 31

Площадь Зала побед достигает 120 м^2. Стены сохранились на высоту от 3 м (северо-восточный угол) до 0,4 м. Смыв шел с севера на юго-восток, и поэтому наиболее разрушены южная и восточная стены. Сохранившийся объем помещения был заполнен размытыми кирпичами рухнувших стен, глиняными и песчаными натеками.

Посредине западной стены сохранились остатки алтарной ниши и вымостки перед ней. Ниша была заглублена в стену примерно на полметра и имела в плане дугообразные очертания. Ширина ее примерно 1,3 м. На стенке ниши сохранилось 4 слоя прокаленных глиняных обмазок. Она была обрамлена декоративными выступами, однако сильное разрушение не позволяет установить их первоначальную профилировку. Перед нишей находилась невысокая, до 20 см, кирпичная вымостка прямоугольных очертаний (1×2,5 м). На стенках вымостки сохранились следы побелки. Поверхность вымостки прокалена.

У восточной стены зала против очага-алтаря была оконтурена узкая, около полуметра, кирпичная вымостка, имевшая длину 2,3 м. Она сохранилась на высоту 35 см, немногим выше и прилегающий участок кладки стены. Характер разрушения и результаты зачистки поверхности позволяют считать, что посредине восточной стены находилась широкая ниша, дно которой было поднято выше пола помещения. Выступающую в зал часть этой вымостки и удалось зафиксировать при раскопках. Ниша была заложена, закладка не разобрана.

На продольной оси помещения в 2 м от северной стены сохранилась каменная база колонны. Она вытесана из коричневато-серого полимиктового песчаника и имеет высоту около полуметра. База трехступенчатая, квадратная в плане. Сторона нижней ступени 60 см, средней - 40 см, верхней - 30 см. Такая же, но более поврежденная база была обнаружена на осевой линии в 2 м от южной стены. В нескольких местах были найдены небольшие смещенные обломки от баз. Очевидно, перекрытие зала поддерживали 4 деревянные колонны, опиравшиеся на каменные базы. По всей вероятности, они имели традиционную для Хорезма конструкцию: на ступенчатых плинтах стояли горшкообразные "торы", подпиравшие деревянный ствол колонны. Две центральные колонны, надо полагать, находились друг от друга на расстоянии, соответствующем ширине ниш, расположенных посредине восточной и западной стен. В кровле между этими колоннами должно было находиться световое отверстие. Последнее, видимо, было не слишком велико и в холодное время могло быть закрыто каким-то щитом или кошмой.

Мы могли заметить, что принципы планировки Зала побед несложны, рациональны и достаточно близки тем, которые мы увидим в некоторых небольших комнатах дворца. Однако значительное увеличение размеров стандартных планировочных компонентов уже само по себе придавало залу определенную монументальность.

Ее подчеркивали и усиливали барельефные композиции, украшавшие стены помещения. Фрагменты таких композиций, уцелевшие на северной, западной и южной стенах, позволяют довольно хорошо представить себе скульптурное убранство зала. Рухнувшие со стен фрагменты барельефов дополняют это представление.

Начнем с описания наиболее сохранившейся скульптурной группы, располагавшейся на северной стене рядом со входом. Центральный барельеф композиции был помещен в неглубокой нише, дно которой было на 1,2 м поднято над полом. Ширина ниши 1,2 м, глубина 18 см. Эта глубина была увеличена еще на 3 см за счет налепных лопаток, обрамлявших нишу. Углы ее были раскрепованы: переход от боковой стенки к задней был сделан через дополнительный выступ, прямоугольный в сечении. Обрамление было красным, раскреповка белой. В такой же нише на западной стене отмечена темно-зеленая окраска одной из боковых граней.

Барельеф изображал сидящую в профиль вправо мужскую фигуру, исполненную в $1^1/_4$ натуральной величины (длина голени 65 см). Сохранились лишь ноги скульптуры и сидение трона. Правая нога согнута в колене и немного выставлена вперед, стопа ее не сохранилась. Высота рельефа достигает 19 см. Левое колено выдвинуто перед правым, левая ступня расположена чуть выше правой, позади нее, немного опущена. Эта часть рельефа, естественно, плоская. На сиденье спускаются легкие складки короткого плаща. Уверенно изображены также мягкие ниспадающие складки штанов. Передана довольно легкая ткань, окрашенная в красный цвет. Штанины, не слишком широкие, стянуты ниже икры шнурком, концы которого с кисточками заметны на левой ноге. Мягкая обувь облегает низ голени и стопу. Горизонтальный ремень охватывает сапожок по щиколотке,

другой - перетягивает ступню. На внешней стороне правой ноги угадывается круглая пряжка ремня (рис. 53).

Рис. 53. Барельефная композиция на северной стене Зала побед (помещение 29)

Правее ниши, в 30 см от ее края, на плоскости стены сохранился фрагмент барельефа, изображавшего в натуральную величину стоящую женскую фигуру. Она располагалась на небольшой прямоугольной "полочке", причем ее ступни были несколько выше, чем у мужчины в нише. Ноги скульптуры повернуты влево и, хотя вполне вероятен трехчетвертной разворот корпуса, несомненно, что фигура была обращена лицом к центральному персонажу. Удаленная от зрителя правая нога чуть выступает перед левой, показан ее носок. Изображено длинное красное платье из легкой ткани. Очевидно стремление художника показать, что встречный ветер обтянул ноги и отбросил назад развевающиеся складки подола. Фигура, несомненно, была передана в момент, завершающий стремительное движение.

Слева от ниши симметрично вышеописанной скульптуре некогда располагалось еще одно женское изображение. Оно было найдено лежащим лицевой поверхностью вниз при входе в зал. Это также барельеф, выполненный в натуральную величину. За исключением головы, скульптура сохранилась довольно полно. Изображена стоящая фигура, развернутая в три четверти вправо. Правое предплечье, несколько опущенное, прилегает к животу. Одежду составляют длинное розовое платье и легкий плащ или шарф, лежащий на плечах и перекинутый через руку. Хорошо моделированные ниспадающие дугообразные складки на корпусе и глубокие вертикальные складки, драпирующие ноги, придают скульптуре монументальность и преднамеренную статичность (рис. 54).

Рис. 54. Статуя из Зала побед. Женская фигура в натуральную величину. Глина с полихромной росписью

Итак, рассмотренная нами композиция состояла из трех скульптур: большой сидящей мужской фигуры и двух женских изображений по сторонам (рис. 55). Обобщенная трактовка этих персонажей особого затруднения не вызывает. На троне восседает царь, изображенный, насколько можно судить по дошедшему фрагменту, в полном соответствии с парфянской монетарной традицией (постановка ног, короткий плащ, ниспадающий на сиденье и т. д.). Подле царя, что характерно для того же круга аналогий, - богини, венчающие царя или демонстрирующие своим присутствием и атрибутами незыблемость и святость его власти и благополучия. Для фигуры, как бы парящей перед владыкой, уже предложено убедительное, на наш взгляд, отождествление с богиней Победы, Никой греческого пантеона, Хваниндой кушанской традиции*. Позади могло располагаться божество изобилия и мирного благополучия, подобное греческой Тихе или кушанской Ордохшо. Постановка статуи и расположение ее руки вполне допускают, что богиня держала рог изобилия. Известны, однако, парфянские монеты с двумя богинями победы подле царя.

* (*Толстов С. П. Хорезмская археологоэтнографическая экспедиция (1945-1948). - ТХЭ, 1952, т. I, с. 36.*)

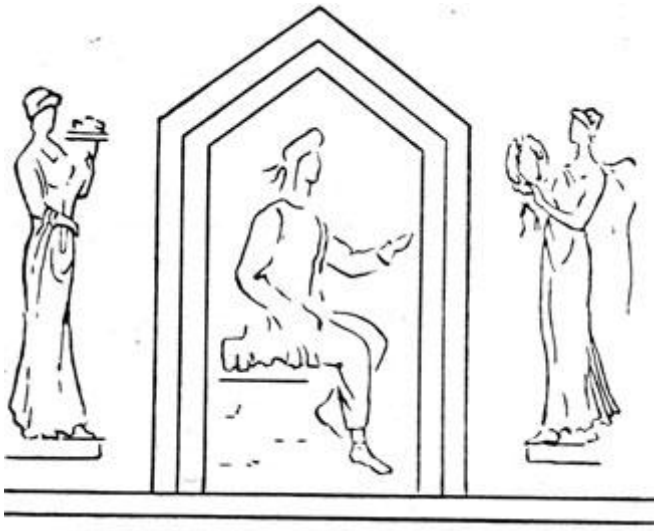

Рис. 55. Барельефная композиция в Зале побед. Вариант реконструкции

На западной стене по сторонам алтарной вымостки частично уцелели две ниши, подобные той, которая упомянута выше. В северной из них сохранились ноги мужской сидящей фигуры, повернутой влево. Соответственно вперед выдвинута левая нога, а правая ступня расположена позади и несколько выше левой. В остальном постановка ног и окраска такие же, как и у фигуры на северной стене. На ремне, охватывающем левую ногу над щиколоткой, хорошо заметно изображение крупной круглой пряжки.

Левее ниши располагалось женское изображение в длинном платье, обращенное к царю. Фрагмент более поврежден, чем соответствующая скульптура на северной стене, но, очевидно; идентичен ей. Плоскость справа от ниши разрушена, но при входе в зал найдена часть скульптуры, которая, видимо, располагалась здесь. Это обломок торса в красной одежде и левая согнутая в локте рука с перекинутым через нее шарфом. Перед нами как бы зеркальное повторение левой скульптуры северной группы.

Симметрично только что рассмотренной нише, в 2 м южнее очага была еще одна ниша, являвшаяся, очевидно, центром аналогичной композиции. Остатки рельефа в этой нише весьма незначительны, но подле нее в завале отмечены фрагменты с изображением ног сидящей фигуры в красных штанах и мужского торса.

На той же стене недалеко от южного ее края был расчищен вертикальный налеп - пилястр розового цвета. Ширина его 20 см. С какой-либо скульптурой он, очевидно, связан не был, а ограничивал пространство, 1 симметричное дверному проему.

Близ западного угла на южной стене обнаружены складки барельефного изображения платья, а за ним - сильно разрушенная ниша с обычной разделкой боковых стеночек. Здесь же в завале скульптурный фрагмент с изображением складок белой одежды.

Восточные участки северной и южной стен дошли до нас сильно разрушенными, но можно не сомневаться, что и здесь находились соответствующие известным ниши и скульптурные группы. У северной стены, как раз напротив того места, где должна была находиться ниша, симметричная сохранившейся, в завале найдена часть скульптуры. Это барельефное изображение ног большой сидящей женской фигуры, обращенной влево. Изящно моделированы складки розовой одежды, состоявшей из длинного платья и накидки, доходившей до колен. Фигура располагалась на таком же сиденье, как и одномасштабная мужская.

Итак, на северной стене ближе к ее краям находились две ниши, в которых лицом друг к другу восседали изображения царя и царицы. Каждую из этих скульптур, очевидно, сопровождали изображения двух божеств.

Что же касается западной стены, то ее композиционным центром была алтарная ниша, точнее огонь, перед нею горевший. По сторонам ее были две скульптурные группы, причем обе, очевидно, с центральными мужскими фигурами. Это обстоятельство препятствует весьма заманчивому предположению, что на каждой из четырех стен была изображена царская чета.

Меньше данных мы имеем для суждения об убранстве восточной стены. Очевидно, центром ее было изображение в большой нише с вымосткой. Можно думать, что по сторонам этой ниши также располагались две скульптурные группы. Есть основание считать, что среди персонажей, изображенных на этой стене, было какое-то мужское божество. Правее вымостки в завале был найден барельеф с изображением нижней части живота и листа, который несколько условно можно назвать фиговым. Обломок относится к фигуре, выполненной примерно в натуральную величину. Очень сходный фрагмент мы смогли отлить в древней форме, найденной на Северо-западном массиве. Скульптура, изготовлявшаяся в этой серии форм, изображала водное божество. Возможно, что божество того же круга было и в Зале побед. Однако фигура не была обнаженной, на животе отчетливо заметны ниспадающие складки легкой красной одежды, неожиданно сочетающейся с фиговым листом. Очевидно, здесь сказывается варваризация какого-то эллинистического образа. Это могли быть Посейдон, Геракл, Дионис или какой-то иной персонаж, первоначально изображавшийся обнаженным и вошедший в среднеазиатский пантеон.

Помимо барельефов, стены зала были украшены росписями. Следы их отмечены как на месте, так и в завале. Однако все фрагменты настолько дефектны или невелики, что сколько-нибудь полно представить даже схему росписи невозможно.

У северного края западной стены понизу сохранилась облицовка из обожженных кирпичей, обмазанных слоем алебастра. Поверх него отмечены изображения цветов, нанесенные черным контуром, очевидно, по оранжевому фону. Те же тона - белый, черный, желтовато-оранжевый и красновато-оранжевый - отмечены на ряде участков до

высоты около метра от пола. Один из фрагментов росписи, найденный в завале в юго-западном углу, сохранил изображение восьмилепестковой розетты, от которой отходит гирлянда из листочков ромбоидальной формы. Цветок построен на основании круга, процарапанного циркулем по штукатурке. Диаметр круга 14 см, ширина гирлянды 7 см. Изображение дано свободной и довольно широкой (0,5-1 см) черной контурной линией по оранжевому фону. Гирлянда белая, цветок также белый, но внутри него заметны следы красновато-оранжевой краски. Вероятно, это следы подмалевки. Можно предположить, что до уровня ниш на стене была роспись из ромбов или квадратов, образуемых гирляндами с розеттами на месте их пересечения. Некоторые фрагменты позволяют, пожалуй, думать, что в том же поясе роспись включала изображения птиц.

Около барельефов, рухнувших со стен, была отмечена штукатурка с ярко-красной раскраской. Встречалась она и на стенах. Поэтому вероятно, что в уровне барельефных изображений на стене были красные участки. Однако рядом со скульптурами, сохранившимися на стене, отмечен белый фон. Это естественно, так как одежды изображенных персонажей, как мы помним, были красными и темно-розовыми.

В завале были также найдены обломки карнизов, прямоугольных в сечении, с белыми, черными, серыми и узкими красными полосами. На одном из таких фрагментов по белому фону нанесены черные листики и стебли.

О назначении рассматриваемого зала может свидетельствовать его оформление. Изображения здесь вряд ли были объектами поклонения, своего рода идолами, как это было в Зале царей. Композиции Зала побед - элементы монументального декоративного оформления, которое служило утверждению легитимности власти царей, возможно, прославлению каких-то побед или деянии, совершенных ими, а также магической поддержке благополучия династии. Как уже сказано, барельефы по сути дела повторяет достаточно традиционные для реверса монет группы. Поэтому может быть, что изображены богини, вручавшие царям Хорезма какие-то инвеститурные знаки. Если связывать с содержанием барельефов те церемонии, которые происходили в Зале побед, то можно допустить, что они были связаны с получением в определенные дни года царских инсигний перед священным огнем, горевшим на алтаре.

В Зале побед были отмечены кладки, явно связанные с попыткой остановить довольно далеко зашедшее разрушение стен. Восточная половина южной стены закрыта выкладкой из половинок сырцовых кирпичей, которая поставлена поверх слоев рухнувшей штукатурки. Стенка толщиной в один кирпич приложена к южной половине западной стены. Та же полоса закладки лежала на очажной вымостке. На многих участках отмечен слой грубой обмазки из глины с соломой, нанесенный поверх росписи. Заложена была и скульптурная группа на северной стене. Здесь можно, пожалуй, даже говорить о какой-то попытке консервации скульптуры. Под сидящую фигуру были подведены кирпичики, необычные размеры которых соответствуют глубине ниши (22×22×10 см).

Среди находок, обнаруженных в зале, следует прежде всего отметить медную монету, диаметр которой около 1 см. На монете трехконечная вихревая свастика и остатки надписи (тип Б214 по классификации Б. И. Вайнберг). Она лежала в юго-западном углу помещения на 4 см выше основного пола у подножия прикладки к западной стене. Весьма вероятно, что монета связана со временем ремонтных работ в зале.

Судя по уровню залегания, к тому же периоду относится медная бляшка со спиралевидным орнаментом. Диаметр ее 2,5 см.

На основном полу в центральной части зала найдена прямоугольная бронзовая пластиночка (1×1×0,3 см). В том же уровне у северного края очажной вымостки лежал небольшой бесформенный кусочек листового золота.

Все фрагменты керамики, найденные в зале, очевидно, оставлены наиболее поздними обитателями заброшенного дворца. Отметим два сосуда, найденные на самом верхнем уровне в 6 м от южной и в 2,7 м от западной стены. Это узкогорлый кувшинчик высотой около 30 см и с максимальным диаметром около 20 см. Рядом была небольшая кружка с прогибом под венчиком. Оба сосуда ручной лепки с грубым красноватым в изломе черепком, поверхность закопчена.

Помещение 30. Это небольшой кулуар перед помещением 31. В проходе из помещения 28 были обнаружены кирпичи свода, а у его стенок - остатки двух пар деревянных стоек сечением 12×12 см. Возможно, они относились к рамам дверей раннего этапа жизни памятника.

Комнатка была расписана. На стене отмечены черные, голубые и белые пятна по оранжевому фону. Под обмазкой нижнего (второго сверху) пола был найден бронзовый ножичек со слегка изогнутой спинкой и круглой плоской лопаточкой на конце рукоятки. Этот предмет, длина которого 11 см, мог принадлежать художнику. Следами его работы являются кусочки краски, красной и голубой, найденные в помещении.

Помещение 31. Проходная комната площадью около 16 м^2, соединявшаяся с лоджией Зала царей (пом. 32). По всей вероятности, именно отсюда в нужный момент появлялись главные участники церемоний в честь царских предков или других обрядов, совершавшихся в зале.

Как на стенах, так и в завале росписи сохранились плохо. Зафиксирован лиственный орнамент и узоры в виде лесенки, обычно передающие вышивку одежды. Особенностью стенописи являются значительные фрагменты со сплошной оранжевой окраской. Отмечены два тона - светлый и темный. В дневнике раскопок лишь этой комнаты сказано о следах сознательного разрушения росписей: это были глубокие вертикальные насечки и царапины.

В комнате помимо конструктивного пола зафиксированы еще два. Первый из них положен на намывы толщиной 15-20 см, вторая обмазка шла по завалу в уровне 46 см. На втором полу было кострище, рыбья чешуя, обломки керамики. Дверной проем, ведущий в Зал царей, был заложен. Сохранилось два слоя кирпичей.

8. Зал царей (помещение 32); помещение 33

Помещение 32, известное по трудам С. П. Толстова как Зал царей, уступая по величине тронному ансамблю, не имело во дворце равных себе по своеобразию архитектуры и пышности убранства.

Основное пространство помещения имеет очертания прямоугольника со сторонами 21,7 м (З-В) и 14,3 м (С-Ю). Южная стена этого прямоугольника ("двора") разомкнута посредине, и здесь примыкает большая лоджия или айван. Ширина последнего 8 м, глубина 4,5 м. Общая площадь Зала царей достигает 350 м^2 (рис. 56 и 57).

Вдоль стен тянулись сложенные из кирпича возвышения - суфы. Ширина их 1,3 м (у восточной стены 0,9 м), высота 1,1 м (в айване 0,9 м). На суфы перпендикулярно стенам были поставлены перегородки, образующие ряд отсеков, которые мы будем называть ложами (рис. 58). В той или иной степени сохранились перегородки десяти отсеков. Это позволяет установить среднюю ширину ложи (2,3 м) и с достаточной точностью назвать их первоначальное число - 23 или 24.

Рис. 58. Зал царей. Вид с северо-востока. Раскопки 1950 г.

Толщина перегородок 0,3-0,35 м. В основе каждой из них - тонкая стенка, видимо сложенная из кирпичей, поставленных на ребро. К этой стенке с двух сторон были примазаны дугообразные кирпичики, стоящие друг на друге и образующие своеобразные решетки. Высота и ширина ячеек в них примерно 20 см. Решетки украшали боковую сторону ложи и в том случае, когда ею была капитальная стена. На лицевой поверхности решеток в айване отмечена синяя краска, в ячейках - красная. В ложе X на западной суфе плоскость была окрашена оранжевым и черным (по контуру ячеек), внутри они были белыми. К решеткам прилегали барельефные скульптуры, которые окружали главную статую, восседавшую посредине каждой ложи. Довольно тонкие перегородки до потолка, естественно, подниматься не могли; по всей вероятности, они ненамного превышали стоявшие на суфе скульптуры, достигая 2-2,5 м. Завершал перегородки лепной карниз. Об этом свидетельствует расположение его рухнувших обломков. Нижняя часть карниза имитировала аркаду, а верхняя - антаблемент, поддерживаемый балками-"сухариками" (рис. 59). Архитектурные элементы этой лепнины были подчеркнуты красной, реже синей или зеленой раскраской.

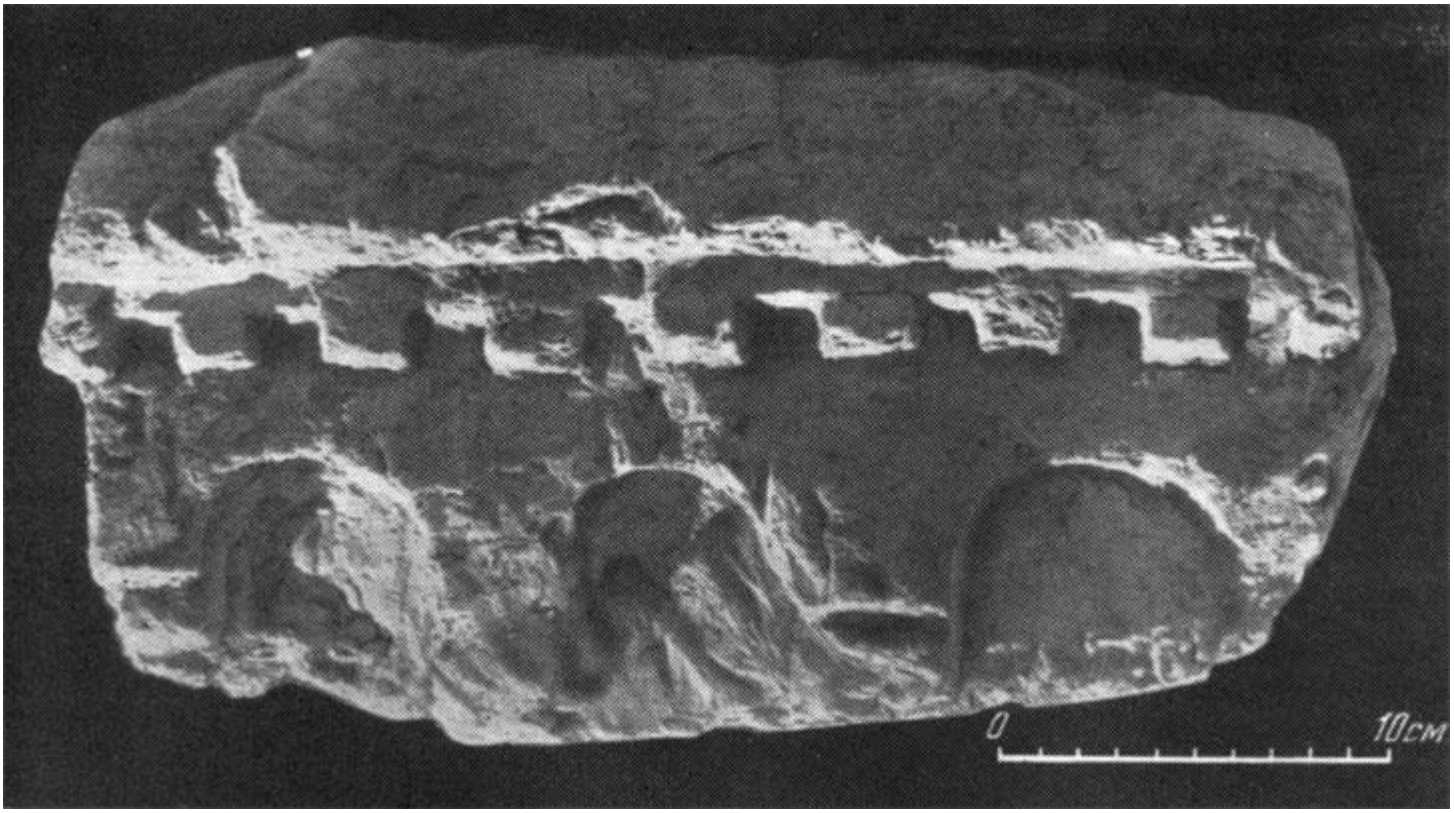

Рис. 59. Зал царей. Лепной карниз

У западного края северной стены Зала царей находился основной вход. Около него на расстоянии 1,8 м от стен зала в 1970 г. была выявлена кирпичная выкладка, в плане близкая квадрату со стороной 2,5 м. Она сохранилась на высоту до 0,6 м. Грани были расписаны*. Поверхность кладки сильно разрушена, но сохранила в средней части следы глубокого прокаливания. Есть все основания считать, что обнаруженная около входа платформа предназначалась для установки жертвенника. Эксцентрическому расположению этого подиума можно найти и аналогии и объяснения. В частности, совершающий жертвоприношение, если он стоял между северной стеной и алтарем, не был повернут спиной ни к одной из скульптурных групп. В то же время церемония была "видна" из каждой ложи.

* (*По краю грани, очевидно, шла живописная рама из трех полос - красной, черной и голубой. Уголок заполняла розовая краска, ближе к середине отмечалась синяя. Другой фрагмент, видимо относившийся к верхней Части росписи, нес красный орнамент, возможно восходящий к изображению бычьих черепов - букраниев.*)

Глиняная полихромная скульптура, росписи на стенах и ажурные перегородки на суфах не могли стоять под открытым небом. Несомненно, значительная часть помещения находилась под кровлей, опиравшейся на колонны. В зале найдены большие обломки песчаника, но расположение их случайно и судить о первоначальном размещении баз не позволяет. По всей вероятности, остававшемуся открытым пространству в центре помещения соответствует отмеченная при раскопках песчаная линза, заполнившая участок размытого пола и частично пахсу под ним*.

* (*Заметим, что наиболее вероятное размещение колонн было предложено на реконструкции независимо от полевого чертежа с контурами песчаного пятна. Совпадение его с предполагаемой границей перистиля оказалось для нас приятной неожиданностью.*)

Стены зала сохранились на высоту от 2,8 м (на оси айвана) до 0,4 м (близ северо-восточного угла). Мы полагаем, что первоначально они достигали 6-7 м (рис. 56).

Настенную роспись можно реконструировать по ее следам, уцелевшим в средней ложе айвана, и по рухнувшим обломкам, найденным там же. Лицевая сторона суфы была оранжевая, по ее верху тянулась белая полоса с каким-то несложным черным орнаментом. На задней стенке ложи внизу была узкая темно-зеленая полоса, над ней ярко-красная (ширина 20 см). Выше располагалось поле белого цвета с растительным орнаментом по нему. Этот ярус росписи уцелел на полметра, но, вероятно, достигал метровой ширины. Орнамент строился по принципу ромбической сетки (рис. 28, 2, 6). В среднем сторона ромба равна 22 см, диагональ - 31 см. Углам соответствуют восьмилепестковые розетты, диаметр которых 6 см. Стороны ромбов образуются парами трехлепестковых цветов ("лилий"), направленных лепестками друг к другу. Орнаментальным элементом является, таким образом, косой крест с розеттой в центре и четырьмя цветками. Между осевыми лепестками противолежащих лилий оставлено расстояние в 2-3 см. Благодаря этому ромбическая сетка разомкнута и как бы облегчена.

Большинство дошедших до нас розеток и лилий были оранжевыми с темно-красной обводкой. Однако в тот же орнаментальный пояс входили и белые с черным контуром цветы на синем фоне. Обычно они также составляли крестообразные фигуры, но попадались и одиночные белые лилии[*]. Фрагменты пояса живописи, некогда находившегося выше сетки из лилий, найдены только в завале. Роспись была дана по красному фону черными контурными линиями. Отмечены белые розетты и изображенные сбоку удлиненные бутоны со стеблями и листочками. Судя по одному фрагменту, выше красного поля шла побелка, отбитая черной полосой. Широкие пласты гладкой белой штукатурки постоянно встречались в завале, и это позволяет думать, что верх стен был белым. Можно полагать, что вся высота многоцветной росписи соответствовала высоте перегородок.

[*] (*На обломках с белыми цветами синий фон положен поверх красной краски. Возможно, панель с лилиями расширили за счет вышележащего красного пояса.*)

Завершая обобщенное описание декора, необходимо упомянуть о многочисленных обломках барельефных изображений фруктов, листьев и цветов. Особенно красивы красные плоды гранатов среди темно-зеленых острых листьев. Очевидно, все это составляло длинные гирлянды. Но как они располагались, можно лишь догадываться.

Роспись и лепнина служили лишь фоном и обрамлением для монументальной скульптуры. Более того, сама архитектура Зала царей в значительной степени подчинена стремлению нужным образом расположить священные статуи. Поэтому мы со всей возможной тщательностью опишем и локализуем остатки скульптур, удержавшихся на месте, и наиболее интересные фрагменты, лежавшие в завале. Описание целесообразно вести, рассматривая одну ложу за другой (рис. 60). За первую мы примем пока восточную ложу в айване, и остальным (как уцелевшим, так и реконструируемым) дадим номера по ходу часовой стрелки. На плане (рис. 57) и в тексте важнейшие из рухнувших обломков будут обозначены соответствующими цифрами, что позволит представить размещение фрагментов. Уровень залегания будет упоминаться лишь в тех случаях, когда это полезно для выяснения первоначального места той или иной скульптуры или времени ее разрушения.

Рис. 60. Зал царей. Ложи I, II, III. Вид с востока. В ложу II поднят фрагмент сидящей статуи

Ложа I. У северного края восточной стены ложи сохранился на месте низ барельефного изображения. Это была стоящая женская фигура, выполненная в натуральную величину. На высоту 0,8 м уцелели хорошо моделированные складки розового платья, обрисовывавшего ноги. Подол, лежавший прямо на поверхности суфы, имел ширину 0,4 м.

Южнее следовал 20-сантиметровый открытый участок декоративной решетки, а за ним вторая барельефная скульптура, поднятая на небольшой прямоугольный пьедестал (его высота 0,1 м, ширина 0,5 м). Эта женская фигура в красном платье, как и предыдущая, имела натуральную величину и была обращена лицевой стороной на запад, т. е. боком к человеку, смотревшему на суфу.

В юго-западном углу ложи находилось своеобразное глиняное возвышение. Мы опишем его сравнительно подробно и в дальнейшем не будем повторять принципиально сходные данные о таких устройствах, которые были обнаружены во всех сохранившихся ложах. В плане четырехступенчатое возвышение имеет очертания плотницкого угольника. Длина глиняных брусков, лежащих в основании, 42 см, высота 20 см, ширина 15 и 20 см. Менее широкий из них уложен вдоль южной стены и упирается торцом в западную стенку ложи; к нему примыкает торец второго "бруска", примазанного к этой стенке. Ширина трех следующих ступенек, уложенных по тому же принципу, - 12 см. Высота двух средних ярусов по 12 см, верхнего - 15 см. Длина проступей "лесенки" у южной стены (считая снизу): 12, 8, 7, 20 см; по западным ступенькам: 15, 5, 7, 18 см. Возвышение ("пирамидка") было оштукатурено и окрашено в голубой цвет.

Северный участок западной стенки ложи I был разрушен, и барельеф не сохранился.

Перейдем к краткому описанию скульптур, рухнувших внутрь ложи.

1.* Женское изображение примерно в половину натуральной величины. Фронтально расположенный барельеф. Голова отсутствует. В левой согнутой руке плод граната. Невысоким рельефом переданы складочки легкого платья, расходящиеся из-под широкого ожерелья. На правом плече следы плаща. Длинный рукав внизу охвачен тяжелым браслетом. Одежда выглядит розовой, но, судя по сохранившимся участкам, была красной. Фрагмент лежал лицевой стороной вниз, плечами к северу, на 0,5 м выше суфы.

* (*См. соответствующие номера на плане (рис. 57).*)

2. Фрагмент небольшой головки: лоб и глаза. Возможно, от той же скульптуры, что и 1. Лежал на 0,4 м выше суфы.

3. Голова скульптуры (рис. 61). Высокий горельеф. Женское изображение в натуральную величину. Массивное спокойное лицо с правильными чертами. Моделировка мягкая. Зрачки рельефом не обозначены. Окраска не сохранилась. Нос отбит. Тщательно передан сложный головной убор. Верхняя часть лба закрыта широким валиком. Вероятно, это повязка, под которую убраны волосы, или же круглая шапочка. Поверх надет высокий клобук с длинными наушниками, который имел смягченное ребро по вертикальной оси. Верх клобука отбит. Головной убор был красным. По всей вероятности, голова относится к той фигуре в красной одежде, которая располагалась на пьедестале у восточной стены ложи.

Рис. 61. Зал царей. Голова статуи из ложи I

4. Горельефное изображение женской головы в натуральную величину. Гладкое массивное лицо передано строго в фас. Зрачки обозначены углублениями. Поверхность сложного головного убора разрушена. Вероятно, это была мягкая шапка с нависающей тульей. Окраска скульптуры сохранилась плохо, но общий тон лица голубовато-зеленый. Расположение головы позволяет считать ее частью женского изображения в розовой одежде, стоявшего на краю суфы у восточной стены.

5. Большой фрагмент круглой скульптуры. Нижняя часть сидящей фигуры в 1,5 натуральной величины. Поверхность сильно повреждена. Очевидно, это часть центральной статуи, вокруг которой в ложе группировались остальные скульптуры.

6. Часть скульптуры, в полном объеме изображающая голову орла. Высота обломка 19 см, длина 30 см, ширина 20 см. Сохранившаяся краска белая. С. П. Толстов определил фрагмент как верхнюю часть короны главной статуи[*].

[*] (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 185, 186, рис. 60.*)

Кроме отмеченных, в заполнении ложи I и рядом с ней было найдено еще примерно 25 скульптурных фрагментов. В их числе крупные куски с красными и розовыми складками, обломки торсов и рук, скопления изображений фруктов и цветов (7) и т. д. Следует также упомянуть большую кисть руки от центральной статуи и фрагменты барельефного

изображения в синевато-зеленой одежде, вероятно упавшие с края западной стенки, к которой, как мы установим далее, должна была примыкать мужская фигура.

Ложа II. Ширина ложи 2,75 м, т. е. на 0,4 м более среднего размера.

У северного края восточной перегородки было прикреплено барельефное изображение женской фигуры в одежде сине-зеленого цвета. Ширина рельефа около 0,4 м, часть его нанесена на участок перегородки, выступающий на 0,1 м за границу суфы. Скульптура обращена лицевой стороной на запад, но ее правый бок моделирован на северном торце перегородки, что должно было создавать иллюзию полного объема изображения. На месте ноги скульптуры сохранились на высоту 1 м, правая нога опускалась ниже поверхности суфы. Из деталей следует отметить изображение двух свисающих концов красного пояса, которые заканчиваются небольшими дисками. Центральная полоса одежды сохранила следы красной краски.

В восточном углу ложи обнаружен прямоугольный пьедестал, окрашенный в сизо-черный цвет, и подол одежды стоявшей на нем скульптуры. Длина пьедестала 50 см, ширина 18 см, высота 15 см. Превосходно выполненные складки платья уцелели на высоту 40 см.

Западный угол ложи занимало четырехступенчатое глиняное возвышение, подобное тому, которое было в ложе I. Однако здесь на верхней ступеньке уцелел глиняный рельеф в виде вертикального цилиндра или опрокинутого конуса. Диаметр этого столбика, заполняющего угол, 16 см, сохранившаяся высота 40 см. В процессе раскопок выдвигалось предположение, что на ступенчатых основаниях находились небольшие изображения богини плодородия. В этом случае они были бы своего рода гермами, так как окраска на колонке показывает, что это не стержень скульптуры, тонкая моделировка которой (складки одежды и т. п.) просто утрачена. Пока можно констатировать лишь тот факт, что ступенчатые возвышения были лишь основанием для вышележащей части изображения, причем не обязательно изображения антропоморфного.

У края западной стенки ложи сохранились ноги мужской фигуры. Нависающие поперечные складки широких красных штанов переданы скульптором уверенно и правильно. Барельефное изображение в натуральную величину было обернуто лицевой стороной на восток (к оси ложи).

Отметим важнейшие обломки рухнувших и смещенных скульптур, найденные внутри ложи и перед ней.

8 и 9. Нижняя часть круглой скульптуры, выполненной примерно в 1,5 натуральной величины. Два обломка лежали лицевой стороной вниз, верхней частью к северу; колени опирались на край суфы. Несомненно, что статуя была сдвинута и опрокинута на завал, накопившийся к этому времени около суфы. Фигура была изображена сидящей с подогнутыми ногами и расставленными коленями. Расстояние между ними (по основанию скульптуры) 0,7 м. От лицевой до задней стороны статуи 0,6 м. Высота фрагмента до 0,7 м. Поверх массивной глиняной основы моделированы складки, веерообразно расходящиеся по бедрам и умело передающие легкую ткань, натянутую коленями. Отмечена окраска в бледно-розовый цвет.

10. Кисть правой руки, выполненная в полуторном размере (рис. 62). В ней лежит очень маленькая, очевидно детская, левая ручка. На тыльной стороне большой кисти уцелело изображение пальца, относящегося к другой столь же большой руке. Несомненно,

фрагмент 10 принадлежал сидящей центральной статуе. Не исключено, что к ней относился и другой обломок, найденный рядом. Он напоминает завершение клобука.

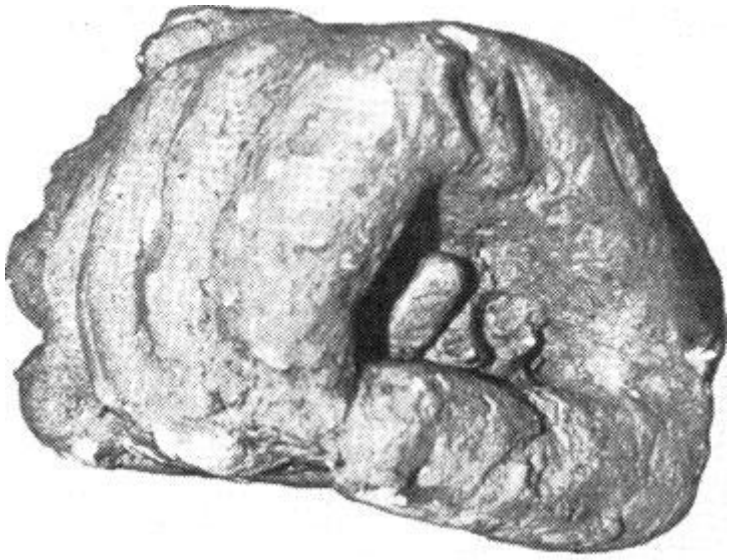

Рис. 62. Зал царей. Ложа II. Фрагмент большой статуи. Кисть руки, держащей маленькую ручку

11. Фрагмент барельефа, изображающий нижнюю часть торса в одежде зеленовато-черного цвета. На живот спадают серповидные складки. Из-под них свисают вертикально красные ленты - участки пояса, большая часть которого скрыта под складками одежды. Фрагмент, очевидно, относится к скульптуре, стоявшей у края восточной перегородки. К той же фигуре принадлежала верхняя часть торса, лежавшая под обломком 11.

12. Большой фрагмент скульптуры со складками одежды, окрашенными красным и черным. Вероятно, от барельефа на пьедестале в восточном углу.

13. Фрагмент с изображением розовых складок одежды.

14. Фрагмент скульптуры - локоть руки, драпированной розовой тканью.

Отметим еще три обломка карниза, описанного выше (два из них зеленые, один - красный); фрагмент, напоминающий базу маленькой колонны, и куски лепнины с изображением красных фруктов.

Ложа III. Северный участок восточной стенки разрушен вместе с решеткой и примыкавшим барельефом.

В восточном углу - прямоугольный голубой пьедестал, имеющий высоту 10 см. На нем примыкающий к восточной стене барельеф, имевший толщину 15 см и сохранившийся на высоту 25 см. Заметна тройная центральная драпировка, несколько опускающаяся на стенку пьедестала.

В западном углу ступенчатое возвышение, в основном тождественное тем, которые найдены в ложах I и II. Особенностью этой выкладки является отсутствие третьей ступеньки по западной стене. Три верхних яруса были окрашены голубым, нижний - темно-синим.

У края западной стенки ложи - остатки барельефного изображения мужской фигуры. Ноги сохранились на высоту до 40 см. Они отстоят друг от друга на 15 см. Изображены ниспадающие серповидные складки одежды голубого цвета.

Фрагменты, упавшие внутрь ложи и около нее:

15. Нижняя часть большой круглой скульптуры. Стояла лицевой стороной на восток поверх 40-сантиметрового слоя завала. Размеры и поза, как и у центральной статуи в ложе II. На правом бедре сохранились узкие, часто расположенные складочки. На талии - такие же складки и шнуры пояса. Окраска не отмечена. Рядом обломок со складками ярко-синего цвета.

16. Фрагмент крупной круглой скульптуры. Верхняя часть головного убора, который можно представить как клобук с нависающим спереди и частично с боков верхом (типа так называемых "шапок сатрапа"). Длина по сохранившейся части гребня 40 см, высота обломка 20 см, ширина по сколу - 17 см. Сохранились следы темно-красной и черной краски. По всей видимости, головной убор относился к большой центральной статуе.

17. Локтевая часть руки от статуи в 1,5 натуральной величины. Обломок заканчивался браслетом. Одежда окрашена в черный цвет. Очевидно, от той же скульптуры, что и 15, 16.

18. Фрагмент скульптуры. Предположительно бок сидящей статуи. Складки одежды перехвачены поясом.

19. Фрагмент барельефа, изображавший бюст женщины с поднятой к груди левой рукой примерно вдвое меньше натуральной величины. Толщина около 10 см. Заметен браслет. Сохранились следы белой и черной (по контуру) краски. Несмотря на плохую сохранность, можно утверждать, что обломок относился к обычному для памятника изображению богини с плодом или сосудом.

20. Фрагмент барельефа. Торс женской фигуры, изображенной в натуральную величину фронтально. Зеленое одеяние с красной росписью. На шее два ожерелья. Вероятно, от статуи на прямоугольном пьедестале.

21. Фрагмент горельефа, изображавшего человеческую фигуру в натуральную величину. Правый бок с опущенной правой рукой. Кисть полусжата. Длинный рукав с поперечными складками. Круглый браслет. Складки платья имеют вертикальное направление. Цвет одежды темно-розовый. Вероятно, фрагмент женской скульптуры, стоявшей на краю суфы и заходившей на торец перегородки между ложами II и III.

В пределах ложи найден обломок карниза синего цвета и около десятка кусков лепнины с изображениями розовых фруктов. Они группируются в гроздья, перемежающиеся узкими темными листьями. Возможно, переданы крупные сливы или персики. Плоды и листья некогда образовывали гирлянды, местами перехваченные рельефными дисками, диаметр которых 3 см.

Западная стена айвана. Нижний пояс декоративного убранства этой стены составляла роспись - белая волна на алом фоне.

Над росписью, очевидно в неглубокой нише, находились барельефные изображения. У подножия стены найдены следующие обломки от них:

22. Часть сидящей фигуры, исполненной, видимо, в полторы натуры. Первоначально изображение должно было располагаться лицом на север, в профиль. Заметен желтый пояс. Из-под него расходятся крупные дугообразные складки. Одежда темно-розовая. Рассматриваемая фигура, очевидно, была передана сидящей, причем ноги ее были опущены.

23. Подушка сидения. Роспись дана по белому фону. Часть покрыта полосами из красных кружков и ромбов, часть - свободно разбросанными лепестками-сердечками.

24. Небольшой бюст, очевидно, женщины с плодом в левой руке.

25. Фрагмент горельефа, рухнувшего с участком кладки, к которой он примыкал. Нога мужской фигуры в натуральную (или чуть больше) величину. Изображены поперечные складки красных штанов. По всей вероятности, фигура располагалась на северной стенке ниши.

26. Два обломка, которые могли относиться к той же фигуре. Это барельефное изображение рукояти меча и верхней части ножен. Чуть западнее найден фрагмент, где рядом с красными складками был изображен низ ножен. В том же скоплении рельефные розетки, видимо передающие какую-то сдвоенную пряжку.

Перейдем к описанию двух лож, расположенных у западного отрезка южной стены "двора".

Ложа IV. Разрушение стен и размыв заполнения этой ложи значительно сильнее, чем у рассмотренных выше. Поэтому остатков скульптур здесь немного.

В восточном углу - барельеф, изображавший женскую фигуру на пьедестале. На небольшую высоту сохранились складки темного (первоначально, видимо, зеленого) платья. В западном углу - сильно разрушенное ступенчатое возвышение.

27. Рухнувший обломок барельефа, имеющий длину 0,8 и ширину 0,3 м. Изображены складки одежды ярко-красного цвета с широкой орнаментальной полосой. На ней по белому фону красные кружочки между полосами-лесенками". Скульптура должна была примыкать к восточной стене.

28. Локтевая часть руки под одеждой красного цвета. Показан округлый в сечении браслет.

29. Верхняя часть торса. Переданы двойное ожерелье и мелкие складочки одежды красного цвета. Рядом найден обломок, на котором ткань украшена цветочным орнаментом.

30. Обломок карниза с декоративными арочками. Судя по месту находки и наличию боковой грани (на ней рельеф схематизирован), этот кусок завершал торец перегородки между ложами IV и V.

Ложа V. В восточном углу - пьедестал, длина которого 52 см, ширина 25 см, высота 8 см. Скульптура, стоявшая на нем, почти не сохранилась. В западном углу - обычное ступенчатое возвышение. Западная стена ложи имела длину 0,7 м. Затем кладка поворачивала к западу, образуя южную стену ложи VI, которая относилась уже к западной

стене Зала царей. Угол был охвачен плохо сохранившимся барельефом. Были различимы красные складки одежды.

31. Фрагмент барельефа размером 96×42 см. Часть фигуры в красной одежде. Изображен пояс со свисающим вертикально концом. Дугообразные мягкие складки идут от плеча и сходятся ниже пояса.

32. Фрагмент барельефа. Локоть.

33. Фрагмент барельефа. Красные складки одежды.

Ложа VI. Это единственная ложа у западной стены, сохранившая все три стенки. Однако они очень сильно размыты, и самый высокий юго-западный угол поднимался над поверхностью суфы лишь на 40 см. В этом углу находился прямоугольный (60×15 см) пьедестал, окрашенный в сине-зеленый цвет. Виден подол платья барельефного изображения, стоявшего на этом пьедестале. Складочки были красными. Рядом у южной стены ложи был еще один барельеф: женская фигура в розовом платье, стоявшая на поверхности суфы.

Глиняные изображения у северной стенки ложи размыты полностью.

34, 35. В завале на поверхности суфы отмечены обломки глиняного диска (или части его), имевшего диаметр около 20 см и толщину 5-6 см. По "гурту" отмечена роспись: две цепочки красных кружков, разделенные красной полосой. Возможно, диск входил в завершение столбообразной детали на ступенчатом основании.

36. Голова глиняной статуи (рис. 63). Часть круглой скульптуры, выполненной в 1,5 натуральной величины. Несомненно относилась к статуе, располагавшейся в центре ложи. Сохранилась лишь верхняя часть головы. Глаза хорошо моделированные, зрачки не имеют углубления. Нос разрушен. Были заметны следы красной краски на щеке. Головной убор состоял из высокого остроребернного колпака, охваченного над лбом круглым валиком. Составляли эти детали одно целое или же передан клобук, обернутый чем-то вроде тюрбана, сказать трудно. Колпак был красным.

Рис. 63. Зал царей. Ложа VI. Голова большой статуи

Голова лежала на полуметровом слое завала. Очевидно, статуя была разрушена после достаточно длительного запустения дворца.

Ложи VII, VIII, IX. Западная стена Зала царей почти на всем протяжении смыта ниже поверхности прилегающей суфы. Однако можно полагать, что на ней было пять лож, поскольку именно пять раз вдоль западной стены укладывается стандартный размер ложи. На отрезке, соответствующем ложам VII и VIII, в позднее время были устроены временные очаги и никаких обломков скульптуры около суфы не сохранилось.

К убранству ложи IX мог относиться барельеф, изображавший женскую фигуру уменьшенных размеров с плодом граната в левой руке и тяжелым обручем на шее (37). Неподалеку были большие скопления барельефных изображений красно-оранжевых плодов среди темных остроконечных листьев (38, 39) и обломок барельефа со складками одежды, очевидно от фигуры натурального размера (40).

Ложа X. На северной стене этой ложи у края суфы сохранилась часть барельефа, изображавшего в натуральную величину мужскую фигуру. Ноги скульптуры уцелели до колен. Ступни разрушены. Изображены дугообразные ниспадающие складки штанов красного цвета. У щиколотки заметен горизонтальный обшлаг или ремешок, стягивающий ткань. Правее скульптуры был небольшой открытый участок декоративной решетки, которая здесь была окрашена черным по контуру ячеек с белым и оранжевым заполнением середины дужек; внутри ячейки белые.

Северо-западный угол ложи занимало ступенчатое возвышение черного цвета*. Гладкая задняя стена ложи сохранила остатки росписи. Внизу шла светло-оранжевая полоса, над ней - белая с волнистым верхом, затем такая же оранжевая и, наконец, черная. Ложа была заполнена кирпичной закладкой и поэтому никаких рухнувших кусков скульптуры не содержала.

* (*Остатки мужской фигуры ("ноги стража") были открыты в 1947 г., ступенчатое возвышение - в 1972 г. К этому времени определилась система расположения скульптур, и стало ясно, что ложа Х вскрыта не полностью. Когда была убрана закладка, ступенчатое основание оказалось именно там, где мы его ожидали.*)

В северо-западном углу Зала царей было найдено довольно значительное число обломков скульптур, возможно, из ложи Х. Они лежали в слое завала и намывов, толщина которого достигала 0,6 м. Отметим следующее:

41. Фрагменты одежды, окрашенные серой краской, на которую тонкими красноватыми мазками нанесен орнамент в виде чешуи. Было высказано предположение, что так изображен панцирь или кольчуга. Однако рядом с "чешуей" были участки с геометрическим и растительным узором.

42. Локтевая часть руки со складками черного цвета.

43. Кисть руки. Вероятно, от той же скульптуры.

В большом числе перед ложей Х лежали обломки гирлянд из розовых плодов, цветов и темных остроконечных листьев. Гладкий слой штукатурки, кое-где уцелевший рядом с лепниной, был коричневого цвета.

Северная стена. У своего западного края северная стена Зала царей прерывается дверным проемом, имеющим ширину 1,2 м. Восточнее двери стена на протяжении 2 м идет по той же линии, что в северо-западном углу. Затем она отступает на 1,2 м к северу, а по ее первоначальному направлению выложен край пристенной суфы. По всей вероятности, на ней было 6 лож; не исключено, впрочем, что число их достигало семи.

Раньше чем сказать о первой из них, опишем два скульптурных фрагмента, найденных в 1970 г. между северной стеной и подиумом жертвенника, который мы уже охарактеризовали.

44. Голова в шлеме, видимо женская (рис. 64). Высота 16 см, толщина рельефа до 7,5 см. Местами уцелел красочный слой. Лицо было красным. Вздернутые брови и опущенные углы рта придают ему суровое выражение. Две встречные пряди волос на лбу образуют симметричную фигуру. Своеобразна форма шлема. Лоб обрамляют высокие валики, переходящие в нащечники, а вверху сходящиеся под острым углом и образующие невысокий гребень шлема. Поверх нащечников - высокий воротник, сохранивший следы зеленой краски. Фрагмент лежал на полу лицом вверх, теменем к западу.

Рис. 64. Зал царей. Голова божества в шлеме

45. Верхняя часть женской фигуры, выполненная примерно в половину натуральной величины (рис. 65). Левая рука поддерживает какой-то округлый предмет, скорее всего сосуд. Поверх него частично уцелели пальцы правой руки*. На груди тяжелое, круглое в сечении ожерелье. Скульптура сильно разрушена, красочный слой почти не сохранился, можно было заметить лишь слабые следы зеленой окраски одежды.

* (*Не исключено, однако, что они были отбиты и налипли здесь случайно.*)

Рис. 65. Зал царей. Фрагмент барельефной скульптуры. Женщина с сосудом

Обломок лежал лицевой стороной вверх, шеей к западу. Расстояние между фрагментами 44 и 45 не превышало 10 см. Расположение их как будто показывает, что они должны относиться к одной скульптуре, тем более что никаких других обломков поблизости не было. Составить голову и корпус не удается, возможно, из-за утрат глины по сколам. Возможно ли такое объединение по иконографическим особенностям фрагментов? Сочетание шлема с легкими одеждами достаточно обычно для ряда древневосточных, античных и эллинизированных богинь. Сложнее представить, как ожерелье могло переходить в воротник, весьма напоминающий воротники сакских панцирей.

Ложа XI. Ширина этой ложи значительно меньше обычной - всего 1,4 м. Очевидно, это объясняется тем, что перемычка между дверью и ложей должна была соответствовать подиуму жертвенника, расположенного напротив. В этом случае, как уже было сказано, за спиной человека, совершающего жертвоприношение, не оказывалось священных статуй.

К западной стенке ложи и у края суфы примыкал барельеф, сохранившийся на небольшую высоту и имевший ширину 50 см. Это были темно-зеленые складки подола платья. Далее к северу стена была разрушена почти до основания, и, естественно, скульптура здесь не сохранилась.

Восточный угол ложи был занят ступеньчатым возвышением, от которого сохранились лишь две нижние ступени, окрашенные в темный цвет.

В завале на суфе были отмечены обломки барельефа со складками розового и черного цвета (46) и участок глиняного диска со следами черной и красной краски.

Вдоль стенки суфы лицевой стороной вниз лежала барельефная скульптура, очевидно, упавшая с западной стенки ложи (47)*. Это была человеческая фигура в натуральную величину. Переданы поперечные дугообразные складки одежды на животе и расходящиеся книзу складки на бедрах. Правая рука опущена вниз и вывернута ладонью наружу. Одежда на корпусе сочетает красную и темно-зеленую окраску, внизу платье темно-зеленое, рукава - розовые. Скульптура лежала наклонно поверх завала, в котором встречались обломки с изображением розовых складок (очевидно, от другого барельефа). Несколько южнее были куски лепнины, и в их числе изображение цветка с темными лепестками и белой серединой.

*(*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 181, рис. 55.*)

Ложа XII. К западной стенке у края суфы примыкал плохо сохранившийся барельеф с изображением складок одежды. В западном углу находился черный пьедестал, трапециевидный в плане. На нем, заполняя угол, располагалась фигура, от которой сохранился подол платья со складками. Восточная стенка ложи смыта почти полностью.

На суфе был найден скульптурный фрагмент в виде усеченного конуса (диаметр до 20 см) с двумя параллельными валиками у основания. Сверху заметна седловидная выемка и следы двух штырей (49). Не исключено, что эта деталь раньше стояла на ступенчатом основании в восточном углу. Отметим еще руку фигуры, одежда которой была окрашена красным и зеленым (50).

В завале около суфы были отмечены обломки барельефа с изображениями растений (51, 52). На коричневом фоне заметны черные и темно-коричневые ветви и темные плоды.

Северная стена Зала царей прослеживается восточнее ложи XII немногим более метра. Далее она разрушена, сильно смыта и суфа. Между последней сохранившейся перегородкой и северо-восточным углом помещения свободно умещаются еще четыре ложи большого размера. Можно полагать поэтому, что всего их у северной стены было шесть. Но если вторая крайняя ложа была такой же узкой, как ложа XI, то северная суфа могла разделяться на семь отсеков (см. рис. 57).

Восточная стена. Только в юго-восточном углу "двора" восточная стена уцелела на 15 см выше суфы. По слою штукатурки удалось проследить ширину ложи XXI, которая оказалась стандартной - 2,33 м. Далее к северу стена и поверхность суфы попали в уровень смыва. Есть основания полагать, что у восточной стены, как и у западной, было 5 лож. В то же время ширина восточной суфы была меньше, чем у остальных, - 0,9 м. Такая глубина ложи достаточна для размещения больших сидящих статуй. В восточной стороне зала обнаружено только несколько размытых кусков росписи, это объясняется очень сильным разрушением стены и размывом слоя завала.

Ложи XXII и XXIII. Две ложи у восточного отрезка южной стены "двора" полностью смыты. Лишь с большим трудом удалось уловить следы поперечных перегородок. Все скульптурное убранство здесь полностью размыто. Очевидно, оно долго оставалось на месте и поэтому не попало в завал около суфы, где кое-что могло бы сохраниться.

Восточная стена айвана. В этой стене прослежены остатки неглубокой (20 см) ниши, дно которой лежало в уровне поверхности суфы с ложами I-III. Южная стеночка ниши находится на той же линии, что и край суфы. Здесь сохранились ноги барельефного мужского изображения. Оно было выполнено в натуральную величину и обращено лицом к северу. Ступни были окрашены в оранжевый цвет, штаны в голубовато-зеленый. Складки ткани изображены весьма уверенно, они вертикально падают сбоку и нависают под коленями и над ступней.

Скульптура занимает в нише такую же позицию, как и мужские барельефные изображения в ложах. Это заставляет предположить, что и здесь в центре была главная большая фигура, однако она могла быть исполнена лишь росписью или в невысоком барельефе. Как мы помним, такой барельеф был найден около западной стены айвана (фрагмент 23), в которой, несомненно, тоже была ниша. Ширина ее могла быть около 1,5 м. По восточной стене айвана укладываются две ниши такого размера (вряд ли там была одна ниша шириной в 3 м).

Итак, учитывая барельефные панно, следует считать, что в Зале царей было 26 принципиально сходных многофигурных композиций. Однако зная, что размеры лож могли варьировать (ложа XI), приходится допускать возможность каких-то незначительных отклонений от этой цифры. Не исключено, что скульптурных групп было 27.

Закончив рассмотрение дошедших до нас материалов*, попытаемся на их основании сделать некоторые обобщения и выводы. Сначала о том, что представляется несомненным.

* (*Следует еще коротко сказать, что при расчистке Зала царей было обнаружено несколько кострищ и кирпичных выкладок позднего происхождения. Золистый слой наклонно лежал около ложи I. Большое зольное пятно обнаружено у западной суфы. Толщина слоя, в котором встречались кости и фрагменты грубой керамики, достигала 15 см. Он связан с небольшим очагом, сложенным из обломков кирпичей. Однако и эти кирпичи лежали поверх золы и углей - остатков костра, горевшего на намывах в заброшенном помещении. Своеобразная выкладка из обломков сырцовых кирпичей была зафиксирована в 2,5 м севернее ложи IV. Кирпичи с трех сторон охватывали пятно речного песка длиной около 1,5 м и шириной 0,8 м. Поверх кирпичей была*

глиняная обмазка. Слои цветной штукатурки под кирпичами указывали на позднее происхождение и этой вымостки.

Дополнительная кладка была приложена к стенке между северной дверью и ложей XI. Она частично прикрыла и ложу.

Бытовой мусор (кости, угли, обломки керамики) попадались и в заполнении некоторых лож.)

Зал царей - святилище, в котором на алтаре у входа совершались жертвоприношения в честь священных изображений или горел посвященный им огонь. Объектом культа были большие статуи, восседавшие в отсеках-ложах на периметральной суфе. Три из них, находившиеся в айване, составляли господствующую триаду. На это указывает планировка святилища, чрезвычайно близкая, кстати, планировке расположенного рядом тронного ансамбля.

К центральной статуе в каждой ложе были обращены три фигуры, выполненные в натуральную величину. По правую руку центрального персонажа* (слева для смотрящего на ложу) находились два женских барельефных изображения. Одно из них, угловое, на небольшом пьедестале. У правой стенки ложи на краю суфы стояла мужская фигура.

* (*Естественно думать, что этот персонаж был обращен лицом к залу. Маловероятен другой вариант: поворот фигуры в профиль вправо.*)

Правый угол ложи всегда занимало ступенчатое возвышение. В одном случае на нем уцелела столбообразная деталь - очевидно, средняя часть этого изображения.

Многократное повторение одной и той же скульптурной композиции свидетельствует о большом ее значении для создателей святилища, о строго установленном взаимодействии входящих в нее персонажей. Очевидно, боковые фигуры были изображены чтящими и прославляющими центральную статую.

Однотипные скульптуры в разных ложах несомненно передавали образы, стоящие на одинаковых ступенях какой-то иерархии. В то же время можно утверждать, что центральные статуи не повторяли друг друга: их головные уборы были различными. Разная раскраска одежды у однотипных второстепенных скульптур также допускает возможность изображения ими разных персонажей.

Несмотря на свою статичность, скульптурная композиция выражала определенное действие. Очевидно, действие это мыслилось совершенным многократно, пусть разными персонажами и в разное время.

От очевидного перейдем к вероятному и возможному.

Кого изображали статуи рассматриваемого святилища? В самой общей форме ответ возможен: богов и царей. Однако у нас слишком мало данных даже для того, чтобы с уверенностью распределить эти две роли между четырьмя персонажами композиции. С. П. Толстов считал, что большие круглые статуи изображали царей Хорезма. Основанием для этого была прежде всего орлиноголовая корона (фрагмент 6), идентичная короне царя Вазамара, известной по монетам. Довод очень серьезный, но не решающий, ибо известны изображения божеств с птицей на головном уборе и еще чаще с птицей в качестве спутника*. Шапки фрагментов 16 и 36 каких-либо символов не несут и могли принадлежать изображениям правителей, а не богов. Мне кажется, что и глубоко

традиционная для сакского мира посадка больших фигур также возможна для изображений царских предков[**]. Принимая главную статую за изображение героизированного или обожествленного умершего царя, можно предложить такие определения для остальных персонажей. Женщина на пьедестале - богиня (скорее всего, как на монетах, какой-то местный вариант Виктории или Фортуны); женщина на краю суфы - царица; мужчина - царь, здравствующий в тот момент, который запечатлен на данной композиции, может быть жрец[***].

[*] (*Как правило, орел - символ солярных божеств.*)

[*] (*Мы уже касались этого вопроса при рассмотрении некоторых статуарных оссауриев; определенное соответствие, стилистическое и смысловое, между ними и рассматриваемыми статуями вполне вероятно (см.: Рапопорт Ю. А, Из истории религии..., с. 72).*)

[***] (*К такой фигуре, как кажется, относится меч (фрагмент 26), и это делает довольно сомнительным предположение, что она изображала жреца.*)

Если бы мы точно знали, чем завершалось ступенчатое основание в углу ложи, смысл всей сцены был бы гораздо яснее. Не исключено, что на колонке находился бюст богини с гранатом в руке, как бы изображение небольшой скульптуры. Однако у всех подобных фрагментов плоская оборотная сторона, и трудно понять, как можно было совместить ее со столбиком, заполняющим угол[*]. Скорее всего, в углу был изображен жертвенник. К верхней части его могли относиться обломки 34, 35, 49. Некоторое недоумение вызывают своеобразные очертания базы в плане. Возможно, придавая жертвеннику форму угла, а не прямоугольника, просто стремились разгрузить пространство около центральной статуи. Более вероятно, что изображен предмет с крестообразным основанием, половина которого мыслилась за пределами ложи (следует помнить, что речь идет о барельефной скульптуре). Металлические жертвенники на четырех ножках известны, и это могло повлиять на форму каменного алтаря, воспроизведением которого представляется нам рассматриваемая деталь композиции.

[*] (*Вероятно, место этих бюстов было в свесах гирлянд с теми же плодами граната.*)

Если наша догадка правильна и в углу был алтарь, трудно сомневаться, что стоящий подле него мужчина был изображен в момент жертвоприношения (рис. 66). Бесчисленные изображения такого рода (в том числе на монетах и барельефах, относящихся к той же среде и той же эпохе, что и Топрак-кала) показывают, сколь сильно стремились к тому, чтобы боги и люди не забывали о благочестивом деянии; будучи запечатленным, жертвоприношение как бы длилось вечно. Следует предположить далее, что изображенное воскурение, возлияние или возложение даров совершалось в честь центрального персонажа композиции, находящегося в "ином мире", по ту сторону жизненной черты. Жертвователь, очевидно, мыслится живущим на земле. На Северном комплексе Топрак-калы найдена роспись, изображающая женщину с гирляндой (вероятно, у алтаря). Быть может, некоторые гирлянды, найденные в Зале царей, относились к фигурам участниц жертвоприношения.

Рис. 66. Зал царей. Правая сторона ложи. Реконструкция. Скульптурные детали, уцелевшие в ложах II и X, показаны светотенью

Убеждение, что в центре каждой композиции был царь, может быть поколеблено некоторыми особенностями обломков статуи из главной ложи святилища (II). Основание этой скульптуры сохранило следы легких складок одежды, малопохожей на мужскую. К тому же она окрашена в светло-розовый цвет, никак не характерный для хорезмийского мужского костюма. Еще важнее, что рука статуи, как мы помним, удерживает ручку младенца. Изображения царей с наследниками достаточно известны, но крайне трудно представить, что обожествленный правитель мог быть представлен в роли няньки маленького ребенка[*]. На тыльной стороне упомянутой кисти уцелел палец от второй большой руки. Поэтому допустимо предположение, что в центральной ложе восседала царственная чета. Превосходным сопоставлением для такой скульптурной группы был бы керамический барельеф IV-III вв. до н. э. из Кой-Крылган-калы[**]. На нем изображены мужчина и женщина с младенцем, восседающие на троне, перед которым пылает огонь. Однако, как кажется, ложа, предназначенная для двух больших фигур, была бы

значительно шире остальных. Те же 40 см, на которые ложа II превышает стандартный размер, скорее всего могут соответствовать именно дополнительному изображению ребенка.

* (*Ср.: Herod., I, 136.*)

** (*Кой-Крылган-кла. - ТХЭ, 1967, т. V, с. 208, рис. 77; табл. XXXII, 6. Ср. также изображения божеств с детьми в кушанском искусстве (Rosenfield J. M. The Dynastic Arts..., fig. 61, 78).*)

Мы приходим к несколько неожиданному заключению: главной статуей в "галерее хорезмийских царей" было женское изображение. Очевидно, статуя царицы, даже легендарной, могла занять самое почетное место в святилище лишь в том случае, если ее образ сливался с образом какой-то великой богини. В принципе это возможно. Мы знаем, что в Иране царицы уподоблялись Ардвисуре Анахите. Однако ее изображений с ребенком нет. На сасанидских сосудах, связанных, очевидно, с культом этой богини, встречаются лишь изображения "вакханок" с детьми.

В огромном эллинистическом и римском мире господствующим образом богини-матери была Исида, которую отождествляли с очень многими богинями того же круга, и в частности с Нанаей*. Могли ли мифы, связанные с Исидой, оказать воздействие на хорезмийские верования, а ее иконография - на образ местной богини? Некоторые признаки этого есть. Здесь известны статуэтки богини с ребенком, которые, несмотря на отсутствие головы, с достаточным основанием можно сопоставить с одним из типов изображений Исиды**. Найдено несколько терракотовых головок младенца Гора (Гарпократа)***. Живописная композиция с саркофагом в помещении 85 и сцена оплакивания, обнаруженная в 1980 г. на Северном комплексе, также, вероятно, связаны с этой мифологической традицией. Значительно позднее искусство Средней Азии даст знаменитую сцену оплакивания в пенд жикентском храме. Не исключено, что она несет следы воздействия древнеегипетской художественной традиции в темной окраске мужских фигур и светлой - женских. На хорезмийском сосуде III-IV вв., обломок которого найден Е. Е. Неразик на Куня-Уазе, представлена небольшая барельефная композиция, в центре которой мать с ребенком, видимо, мальчиком. Две женщины простерли над ними руки, головные уборы этих богинь завершаются птичьими головами. Вполне вероятно, что на барельефе переданы те же образы, что и в скульптурах ложи II. Боковые фигуры барельефа в известной мере могут ассоциироваться с богинями-птицами, охранительницами в иконографии осирического круга. Отзвуки осирических мифов были прослежены Г. П. Снесаревым при этнографических исследованиях в Хорезмском оазисе.

* (*Ibid., p. 88.*)

** (*ТХЭ, т. V, с. 188, табл. XXIX, рис. 48, 49.*)

*** (*Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма. - В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука, 1978, с. 238, 239.*)

Исида вместе с Осирисом и Гором входили в триаду божеств, широко известных и почитаемых в позднеантичном мире. Три изображения доминировали в рассматриваемом святилище, и для одного из них мы допустили какую-то связь с великой богиней. А какие образы местных мифов или эпоса могли ассоциироваться с загубленным царем - владыкой мертвых и его сыном - мстителем, царем живых? Легче всего Осириса и Гора сопоставить с Сиявушем и Кей-Хосровом. Их Бируни называет основателями династии хорезмийских

царей. Если помещение 32 действительно династическое святилище с "галереей хорезмийских царей", то Сиявуш и Кей-Хосров (Сияваршана и Кави-Хусрава в Авесте) безусловно заняли бы в ней почетное место. В тех же образах могли быть представлены какие-то реально существовавшие цари, строившие дворец или погребенные в нем[*].

[*](*Ср.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии, с. 82 и сл.*)

Сознавая, что соответственно числу гипотез уменьшается убедительность каждой из них, необходимо все же хотя бы в нескольких словах сказать и о другой возможной трактовке святилища. Допустив, что одна из больших статуй изображала богиню (а основания для этого есть), приходится учитывать возможность того, что и другие центральные изваяния передавали образы богов. Иначе говоря, не исключено, что помещение 32 было своего рода пантеоном.

Зороастрийский пантеон Хорезма для последних веков I тысячелетия мы знаем. Как известно, в зороастрийском календаре каждый день месяца посвящен определенному божеству или религиозному понятию-образу. Список дней, приведенный в сочинении Бируни, полностью подтвердился хорезмийскими надписями на оссуариях[*] (ср. с. 265). В определенные дни зороастрийскими жрецами совершалось богослужение в честь соответствующего божества ("ангела дня", по выражению Бируни)[**]. Допустимо предположение, что подобный культовый цикл запечатлен в святилище с его многократно повторяющейся однотипной композицией, скорее всего сценой жертвоприношения. Может быть, ежедневный обряд реально совершался перед соответствующим "ангелом дня" жрецом, а царя (скажем, в случае его отсутствия во дворце) могла подменять статуя, стоящая подле жертвенника. Мы уже упомянули о настойчивом стремлении владык навечно запечатлять совершаемые ими жертвоприношения.

[*] (*Лившиц В. А. Хорезмийский календарь и эры древнего Хорезма. - Палестинский сборник, 1970, вып. 21 (84), с. 161-169; Он же. "Зороастрийский"календарь. - В кн.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М.: Наука, 1975, с. 320-332.*)

[**] (*Бируни. Избр. произв., т. 1, с. 57-59. О соотношении между календарем, праздниками и гимнами в честь зороастрийских божеств см., например: Lommel H. Die Yast's des Avesta. Gottingen; Leipzig, 1927, S. 5 f.; Hartman S. Yasts, jours et mois. - Orientalia Suecana. Uppsala, 1955, v. 4, p. 35; Boyce M. On the Calendar of Zoroastrian Feasts.- BSOAS, L., 1970, v. 33, pt. 3, p. 513-539.*)

Число дней месяца солнечного года в зороастрийском календаре равняется тридцати, четыре из них посвящены Ахурамазде (первый день - день Ахурамазды; 8-й, 15-й и 23-й - дни Творца). Соответственно "календарный пантеон" составляют 27 божеств. Как мы установили, в Зале царей скорее всего было 26 скульптурных групп. Соответствие между числом "ангелов дня" и числом композиций в рассматриваемом помещении окажется полным, если предположить, что верховное божество Ахурамазду чтили отдельно в каком-то другом святилище дворца (допустим, в тронном зале). Если же сцена жертвоприношения была повторена 27 раз, то этому числу найти объяснение еще проще: Ахурамазде, владыке четырех дней, принадлежала какая-то одна ложа. Не исключено и несколько иное предположение, основывающееся на достаточно убедительной гипотезе В. Беларди. Этот ученый считает, что 30-дневному месяцу, зафиксированному зороастрийским календарем, предшествовал звездно-лунный месяц из 27 дней[*]. Может быть, в своей культовой практике, нашедшей отражение в устройстве Зала царей, хорезмийцы опирались именно на этот древнейший месяц.

[*] (*Belardi W. Studi mithraici e mazdei. Roma: Istituto di glottologia della Universita'e Centro culturale Italo-Iraniano, 1977, p. 120, 121, 136, 137, 217, 218.*)

Как уже было сказано, наиболее почитаемой в святилище была статуя, очевидно женская, в ложе II. Попытаемся определить, какое божество календарного пантеона могла она изображать. Естественно предположить, что первому дню месяца соответствовала первая от главного входа ложа; церемонию в честь божества второго дня совершали у соседней ложи и т. д. Исходя из этого предположения, начнем отсчет от ложи X (см. на плане Зала царей цифры, поставленные в скобках). Центральная ложа айвана при этом окажется десятой (если считать и нишу на западной стене айвана). Десятый день месяца в зороастрийском календаре посвящен Водам (Apam, в хорезмийских надписях y'p'xwn). Владычицей вод, их олицетворением для зороастрийцев (по крайней мере в рассматриваемую эпоху) была Ардвисура Анахита. Л. Грэй полагал, что это имя, фактически являющееся тремя эпитетами, первоначально прилагалось к существительному ap - "вода", ряд соответствующих формул в Авесте он действительно смог указать[*]. Во всяком случае несомненно, что литания десятого дня прославляла Ардвисуру Анахиту и была насыщена формулами из посвященного ей гимна (Yt V; Slh rocak, 10)[**].

[*] (*Gray L. H. The Foundations of the Iranian Religions. - Ratanbai Katraclectures. K. R. Cama Oriental Institute Publications, 5, Bombay, 1927, p. 60.*)

[**] (*Hartman Sv. S. La disposition de l'Avesta. - Orientalia Suecana, Uppsala, 1957, v. 5, p. 43, 44.*)

Итак, мы вновь приходим к выводу, что в главной ложе Зала царей, которую по ее расположению можно назвать тронной, восседала статуя этой великой богини царских династий, подательницы жизни и побед. В раннесредневековом среднеазиатском искусстве она предстает в синкретическом образе четырехрукой владычицы вселенной. Этот образ, переданный на хорезмийских серебряных сосудах, Г. Азарпай склонна возводить к зороастрийской Спента Армати, богине земли[*]. Наши данные как будто свидетельствуют в пользу другого распространенного определения великой среднеазиатской богини - Нана-Анахита.

[*] (*Azarpay G. Nine Inscribed Choresmian Bowls. - Artibus Asiae, Ascona, 1969, v. 31, pt. 2-3, p. 199.*)

Возможно, особенности Зала царей отражают формальную и истинную иерархию богов в хорезмийском пантеоне первых веков нашей эры. Первым остается Ахурамазда, подле него расположен алтарь. Однако "царское место" занимает великая богиня, сохраняя при том положение "ангела" десятого дня (согласно гипотезе Беларди, в древнейшем календаре Водам был посвящен девятый день). Девятый и одиннадцатый дни месяца были посвящены соответственно Огню и Солнцу. Вхождение их в главную триаду хорезмийского святилища достаточно вероятно и может быть удовлетворительно согласовано с намеченной выше трактовкой соседей главной богини как мифологических или эпических персонажей.

Позволю себе еще одно предположение, возможно несколько рискованное. Кем был тот ребенок, ручку которого держала центральная статуя? В иранской мифологии существовало божество воды, несомненно очень древнее и, как полагают некоторые исследователи, некогда главное, - Апам-Напат. В Авесте и позднейшей зороастрийской традиции (в отличие от Вед), кажется, невозможно найти детские черты в этом образе; напротив, всячески подчеркивается его мужественность и сила. Но само имя божества

чрезвычайно многозначительно - "Дитя вод". Если же Вода, как полагал Грэй, - истинное имя Высочайшей-Могучей-Незапятнанной (Ардвисуры Анахиты), то Апам-Напат - ее сын. Может быть, на таком простейшем умозаключении и основывались создатели центральной скульптурной группы Зала царей? О жертвоприношении Анахите в каком-то месте, посвященном Апам-Напату, гласил Ардвисур Яшт (YtV, 72). Совместное моление им обоим в день Вод перед двойной статуей представляется мне возможным.

Помещение 33. Небольшой коридор, являвшийся главным входом в Зал царей. Его коленчатые в плане очертания объясняются двумя причинами: нужно было обогнуть помещение с шахтой; следовало оградить святилище, и прежде всего жертвенник у входа, от взгляда извне. Особенностью дверного проема в зал являлся очень широкий блок из обожженных кирпичей на алебастровом растворе в восточной стене. В ней же была маленькая ниша, возможно для светильника. Коридор был расписан. В третьем периоде западная стена была укреплена дополнительной кладкой.

На этом мы закончили рассмотрение группы взаимосвязанных парадных помещений 1-33.

9. Северная группа (помещения 34-37)

У северного края Центрального массива западнее аванзала (пом. 6) расположены три однотипных помещения, которые приходится рассматривать как отдельный комплекс. Ширина этих комнат 2,5 м, длина 9 м, высота до замка свода 3 м; пяты сводов на высоте 1,1-1,2 м. В северной стене помещения 35 сохранился дверной проем шириной около 1 м. Очевидно, такими же были входы в остальные две комнаты (на месте восточной стороны входа в помещение 35 начинается линия разрушения). Расстояние от края цоколя Центрального массива до северной стены рассматриваемых помещений 3,5 м. Край цоколя четко зафиксирован рядом с помещением 35 на стыке с Северо-западным массивом. Следует пред положить, что такую ширину имела лоджия перед комнатами (пом. 34), поскольку вряд ли наружная стена дворца была здесь против обыкновения сдвинута к самому краю платформы. Но и предлагаемая реконструкция узла имеет уязвимую сторону: к лоджии можно подойти лишь по узкой площадке вдоль наружной стены дворца[*]. Как будет отмечено дальше, с крепостной стены (правда, поздней) в направлении рассматриваемого участка поднимался узкий пандус; если предположить, что он повторял более ранний подъем на Центральный массив, то комнаты 35-37 могли бы предназначаться для стражи; дальнейший путь от кордегардии к парадным помещениям в случае необходимости хорошо простреливался. Возможно и другое предположение: систематическое посещение трех сводчатых комнат у северного края дворца просто не предусматривалось, они были сознательно изолированы, подобно, допустим, скальным гробницам.

[*] (*Разрушенный участок восточной стены помещения 37 достаточно широк, чтобы здесь мог уместиться проход в аванзал. Однако сочетание свода помещения с таким проемом было бы весьма слабым в конструктивном отношении, и поэтому оно маловероятно.*)

Посмотрим теперь, что здесь было обнаружено при раскопках. Предваряя специальное описание[*], заметим, что на сводах всех трех комнат лежал большой зал или святилище, устройство которого явно учитывало в конструктивном отношении нижнюю планировку.

[*] (*См. гл. III.*)

Помещение 35 было заложено кирпичами на высоту 2,1 м. Следы глиняного раствора на южной стене позволяют предположить, что раньше кладка была подведена под самый свод, но позднее частично разобрана, возможно, при грабительских поисках*. После удаления закладки следов обитания на полу мы не обнаружили (за исключением небольшого опаленного пятна). До уровня 120 см комната была заложена хорошими сводовыми кирпичами, перемежались слои таких кирпичей в песке и в глиняном растворе. Применение сводовых кирпичей, видимо, указывает, что комнату начали забивать, когда во дворце еще велось строительство. Верхняя часть закладки состояла из обычных кирпичей или их обломков. В одном ряду вместе с песком отмечен перемещенный культурный слой (зола, кости, фрагменты керамики).

* (*Через закладку была пробита глубокая яма.*)

В заполнении комнаты оказалась скрытой своеобразная кирпичная конструкция, примыкавшая к западной стене на расстоянии 1,4 м от северной стены. Это параллелепипед длиной 2,5 и шириной 1,5 м, сохранившийся на высоту 1,8 м. Между стенками (толщиной в один кирпич) было оставлено пространство 1,7×1,1 м, которое к моменту раскопок оказалось заполнено кирпичами, пересыпанными песком. Напротив этой кирпичной цисты у восточной стены лежала деревянная плаха, на которой стояло 6 вертикальных брусьев. Толщина их около 15 см, брусья сохранились на высоту до 30 см, но несомненно были длиннее. Назначение кирпичной и деревянной конструкций (конечно, как-то связанных между собой) неясно. Если они предназначались лишь для того, чтобы отгородить часть комнаты или поддержать участок свода, непонятно, почему между кирпичными стенками было оставлено свободное пространство. Не исключено, что это было какое-то вместилище, позднее опустошенное и забитое кирпичами и песком. Что же касается закладки всей комнаты, то ее произвели либо для того, чтобы скрыть в ней упомянутую выше цисту, либо для того, чтобы устроить более прочное основание для зала второго этажа.

Помещение 36 было перегорожено глухой кирпичной стенкой, толщина которой приближалась к 2 м. Она находилась в 3,2 м от северной стены и к моменту раскопок примерно на 1,5 м не доходила до замка свода. Очевидно, вначале массивная перегородка была подведена под самое перекрытие и лишь позднее часть ее разрушили, чтобы проникнуть в изолированную часть комнаты, где затем под сохранившимся древним сводом существовало какое-то временное жилье. В уровне поверхности перегородки отмечены средневековая керамика и кострища поверх глиняных и песчаных наносов.

Непосредственно к южной вертикали перегородки прилегал слой, содержавший наряду с обломками кирпичей и мусором (ветки, камыш, кости, яичная скорлупа, плодовые косточки) множество кусков штукатурки с росписью и обломки глиняных скульптур и лепнины. Отмеченный слой становился тоньше по мере приближения к южной стене и примерно в 2 м от нее сменялся намывами по всей высоте помещения. Совершенно очевидно, что слой с остатками декоративного убранства проник в помещение 36 через пролом в своде, на котором лежит "Зал арфистки". Там, как мы увидим, отмечен совершенно идентичный по своему характеру слой со множеством фрагментов лепнины и росписями (на стенах трех сводчатых помещений никаких следов раскраски нет).

Следуя принятому нами принципу, отметим здесь те фрагменты, которые найдены при разборке слоя помещения 36, хотя они несомненно относятся к убранству "Зала арфистки". Уже опубликовано изображение руки музыканта на грифе лютнеобразного инструмента*. Среди скульптурных обломков наиболее интересна глиняная голова,

выполненная с некоторым превышением натуральной величины (рис. 67). Она найдена на полу в 2 м южнее перегородки, на стыке наклонного рухнувшего слоя и намывов. Обобщенной, но весьма уверенной лепкой передано массивное безбородое лицо с коротким широким носом и удлиненными смотрящими прямо глазами. Лицо покрыто яркой розовой раскраской, черным обведены глаза и обозначены зрачки. Черные волосы, возможно, были перехвачены лентой или диадемой. Трудно сказать, юношу или женщину изображала статуя. Однако несомненно стремление художника передать прежде всего силу и величие образа.

[*] (*Садоков Р. Л. Древнехорезмийский инструментальный ансамбль. - В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 162, рис. 1; с. 164.*)

Рис. 67. Голова статуи, найденная в помещении 36

Довольно большой (60×35 см) фрагмент барельефа имел слегка скругленную красноватую поверхность, как бы перетянутую широкой белой полосой, по которой красной краской нанесен узор из кругов и ромбов. В верхней части фрагмента лепкой обозначены складки края плаща или платья. Можно предположить, что была изображена фигура, восседающая на вышитой подушке или же на животном, перетянутом широкой подпругой.

Грубовато вылеплены и раскрашены небольшие глиняные головки хищной птицы, обезьяны (?) и какого-то существа с подобием хобота.

Среди алебастровых обломков отметим лист, несколько напоминающий лист дуба (длина 20 см).

По обе стороны перегородки были найдены фрагменты глиняного прямоугольного в сечении (20×8 см) карниза. Он украшен оранжевыми налепными кругами и такими же треугольниками и полудисками по краю*. В южной половине комнаты пол был покрыт небольшими кристаллами гипса. Отмечено некоторое понижение пола к стенам. Вдоль восточной стены лежало скопление крупных углей, хотя опаленности пола или стены здесь не зафиксировано. В северной половине комнаты пол на 12 см выше чем в южной. Здесь к перегородке был пристроен невысокий кирпичный выступ площадью около 1 м^2. Отмечена сильная опаленность пола и стен.

* (*Воробьева М. Г. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 74, рис. 3.*)

Помещение 37 сохранило неразрушенный свод лишь на протяжении 1,75 м от южной стены. Оно было заполнено рухнувшими участками свода, отдельными сводовыми кирпичами и намывами, среди которых попадались небольшие кусочки росписей. Вдоль стен отмечена канавка на дне которой проступали кирпичи и швы между ними, заполненные песком. Очевидно, стены были поставлены в заполненные кирпичами траншейки, что установлено и в других помещениях дворца. В 5,45 м от южной стены сохранилась кладка шириной около 1 м. Она поднята над полом всего на 20 см, примыкает к восточной стене и на 80 см не доходит до западной стены. В трех местах на полу зафиксированы кострища, одно из них было на кирпичной вымостке.

В канавках подле стен отмечено множество углей и костей. Кроме того, там найдены железный наконечник копья, девять квадратных (3×3 см) стеклянных пластин и шесть таких же бронзовых.

10. Западная группа (помещения 38-59)

Двадцать помещений, расположенных в северо-западной части Центрального массива, мы выделяем в особую группу несколько условно. Как и в главном комплексе, ее составляют украшенные росписью комнаты; здесь есть и зал, отличавшийся от остальных, видимо, лишь отсутствием скульптуры. Нет данных и для определения какого-то специального назначения рассматриваемой группы. Тем не менее значительная изоляция помещений 38-59 от остальной части дворца позволяет видеть в них отдельный комплекс, и это удобно для нашего дальнейшего знакомства с топраккалинским лабиринтом.

Помещение 38 было по сути продолжением коридора, ограничивавшего с севера тронный ансамбль. Имея небольшую ширину (2,1 м) и двери в обеих торцовых стенах, оно несомненно предназначалось лишь для связи с северо-западной частью дворца (в обход его сакрального центра). Помещение 38 перекрыто сводом, замок которого лежит на высоте около 3 м. Дверные проемы имели плоский верх и блоки из обожженных кирпичей с южной стороны. На стене одного из проходов и в самой комнате (на небольшом участке в уровне пяты свода) были отмечены следы росписи.

Видимо, после запустения дворца, когда свод успел обветшать, к южной стене была приложена ремонтная кладка и был заполнен кирпичами западный дверной проем. Перед ремонтом, очевидно, был выброшен накопившийся завал, об этом свидетельствует отсутствие рухнувшей штукатурки на полу. Комнатка, образовавшаяся после перестройки, довольно интенсивно обиталась. В культурном слое (толщина его до 30 см) было очень много костей животных и встречались фрагменты грубой керамики. Затем помещение было окончательно покинуто и началось накопление глиняных намывов (до 50 см).

Поверх них лег твердый завал, более мощный в центре помещения (до 1 м). Его образовали кирпичи, вывалившиеся из центральной части свода, и завал стен помещения верхнего этажа, проникший через пролом. При этом в комнату сверху попали и росписи, в их числе широко известные фрагменты с изображениями "тигра" и "фазана"* (рис. 68, 69). Наиболее поздними являются песчаные намывы и наносы, затянувшие помещение доверху и сохранившие от обрушения почти весь свод. В этих слоях обнаружены фрагменты тонкостенного сосуда и каменный шарик с отверстием.

* (*См. гл. III, 13. Помимо стратиграфических наблюдений это подтверждается наличием сходных фрагментов на полу помещения II-2.*)

Рис. 68. Голова тигра. Фрагмент росписи, найденный в помещении 39 (первоначально в стенописи помещения II-2)

Рис. 69. Фазан. Фрагмент росписи, найденный в помещении 39 (первоначально в стенописи помещения II-2)

Помещение 39, в которое попадали, миновав предыдущее, также было проходным, и выглядит оно на плане как отрезок коридора, дающий короткий поворот к югу. Однако рассматриваемая комната была значительно выше (шелыга свода, перекинутого между западной и восточной стенами, поднята почти на 4,5 м над полом) и очень богато расписана. Видимо, это было небольшое (10 $м^2$) парадное преддверие ко всей северо-западной группе помещений. Интересна перекрытая сводом ниша в южной стене. Дно ее на 0,6 м выше пола, ширина 0,85 м, глубина 0,65 м, высота 1 м. Внутри сохранились участки белой штукатурки, следов копоти не отмечено. Это позволяет утверждать, что ниша не предназначалась для светильника или факела, хотя ее расположение очень удобно для этого. Другая особенность комнаты - кирпичная выкладка высотой 0,4 м и шириной 0,45 м вдоль восточной стены.

Роспись (красным, черным и белая) была зафиксирована на обмазке свода, сохранившегося в северной части помещения. Неопределенные следы живописи отмечены на стенах, много обломков ее было в завале. Особенно интересен фрагмент, найденный около западной двери и, видимо, сползший с южной стены. Это так называемая "сборщица фруктов"*. Композиция была выполнена очень уверенно и живо в довольно сдержанной цветовой гамме: белый фон, темно-красный (местами усиленный черным) контур рисунка, кое-где раскраска коричневато-розовым, серовато-желтые линии для некоторых деталей. Примерно в 2/3 натуральной величины, очевидно в трехчетвертном повороте, была изображена женщина, держащая на уровне обнаженной груди два конца своей светлой

одежды. Четкий скругленный контур и линии складок показывают, что руки удерживают не фартук, а подол рубахи или края плаща, натянутого сзади. Перед женщиной или над ней (это зависит от того, горизонтальной или вертикальной была двойная черная линия, передающая архитектурную деталь или рамку) находится скопление кружков, которое несколько напоминает огромную виноградную гроздь ("ягоды" имеют размер яблока). Упомянутая черная полоса отделяет радиально сходящиеся желтоватые линии; эти "лучи" пересекают какие-то неопределенные концентрические линии (С. П. Толстов предположил, что так передана плетеная крыша садовой беседки). Можно представить, что гроздь должна упасть в подставленный подол. В этом случае срезать ее должен какой-то второй персонаж, так как обе руки женщины заняты.

* (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 178, рис. 48.*)

Представляется маловероятным, что сцена имела чисто жанровый характер (хотя бы потому, что вряд ли хорезмийские женщины работали в саду полуобнаженными). Скорее это отображение какого-то поэтического или мифологического сюжета. Некоторые детали композиции могут свидетельствовать в пользу последнего: такой же "луч" как и над крышей (?), как бы пробившись через нее, дотягивается до фигуры, которая легче всего реконструируется полулежащей. Возникает вопрос, не был ли передан росписью "мотив Данаи"?

Среди других фрагментов живописи отметим найденные у восточной стены человеческий профиль и традиционные лепестки-сердечки на белом фоне.

При раскопках были отмечены три обмазки пола (на второй в северо-западном углу следы костра) выше намыва, завал с намывными слоями, имеющими признаки временного обитания под частично сохранившимся сводом. Из находок с нижнего уровня отметим бронзовую квадратную пластину.

Помещение 40, расположенное восточнее рассмотренного, соединялось с ним дверным проемом, перекрытым аркой (высота 1,8 м). Свод помещения (замок на высоте 3 м) полностью сохранился. Посредине его большое отверстие, оставленное при строительстве. Как будет показано, лежащее на своде помещение второго этажа - это по сути дела световой или вентиляционный колодец. Не исключено, что и маленькое помещение 40, где не было ни росписей, ни четких следов обитания, имело подобное же техническое назначение. Возможно также, что это караульное помещение для поста при входе в северо-западный комплекс комнат. Помещение и проход в него на высоту 1,3 м были забутованы (внизу слой песка, затем слой плотной глины, на нем кладка из обломков кирпича, в верхних слоях забутовки кирпичи целые); на забутовке наносные слои, оставившие лишь небольшое пространство под замком свода. На полу под забутовкой были обнаружены кусочки краски (часть в виде пластинок 4×4 см) - бурой, красновато-коричневой и красной. Очевидно, все это оставлено художниками, расписавшими соседнюю комнату. Неясно назначение нескольких глиняных палочек, имеющих длину 4 см при диаметре 1 см и окрашенных в белый цвет.

Помещение 41 имело площадь около 20 м^2. Оно было проходным, но так как обе двери смещены к южной стене, большую часть пространства можно было как-то использовать. Комната, высота которой должна была достигать 4,6 м, была перекрыта сводом. Остатки его сохранились в северо-западном углу. На стенах отмечены следы росписи красным, черным и белым. В южной стене была арочная ниша шириной 1 м, глубиной 0,5 м, высотой 1,1 м; дно ее поднято над полом на 1 м, внутри следы побелки.

Большая ниша (шириной 1,85 и высотой 2,2 м), начинавшаяся от пола и перекрытая аркой, расчищена также в восточной стене. Здесь в 1946 г. была снята копия с одной из немногих живописных композиций, уцелевших на месте, хотя и в сильно поврежденном состоянии (рис. 27, 1). В натуральную (или чуть больше) величину на оранжевом фоне были изображены две человеческие фигуры*. Они даны в трехчетвертном повороте обращенными друг к другу. Справа - женщина в голубовато-сером платье с красным корсажем, поверх платья - распахнутая розовая одежда с прорезями для рук. Склоненная голова женщины непокрыта, на шее ожерелье (или ворот светлой вставки, возможно закрывавшей грудь). Дама изображена сидящей либо опустившейся на одно колено. Обе ее руки протянуты вперед, ладони раскрыты. Левая фигура сохранилась хуже. Этот персонаж облачен в красную одежду с поясом, поверх которой надет черный кафтан (цвет, характерный для мужских изображений). Левая фигура была выше и массивнее женской и, видимо, передавала мужчину. Похоже, что он держал перед собой на уровне груди какой-то предмет, от которого уцелело изображение белых ниспадающих лент. Весьма вероятно, что это была диадема или венец. Передача их - сюжет, достаточно известный в восточном искусстве. Расположение сцены в специальной большой нише подчеркивает ее значение и высокий ранг изображенных. Низ композиции - почти метровая полоса - не уцелел, и остается лишь гадать, что там было изображено. В центре комнаты перед изображением были отмечены опаленные кирпичи, видимо, в кладке пола. Не исключено, что это следы огня, зажигавшегося в честь царственной четы.

* (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 178, рис. 47.*)

На третьей обмазке пола, относящегося к сравнительно позднему времени, отмечена бытовая керамика и кости животных. Упомянем также голубую бусину, найденную между кирпичами субструкции, и обломок каменной чаши, встреченный в потревоженном завале.

Помещение 42 - небольшой (1,8×2,6 м), но украшенный росписью тамбур с дверными проемами во всех четырех стенах. В западном и северном проемах была заметна пята свода, очевидно, и остальные двери были раньше перекрыты арками. Значительное число саманных кирпичей и расклиночных камней в верхних слоях завала свидетельствуют, что весь тамбур находился под сводом, который, видимо, имел ту же высоту и направление, как и перекрытие комнаты 43, расположенной севернее.

Помещение 43 имеет площадь 21 м^2. В северной стороне оно сохранилось на всю высоту, которая достигала (до шелыги свода) 4,3 м. Пята свода лежала примерно на 2,4 м выше конструктивного пола. Отметка его 14,34 м. Высота южного входа в комнату 1,75 м, две другие двери (они находятся у северной стены и также перекрыты арками) заметно ниже. Высота проема в восточной стене 1,47 м, западного - 1,4 м (эта дверь имела порог толщиной 0,2 м).

Стены комнаты, видимо, расписаны не были; лишь в одном случае отмечена цветная штукатурка в завале, но она могла попасть сверху. По низу стен во многих местах сохранилась облицовка из обожженных кирпичей (36×36×8 см) с алебастровой обмазкой. В стенке восточной двери такие кирпичи лежали в блоках.

Другая особенность помещения - пять арочных ниш в стенах (рис. 70). Сведем данные о них в таблицу (данные в м).

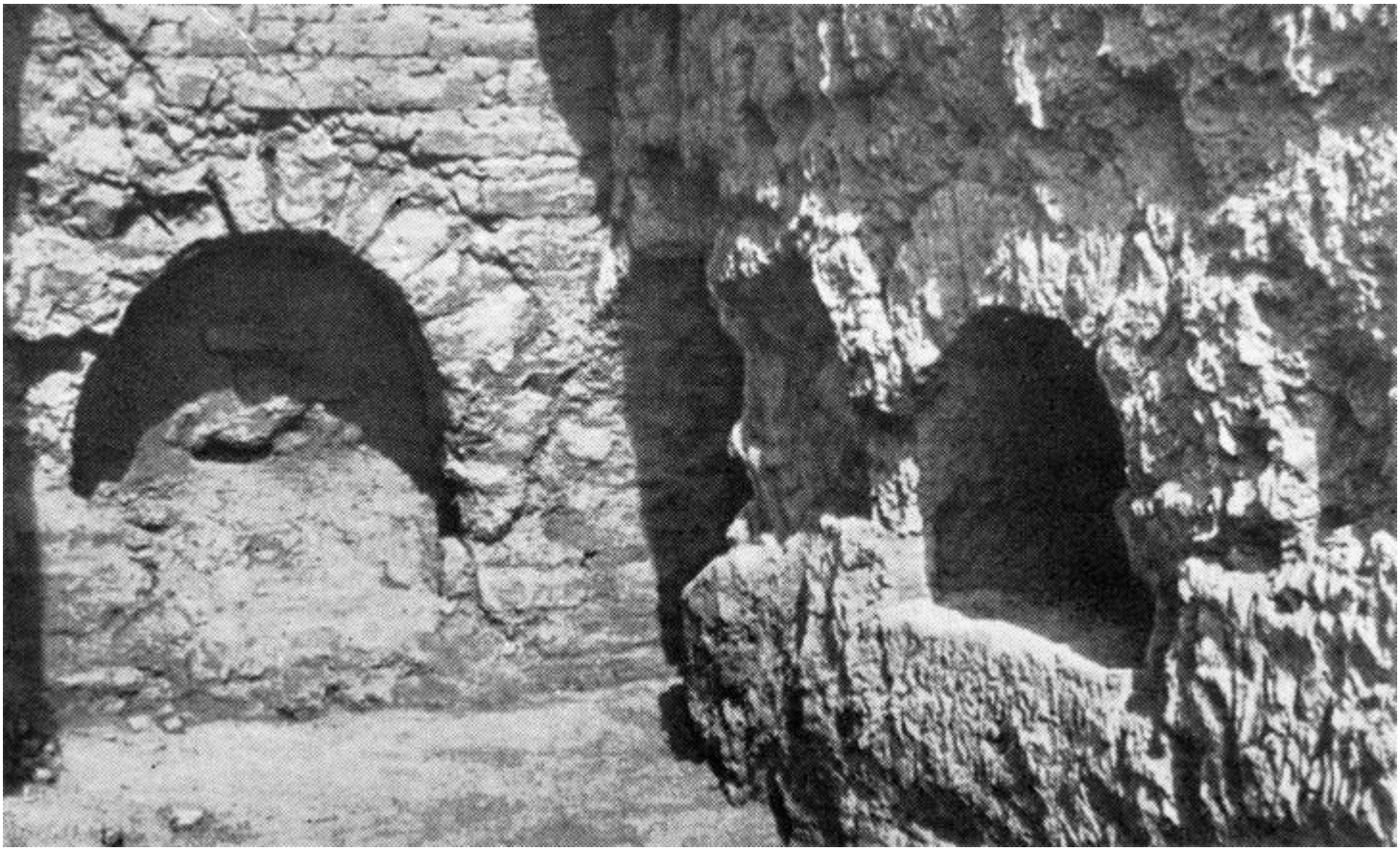

Рис. 70. Помещение 43. Северо-восточная часть комнаты

	Расстояние от пола до дна ниши	*Ширина*	*Гл*
Ниша в сев. стене	0,5—0,6	1,37	0
Сев. ниша в вост. стене	0,52	1,3	0
Южн. » »	0,56	1,05	0
Сев. ниша в зап. стене	0,59	1,42	0
Южн. » »	0,62	1,3	0

Данные о арочных нишах в стенах

В нише, которая сохранилась лучше других, дно было выстлано обожженными кирпичами. На задних стенках в трех случаях обнаружены следы росписи красным и черным по белой подгрунтовке. К западной стене под южной нишей была приставлена небрежно сложенная кирпичная выкладка.

В конструктивном полу комнаты по сторонам южного прохода были выявлены две маленькие ямки и в одной из них найден красноангобированный широкогорлый кувшинчик. На обмазке пола, которая сильно размыта, обнаружены единичные обломки керамики и кусок красной краски. Два кострища в южной части комнаты (у западной и восточной стен), видимо, возникли при повторном использовании помещения. На глубине

2 м от пяты свода (т. е. выше пола) была отмечена находка медной монеты типа $Б^2$11 по классификации Б. И. Вайнберг, другая монета связана с самыми верхними слоями, в которые она могла попасть с верхнего этажа. В тех же условиях найдена стеклянная прямоугольная пластина. Помещение было заполнено в основном глинистыми и песчаными наносами. В них попадались обломки сосудов, но слоев временного обитания зафиксировано не было.

Необходимо отметить находку двух человеческих черепов и отдельных костей у северной стены на высоте около 2 м от пола. Череп собаки обнаружен в северной нише, почти непосредственно под ее сводом. По всей вероятности, все это остатки поздних захоронений в руинах дворца, хотя весьма соблазнительно предположение, что ниши сразу были предназначены для каких-то реликвариев. Оссуарии, стоящие в сходных сводчатых нишах, были обнаружены А. В. Гудковой в склепах на Ток-кале.

Помещение 44, которое несомненно составляло единый блок с предыдущим, ничего не дало для разъяснения вопроса о его назначении. Это замкнутая комната площадью 20 $м^2$ со сводом, который к моменту раскопок сохранился на 2 м от северной стены. Высота помещения около 4,5 м, пята свода поднята на 3,25 м от пола.

У середины западной стены на полу было отмечено почти квадратное (1×1 м) пятно - след длительного горения и какие-то кирпичи по его периметру. Сейчас невозможно сказать, было ли это все остатками очажной конструкции. Кострище неопределенных очертаний отмечено в центре комнаты. В полу были три небольшие ямы, еще одна уходила в толщу западной стены близ входа. В заполнении этой ямы помимо песка отмечены зерна и обломки керамики. Много фрагментов сосудов и особенно костей животных было в культурном слое, толщина которого достигала 0,8 м. Здесь же найдены ветки, камыш, кусок кожи со швом и прочий бытовой мусор. Все это было перекрыто примерно метровым завалом обычных и сводовых кирпичей, поверх которого отмечен второй уровень обитания. На нем слой (0,8 м) песка и намывов, на котором под частично сохранившимся сводом в какой-то момент опять ютились люди, оставившие обломки сероглиняной керамики и множество костей. Самые поздние следы обитания обнаружены на слое завала всего в 0,8 м ниже замка свода. Это два глиняных таза, в одном лежал бронзовый колокольчик, большое бронзовое кольцо, обрывки кожи и остатки каких-то железных изделий. На том же уровне было много бараньих костей, обломков грубой керамики и т. п. Таким образом, мы прослеживаем, как уединенная комната под сводом вновь и вновь привлекала людей, приходивших в покинутый дворец, но не находим здесь ничего, оставленного его первыми хозяевами.

Помещение 45, лежащее к западу от комнаты с нишами (пом. 43), следует рассматривать в первоначальном плане Центрального массива как отрезок коридора (точнее, анфилады коридорообразных помещений), который проходил у края дворца. Этот отрезок, снабженный небольшим тамбуром, подводил к угловому помещению 46, которому, судя по необычной толщине стен (2,55 м), предназначалась какая-то особая функция. Когда помещение 46 было заложено (см. ниже), а восточная дверь рассматриваемого помещения замурована, оно стало изолированной, довольно неудобной по пропорциям (8×2 м) комнатой. Помещение было перекрыто сводом (следы его уцелели у северной стены) и имело высоту 4,34 м. Отметка пола 14,37 м. Высота арки северной двери 1,62 м (от порога толщиной в один кирпич). Арка южной двери почти не сохранилась. Комната была расписана.

К моменту раскопок 1945 г. на полу сохранились следы бытового использования: зольные пятна, скопления зерна, костей и (в юго-восточном углу) рогов. Отмечено много маленьких круглых ямок. Некоторые из них, возможно, от столбов, другие могли предназначаться для сосудов. Керамики в помещении было довольно много, причем склеиваются обломки из двух горизонтов, на которые, как оказалось, был расчленен культурный слой. Сосуды лепные и круговые.

Помещение 46 раскопано не полностью. От забутовки, которая заполняла его, освобождена до уровня пола (14,25 м) 1,5-метровая полоса вдоль западной стены; до отметки 15,8 м открыта часть северной стены. Как показали раскопки, сначала помещение забутовали до уровня 16,72 м, на котором по кладке из сырцовых кирпичей на глине был выведен пол комнат второго этажа (II-4, II-5). Под кладкой пола в песке лежали обломки кирпичей, ниже - куски разбитых кирпичей. Видимо, до забутовки помещение имело большие размеры (10,8×3,4 м), во всяком случае стена, отгородившая половину этого пространства в уровне второго этажа, вниз не уходит.

На расчищенном участке пол не имел следов обитания и даже признаков износа; на всей восьмиметровой высоте северной стены не удалось отметить пяты свода или гнезд балок от межэтажного перекрытия. Наряду с некоторыми другими соображениями все это свидетельствует, что от использования комнаты в первом этаже решили отказаться еще до завершения строительства. Мы полагаем, что это было связано с пристройкой Северо-западного массива.

Помещение 47 - сохранившийся на протяжении 11 м участок западной галереи. Ширина коридора 2 м. Отмечена красная роспись по алебастровой подгрунтовке. Находки камней, таких же, как в расклинке, позволяют предположить, что перекрытие было сводчатым. На полу следы позднего обитания: растительный перегной, кострища, кости, грубая керамика.

Помещение 48 - почти квадратный в плане зал или парадный двор, имеющий площадь свыше 120 м^2. В северо-восточном углу стены уцелели на высоту до 2,5 м, смыв шел в юго-западном направлении. Южная стена размыта на значительном протяжении, разомкнута и западная стена; возможно, здесь был дверной проем*. С северной стороны вела дверь из комнатки-тамбура (42). Пройдя от нее двор по диагонали, можно было попасть в помещения, лежащие восточнее.

* (*На реконструктивном плане показан иной допустимый вариант.*)

Данных для реконструкции перекрытия у нас нет. Очевидно, плоская кровля была вынесена далеко за линию стен, чтобы защитить роспись на них.

На северной стене частично уцелели две ниши, имевшие ширину примерно 1 м при глубине 20-30 см; дно поднято на 70-80 см от пола. Углубления разделены простенком (60 см), на который, видимо, накладывался глиняный выступ. Обломки скульптуры в помещении не найдены: очевидно, равномерно распределенные по всем стенам ниши заключали в себе живописные панно.

Была расписана и плоскость стен. Судя по следам на них и обломкам в завале, нижнюю полосу росписи (до уровня ниш?) составлял мотив "бегущей волны" в черном и белом цвете. Высота и ширина каждого элемента "волны" 8-10 см; к сожалению, нет данных о том, как сочетались и чередовались ярусы этого эффектного орнаментального мотива. В полевом дневнике высказано предположение, что вышележащая роспись была отделена

красной полосой. Представление об этой росписи, видимо, дает крупный фрагмент, найденный в завале у восточной стены и хорошо скопированный в 1950 г. На черном фоне белые цветы, изображенные сбоку; три лепестка обведены красным; листья и стебли белые. Этот мотив чередуется с розеттами, снабженными четырьмя шипами. Обычно "лилии" и "розы" в топраккалинских орнаментальных стенописях располагаются в шахматном порядке; соблюдался ли он в данном случае, сказать нельзя. Несколько непривычно на рассматриваемом фрагменте свободное размещение каких-то белых побегов, листьев и точек. Возможно, к третьему поясу росписи или к панно в нишах относятся обломки с ярко-синей краской, редко применявшейся во дворце. Отмечены также оранжевый, зеленый, розовый и другие тона.

В заполнении пространства между стенами преобладали плотные песчаные намывы и наносы, местами сохранились завалы стен. Керамика сильно раздробленная и перемешанная, более крупные фрагменты относятся к средневековым сосудам. Состав органических остатков несколько отличается от обычного: очень много косточек винограда. Какой-либо системы в расположении кострищ и ямок, пробивших пол, не замечается. Из находок отметим монету, лежавшую в северном проходе, судя по отметке, выше пола; на монете тамга в виде двух дужек, соединенных прямой линией (тип $Б^2$10 или $Б^2$11).

В помещении был заложен шурф и проведены зачистки конструктивного пола, давшие интересные материалы по строительной технике. Они приводятся в соответствующем разделе (см. гл. II).

Помещение 49 - проходная комнатка площадью 10 м^2. Восточная стена сохранилась на высоту 1,4 м, западная - на 0,5 м. Наличие в завале камней типа расклиночных позволяет думать, что перекрытие было сводчатым. Вспомогательное помещение было ярко расписано. Уцелела оранжевая раскраска на верхней части восточной стены, здесь же отмечены красные и белые тона. Остальные фрагменты в завале. Можно отметить розеты, исполненные красными, черными и синими линиями (в последнем случае по охристо-желтому фону). Гамма красок весьма разнообразна. Из необычных сочетаний укажем бирюзовые полосы по бледно-голубому фону. В заполнении встречались истлевший камыш и дерево, керамики и костей было немного.

Помещение 50 - довольно большая (около 33 м^2) комната, возможно, составлявшая какой-то функциональный блок с парадным двором (пом. 48). Высота северной стены сейчас 2,4 м, южной - около 1 м. В восточной стене частично сохранилось 5 неглубоких (20 см) ниш, отстоящих друг от друга на 0,5-0,6 м и приподнятых примерно на 0,8 м от пола. В одной нише отмечены следы розовой и зеленой краски. На плоскости стены как основной тон отмечен оранжевый (с мазками черного и красного). Среди фрагментов росписи, найденных в завале, интересен довольно большой красный овал на черном фоне, середина овала белая, по красной краске - белые кружочки.

Зафиксированы 4 уровня пола. Бытовых остатков немного, в южной части комнаты - кострище. В северо-западном углу найдена золотая бусина.

Помещение 51 имеет необычную конфигурацию. Его западная часть - почти квадратная (4×3,7 м) комната, а восточная - небольшое коридорообразное пространство, предназначенное для соединения с соседними помещениями 49 и 52. Из западной части комнаты еще две двери ведут на запад и на юг. Таким образом, в целом помещение служило для распределения движения и, возможно, для освещения соседних комнат. В

этом случае над квадратным пространством оно должно было иметь большое световое отверстие, устройство которого возможно лишь в плоском перекрытии. Восточный же "рукав", судя по находкам соответствующих кирпичей, был под сводом. Арками были перекрыты дверные проемы.

Наиболее сохранившаяся восточная стена имеет высоту 1,5 м, западная - всего 7 см.

Комната была ярко расписана. Невысоко над полом отмечен коричневый цвет. Большая часть росписи, найденной в завале, дает черный или красный фон. По черному полю в шахматном порядке располагались желтовато-розовые восьмилепестковые розетты и трехлепестковые "лилии"*. Диаметр первых около 7 см, длина вторых примерно 10 см. Цветы прорисованы красным и дополнены белыми листочками и стебельками. По красному фону соседнего участка росписи даны золотисто-желтые розетты в кресте из четырех листочков. Цветы помещены в изгибах белой ленты (она, как и розетты, оконтурена черным). Стык красного и черного поля идет по прямой линии; вероятно, первое из них располагалось выше. В этом случае изгибы ленты были направлены дужками вверх, что для этого орнаментального элемента традиционно. Но тогда лепестки лилии оказываются обращенными вбок.

* (*У некоторых этих показанных сбоку цветов видны кончики еще двух лепестков, подразумеваемых с другой стороны.*)

В росписи были еще более пышные цветы: светло-желтые розетты вписанные в восьмилучевую звездообразную фигуру. Ее лучи - чередующиеся стреловидные листочки розовато-малинового и апельсинового цветов. Эти звездообразные розетты были расположены на ярко-синем фоне (рис. 28, 9). В ту же орнаментальную схему входили обращенные друг к другу желтовато-розовые "лилии", но полностью восстановить ее не удается. Видимо, росписью на синем фоне была украшена большая (2,2×0,62 м в плане) ниша в северной стене.

В восточной части комнаты был найден фрагмент с изображением женского профиля в натуральную величину. Рисунок легко и уверенно нанесен красными линиями, местами дополненными черным, по белому фону. Передана серьга с подвесками. Тон лица очень светлый, почти белый, но это может объясняться утратой красочного слоя. Указать место "портрета" на стенах комнаты мы не можем; другие фрагменты изображения людей здесь не отмечены. Возможно, эта изящная роспись, контрастирующая с яркими, резковатыми орнаментами, попала со второго этажа.

В помещении обнаружены следы позднего обитания, в частности кости животных у южной стены. Почти на современной поверхности в восточной части комнаты найдена медная монета.

Помещение 52 - крайнее с востока в рассматриваемой группе. Его размещение и габариты несомненно определены планировкой тронного ансамбля, хотя комната с ним не соединяется. Помещение было перекрыто сводом, кирпичи которого найдены в завале. Стены имеют сейчас высоту до 1,6 м. Следы росписи в комнате почти не отмечены, в дверном проеме - ее фрагменты (белые линии на черном фоне). Примечательно, что эта живопись была замазана слоем глины. Возможно, перед повторным освоением помещения штукатурка в нем была сбита. В комнате обнаружен значительный (до 0,9 м) слой, насыщенный органическими остатками. Это кости животных и рыб, рога, косточки

винограда, джиды, персиков и т. п. Стены и пол восприняли зеленоватый оттенок перегноя. Найдены обломки нескольких сосудов, главным образом лепных.

Помещение 53, расположенное к западу от комнаты 51, почти полностью смыто, причем промоина разрушила пол и часть субструкций под ним. Габариты помещения определяются остатками южной стены и кладки северо-западного угла. Реконструировать линии стен помогают также стыки кирпичных и пахсовых субструкций. Площадь комнаты была примерно 35 м^2. К ней примыкало маленькое (менее 4 м^2) вспомогательное помещение (536). Вероятно, оно было введено в планировку в связи с устройством рядом комнатки для поста при входе в Южную группу помещений (пом. 59).

Помещение 54 находится южнее комнаты 51 и соединено с ней. Своей планировкой оно очень близко к Залу побед и Залу воинов, но уступает им по площади (46 м^2). Посредине восточной стены было устройство для переносного очага: невысокая кирпичная вымостка (1,8×0,9 м) и скругленная ниша над ней шириной около 1 м. Она немного заглублена в стену и обрамлена двумя пилястрами, боковые грани которых раскрепованы. Напротив этого "камина" в западной стене - ниша (2,1×0,7 м в плане). Не совсем обычна разделка южной стены. Посредине ее широкая, но неглубокая ниша (2,4×0,5 м), образованная выступом метровой ширины с восточной стороны и своеобразным, ступенчатым в плане заполнением юго-западного угла помещения.

На восточной стене на 0,7 м выше пола сохранились участки горизонтальной налепной тяги (ширина 18 см). В ее раскраске отмечены черные и белые тона. Вероятно, это были обычные для Топрак-калы белые круги на черном фоне (такой фрагмент найден в завале). Следы росписи теми же красками были и под тягой. Судя по обломкам, вышележащий пояс росписи имел темно-красный фон с серовато-голубыми розеттами на нем. Многоцветные фрагменты со сложным, неопределяемым сочетанием линий могут относиться к каким-то сюжетным росписям в нишах.

Следов освоения в помещении немного (кости, керамика). Это можно объяснить тем, что значительная часть пола и западной стены уничтожена промоиной.

Помещение 55 - крайняя юго-восточная комната в рассматриваемой группе. Узкий коридорообразный проход в восточной стене позволял попасть отсюда в Зал оленей затем проход был заложен кирпичной кладкой.

Стены помещения сохранились на высоту 1 м. Верхний слой заполнения между ними составляли саманные кирпичи, сохранились участки рухнувшего свода с камнями расклинки. Остатки арочных перекрытий обнаружены в дверных проемах. Большие пласты белой штукатурки под этим завалом позволяют полагать, что ею был покрыт свод. Отмечены также остатки полихромной росписи плохой сохранности. Поверх первоначального пола были зафиксированы еще три слоя обмазок. На верхней из них было большое скопление рыбьих костей. На двух других - кости, угли и т. п. Среди находок можно отметить усеченно-коническое пряслице, покрытое красным ангобом.

Помещение 56 - вспомогательная каморка (3×1,2 м) при проходной комнате 55. Не исключено, что здесь был пост, охранявший вход в Зал оленей. Комнатка и дверь в нее были под сводчатыми перекрытиями (саманные кирпичи и камни расклинки в завале). Стены сохранились на высоту 1,3 м. Находок в помещении не было, за исключением одного фрагмента цветной штукатурки, очевидно попавшего извне.

Помещение 57 расположено западнее комнаты 55. Стены его сильно разрушены, особенно западная. Около нее был "камин" с уступчатыми пилястрами. Находки расклиночных камней свидетельствуют о сводчатом перекрытии. Штукатурка на южной, восточной и северной стенах была покрыта побелкой. Много ее и в завале. Это, видимо, показывает, что комната была отремонтирована при повторном освоении, так как ранняя отделка, как правило, полихромна.

Завал расслаивался утоптанными поверхностями со следами костров, керамикой, костями. На нижнем уровне в 1,5 м от камина найдена лепная ножка светильника.

Помещение 58 находится чуть севернее предыдущего, но не соединено с ним. В этот узкий коридор должны были попадать из западной галереи дворца, которую мы оставили, остановившись перед смывом в помещении 47. Очевидно, помещение 58 следует рассматривать как последнее в северо-западной группе, как специально стесненный подход к изолированной южной группе комнат.

Длина коридора достигала 6 м (сейчас 4 м), ширина 1 м. Чуть уже был поворот на юг в восточном конце коридора.

Помещение 59, расположенное напротив этого поворота, как можно полагать, предназначалось для стражника, наблюдавшего за входом в Южный комплекс. Комнатка площадью 4 м^2 была расписана. В южной стене небольшая нишка, обожженная изнутри, возможно, для светильника. В заполнении комнаты отмечен кирпичный завал и бытовой мусор.

11. Южная группа (помещения 60-87)

Помещения 60-62. Эти три помещения, оказавшиеся теперь у западного края Центрального массива, составляли вытянутую в меридиональном направлении анфиладу, имевшую длину около 20 м и подводившую к главному коридору Южного комплекса. Ширина комнат 60 и 61 - 2,8 м, помещения 62 - всего 1,8 м. Стены сильно смыты (максимальная высота восточной стены пом. 61 - 0,6 м). На протяжении около 5 м полностью разрушена западная стена, однако логика плана не позволяет предположить, что на этом отрезке был проход в западную галерею Центрального массива (небольшой участок ее пола сохранился и около юго-западного угла). Все три комнаты, очевидно, были перекрыты сводами: обнаружены соответствующие кирпичи и расклиночные камни. Отмечены также следы росписи. На обломке штукатурки из комнаты 61 черная полоса разделяла белое и красное поле. Те же тона зафиксированы в соседних комнатах. На полу помещения 62 найдены цилиндрическая и сферическая стеклянные бусины, мелкие обломки бронзовой пластины.

Южный коридор (помещение 63). Большой коридор, в который открывается помещение 62, вытянут в восточном направлении на 35 м. Его ширина 2,1 м. Коридор был перекрыт сводом, рухнувшие участки которого были многократно зафиксированы при разборке завала. Лучше всего стены коридора сохранились в его юго-восточном углу - 2,6 м. Пята свода на этой высоте еще отсутствовала, свод стандартной для Топрак-калы кривизны, перекрывая двухметровый пролет, должен был подниматься на 2,2 м. Следовательно, общая высота коридора была не менее 5 м.

Стены были расписаны, следы росписей остались на них во многих местах, но, к сожалению, ничтожные*. Они лишь позволяют предположить, что основным тоном был

розовато-оранжевый. В дневниках упомянуты также красные, черные, синие, желтые и серовато-голубые пятна и обрывки линий. В завале цветной штукатурки было сравнительно немного, причем отмечена однотонность этих кусков: по большей части они белые, реже оранжевые и черные. Слои с белой штукатуркой были зафиксированы посредине коридора на довольно большой высоте от пола. Возможно, они рухнули со свода.

* (*Стоит сказать о любопытном технологическом приеме, отмеченном на северной стене. Кладка этой стены комбинированная: она как бы расслаивается на две вертикали, из которых северная сложена из обычных сырцовых кирпичей, а южная - из обожженных кирпичей на алебастровом растворе (единовременность всей конструкции несомненна, так как на стыке кирпичи двух типов "перевязаны" друг с другом). Южная плоскость стены была тщательно затерта алебастровым раствором, однако, роспись сделали не по нему. Был наложен трехсантиметровый слой традиционной саманной обмазки с алебастровой подгрунтовкой, по которой и стал работать художник. Это лишнее доказательство того, что применение обожженного кирпича было новшеством для создателей дворца.*)

Несомненно, уходящий вдаль широкий коридор под высоким сводом производил достаточно торжественное впечатление (это можно почувствовать даже сейчас, в руинах). В его конце посетитель видел посредине стены дверь, ведущую к главным помещениям комплекса. Приближаясь к нему, он проходил мимо полос стенописи, которая здесь, вероятно, имела не только декоративный характер.

При перестройках после запустения дворца к северной стене была приложена кладка толщиной в полтора кирпича, уменьшившая ширину коридора до 1,4 м. Дополнительная стенка, возможно, должна была подпереть обветшавший свод. Не исключено также, что недостаточно прочной оказалась необычная конструкция из сырцовых и обожженных кирпичей. Приставная стенка прерывалась на месте дверных проемов в северной стене и отсутствовала вдоль ее восточного участка. Здесь нужно отметить, что в первоначальной кладке блоки из обожженных кирпичей по какой-то причине не доходили до северо-восточного угла коридора, сменяясь на расстоянии 2 м от него сырцовыми кирпичами*. В северной стене есть еще два участка примерно метровой ширины, где с высоты 0,8 м отсутствовали обожженные кирпичи. Предполагалось, что это конструктивные ниши, однако внимательный осмотр показал, что блоки здесь были выломаны.

* (*М. С. Лапиров-Скобло полагает, что, согласно проекту, здесь должна быть дверь из помещения 23, замещенная потом сырцовым массивом внутренней лестницы.*)

Нижний пол коридора почти повсеместно размыт и замещен намывами. На них кое-где были отмечены кострища. Следующий уровень пола лежит на 15 см выше, на 10 см выше него - третий пол, он перекрыт намывными слоями. На поздних полах немногочисленные обломки керамики, кости животных и рыб, следы камыша, веток и зерен, остатки костров. Основная часть заполнения между стенами коридора образовалась за счет их разрушения, отмечено много обожженных кирпичей и алебастра. Мы уже упоминали участки рухнувшего свода. Значительны песчаные наносы и песчано-глинистые намывы.

Помещения 64 и 65. Две комнаты составляют блок, расположенный у западного края коридора, к северу от него. Первая из них имела длину 6,4 м, ширина ее в южной части 4,4 м, в северной - 3,4 м (за счет утолщения здесь западной стены). Высота стен местами до 1-1,2 м. Данных о характере первоначального перекрытия нет. Во входе камни, вероятно, от расклинки свода. Посредине северной стены была дверь в соседнюю комнату.

Помещение 65 вытянуто в широтном направлении, площадь его около 6,5 м^2. Обе комнаты были расписаны. По белой подгрунтовке отмечены следы красной, оранжевой,

серой и черной краски. Кроме того, в помещении 64 на южной, восточной и западной стенах остались следы вертикальных глиняных налепов, составлявших, видимо, обрамление неглубоких (до 20 см) декоративных ниш.

При переустройстве комнат была приложена кладка к южной стене большого помещения, пробита дверь в западной стене меньшего, в проходе между комнатами были поставлены столбики, поддерживавшие перекрытие. Следы рухнувшего потолка, очевидно самого позднего, были зафиксированы в помещении 65 поверх намывов толщиной около полуметра. Это был тлен 4 поперечных балок диаметром около 10 см и продольной балки, упавшей около северной стены. В помещениях сохранились следы нескольких костров. Особенно интенсивным был огонь посредине маленькой комнаты, однако, поскольку нижний пол и фасад северной стены здесь размыты, привлечь это наблюдение для трактовки блока не удается. Помимо не слишком обильного бытового мусора была найдена (в пом. 64) крупная пастовая бусина с волнистым орнаментом.

Помещения 66-68. Одно главное и два вспомогательных помещения образуют блок, который находится рядом с рассмотренным выше к востоку от него. Дверной проем, ведущий из южного коридора, был перекрыт аркой, выведенной из обожженных кирпичей, ими же были облицованы стены около двери; в завале были найдены керамические плитки, у которых один край повторяет контур арки.

Первое помещение (66) служило, видимо, лишь тамбуром. Его стены сохранились на высоту до 1,7 м.

Главная комната блока (пом. 67) имеет площадь около 20 м^2, высота стен (кроме южной) сейчас около 1,5 м. Ряд данных свидетельствует, что помещение было перекрыто сводом из сырцовых кирпичей, перекинутым между северной и южной стенами. В северной стене под аркой была большая и глубокая ниша (2×0,6 м), дно ее в уровне пола. Около южной стены напротив арки была вымостка из сырцовых кирпичей (1,5×0,65 м). Над вымосткой отмечены остатки прокаленной докрасна очажной ниши, дуговидной в плане. Обычное для таких ниш обрамление не сохранилось. Перед очажной вымосткой большое опаленное пятно с золой и угольками.

Третья комната (68) была очень невелика (5,5×2 м), стены уцелели на 40-50 см. В восточной части помещения на полу отмечены остатки рухнувшего свода. Здесь же найден сравнительно большой обломок штукатурки с красной окраской. Другие тона, отмеченные на небольших фрагментах в разных частях комнаты: черный, серый, алый, малиновый, синий.

К сожалению, немногим больше можно сказать и о росписях в главном помещении. Здесь преобладало сочетание черного и белого тонов. Судя по описанию плохо сохранившихся следов, в комнате была панель с черным силуэтным орнаментом, подобным найденному в помещениях 16 и 24. Были также отмечены фрагменты, на которых на черном фоне изображены красные сердцевидные лепестки и красная розетта в белом круге. Кусок штукатурки размером 60×60 см с очень интересной росписью найден на полу рядом с большой нишей (рис. 35, 5). Это часть спирали, образованной широкой черной полосой с красными краями. На черном фоне круги (диаметр их 6,5-8 см), между ними по два маленьких белых кружочка. Очевидно, арку обрамляла обычная для Топрак-калы орнаментальная полоса, но внизу она переходила в спирали, подобно тому как это было в Зале воинов. Наши догадки относительно символики дуг, завершающихся спиралями (см. гл. III, § 6), возможно, приложимы и в данном случае. От росписи внутри

ниши почти ничего не осталось. Ее боковые стенки, видимо, были красными. Рисунок черными и красными линиями шел по темно-розовому или белому фону. Отмечена также голубая краска.

В рассматриваемых помещениях над полами залегал слой песчано-глинистых намывов толщиной в среднем 10 см. Выше лежал плотный глиняный завал с обломками обожженных кирпичей и алебастра. Он был перекрыт поздними культурными напластованиями, общими для помещений 66 и 67 (стена между ними после периода запустения была срублена на высоте около полуметра). В период повторного использования сооружения на месте рассматриваемых помещений было, очевидно, что-то вроде дворика, поверхность которого была изрыта ямами. Найдено много костей животных и рыб, золы, углей, обломков керамики (преимущественно грубой, кострового обжига). Отметим еще пряслица, каменный оселок и четыре бронзовые витые булавки с маленьким крючком на конце (две из них в обломках).

В помещении 68 при его повторном освоении тонкими кирпичными стенками была отгорожена восточная часть.

Помещения 69-76. Между южным коридором и внешней стеной Центрального массива были расположены четыре блока, каждый из которых на первом этаже состоял из двух комнат и лестничной клетки с двухмаршевой. лестницей. Разрушение южного края дворца сильно затронуло большинство помещений этого ряда, однако однотипность планировки блоков сомнения не вызывает. Поэтому, рассмотрев лучше сохранившиеся комнаты 75 и 76, мы составим представление обо всех блоках (незначительные расхождения в размерах и разное состояние раскрытых лестниц и стен можно, очевидно, при этом не отмечать).

Дверные проемы, ведущие из коридора в первые комнаты блоков, были расположены на расстоянии 8 м друг от друга. Они имели ширину около 1 м и высоту 1,6 м. Перекрытие арочное, пята свода на высоте 1,1 м. Восточная сторона прохода, имевшая длину 4 м, переходила в стену комнаты. Западная сторона имела проем для лестницы, сложенной из сырцовых кирпичей. Первый марш лестницы вел в западном направлении и поднимал на высоту 2,3 м. Ширина ступеней 0,7 м, высота и проступь - 15-17 см. С узкой (около 0,5 м) промежуточной площадки начинался второй лестничный марш, который поднимался к востоку. Ступени верхнего участка лестницы нигде не сохранились, но, очевидно, он был идентичен нижнему. В этом случае лестница выходила на высоту около 4,5 м. Каким образом и на какой высоте перекрывались лестницы, мы не знаем.

Комнаты, в которые попадали, пройдя из коридора мимо лестниц, имели площадь около 16 м^2 (4,6×3,4 м). Помещение 75 сохранилось в северо-восточном углу до высоты 2,6 м, первоначальная высота должна была достигать 4 м. Это определяется конструкцией лестниц и приблизительно совпадает с высотой комнат, расположенных около Зала с кругами и частично сохранивших своды. Остатки сводов, некогда опиравшихся на меридиональные стены, обнаружены в завалах всех комнат рассматриваемого ряда.

У восточной стены помещения 75 находилось обычное устройство для установки переносного очага или алтаря: кирпичная вымостка и неглубокая опаленная ниша со следами обрамления. Напротив в западной стене расчищена ниша, перекрывавшаяся аркой; ширина ее 2 м, глубина 0,6 м. В западной стене комнаты 75 (и комнат, идентичных ей) был проход, выводивший во второе помещение блока (76). Его ширина 2,1 м. Длину этой комнаты (а также комнат 70, 72 и 74) можно определить с полной уверенностью, хотя

южный край их не сохранился: она равна 7 м. Высота узких комнат, естественно, должна была равняться высоте соседних комнат с "каминами".

О планировке второго этажа, куда вели лестницы, можно лишь догадываться. Очевидно, и здесь четыре блока были изолированы друг от друга. Если их составляли две комнаты, они должны были повторять план нижних помещений (стенок на своды не ставили). Не исключено, однако, что верхний ярус каждого блока составляла одна большая комната с плоским перекрытием, опиравшимся на колонны.

Несколько слов об отделке рассматриваемых помещений. Во всех комнатах с "каминами" на стенах отмечены следы росписи; в узких комнатах немногочисленные фрагменты расписной штукатурки обнаружены лишь в завале, они могли попасть туда извне. В помещении по низу стен отмечена черная панель шириной 0,4 м, а выше - отдельные пятна белой, черной, красной, оранжевой и серо-голубой краски. Роспись была и в нише, в самом низу сохранились какие-то черные линии и оранжевые пятна на белой подгрунтовке. Очень интересный фрагмент обнаружен в завале. Это изображение солнечного колеса (рис. 35, 2). В центре его красно-оранжевый круг диаметром 35 см, от него отходят каплевидные лучи, заключенные в наружное кольцо. Диаметр всей символической фигуры достигал 80 см. Вероятно, первоначально она находилась на тимпане арки. Не исключено, однако, что этот обломок росписи упал со второго этажа или из Южного массива, нависающего над комнатой.

Бесспорно, в каком-то другом месте дворца первоначально находилась большая статуя, обломок которой найден в кирпичах завала посредине комнаты на 0,6 м выше пола. Это отлитая из алебастра голова, нижняя часть которой отбита (рис. 71). Повреждены шлем, нос и верхняя губа[*]. Вне всякого сомнения, статуя передавала тот же иконографический образ, что и небольшая глиняная скульптура из Зала царей (ср. рис. 64). Мы видим тот же тип шлема с массивным валиком и нащечниками, высокий воротник от доспеха, симметрично расположенные дугообразные пряди на лбу. Лицо было красным, волосы черными. На шлеме отмечены следы синей и черной краски. К особенностям, очевидно связанным с материалом и размерами большой головы, можно отнести рельефное обозначение радужины и зрачков. Расстояние между зрачками 80 мм, что примерно на $1^1/_4$ превышает натуральную величину. Исходя из этого, можно заключить, что высота статуи превышала 2 м. Трудно сомневаться, что это было изображение божества. Об этом свидетельствуют и явная условность образа, и его повторение даже в наших столь фрагментарных материалах. Не имея возможности развернуть здесь необходимую аргументацию, отметим лишь, что в этом образе, по нашему мнению, слились иконографические и функциональные черты древневосточных богинь плодородия и воительницы Афины[**].

[*] (*Характер этого скола создает ошибочное впечатление, что сбиты усы. Вероятно, на этом основании голова определялась как мужская. Размеры скульптуры, ее шлем и грозное выражение лица также способствовали такому мнению.*)

[**] (*Хорошую сводку данных об уподоблении Ардвисуры Анахиты Афине (а также Артемиде и Афродите) см. в кн.: Turcan R. Mithras platonicus. Leiden: E. J. Brill., 1975, p. 90-104.*)

Рис. 71. Помещение 75. Голова божества в шлеме. Алебастр с раскраской

Помещения южного ряда после оставления дворца повторно использовались и частично переделывались. Очевидно, к таким переделкам следует отнести устройство небольших ниш в стенах двух помещений этого ряда.

Зал с кругами (помещение 77). Большой коридор, уже рассмотренный нами, подводил к дверям самого крупного помещения Южной группы - так называемому Залу с кругами (рис. 72). Его следует рассматривать как вутренний дворик, в который открывались четыре блока, состоявшие из небольших, но, очевидно, наиболее оберегаемых помещений дворца. Основное пространство дворика - квадрат со стороной 7,6 м - было дополнено небольшим участком (пом. 77а), позволявшим попасть в трехкомнатный блок, расположенный юго-восточнее. Стены Зала с кругами сохранились на высоту от 1,75 до 3,25 м. Декоративное убранство на них несомненно требовало защиты от атмосферных осадков. Ее могли обеспечить широкие навесы, лежащие на консолях или опиравшиеся на колонны. Для перекрытия дворика достаточно двух колонн, но скорее их было четыре, что естественно для квадратного помещения с большим световым отверстием в кровле. Зал с кругами, вероятно, имел ту же высоту, что и соседние комнаты, т. е. около 5 м (см. ниже).

Рис. 72. Зал с кругами (помещение 77). Вид с востока

Помещение было украшено 13* своеобразными циркульными нишами (отсюда и его название). Их число и размещение, вероятно, продиктованы расположением дверных проемов в стенах дворика. Диаметр ниш, размечавшихся при помощи какого-то подобия циркуля (отмечено углубление в центре), 1,2-1,35 м. Середина каждого круга находится на высоте около 1,5 м над полом, т. е. лежит на уровне глаз. Ниши перспективные: переход от плоскости стены к плоскости круга дан через кольцевой уступ, прямоугольный в сечении. Его ширина и толщина 10 см. Общая глубина ниши 20 см. Раскраска уступчатого обрамления во всех нишах одинакова. Первая боковая поверхность была интенсивного красного цвета. На фасадной плоскости уступа на черном фоне размещалось кольцо из белых кругов, диаметр которых 8 см. Между ними по радиусам пары маленьких (1,5 см) белых кружочков. Боковая грань уступа красно-оранжевая.

* (*Стена к северу от входа разрушена, наличие здесь ниши устанавливается лишь по обломку циркульной рамы в завале. Таким образом, не исключено, что ниш было 12. Это могло соответствовать числу месяцев. Впрочем, год из 13 месяцев также был известен (см., например: Belardi W. Studi mithraici e mazdei, p. 121, 142, 217; также прим. 74).*)

Очень немногое можно сказать о росписи внутри ниш. Нижний сегмент круга на 25-30 см закрашен черным. Выше наносился красновато-оранжевый фон под многоцветную роспись. К большому сожалению, от нее сохранились лишь обрывки черных, зеленых и красных линий. Следует предположить, что темная краска в нижней части панно передавала земную твердь. Посредством отделения нижнего сегмента ее так иногда обозначали на вписанных в круг барельефных композициях керамических фляг. Эти большие, очевидно, ритуальные сосуды были широко распространены в Хорезме

кангюйского времени*, и возможно, именно сохранение религиозно-художественной традиции обусловило своеобразную форму рассматриваемых ниш.

* (*Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. - ТХЭ, 1959, т. IV, с. 104-109.*)

Каковы были композиции в этих кругах, можно лишь гадать. Вряд ли это были крупные изображения людей или богов (обозначать "горизонт" под ними вряд ли нужно, а оранжевый фон недостаточно контрастен для "портретов"). Возможно, роспись передавала священные растения - мотив, широко представленный на флягах. Косвенно это подтверждается следующим. В завале были найдены лишь три обломка штукатурки с опознаваемыми изобразительными элементами: небольшие черные листья; веточки, заканчивающиеся черными сердцевидными лепестками; головка птицы. Фон этих изображений белый, и вряд ли они являются фрагментами панно, однако похоже, что в росписи Зала с кругами доминировала тема растительного царства. Черные силуэты растений, видимо, поднимались примерно на 1,7 м, выше отмечены следы красной краски, нанесенной на штукатурку без алебастровой подгрунтовки. Красный пояс шириной около 0,8 м, видимо, нес какие-то несложные изображения, о которых сказать мы ничего не можем. С высоты около 2,5 м стены были окрашены черным без грунтовки. Под потолком, очевидно, шли лепные глиняные карнизы, обломки которых найдены в завале. На одном из них красные лепестки-сердечки между красной и черной линиями. На другом продольные полосы красного, оранжевого, розового, белого и черного цвета (они повторяются на двух гранях прямоугольного в сечении карниза).

Два верхних яруса росписи - черный и красный, - видимо, переходили на стены участка 77а, где круглых ниш не было. Здесь почти в натуральную величину были написаны стоящие рядом человеческие фигуры в длинных одеждах. Уцелели следы трех из них, причем лишь об одной можно сказать что-то определенное. Через левую руку женщины в красной одежде перекинут голубоватый шарф. Она держит что-то вроде плоской чаши, край которой поставлен вертикально (рис. 73, 4). Кажется, что он соприкасается с другой чашей, которую должна удерживать правая рука. Похоже, что женщина бьет в кимвалы. Как известно, этот древний музыкальный инструмент применялся почти исключительно в экстатических культах, всегда связанных с божествами умирающей и воскресающей природы.

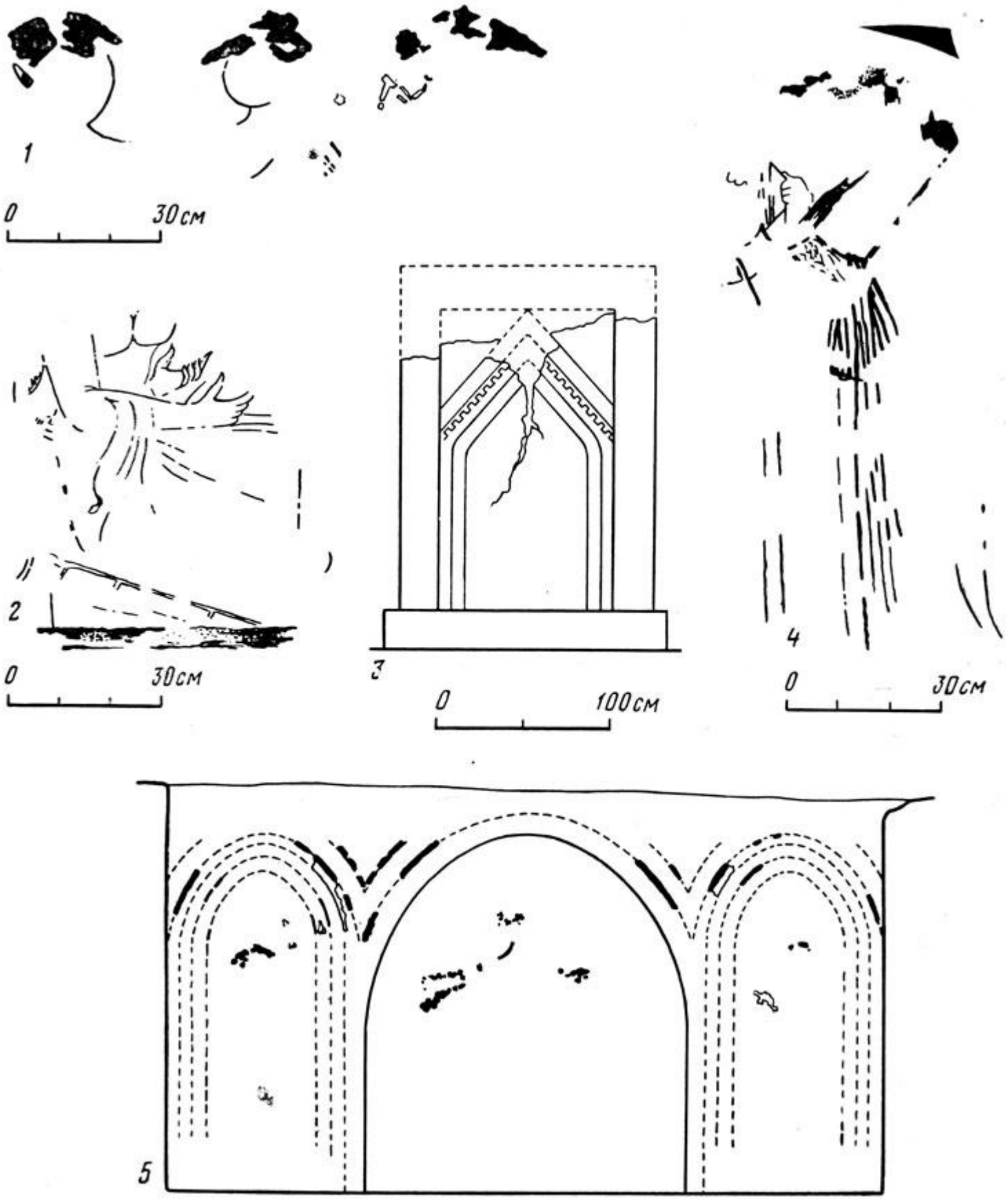

Рис. 73. Комплекс Зала с кругами: 1 - роспись западной стены помещения 78, плакальщицы; 2 - женщина, играющая на большой угловой арфе, роспись на западной стене помещения 82; 3 - пристенный алтарь в помещении 78; 4 - женщина с кимвалами, роспись на западной стене помещения 77а (айвана); 5 - роспись южной стены помещения 78

При повторном использовании помещения к его восточной стене была приложена дополнительная кладка, к моменту раскопок частично закрывавшая ниши. Примерно в центре двора (со смещением к юго-западу) в пол был врыт хум, который можно отнести к керамическому комплексу кушанского времени. В его заполнении, кроме намывов и обломков кирпичей, обнаружен бытовой мусор, очевидно сметавшийся с пола. Обращает внимание необычное обилие яичной скорлупы. С мусором в сосуд попали также маленькая золотая миндалевидная бляшка со вставочкой из альмандина и стеклянная палочка. При зачистке намывов на полу и в завале были найдены три монеты, относящиеся к чекану Васудевы (или подражаниям этому чекану)*.

* (*Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1971, табл. XXI, с. 181, № 67, 68, 71.*)

В заполнении помещения, состоящем из кирпичей рухнувших стен и намывных слоев, отмечено много обломков керамических труб.

Помещения 78 и 79. Вход в этот блок находится в северо-восточном углу Зала с кругами. Высота дверного проема 1,6 м, перекрытие его было плоским. Площадь первой комнаты 12 м^2 (4,1×2,9 м). Северная стона сохранилась на высоту 1,8 м, южная - 2,25 м. Перекрывались оба помещения сводами, остатки которых отмечены в завале. Шелыги сводов должны были находиться на высоте 4-5 м.

Посредине южной стены была расчищена ниша, имевшая арочное перекрытие. Ее ширина 1,96 м, высота 2,05 м, глубина 0,6 м. Напротив ниши у северной стены находилось устройство для установки переносного очага или жертвенника. Оно сохранилось лучше остальных 18 подобных "каминов", обнаруженных во дворце, и поэтому будет рассмотрено подробно (рис. 73, 5). В основании устройства прямоугольная вымостка, сложенная из двух слоев кирпичей; ее длина 1,6 м, ширина 0,7 м, высота 0,3 м. Над вымосткой ниша, сегментовидная в плане, ширина ее 0,7 м, высота 1,4 м, максимальное углубление в плоскость стены 17 см. До высоты 1 м края ниши поднимаются вертикально, затем переходят в двускатное завершение. Выемка покрыта несколькими слоями глиняной обмазки, которые, прокаляясь, приобретали фактуру керамики. С двух сторон ниша обрамлена глиняными лопатками, имевшими ширину 25 см и выступавшими на 14 см. Переход от фасадной плоскости этих "пилястров" к нише дан через два прямоугольных в сечении выступа (с гранями по 5-8 см). На высоте 1 м от широких боковых лопаток отходили под углом 40° налепные полосы, которые сходились над осью ниши, образуя подобие двускатного перекрытия (место соединения к моменту раскопок было уже размыто). С нижней стороны наклонных полос были даны налепные прямоугольные зубчики. Боковые лопатки поднимались по крайней мере до уровня завершения "фронтона". Вероятно, они соединялись расположенной над ним горизонтальной тягой. Высота декоративного портала вместе с вымосткой должна была достигать 2,2 м. Он был покрыт побелкой и расписан. Удалось отметить лишь красные линии, обрамляющие пилястры, и следы черной краски.

О живописи на стенах можно сказать следующее. На высоте около 2,2 м были отмечены черные геометрические орнаменты по красному фону. На южной стене это была полоса из сомкнутых колец, разделенных по диаметру горизонтальной линией; на западной стене - зигзагообразная линия. Видимо, это остатки бордюров, разделявших два яруса стенописи. Нижний ярус южной стены (судя по копии, выполненной в $^1/_9$ натуральной величины) реконструируется так (рис. 73, 5). В большой нише, несомненно, было какое-то сюжетное изображение. Сохранившиеся черные и красноватые пятна допускают предположение, что это была женщина с длинными прядями волос. Нишу окаймляла широкая серая дуга с

черной линией по контуру. По сторонам ниши такими же по цвету, но более низкими дугами были обрамлены два живописных панно. Под серыми полосами в них были еще белая и красная "арки" (на последней черным нанесено какое-то подобие остроконечных бутонов). С достаточной уверенностью можно полагать, что на каждом панно с некоторым уменьшением натуральной величины была изображена женская фигура: в левой "арке" довольно хорошо заметна характерная прическа. Фон изображения красноватый, по нему, видимо, были разбросаны цветы и листья. Тимпаны арок были закрашены красновато-оранжевым тоном и заполнены двумя сходящимися отрезками серых дугообразных линий. Какое завершение получали они, мы не знаем.

Несмотря на плохую сохранность, очень интересна роспись на западной стене, размещавшаяся южнее двери (рис. 73, 2). Три женские фигуры составляли единую группу, видимо выполненную необычайно экспрессивно для живописи Топрак-калы. Торсы женщин обнажены, волосы распущены. У крайней слева фигуры черная прядь пересечена каким-то красноватым предметом, более всего напоминающим лезвие ножа. Композиция размещена на розовато-оранжевом фоне и, видимо, замыкалась сверху уже упомянутой зигзагообразной линией, которая, к сожалению, не попала на имеющуюся копию. Трактовку сцены лучше предложить после рассмотрения всех росписей Южной группы помещений.

Помещение было заполнено довольно плотным глинистым завалом с обломками сырцовых кирпичей. На высоте около 1,5 м над полом в 0,6 м от западной стены найдена медная монета Канишки[*]. На полу находок не было. В северо-западном углу близ современной поверхности отмечены остатки позднего культурного слоя (обломки керамики, угольки, кости).

[*] (*Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М.: Наука, 1971, табл. XXI, с. 177, № 9.*)

Низкая (около 1,5 м) дверь в юго-восточном углу комнаты соединяла ее с помещением 79. Оно вытянуто с севера на юг, имея размеры 2,9×1,8 м. На стенах обмазка без следов росписи. В завале лишь несколько мелких фрагментов штукатурки с оранжевой краской. Близ западной стены в заполнении комнаты отмечено много обломков керамических труб и алебастра. На глубине 0,5 м от поверхности (высота сохранившихся стен 1,5-2 м) обнаружено незамкнутое бронзовое кольцо с парными завитками на концах.

Помещения 80 и 81. Два помещения расположены к югу от только что рассмотренных комнат и составляют блок, совершенно аналогичный по планировке и размерам. Поэтому мы лишь отметим, что "камин" в помещении 80 был довольно сильно разрушен, но стены сохранились на значительную высоту (от 2,5 до 2,9 м). Основное внимание будет уделено живописи, уцелевшей на них. Следы ее, по счастию, позволяют достоверно реконструировать основную схему декоративного убранства помещения (рис. 75).

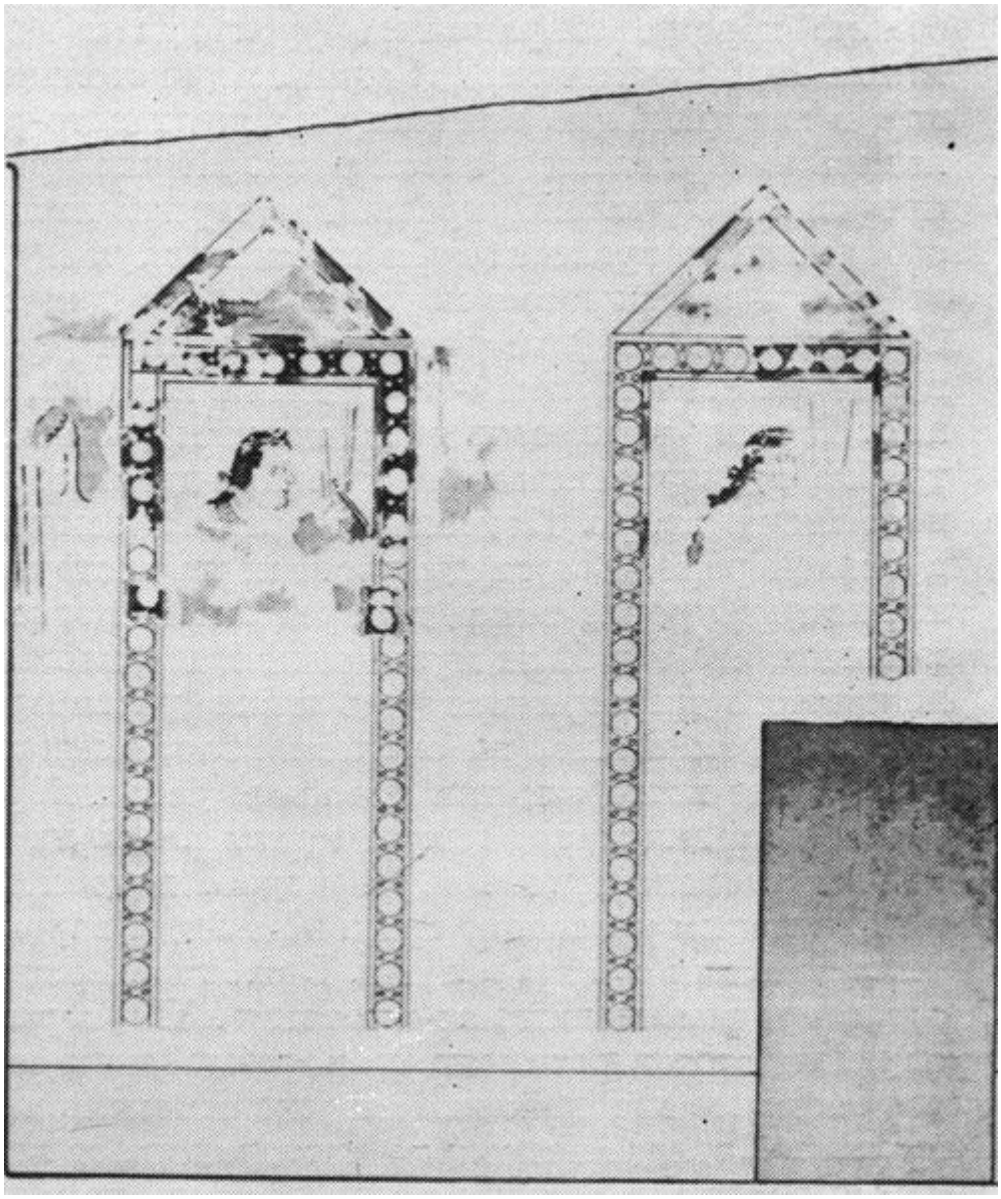

Рис. 74. Помещение 80. Роспись на восточной стене (с элементами реконструкции), слева. Сохранившиеся на месте участки росписи тонированы. Внизу справа - дверь в помещение 81

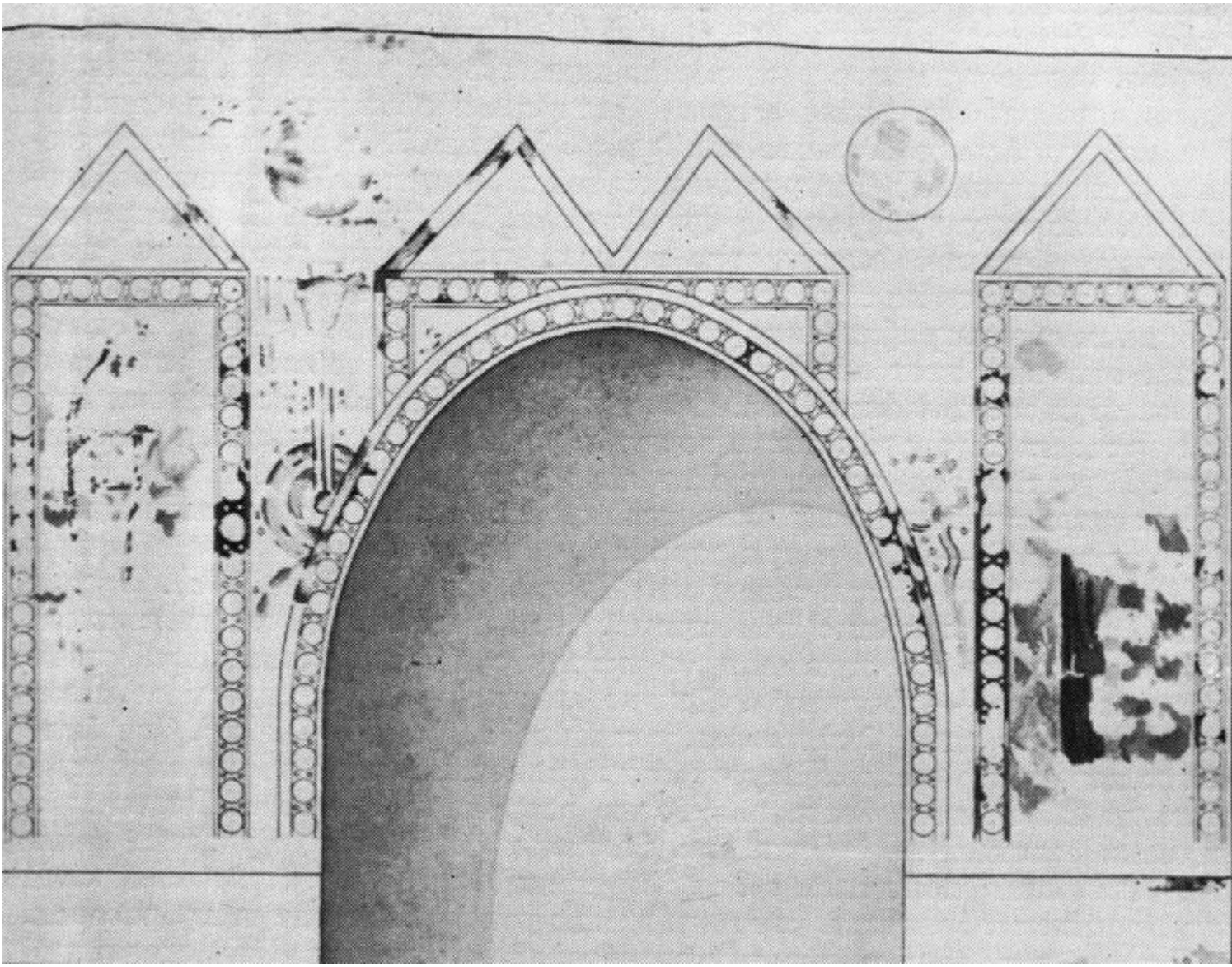

Рис. 75. Помещение 80. Роспись на южной стене (с элементами реконструкции), справа. Сохранившиеся на месте участки росписи тонированы. Роспись, которая была в центральной нише, не сохранилась

Центр всей композиции - роспись в нише южной стены - не уцелел. Арку обрамляла дуга из двух красных полос, между которыми на черном фоне были помещены светлые круги. Они были размечены циркулем и имели диаметр 7 см. На участках, разделявших большие круги, были, как обычно, поставлены пары маленьких, диаметр которых 1,5 см. Такими же орнаментальными полосами образованы прямоугольные рамы для двух панно, располагавшихся по сторонам ниши. Ширина заключенного в них пространства 0,6 м, высота 1,8 м. До самого пола панно не опускались: под ними по всем стенам шла ограниченная черной полосой синяя панель высотою 0,3 м. Над прямоугольными рамами серыми полосами были обозначены фронтоны с красными тимпанами (возможно, в них была еще какая-то роспись).

Поверх центральной части арки были написаны углы двух рам, вплотную придвинутых друг к другу и снабженных соприкасающимися фронтонами. Возможно, остальная часть того, что должна была передавать роспись в панно, мыслилась расположенной позади композиции в нише.

В боковых рамах южной стены на розовато-оранжевом фоне в натуральную величину были изображены человеческие фигуры, обращенные в трехчетвертном повороте к центральной нише. Справа от ниши сохранилась нижняя часть ярко-красной одежды с голубоватой полосой посредине. Слева - темные пряди прически и отдельные пятна краски, показывающие, что облачение этого персонажа было черным.

По два панно находилось на боковых стенах комнаты. На западной уцелел лишь низ вертикальной полосы с кругами и около этого фрагмента рамы участок темно-красного платья. На противоположной стене довольно хорошо сохранились фронтоны и верхние части рам (рис. 74). В них были заключены две одинаковые стоящие женские фигуры, переданные в натуральную величину на желтовато-розовом фоне. Лучше сохранилось изображение в левой раме. Можно проследить обращенный вправо профиль, очерченный красной и черной линиями, черные глаз и бровь, обозначенные красным губы и линию скулы (?). Длинные волосы зачесаны за ухо и опускаются на спину. Торс дан в трехчетвертном повороте. Одежда красная (или розовая с красным рисунком). Перед грудью женщины находится какой-то красный предмет, имеющий округлые очертания. К нему прилегает обозначенная двойной черной линией палка или трубка с утолщением на конце. Две двойные линии поднимаются от красного пятна вверх. Подобные же линии заметны и перед лицом женщины в правой раме. Все следы росписи на восточной стене обрывались разрушением на уровне пояса изображенных персонажей. Представляется возможным, что это были музыкантши, играющие на волынке. К этому предположению мы вернемся чуть ниже, рассмотрев изображения, размещенные вне рам панно, на светлом поле, усыпанном красными лепестками.

Прежде всего отметим довольно большой красно-оранжевый диск, который находился над левым краем ниши на высоте 2,5 м. Следы симметрично расположенной и, очевидно, подобной же фигуры были заметны и над правым тимпаном арки. Наиболее вероятно предположение, что это были символы солнца и луны. В сходной позиции они обычны в митреумах с их арочными нишами-"гротами". С уверенностью подобные символы определяются в росписях на хорезмийских оссуариях. Наконец, отчетливое солярное изображение мы уже отметили в одном из помещений Южной группы. Правда, несколько настораживает лента около левого диска, который предпочтительнее рассматривать как изображение ночного светила из-за соседства с фигурой в черном. Может быть, эта деталь показывает, что и в верхнем ярусе роспись передавала реальные предметы[*]. Тогда рассматриваемый круг лучше всего определить как бубен. Впрочем, осмысление этого изображения вполне могло быть двойным[**].

[*] (*Ср., однако: Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959, табл. XXII.*)

[**] (*Как светило может рассматриваться бубен шамана. Примечательны строки Навои: "Арфу - солнце, бубен - месяц пусть возьмет соперник твой" (Навои А. Лирика. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1941, с. 57; Навои А. Соч. в 10 томах. Т. 3. Ташкент: Фан, 1968, с. 275).*)

Левый тимпан арки заполняет роспись, передающая, по-видимому, струнный музыкальный "инструмент. Его длина около 90 см, диаметр круглого резонатора 40 см. Голубоватые кольца, возможно, изображают роспись на деке или какие-то (серебряные?) накладки на ней. Часть резонатора как бы срезана дугой арки, но несомненно домысливалась за ней. Широкий гриф проходит над верхней половиной резонатора и, как кажется, соединен с ним в центре посредством какой-то детали красного цвета. Гриф завершается массивной головкой, несколько напоминающей голову быка (впрочем, выступы, которые кажутся рогами, могут передавать просто колки). На грифе показаны три линии, возможно, таково было число струн. От головки отходит короткая черная

линия. Трудно сказать, передает она какую-то деталь инструмента или же гвоздь, на котором он подвешен[*]. Ниже рассматриваемого предмета - розовая полоса, очевидно лента, которой он украшен. Лучше лента различима справа от арки, но, к сожалению, основное изображение там не сохранилось.

[*] (*Ср.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, табл. XXVII, 5.*)

В одной из своих последних работ Р. Л. Садоков показал, что уже древние среднеазиатские лютни могли использоваться по сути дела как смычковые инструменты[*]. В этой связи возникает вопрос, не смычок ли "висит" рядом с рассматриваемым изображением, которое больше всего напоминает гиджак. Тремя тонкими линиями изображен узкий предмет длиной около полуметра. Одна из линий, более короткая, чем две другие, несколько отстоит от них и примыкает к короткому волнистому отрезку; не исключено, что так переданы ненатянутая волосяная струна смычка и его трость. Если наши догадки правильны, роспись из помещения 80 имеет большое значение для истории музыкальных инструментов.

[*] (*Садоков Р. Л. Древние среднеазиатские лютни с фрикционным способом звукоизвлечения. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 143-147. О гипотезе немецкого ученого В. Бахмана относительно среднеазиатского происхождения смычковых инструментов см. в кн.: Музыка народов Азии и Африки. М.: Сов. композитор, 1973, вып. 2, с. 349-373. К большому сожалению, материалы из помещения 80 оказались вне поля зрения Р. Л. Садокова. Мы же долгое время пытались найти рассматриваемым атрибутам иное, чем сейчас, истолкование. Ср. Рапопорт Ю. А. Музыкальные инструменты в настенных росписях Топрак-калы. - В кн.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа... М.: Наука, 1981, с. 130.*)

Вернемся к росписи на восточной стене. Между углом комнаты и левым панно помещено изображение, долгое время не поддававшееся сколько-нибудь приемлемому осмыслению. Оно выглядит как часть мягко свисающего мешка с отходящим от него гофрированным отростком. Все это обозначено черным контуром и закрашено красноватым тоном. От отростка опускаются три черных линии, длина которых около 50 см. Пространство между ними не тонировано, что, очевидно, указывает на иной материал, чем у "мешка". Мне кажется, что перед нами изображение волынки. "Мешок" - ее мех, отросток - перевязанный патрубок для соединения с двумя басовыми трубками, которые и обозначены длинными черными линиями. Еще одна линия, короткая и чуть загнутая, может передавать игральную трубку. В своей сохранившейся части рассматриваемое изображение хорошо сопоставимо с наиболее распространенным типом волынок.

Что же касается предмета перед дамой на соседнем панно, то, видимо, это сходный музыкальный инструмент, но переданный в момент игры на нем, когда мех заполнен воздухом. Не исключено, впрочем, что показана разновидность волынки - губной орган ("шэн"), подобный изображенному на серебряном сосуде сасанидского времени из музея в Тегеране[*]. Еще один предмет, размещенный между двумя рамами на восточной стене, почти неразличим. Сбоку его ограничивает какое-то подобие колонки. В нижней части от нее к середине предмета намечается скругление, переданное двумя линиями. Не исключено, что была изображена большая (около полуметра высотой) кифара.

[*] (*Ghirshman R. Argenterie d'un seigneur sassanide. - Ars Orientalis, 1957, v. 2, p. 77-82; idem. Iran. Parthes et Sassanides, pl. 257.*)

О росписи на северной стене по сторонам "камина" ничего определенного сказать нельзя.

В юго-восточном углу помещения находился вход в маленькую комнату 81. Обращают внимание два обстоятельства: проход чрезвычайно низок (1,1 м), даже если учитывать возможность просадки плоского перекрытия; дверной проем приходится на место нижней четверти правого панно восточной стены. Если бы мы не знали (хотя бы по южной стене той же комнаты), что изобразительные мотивы могли прерываться архитектурными конструкциями, очень соблазнительным было такое предположение: вход-лаз был сразу замурован и покрыт штукатуркой, на которую легла роспись.

Наибольшая высота сохранившейся стены помещения 81 - 3,2 м. На стенах отмечена лишь грубая глиняная обмазка, насыщенная соломой. Лишь отдельные кусочки с росписью попадались в завале. Таким образом, и здесь остается открытым вопрос, были ли первоначально расписаны малые камеры блоков Южного комплекса. У южной стены комнаты отмечена кладка шириной в 1 кирпич и высотой в 3 кирпича (поверхности разрушены), в которую упирался дверной проем. Пол размыт. Следы кратковременного обитания были только на намывах, перестилающих слои завала. Хорошо сохранились кирпичи рухнувшего свода.

Сходная стратиграфия была зафиксирована и в помещении 80. Здесь, правда, отмечено несколько необгорелых костей на выкладке камина и черепки двух сосудов около нее. Посредине комнаты был положен кирпич, на поверхности которого остатки горения, рядом немного костей и обломки сосуда. Вероятно, эти находки связаны с периодом запустения. Они могут рассматриваться как скромные приношения в покинутое святилище.

Помещения 82-84. Эти три комнаты составляют не совсем обычный блок, который был связан с лоджией Зала с кругами (пом. 77а). Первая из них, как и остальные помещения, непосредственно соединяющиеся с двориком, имела арочную нишу и "камин" у противоположной ей стены (в данном случае - западной). Однако площадь рассматриваемого помещения примерно вдвое больше, чем у комнат 78, 80 и 85 - 24 м^2. Оно было некогда перекрыто сводом. Вертикальная поверхность стен местами сохранилась на 2,5 м, но роспись полностью разрушена и смыта. Исключение составлял великолепный фрагмент, несколько сползший с участка стены между "камином" и выходом в Зал с кругами (рис. 73, 2). Красочный слой и этой росписи в основном утрачен, до нас дошли следы двух прорисовок. Первая из них дана легкими красноватыми линиями. Это сделанный с большим мастерством предварительный набросок. Он был перекрыт очень тонким, просвечивающим слоем алебастрового грунта, по которому наносились раскраска и черный контур, пострадавший более всего. Как кажется, он почти точно повторял нижележащий красный рисунок, дополняя его некоторыми важными деталями, потом утраченными. Это отчасти объясняет, почему этому прекрасному изображению сразу не было дано предлагаемое здесь истолкование.

На розовом фоне в натуральную величину была изображена женская фигура, повернутая в три четверти вправо. В том же повороте, очевидно, была дана голова, которая не сохранилась. Снизу роспись ограничена черной горизонтальной полосой, проходящей примерно на 40 см ниже талии фигуры. Наряду со следами контура спины и бедер это указывает, что женщина была изображена сидящей. Видимо, она сидит на подогнутой правой ноге, а левая, согнутая в колене, выставлена вперед. Торс молодой женщины был обнажен или укрыт прозрачной тканью. Через локоть правой руки перекинут шарф. Кисти рук находятся на уровне пояса перед корпусом. Положение изящно прорисованных пальцев полностью соответствует тому, которое показано на известном изображении арфистки (см. рис. 81). Как оказалось, это не случайно. Некоторые

детали превосходной копии росписи* убеждают нас, что и в помещении 82 была изображена музыкантша. Однако ее инструмент относится к редкому и древнему типу больших угловых арф, и, соответственно, не вполне привычно для нас положение исполнителя по отношению к нему.

* (*Она выполнена в 1948 г. Б. В. Андриановым.*)

Над черной полосой заметен набросок, передающий трубу или сужающуюся к переднему концу палку. Эта деталь перехвачена несколькими поясками, в которых без особых сомнений можно видеть навязку струн. Перед фигурой уцелел участок энергично проведенной черной линии, продолжив которую мы получаем острый угол с трубообразной деталью и прямой угол - с горизонтальной черной полосой. Все это следы двух главных элементов угловой арфы - струнодержателя и резонатора. Скорее всего перед арфисткой была вертикальная колонка струнодержателя, а резонатор лежал на земле*. Следует заметить, что угол между горизонтальной панелью и нижней деталью арфы был закрашен красной краской и ограничен вертикальной линией. Вероятно, так передана не подставка, а часть самого резонатора. Сохранилось лишь два-три мазка, которые можно отнести к струнам. Это, видимо, объясняется тем, что мастер, делавший красный набросок, не тратил времени на эту простую деталь, а черная прорисовка, как сказано, почти бесследно утрачена. Однако, реконструируя направление струн по их уцелевшим обозначениям, мы получаем полное соответствие расположению пальцев. Примечательно, что фигура арфистки, располагавшаяся рядом с "камином", изображена отвернувшейся от него. Это показывает, что композиционным центром всей стенописи комнаты была арочная ниша; возможно, именно в честь изображения, находившегося в ней, возжигался жертвенник на вымостке перед порталом, порой раздавалась музыка, постоянно и беззвучно играли музыканты, запечатленные на стенах.

* (*Ср. подобное взаиморасположение струнодержателя и резонатора у некоторых ассирийских и сасанидских арф (Assirische Palastreliefs. Praha: Artia, o, d., tabl. 98; Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides, fig. 236, 270).*)

Помещение было заполнено тяжелым завалом свода и верхней части стен. В нем попадалось много обломков обожженного кирпича, алебастра и керамических труб. Видимо, это рухнул участок составной трубы в северо-западной части комнаты.

Очень интересен рисунок, неожиданно обнаруженный на одной из стандартных труб. Не слишком умело, но выразительно черной краской показана мужская фигура в профиль влево. Голова крупная, со скошенным лбом и уплощенным затылком. Человек одет в низко подпоясанный кафтан. Изображение заключено в двойную прямоугольную (19×9 см) рамку с арочкой наверху. В этой детали несомненно сказывается подражание тем торжественным панно, которыми украшались стены дворцовых помещений. Создается впечатление, что один из работников, сооружавших дренаж, изобразил в карикатурном виде какого-то напыщенного своего начальника. Особенно забавна фигурка, которая дана с сильным искажением пропорций.

В кладку северной стены комнаты при строительстве была введена панель из обожженных кирпичей на алебастровом растворе. Позднее к западной стене была приложена кладка из сырца и заложена ниша в восточной стене.

Комната 83 по своему расположению соответствует вторым камерам в остальных блоках Южного комплекса, но значительно длиннее их (6,1×1,4 м). Особенностью этой камеры является также арочная ниша в восточной стене. Ширина ее 2,25 м, высота 2 м,

глубина 0,8 м. Дно ниши на 12 см приподнято над полом. Стены помещения в юго-восточном углу сохранились на высоту 5,8 м. Пол был образован двумя слоями глиняной плотной обмазки (по 10 см). Никаких следов обитания на нем не было. На северной и восточной стенах отмечена хорошая глиняная штукатурка без малейших следов росписи. Ниша в восточной стене была заложена. Сырцовой кладкой закрыт со стороны комнаты и дверной проем с арочным перекрытием; сверху закладка была разрушена. На полу лежали кирпичи рухнувшего или срубленного свода. Поверх них на 3 м помещение, очевидно преднамеренно, было забито плотной однородной глиной. Выше до 5,2 м шел глиняный завал с обломками обожженных кирпичей. Его перекрывали намывы со следами обитания. Вполне возможно, что от использования помещения 83 отказались очень рано в связи с пристройкой Южного массива. Не исключено, что над заложенной комнатой был устроен подъем на верхнюю площадку "башни".

Помещение 84 - третья комната в рассматриваемом своеобразном блоке. Площадь ее около 10 м^2. Свод частично сохранился на месте. Его пята отмечена на западной и восточной стенах на высоте 2,5 м от пола. Над пятой дуга свода прослеживалась около южной стены еще на 2 м, причем замковый участок был разрушен. Таким образом, высота помещения приближалась к 5 м.

У западной стены зафиксированы остатки неглубокой округленной в плане ниши с массивными обрамляющими выступами. Все это было сильно разрушено, но, видимо, и первоначально несколько отличалось от обычных "каминов". Ширина ниши 80 см, глубина 25 см. Выступает обрамление на 40 см, причем стороны его, прилегающие к нише, прямые а наружные раскрепованы. Ширина каждой лопатки 85 см. Неясно, была ли перед нишей обычная открытая вымостка (на схематическом чертеже показана пунктиром лишь прямая линия, соединяющая выступы обрамления). Необычно, что в полевом дневнике не отмечена опаленность ниши. В комнате не обнаружена арка, обычно противолежащая "камину", но это может объясняться сильным разрушением восточной стены[*].

[*] (*Может быть, "камин" в комнате 84 и ниша в комнате 83 составляли обычную для Южного комплекса пару культовых конструкций, по какой-то причине разнесенных по разным помещениям блока.*)

При расчистке северо-восточного угла помещения встречена керамическая труба, стоявшая вертикально и заглубленная в верхнюю часть стены. Это единственный отрезок составной трубы, уцелевший на месте во внутренних помещениях. Несколько ниже будет сказано о сходной по конструкции водоотводной системе у края дворца. В рассматриваемом же случае есть основание усомниться, что здесь был водоотвод. Под трубой был значительный участок разрушения, но внизу, где примерно на метр кирпичи сохранились хорошо, никаких следов ее не оказалось (хотя, казалось бы, водосток должен был уйти в глубь платформы). Это наводит на мысль, что в некоторых случаях керамические трубы могли составлять вентиляционные каналы, дымоходы и т. п.[*]

[*] (*Не исключено, что подобные устройства имели какую-то связь с культом, обеспечивая связь помещения с внешним миром. Через них запахи жертвоприношений устремлялись к небесам. Как известно, "внимание" богов и духов особенно часто стремились привлечь именно запахами, иногда приятными или аппетитными, порой крайне резкими. Вот состав смеси, сжигаемой парсами в честь Митры: жир, шерсть, обрезки рогов, ароматические травы. Возможны также сопоставления с отверстиями (не функциональными) в костехранилищах-оссуариях.*)

По низу южной стены комнаты и в дверном проеме шла панель из обожженных кирпичей.

Помещение было расписано, но на стенах уцелели лишь участки алебастрового грунта, а в завале - очень мелкие фрагменты с обычной гаммой красок.

Отмечены следы деревянных подпорок, поставленных под осевшее перекрытие двери.

Помещения 85-87. Первая из трех комнат имеет обычные размеры (12 $м^2$) и устройство. Пяты свода, отмеченные на восточной и западной стенах, находились на высоте 2,8 м от пола. Кирпичи свода, имевшие наклон к южной стене, сохранились в кладке на двух участках - в юго-восточном и юго-западном углах комнаты. Южная стена уцелела на высоту 3,4 м, северная - 3 м. Посредине восточной стены была перекрытая аркой ниша, имевшая высоту и ширину 2 м при глубине 0,6 м. Напротив в западной стене - очажная ниша с вымосткой перед ней. Размеры последней 1,5×0,7×0,3 м. Ниша углублена в стену на 10 см, ширина ее 0,75 м, высота над вымосткой 1,65 м. Устройство декоративного портала, обрамлявшего нишу, было таким же, как в помещении 78 (включая двускатное перекрытие), но сохранность его хуже.

Стены комнаты были покрыты росписью. Схема ее компановки нам уже знакома: внизу голубая панель с черной отбивкой, над ней парные панно по сторонам "камина" и арочной ниши, а также, видимо, на торцовых стенах (следы двух рам отмечены на северной стене). Выше панно (с уровня 2,3 м) проходил черный фриз шириною не менее полуметра. Роспись по этой полосе сохранилась на небольшом участке северной стены; это был фестон (или часть круга), образованный цепочкой небольших красных дисков. Об оформлении свода и торцовых стен выше фриза мы ничего не знаем.

Обрамление панно (сохранились лишь вертикальные отрезки) было образовано двумя красными линиями и голубой полосой на белом фоне между ними; по оси рамы проходила синяя линия. Арочная ниша также была обведена декоративной полосой. По ее внутренней дуге на белом фоне располагались красные кружки, на внешней дуге, ограниченной красной и синей линиями, были нанесены красные и черные скобочки, видимо создававшие иллюзию витого жгута.

Помещение 85 - единственное во дворце, где в большой арочной нише роспись уцелела настолько, что можно высказать определенные соображения относительно ее содержания. В левой стороне композиции в натуральную величину дана женская фигура. Она обернута почти в профиль вправо и одета в длинное черное платье с красной вертикальной полосой посредине и такой же каймой по подолу. Любопытно, что шлейф платья переходил на боковую стенку ниши, покрытую красным тоном. Похоже, что женщина была передана в движении, с руками, протянутыми вперед или вверх. Низ фигуры (сохранившейся примерно по грудь) пересекает широкую красно-оранжевую полосу, очевидно передающую какое-то возвышение, перед которым находится женщина (рис. 76).

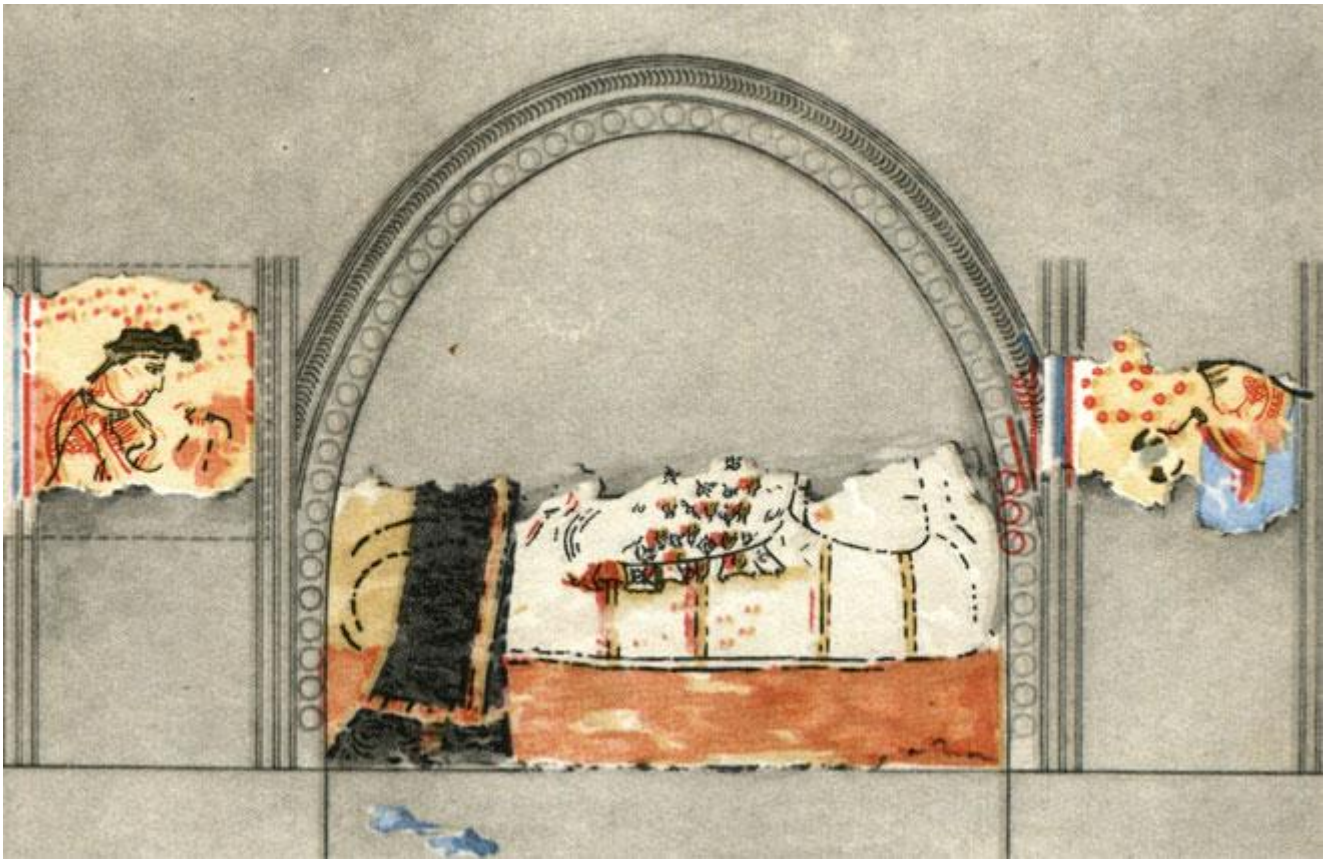

Рис. 76. Таблица IV. Помещение 85. Роспись восточной стены (с элементами реконструкции). Левее арки в пунктирной отбивке помещено изображение с западной стены

На возвышении стоит большой, во всю ширину ниши предмет, контуры которого показаны черными линиями. Позади фигуры в черном виден скругленный конец этого изделия, высота его здесь 40 см. С противоположной стороны она больше - до 70 см. Хотя верхний контур значительно разрушен, достаточно ясно, что изображен предмет, имеющий плоское дно и наклонную поверхность, которая опускаясь от правого уплощенного торца, переходит в округлую стенку слева. Таким образом, перед нами нечто, весьма напоминающее саркофаг. Ряд деталей росписи убеждает нас, что в нише действительно был изображен саркофаг "туфлеобразной" формы[*], характерной для керамических парфянских гробов, находимых главным образом в Двуречье. В их головной части сверху делали большое отверстие, которое закрывали крышкой. Контур такого отверстия хорошо заметен на росписи. Стенки туфлеобразных саркофагов часто бывают украшены рельефными полосами, между которыми размещаются различные изображения и орнаменты. Декоративное значение имели, очевидно, и красные полосы, опоясывающие в нескольких местах предмет на рассматриваемой композиции. Придав им известное искривление у края, художник показал близкую к конической форму гроба. Его стенки окрашены в белый цвет. По этому фону нанесен излюбленный хорезмийскими художниками мотив лепестков розы[**]. На гроб наброшена белая ткань, отделанная по краю рюшами и покрытая цветочным орнаментом (в шахматном порядке размещены розетты и красные "тюльпаны"). Складки на ткани показывают, что покров резко сдвинут и поэтому открылось отверстие в саркофаге. Можно думать, что композиция передавала какую-то достаточно динамичную сцену, связанную с открытием гроба, может быть, эпизод мифа осирического плана, повествующий об исчезновении священных останков.

[*] (*Slipper-shaped, pantoffelsarge. Подробнее см.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии..., с. 16, 95. Там же литература вопроса.*)

** (*Вне зависимости от трактовки сцены следует предположить, что художник передал известный ему тип саркофага. Можно думать, что это было большое керамическое изделие. Глиняный гроб с богатым захоронением fдействительно найден в Хорезме (см.: Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: ФАН, 1970, с. 57-59). Ряд хорезмийских оссуариев подражает форме туфлеобразных саркофагов (Рапопорт Ю. А. Из истории религии..., с. 95). Известны керамические костехранилища, покрытые алебастровой обмазкой, на которой была дана роспись.*)

На росписи, расположенной справа от арочной ниши, была изображена женщина в голубом платье с красной отделкой по вороту и средней линии. В ушах серьги с подвесками, на груди и шее два ряда бус. Перед женщиной хорошо заметен наклоненный черный сосуд с шаровидным туловом и высокой узкой шейкой. Нижняя часть росписи разрушена. Поскольку голова находится на высоте 1,2 м от нижней панели, возможно, что женщина была изображена сидящей. Это тем более вероятно, что фигура сдвинута к краю панно.

Живопись слева от арки почти не сохранилась. Однако и здесь зафиксировано изображение сосуда, правда иного типа, чем справа. Он имел форму греческого кофона. Эти плоскодонные чашки с невысокими выпуклыми стенками, верхние края которых сильно загибались внутрь сосуда, служили светильниками или вместилищами краски при работе живописца.

На западной стене комнаты левее "камина" находилось панно с женским изображением, которое неоднократно воспроизводилось, иногда под названием "червонная дама"*, что обусловлено мотивом лепестков-сердечек, заполнявших розовато-оранжевый фон. Голова показана в профиль вправо (рис. 77). Черные волосы, нависающие надо лбом, были перехвачены повязкой. Видна большая серьга с подвесками. На женщине, корпус которой повернут в три четверти, белое платье, необычайно богато отделанное красной вышивкой. Сохранившаяся верхняя часть правой руки опущена. Кисть левой руки поднята к правому плечу. Между большим и указательным пальцами пропущена нить. Один конец ее уходит вниз, другой тянется к какому-то предмету, показанному перед женщиной на уровне ее левого плеча. Эта деталь росписи сохранилась плохо; видимо, это был неправильный овал, как бы насаженный на стержень снизу. "Овал" пересечен несколькими красными и черными штрихами, такими же, как нити. Весьма вероятно, что это пучок пряжи на поддержке (гребне, лопате), из которого вытягиваются волокна или ровница. Хорошо показан обычный прием их предварительного ссучивания левой рукой. На правой руке при этом должно висеть веретено. Однако возможно, что нить на росписи оборвана: как будто заметен ее конец с тремя разошедшимися волоконцами. Как бы то ни было, трудно сомневаться, что мы видим изображение пряхи. Ее появление в стенописи, имевшей в своем фокусе саркофаг, хорошо объяснимо, если вспомнить о Мойрах, которые пряли и перерезали нить жизни. Весьма вероятно, что справа от алтаря-"камина" восседала вторая из владычиц человеческой судьбы, но здесь стена разрушена**. Следует добавить, что в верованиях хорезмийцев мог существовать образ пряхи - вершительницы судьбы, независимый от эллинистической традиции***.

* (*На цветном рис. 76 эта роспись помещена (в пунктирной отбивке) левее арки, т. е. на месте панно, от которого сохранилось лишь изображение кофона. Мы пошли на это, чтобы, не увеличивая число цветных иллюстраций, воспроизвести роспись. Кроме того, так лучше можно показать принцип построения стенописи.*)

** (*Как известно, наряду с образами трех небесных прях достаточно распространены (особенно в погребальной символике) представления о паре таких богинь. Платон рисует их сидящими на высоких стульях, в белых одеждах, с венками на голове. Они поют под музыку небесных сфер.*)

*** (*См.: Литвинский Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев. - В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. (История и культура). М.: Наука, 1981, с. 116. О двух богинях нижнего мира, прядущих нить жизни хеттского царя, см.: Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: Наука, 1982, с. 88, 107, 212.*)

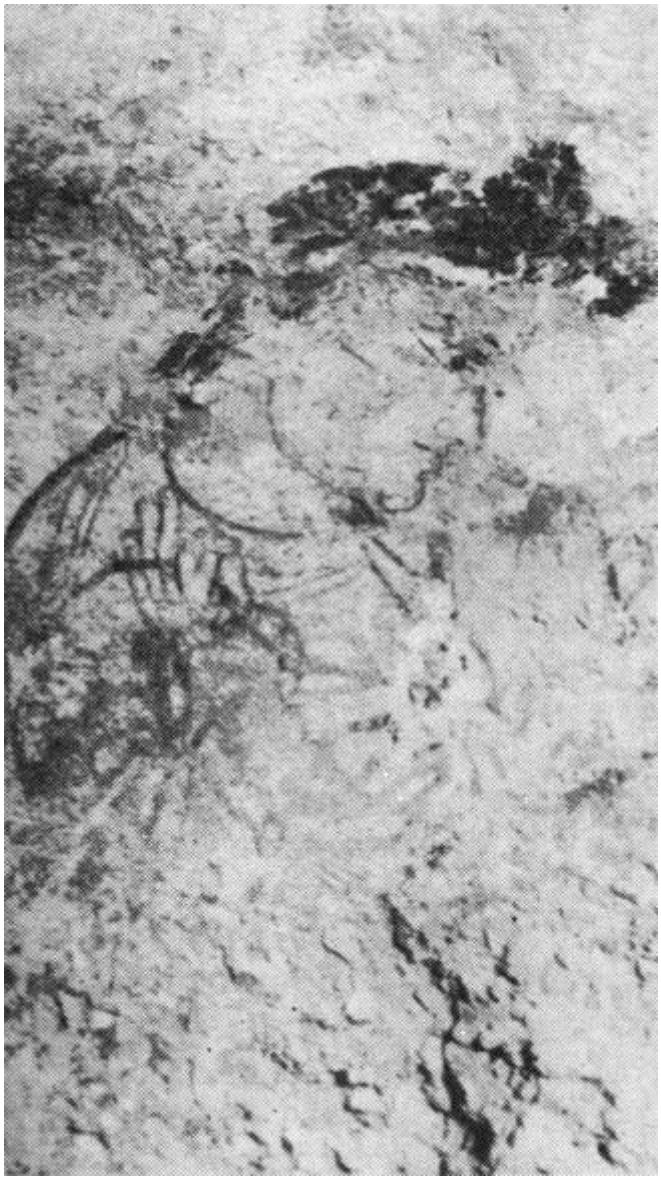

Рис. 77. Женщина с нитью ('пряха'). Роспись на западной стене помещения 85

На хорошо сохранившемся полу помещения 85 культурного слоя не было. Заполнение до уровня 1,5 м от пола составлял завал свода и стен. Над ним был слой намыва, достигавший полуметровой толщины. По намыву отмечены следы позднего обитания. Выше чередовались завалы и наносы.

Помещение 86 - маленький тамбур между двумя комнатами блока. Он был перекрыт сводом, пята которого находилась на высоте 3,5 м (на южной и северной стенах), а замок - на высоте 4,1 м. Стены сильно разрушены, на них прослеживались слабые следы росписи. На 2,5 м помещение заполнял слоистый глинисто-песчаный намыв, поверх которого лег рухнувший свод. В намывных слоях в разном уровне были обнаружены обломки человеческого черепа и несколько длинных костей. Все это, несомненно, остатки разрушенного захоронения, первоначальное местонахождение которого, к сожалению, определить не удалось. Внутри сводчатого дверного проема между помещениями 86 и 87 (высота его 1,5 м) было обнаружено днище хума.

Помещение 87 имеет длину 7,2 м при ширине 1,5 м. Сильно размытые стены сохранились на высоту до 4 м. Пята свода отмечена на высоте 3,3 м. Пол был размыт, и никакого археологического материала на нем не обнаружено. Значительная часть помещения в какой-то момент была отгорожена массивной кладкой, сохранившейся на высоту 0,7 м. Толщина перегородки, в которой нет прохода, - 1,6 м. Назначение ее неясно. Не исключено, что так было изолировано захоронение, остатки которого найдены в соседнем тамбуре.

Что же такое Южная группа помещений? С. П. Толстов условно называл ее "комплекс гарема". Очень многое свидетельствовало в пользу такой трактовки: удаленность от входа и почти полная изоляция от остальной части дворца; однотипность небольших блоков, группирующихся вдоль коридора и вокруг внутреннего дворика; очажные ниши в комнатах и, наконец, образы молодых женщин на их стенах.

По-новому взглянуть на Южный комплекс заставило изображение саркофага в комнате 85. Следует сказать, что "опознание" его на копии росписи нас отнюдь не обрадовало. В первом варианте этой книги была даже сделана попытка, не отказываясь от прежней трактовки, так объяснить появление в гареме столь неподходящего сюжета: блок комнат 85-87 принадлежал вдовствующей царице, которая сей мрачной картиной демонстрировала готовность последовать за умершим. Натянутость такого предположения очевидна.

За одним упрямым фактом появились другие. Три полуобнаженные женщины в стенописи комнаты 78 могли быть приняты, допустим, за танцовщиц. Но их не принято на Востоке изображать с распущенными волосами, к тому же одна из женщин, очевидно, отрезает ножом свою прядь. Это достаточно известное проявление скорби, отраженное, в частности, в знаменитой сцене оплакивания из Пенджикента. Плакальщицы - очень древний и распространенный сюжет в культовой живописи, и фигуры их как нельзя более уместны близ саркофага.

Музыка могла звучать и в гареме и в святилищах. Но один из изображенных инструментов - кимвалы - характерный атрибут экстатических культов, всегда тесно связанных с образами умирающих и воскресающих божеств. Лишь в позднем Риме кимвалы пришли от мистов к актерам.

Взятое само по себе изображение женщины с наклоненным узкогорлым сосудом вполне могло относиться к гаремному быту. Рядом с саркофагом оно, естественно, приобретает культовый смысл: это жертвенное возлияние. Светильник ("кофон") также легко находит объяснение в культе умерших. Мы уже упомянули о Мойрах в связи с образом пряхи.

Наконец, слишком значительными для росписи гарема кажутся символы небесных светил.

Особенно важное значение для рассматриваемого вопроса имеет трактовка очажных ниш. Вполне очевидно, что в зимние дни (в Хорезме они достаточно суровы) жилые комнаты должны были обогреваться. Можно допустить поэтому, что интересующие нас вымостки предназначались для установки жаровен с углями (интенсивное и длительное горение непосредственно на кирпичах в данном случае исключено). Тогда жаровни приходилось поднимать на высоту многоэтажного дома, поскольку ничего похожего на место получения жара во дворце нет, да, пожалуй, и быть не могло.

Но дело даже не в этом. Еще во время раскопок дворца в некоторых полевых дневниках рассматриваемые устройства называли алтарями. В связи с соответствующими материалами из Пенджикента В. Л. Воронина предположила, что и на Топрак-кале были обнаружены пристенные алтари[*]. Подобным же образом мы определяли кирпичные выкладки перед нишами во дворце Калалы-гыра 1 (V-IV вв. до н. э.)[**] и в здании на Гяур-кале (около рубежа н. э.)[***]. Есть все основания поставить топраккалинские "камины" в тот же ряд, и тогда наметится определенная тенденция в развитии хорезмских алтарей этого типа: подиум для вместилища огня делается ниже, а ниша получает весьма разработанное архитектурное обрамление. Действительно, высота подиума на Калалы-гыре 1 - около метра, ниша над ним, видимо, мало отличалась от углублений для живописных панно в том же святилище[****]; выкладка на Гяур-кале имеет высоту 0,6 м, перспективная ниша получила выступающее из плоскости стены обрамление; на Топрак-кале мы видим большой декоративный портал, перед которым вымостка выглядит как невысокая ступень. Повторим, что высота "порталов" в небольших помещениях Южной группы была не менее 2,3 м (т. е. больше, чем у двери современной комнаты), а в залах 26 и 29 (при сохранении тех же пропорций) могла достигать 3,0-3,5 м. Трудно думать, что так внушительно оформлялось место для отопительной жаровни. Итак, многое свидетельствует, что "камины" высокого дворца Топрак-калы - это алтари или, если говорить точно, места установки каких-то переносных очагов с огнями, возжигавшимися в честь богов или духов и, вероятно, для жертвоприношений им.

[*] (*Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджнкента. - МИА, 1964, № 124, с. 71. Ср. также: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия. М.: Наука, 1977, с. 196-198; РаспоповаВ. И. Помещения с очагом-алтарем в древнем Пенджикенте. - В кн.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа..., с. 132.*)

[**] (*Рапопорт Ю. А., Лапирое-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания..., с. 147. Высокая ступенчатая выкладка у восточной стены помещения 8 очень похожа на каменный подиум для священного огня в целле храма в Персеполе (Ср. Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L., 1941, tabl. 85). См. Рапопорт Ю. А. Комната с алтарем во дворце на городище Калилы-гыр I. - В кн.: Археология и нумизматика Средней Азии. Душанбе (в печати).*)

[***] (*Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала, с. 328, рис. 8. Предложенную в этой статье датировку памятника, очевидно, следует удревнить (ср.: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана, с. 67).*)

[****] (*Все ниши в помещении 8 были сильно разрушены, а ниша-экран к тому же пробита позднейшим оссуарным захоронением. С достаточной уверенностью можно реконструировать лишь так называемый перспективный тип ниш.*)

Рассмотренные нами росписи указывают на связь культа с представлениями о смерти и воскрешении. Не исключено, что Южная группа помещений предназначалась для цикла каких-то мистериальных обрядов. Однако легче всего объяснить устройство и большое число однотипных маленьких святилищ, исходя из предположения, что они предназначались для заупокойного культа нескольких царей Хорезма.

Очень заманчиво было бы считать четыре блока с лестницами жилищами жрецов или жриц четырех святилищ, объединенных Залом с кругами. Однако легче объяснить наличие лестницы в святилище (например, многочисленными свидетельствами о жертвоприношениях и молениях на крышах, чем одинаковое устройство жилья и "часовни". Приходится в таком случае констатировать, что в Южной группе десять святилищ и столько же алтарей. Число это не сакральное. Связать его с какой-нибудь определенной группой божеств зороастрийского пантеона или календарем нам не удалось.

Некоторые наблюдения, отмеченные выше, даже можно истолковать в пользу мнения, что в узких сводчатых камерах некогда находились сами захоронения. Но более вероятным представляется другое предположение.

Учреждение и поддержание "огней" в честь умерших, совершение в течение длительного времени многих заупокойных обрядов (в том числе связанных с огнем) - все это четко фиксируется и старыми текстами, и этнографическими наблюдениями среди современных зороастрийцев[*]. Их весьма скромные храмы, следуя традиции, уходящей в глубь веков, имеют, как правило, два помещения. В одном из них (adurian), темном и удаленном от входа, хранят тлеющий в сосуде священный огонь; во второе выносят отпочкованное от него пламя, чтобы на время разжечь его на алтаре и совершить жертвоприношение (иногда умершим)[**]. Именно подобные две функции, как кажется, могли иметь сдвоенные помещения в святилищах топраккалинского дворца[***].

[*] (*Boyce M. The Pious Foundations of the Zoroastrians. - BSOAS, L., 1968, v. 30, pt. 2, p. 52; Gropp G. Die Funktion der Feuertemples der Zoroastrier. - Archeologische Mitteilungen aus Iran, n. F, 1969, Bd. 2, S. 149.*)

[**] (*Boyce M. Atas-zohr and Ab-zohr. - Journal of the Royal Asiatic Society, 1966, pt. 3-4, p. 100-118.*)

[***] (*Ср.: Вишневская О. А., Рапопорт Ю. А. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979, с. 105 и сл.*)

Комната для жертвоприношений у современных огнепоклонников имеет два названия: mihrab и dare mehr[*]. Последний из этих терминов Г. Гропп переводит как "дом Митры" (Haus des Mithra)[**], возможен перевод "врата Митры". Не исключено, что археологические материалы проливают определенный свет на происхождение и взаимосвязь обоих названий. В какой-то мере и они в свою очередь подкрепляют предложенную нами трактовку помещений с пристенными алтарями. Их форма допускает сравнение с так называемыми "воротами бога" - священными нишами, известными у народов Переднего Востока с глубокой древности[***]. Весьма возможно, что у среднеазиатских зороастрийцев огонь на алтаре перед порталом рассматривался как божество, явившееся из своих врат. Тогда святилища, подобные рассмотренным, могли носить название "двери Митры", которое и было сохранено в храмах зардошти, где алтарей-"ворот" теперь нет.

[*] (*Boyce M. The Fire-temples of Kerman, p. 51.*)

[**] (*Gropp G. Die Funktion..., S. 172.*)

[***] (*Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М.: Изд-во вост. лит., 1959, с. 208, 221-225. Наиболее известная "дверь бога" в скале около Вана имеет этнографическое название "дверь Мхера" (т. е. Митры).*)

Уже было высказано мение, что пристенные алтари, целая серия которых обнаружена раскопками в Средней Азии, послужили прототипом мусульманских михрабов[*]. Обычай ставить перед ними зажженные светильники также связывают с заимствованием зороастрийской традиции[**]. Может быть, и само слово "михраб", этимология которого до сих пор вызывает споры, как и его синоним у современных огнепоклонников dare mehr, восходит к имени великого иранского божества.

[*] (*Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджнкента, с. 72.*)

[**] (*Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII-XV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966, с. 88.*)

И в заключение еще одно соображение. Если для пристенных алтарей мы находим в хорезмийских материалах древние корни, то для противолежащих арочных ниш их пока нет. Содержание росписей в рассмотренных святилищах указывает на какую-то их связь с мистериальными культами, возможно уже подвергшимися обработке в античном Средиземноморье. Поэтому не исключено, что арочные ниши не только формально сопоставимы с "гротами" митреумов.

12. Юго-восточная группа (помещения 88-102)

В юго-восточной стороне Центрального массива расположено 12 помещений, очевидно составлявших особый по своему назначению комплекс. Все они лишены декоративного убранства и, соединяясь между собой, были обособлены от остальной части дворца. Попасть сюда можно было лишь через почти смытый теперь отрезок внешнего коридора (пом. 88). Возможно, частью его было помещение 89, сохранившееся близ юго-восточного угла. По ряду причин с него удобно начать описание комплекса (рис. 78).

Помещение 89 имеет ширину 2,5 м, его северная стена уцелела на 11 м. Если правильно предположение, что помещение - часть коридора, то длина его до поворота к северу должна была превышать 12 м. Южная стена (она сохранилась на 5 м от юго-западного угла) - это наружная стена Центрального массива, к которой в какой-то момент снаружи был пристроен Южный массив. Прикрытая его цоколем, стена сохранилась на высоту 7,25 м. Еще большую высоту должен был иметь коридор до обвала свода, кирпичами которого насыщен завал.

На конструктивном полу (отметка 14,38 м) отчетливо выраженного культурного слоя не было. Отмечены веревки, натянутые по основанию стен. Такие же следы строительной разбивки были в соседней комнате. На высоту до 1,5 м помещение было заложено кирпичами на глиняном растворе. По всей вероятности, это было сделано в связи с пристройкой Южного массива. Обжитой пол по закладке не зафиксирован. На ней было разбросано семь хорезмийских документов, написанных на деревянных дощечках (см. гл. VI). Есть основания думать, что они упали сверху. В пользу такого предположения свидетельствует следующее: еще несколько документов (написанных на коже) были найдены между кирпичами завала на высоте от 20 до 70 см от поверхности закладки. На одном из документов (К-2) сохранилась дата - 231 год "хорезмийской эры". На другом (К-1)- 252 год. В тех же условиях было встречено несколько небольших фрагментов росписей. Поскольку на стенах помещения нет даже штукатурки, следует считать, что эти куски рухнули со второго этажа или, скорее, с Южного массива, где комнаты украшала живопись.

Поверх слоя завала на высоте около 3 м от конструктивного пола была отмечена жилая поверхность с обрывками грубой ткани, возможно ковра. На этом полу найдены две концевые накладки из кости для лука и два железных наконечника стрел.

По нижнему уровню помещение 89 было соединено с соседним (90) дверным проемом, перекрытым аркой. Высота этой двери 1,8 м. При закладке помещения кирпичами был заполнен и проход, однако под сводом осталось пространство, затянутое позднее завалом, проникшим с южной стороны, и намывами. В этом заполнении были найдены два диска из тонкого листового золота (диаметр их 12 и 13 см), обтянутое золотом бронзовое изделие, несколько напоминающее жучка, и бронзовый колокольчик.

Помещение 90 имеет длину 6 м и ширину 3 м. Его высота 2,7 м. На этом уровне в южной и северной стенах обнаружены гнезда для балок межэтажного перекрытия. Они расположены на расстоянии около полуметра друг от друга, отверстия квадратные со стороной примерно 15 см при глубине до 40 см. Южная стена чуть выше уровня перекрытия становится тоньше на один ряд кирпичей, отчего образуется уступ шириной 45 см. Очевидно, в уровне этого уступа был пол помещения второго этажа; в таком случае толщина настила и обмазки пола достигала 20 см. В юго-западном углу стены поднимаются сейчас почти на 3 м выше межэтажного перекрытия, но о первоначальной высоте комнаты, лежавшей над помещением 90, судить можно лишь предположительно. Если допустить, что пята свода располагалась в уровне разрушения стен, и добавить высоту свода обычной для памятника конфигурации, замок свода оказался бы примерно на 8,5 м выше конструктивного пола (поверхности цоколя Центрального массива), а помещение второго этажа имело бы высоту примерно 5,5 м. Верхнее перекрытие было сводчатым; обнаружены значительные участки рухнувшего свода из саманных кирпичей размером 35×18 см.

На полу первого этажа в северо-западном углу было найдено большое скопление отпечатков хорезмийских документов. Первоначальное число их определить невозможно, так как все кожаные свитки истлели и сохранились лишь черные* отпечатки букв на глине, растекавшейся в дождливое время поверх пола и просочившейся между слоями кожи. Участки глины, сохранившие следы текста, при раскопках извлекались небольшими блоками. Всего было вынуто 20 таких блоков (по полевой документации - "объектов"). Два отпечатка сохранили даты: 188 год "хорезмийской эры" (док. Г-XVIII/1-4) и 223 год (док. Г-XVIII/2), В помещении найдено шесть дощечек с надписями, три из них (д-II, Д-IV, Д-XII) лежали в основном скоплении, три других (незначительные обломки) - у южной стены. Из "объекта" 20 было извлечено шесть продольно расщепленных палочек. Те из них, которые уцелели лучше, сохранили на выпуклой стороне короткие (1-2 слова) надписи, зарубки и насечки вдоль края. Очень тонкие насечки расположены группами (от двух до семи бороздок в группе). Совершенно очевидно, что это также своеобразные документы - "бирки". Как известно, у многих народов и в разные времена половинки палки, расщепленной после нанесения соответствующего числа зарубок, предъявлялись в случае спора кредитора с должником и т. д. Совпадение зарубок при составлении половинок бирки удостоверяло отсутствие "приписок", тождество "квитанции" и "накладной" и т. п. Не исключено, что топраккалинские "бирки" были краткими дубликатами хозяйственных записей или даже списков воинов (ср. гл. VI). Между документами были найдены обломки красноглиняного горшка с двумя ручками (рис. 95). Вероятно, в нем и хранилась часть найденного архива.

* (*В полевом дневнике в одном случае отмечены вместе черные и красные отпечатки букв.*)

Непосредственно на деревянной лопаточке, сохранившей список "семьи Харака" (документ Д-II, см. гл. VI), лежала кора, а поверх нее 20 квадратных (3,5×3,5 см) стеклянных пластинок и две бронзовые пластинки такой же формы. Не утверждая, что все это украшало какой-то чехол для документа (хотя это и возможно), следует, во всяком случае, отметить находку наиболее значительного скопления этих столь характерных для топраккалинского дворца бляшек вместе с документами. В помещении (главным образом в его северо-восточной четверти), было найдено еще около трех десятков стеклянных пластинок и несколько меньшее число медных золоченых. Упомянем еще несколько маленьких золотых бляшек и кусочков листового золота. Бронзовый колокольчик такой же формы, как и найденный под сводом двери, является четким звеном, связывающим комплекс находок на закладке помещения 89 и на нижнем полу рассматриваемой комнаты.

Около двери найден обломок сложного лука (примерно треть) со слоями дерева и костяными обкладками; сохранилось также несколько древков и три железных наконечника стрел. В заполнении помещения на 70 см выше пола был найден деревянный брусок со скругленными концами, обтянутый корой, которая с одной стороны сохранилась выше дерева; вероятно, это дно колчана.

Отметим обрывки различных тканей из шелка, растительного волокна и шерсти. Некоторые сохранили вышивку или тканые узоры.

Обычного бытового мусора - черепков битой посуды, щепок, веток, костей и т. п. - на полу было мало. Вряд ли многочисленные стеклянные, золоченые и золотые бляхи были утеряны и затоптаны в культурный слой в разное время. Похоже, что эти сравнительно ценные предметы, которые можно использовать повторно, оказались на полу сразу и что-то помешало собрать их. Этот момент имеет определенное отношение к вопросу, откуда и при каких обстоятельствах попали в комнату документы. Уже было высказано предположение, что горшок, в котором они хранились, рухнул сверху[*]. Возможно, что документы, украшения и сломанное оружие провалились вместе с потолком; образовавшийся при этом слой не был убран, а балочное перекрытие больше не восстанавливали.

[*] (*Толстов С. П. Работы Хорезмской... экспедиции 1949-1953 гг., с. 207.*)

До уровня второго этажа помещение было засыпано несколько выше прежнего балочного перекрытия, а поверх этого заполнения был намазан новый пол. Он был застелен тканью, сплетенной из толстых нитей (розовых, синих, зеленых, желтых, сиреневых), остатки этого ковра были отмечены почти по всей площади комнаты, помогая проследить не слишком четкий пол нового уровня.

Судя по находкам, верхний пол был обжит вскоре или сразу же после того, как перестали использовать нижний этаж. Здесь найдены такие же, как внизу, стеклянные и бронзовые пластины, древки и наконечники стрел, ткани. Вместе с этими предметами оказался и обломок палки с текстом - первый документ, обнаруженный при раскопках Топрак-калы (док. Д-XI).

На верхнем полу лежали большие участки упавшего свода. Очевидно, обрушение его продолжалось, и новое помещение было быстро покинуто. В верхних слоях заполнения отмечены мощные намывы.

Помещение 91 расположено восточнее помещения 90 и соединено с ним дверью, имевшей ширину 1,55 м и высоту 2,1 м. Перекрытие дверного проема было плоским, его балки с одной стороны были введены в толщу кладки, а с другой опирались на вертикальные столбы. Помещение почти квадратное в плане, имеет площадь около 10 м^2. В завале было отмечено множество сводовых кирпичей, однако направление свода и высоту его расположения указать невозможно. Судя по наличию уступа у южной стены, помещение 91, как и соседнее, имело плоское перекрытие между первым и вторым этажами.

В юго-восточном углу комнаты стоял хум, имевший высоту около 120 см при максимальном диаметре 60 см. Под коротким прямым венчиком до обжига нанесен знак в виде восьмерки с двумя отростками снизу и одним сверху. Сосуд был заполнен пылевидной и слоистой глиной. В ней обнаружено древко стрелы и следы истлевших документов на коже, очевидно провалившихся в пустой сосуд сверху. Примечательно, что

как раз за стеной, у которой стоял хум, были найдены кожаные документы в завале помещения 89. На первоначальное назначение сосуда, видимо, указывают зерна, сохранившиеся на дне.

На полу была найдена большая (36×9 см) дощечка со списком мужчин "дома Гавнашами" (документ Д-1).

Здесь же были разбросаны 37 стеклянных и 23 бронзовые бляшки обычной формы. Вместе с ними попадались обломки пластинок из какой-то красноватой пасты, плавящейся, как сургуч. На двух таких обломках заметны отпечатки квадратных бляшек и гвоздиков-обоймочек. Следует предположить, что в некоторых случаях стеклянные и бронзовые пластинки крепились на пасту.

Помимо нескольких бесформенных кусочков листового золота нужно отметить шесть золотых бляшек каплевидных очертаний (высота их около 3 см). Несомненно, они покрывали деревянные поделки такой же формы, обнаруженные как в рассматриваемом помещении, так и в комнате 90 (на верхнем полу).

Немногочисленные обломки стенных росписей попали в завал скорее всего с Южного массива.

Помещение 92, соединявшееся с предыдущим, вытянуто в северном направлении на 12 м и имеет ширину около 3 м. Стены сохранились приблизительно на полуметровую высоту. Северная часть коридорообразной комнаты сильно размыта и разрушена; здесь, видимо, были двери в помещение 93 и в восточный коридор. Дверь в западном направлении подтверждается блоком из обожженных кирпичей, правда несколько смещенным при размыве. Что же касается дверного проема, ведущего на восток, то не исключено, что он возник при позднейшей перестройке участка.

Из находок следует отметить расщепленную палочку с семью зарубками и короткой надписью на выпуклой стороне. Это единственный документ, обнаруженный в помещении.

Как и в соседних помещениях, встречены бронзовые и стеклянные пластины и тыльные части древков стрел. Последние были окрашены в красный цвет и имели кольцевые полоски (черные и синие). Число этих находок в помещении невелико. Следует упомянуть еще железное изделие величиной с ладонь со скругленным лезвием и загнутыми закраинами для крепления рукояти. Вероятно, это остатки землеройного инструмента.

Помещение 93. Первоначальная ширина - около 2,5 м, длина примерно 14 м, если считать северной границей помещения стену комнаты 98; большая промоина могла разрушить другую стену, находившуюся несколько южнее. Помещение было заложено кирпичами, и поверхность пола достигнута лишь в небольшом шурфе, пробитом в 3 м от южной стены. На полу сохранился культурный слой с углями и обломками лепной посуды. Причиной закладки могла быть перепланировка в связи с пристройкой Южного массива или деформация стен, связанная с вымыванием песка из субструкций. Видимо, первоначально попытались укрепить восточную стену, приложив к ней дополнительный ряд кладки, а затем заполнили кирпичами на глиняном растворе всю комнату на высоту примерно 1,5 м от конструктивного пола (поверхность закладки выше в северной и южной стороне, чем в середине). На эти кирпичи лег завал, в котором было выделено пять наклонных слоев, идущих от южной стены (она сохранилась на высоту 3,75 м). Заполнение состояло в основном из обломков обычных и сводовых кирпичей. В нижних

слоях завала были встречены помимо обычного бытового мусора ценные археологические находки.

Непосредственно на кирпичах закладки около южной стены лежал полуметровый слой, насыщенный истлевшими документами, написанными некогда на коже. Было вынуто 17 глиняных блоков, границы которых определялись выходами отпечатков букв. На одном из отпечатков сохранилась дата - 207 год "хорезмийской эры" (Г-15/2, фрг. "а"), на другом - 204 год (Г-12/4-1, фрг. "а"). При разборке "объекта 12" обнаружен оттиск печати с изображением женской фигуры (рис. 79). При разборке документов найден также серебряный цилиндрический колпачок высотой 18 мм и диаметром 13 мм. Очевидно, он был надет на палку, на которую навертывался свиток. В том же скоплении найдено три документа на дереве и стрела с сохранившимся древком. Всего же в помещении найдено до двадцати железных наконечников удовлетворительной сохранности и множество коррозированных обломков. Обнаружено три больших обломка луков. Они сохранили слой дерева и костяные пластины, что дало возможность полностью представить устройство хорезмийского сложного лука (см. гл. V). Два обломка лежали возле южной стены на 1,5 м выше закладки, третий найден в 4 м от той же стены и на 60 см выше кирпичей. Тут же отмечены отпечатки документов. Возле западной стены найдено семь глиняных шариков; вероятно, это ядра для пращи или камнеметного лука.

Рис. 79. Булла. Оттиск печати на глине из 'объекта 12'. Помещение 93

Помимо документов и оружия заслуживают упоминания маленькие листочки золота и обрывок красного шелка с вышивкой металлическими и шелковыми нитями (синими, желтыми, красными и зелеными). Не вызывает сомнения, что все это рухнуло сверху со стороны помещения 90 или Южного массива.

Помещение 94, лежавшее западнее рассмотренного выше, предназначалось для подхода к двум лестницам. Четыре ступени в южной двери выводили на небольшую площадку, которая соединялась с лестничной клеткой. Последняя, очевидно, заключала в себе двухмаршевую лестницу, теперь почти смытую. Согласно расчетам, обычные для памятника ступени позволяли здесь подняться на высоту 5 м.

К другой лестнице, от которой сохранилось несколько ступенек, из помещения 94 вел сводчатый дверной проем в западной стене. Он сохранился на высоту 1,7 м. Лестница шла в северном направлении, видимо, в помещение, лежавшее над комнатой 97. Судя по размещению лестничного марша, межэтажное перекрытие здесь располагалось невысоко (не выше 3 м от пола).

Весь блок с лестницами был заложен слоями сырцовых кирпичей в речном песке. После их удаления был обнаружен пол со следами огня, обломками хумов и костями животных. На западной стене отмечена вертикальная дренажная труба в алебастровом кожухе.

Отсутствие находок, относящихся к комплексу, характерному для описанных выше соседних помещений, видимо, следует объяснить полным разрушением того уровня закладки, на который могли упасть соответствующие предметы.

Помещение 97, соединенное с распределительным блоком (п. 94), входило в юго-восточный комплекс, но как бы вклинивалось в планировку основной группы парадных залов и святилищ. Длина комнаты около 8 м, ширина 3,5 м. От всех других помещений дворца его отличает облицовка стен вертикально поставленными плитками обожженного кирпича. На полу была найдена кушанская монета Хувишки и три небольших (1 см в диаметре), но сравнительно полновесных золотых диска. Они снабжены ушками из золотой проволоки и, по всей вероятности, были подвесками на серьгах, подобных тем, которые изображены во дворце на росписях. Керамика в помещении в хронологическом отношении неоднородна, что указывает на его повторное освоение.

Помещение 98, расположенное севернее комнат 94 и 93, соединялось с последней дверным проемом, стенки которого сильно размыты. Длина помещения около 7 м, ширина 4,5 м. Центральную часть комнаты занимала вымостка из обожженного кирпича, имевшая размер 3×2,5 м и примыкавшая к северной стене. Эта площадка была обнесена бортиком из сырцовых кирпичей, который изнутри облицован обожженными кирпичами. Над поверхностью площадки выступали венчики трех хумов, врытых в субструкции. Вдоль южной, восточной и западной стен отмечены узкие суфы. Между восточной суфой и бортиком площадки были врыты по плечики два хума, еще один стоял на южной суфе. На западной суфе лежало несколько рогов архара.

В проходе к северу от помещения с хумами была обнаружена вертикальная водопроводная труба в алебастровом кожухе. Отмечено начало горизонтального лотка из керамических плит, в который эта труба впадала, однако из-за сильного разрушения дальнейшее направление его проследить не удалось. Г. А. Федоров-Давыдов в полевом дневнике 1950 г. высказал предположение, что лоток подводил воду к вымощенной площадке (бассейну?) и врытым в нее сосудам. Следует сказать, что от помещения 98 до восточного края платформы по какой-то причине прошла очень глубокая и широкая промоина, вызвавшая сильные разрушения субструкции и стен. Это не позволило с полной ясностью связать планировку и стратиграфию южной и северной частей рассматриваемого комплекса. Не исключена значительная перестройка участка к северу от промоины во втором периоде.

Помещение 102. Через небольшой коридор (пом. 99) комната с хумами соединялась с помещением 102, лежавшим восточнее. По его продольной оси в пол были вмазаны три (первоначально четыре) керамические миски с отверстием в центре. Диаметр этих сосудов 40 см. Вдоль западной и восточной стен перпендикулярно к ним на ребро были поставлены в два ряда кирпичи. Между некоторыми из них были оставлены пазы шириной

15-20 см. Они оказались заполнены углями, а поверх пола с мисками лежал слой углей и пепла, достигавший 12-15 см. Вертикальные кирпичи и низ стен были опалены. Весьма вероятно, что на брусьях, концы которых были введены в упомянутые пазы, лежал деревянный настил, который затем сгорел. Нужно полагать, что над тазами в этом настила были оставлены отверстия.

Помещения 100 и 101 замыкают с севера рассматриваемый комплекс. Площадь первого из них 10 м^2, второго - 15 м^2.

В помещении 100 около северной стены была суфа шириной 90 см и высотой 32 см, вдоль восточной стены - узкий уступ такой же высоты. В западной стене отмечена неглубокая очажная ниша с вымосткой из обожженных кирпичей перед нею. Длина вымостки 1,1 м, ширина 0,5 м, высота 0,2 м.

В помещении 101 подобный же пристенный очаг находился у южной стены. Вдоль остальных стен отмечены суфы шириной около 1 м и высотой 40 см. В комнате зафиксировано наслоение ряда полов. На полу, лежавшем на 23 см выше первоначального, был сооружен из четырех кирпичей центральный очаг, заменивший пристенный (вымостка последнего была им перекрыта). На самом верхнем полу в северо-западном углу комнаты найдены компактно сложенные кости барана с черепом наверху. Очевидно, это следы жертвоприношения.

В обоих помещениях на всех полах отмечены следы обитания: кости животных и рыб, обломки сосудов, следы огня и временных очагов. Однако первоначальное назначение комнат не вполне ясно, так как даже вымостки пристенных очагов лежат на слое намывов, а не на конструктивном полу.

Попытаемся, насколько это возможно, истолковать рассмотренные материалы юго-восточной группы помещений. При этом мы вынуждены будем исходить из посылки, что и на сравнительно позднем этапе использования (в основном фиксируемом здесь раскопками) помещения сохраняли в какой-то степени свое первоначальное назначение. В этом случае небольшие комнаты 100 и 101 следует рассматривать как место обитания нескольких лиц, связанных с обслуживанием изолированного юго-восточного комплекса.

Помещения 97, 98 и 102 в определенной степени объединены наличием керамических облицовок стен и полов, следами водопроводящих систем и группами сосудов, врытых в субструкции. Было высказано предположение, что это мастерские арсенала[*]. Но сосудов мало, формы их неспецифичны: на наш взгляд, они не могут служить доказательством того, что здесь изготовляли луки. То же можно сказать о находке одной костяной обкладки в помещении 98. Что же касается компактного скопления рогов архара на суфе, то это могло быть, как и в помещении 101, достаточно характерное приношение в почитаемые развалины. Помещение 102 с его деревянным полом и тазами, имеющими в дне отверстия, более всего кажется пригодным для каких-то омовений и т. п. Может быть, именно для этой цели собирали воду в сосудах соседней комнаты. Возможный запас ее не кажется достаточным ни на случай осады, ни для удовлетворения хозяйственных и производственных нужд огромного сооружения. Может быть, не случайно около этих помещений возникла большая промоина: она могла образоваться в результате неисправности отводившей воду системы.

[*] (*Толстов С. П. Хорезмская... экспедиция (1945-1948), с. 32-34; Он же. Работы Хорезмской... экспедиции в 1949-1953 гг., с. 206.*)

Сводчатые коридорообразные помещения в южной части комплекса более всего напоминают хранилища древневосточных дворцов, но тот инвентарь, который найден здесь, видимо, упал сверху.

Возможно, на сводах, перекрывавших комнаты 89, 90 и 91, было одно большое помещение, служившее архивом и арсеналом. Менее вероятно, что документы и оружие хранились на балочных перекрытиях промежуточного уровня. Следует признать, что у нас нет твердых стратиграфических данных для того, чтобы отнести архив к начальному ("дворец") или второму ("цитадель") периоду жизни памятника. Документы, датируемые III в. н. э., найдены на закладках, и это скорее всего свидетельствует, что архив относится к тому времени, когда уже была частично перестроена первоначальная планировка дворца. Однако нельзя исключить и иную ситуацию: перестраивались помещения под старыми сводами, на которых продолжал храниться (или был брошен) ранний архив.

13. Помещения второго этажа

О планировке второго этажа Центрального массива мы знаем мало. Несомненно, такие помещения были в южной части дворца: об этом свидетельствуют лестницы и гнезда балок межэтажных перекрытий. Можно полагать, что над небольшими помещениями, окружавшими парадные дворы и залы, также были комнаты и галереи. Но уцелели остатки второго этажа лишь в северо-западной стороне массива (рис. 80).

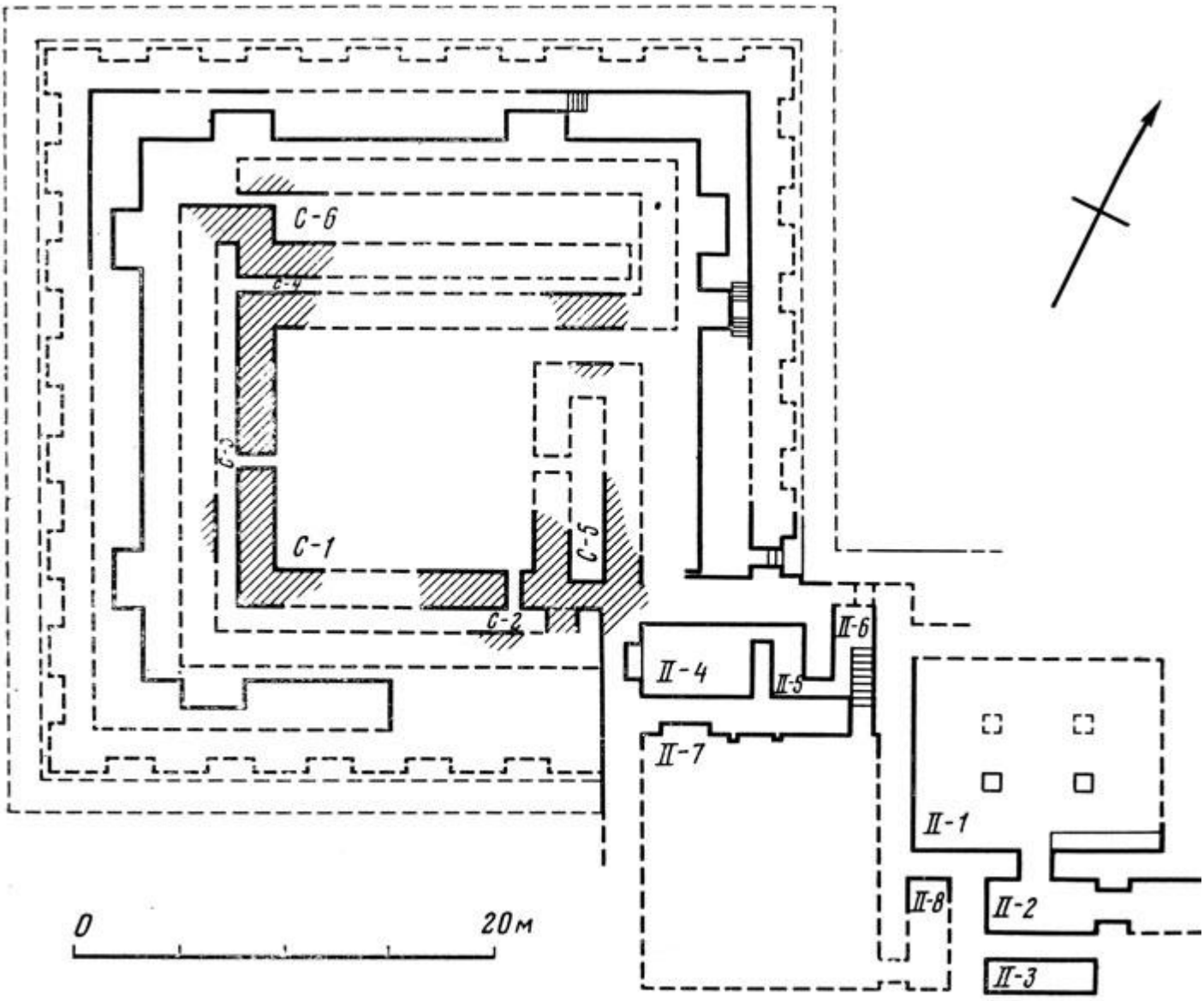

Рис. 80. План сохранившейся части второго этажа Центрального массива и Северо-западного массива

Над сводчатыми помещениями 35, 36 и 37 находился зал, площадь которого превышала 100 м^2 (II-1 на плане). В имеющихся публикациях он известен как "Зал арфистки". Через комнату II-2 (под ней помещение 38) зал соединялся с галереей, лежавшей над коридором, который ограничивал с севера парадный двор тронного зала. Сохранились лишь гнезда балок пола этой галереи и часть ее северной стены. Помещение II-3, видимо, было световым или вентиляционным колодцем над комнатой 40: входа в него нет, квадратное отверстие в полу обрамлено довольно высокой (0,6 м) кирпичной кладкой, которая перегораживает маленькое помещение.

Полы трех комнат, расположенных западнее "Зала арфистки", примерно в том же уровне, что и пол зала, выведены по кирпичам закладки, заполняющей помещение первого этажа (46), которое было предусмотрено первоначальным планом в углу Центрального массива. Одно из них (II-4) было заложено кирпичами на песке, причем это сделали вскоре после укладки глиняного пола, который не сохранил следов износа и обитания. Особенностью комнаты является ниша в западной стене, немного приподнятая над полом и перекрытая прекрасно сохранившимся двойным сводом. Помещение II-5 - вспомогательная проходная комнатка. Такой же характер имело соседнее помещение II-6.

В нем была лестница, которая вела к дверному проему в южной стене, расположенному на 1,5 м выше пола.

Через эту дверь попадали в помещение II-7, которое лежало на сводах комнат 43-45 и, очевидно, также поверх помещений 41 и 42. Южная стена, видимо, отстояла на 12 м от северной, в противном случае она должна была лежать поверх перекрытий, что крайне маловероятно по конструктивным причинам и ни разу не засвидетельствовано при раскопках. Сохранилась на незначительную высоту лишь северная стена этого зала и небольшой участок пола около нее. Длина стены, некогда покрытой росписью, 11 м. В ее западной стороне была ниша, возможно устроенная, чтобы композиционно уравновесить дверной проем. Отмечены также два тонких (20 и 25 см) выступа, отходившие от стены в ее центральной части. Они сохранились на малую высоту и длину и судить об их назначении трудно. Скорее всего это остатки осевой вымостки или декоративного портала, которые характерны для памятника.

Над комнатой 39 сохранился незначительный участок помещения II-8, имевшего тот же уровень пола, что и II-7 (т. е. примерно на 1,5 м выше, чем в комнатах II-1 и II-6). Возможно, отсюда рухнул интересный фрагмент росписи - так называемая "Сборщица фруктов" (см. гл. III, пом. 39).

Лестниц, ведущих на второй этаж, в северной части дворца не обнаружено. В то же время очень трудно представить, что их здесь не было. Не исключено, что лестница находилась в разрушенной части аванзала (пом. 6) и выходила в "Зал арфистки". Другим участком, где могли уместиться лестничные марши, является большой кирпичный массив (к сожалению, сильно смытый) между "Залом танцующих масок" и главным айваном. В этом случае из помещения 52 поднимались на охватывающие двор галереи и оттуда попадали в помещение II-2 и "Зал арфистки". Не вполне ясно также, каким путем шли в зал II-7. Характер разрушения северной стены связанного с ним помещения И-6 позволяет думать, что в ней была дверь. К ней можно было бы попасть с террасы, которую допустимо представить севернее "Зала арфистки". В то же время полевая документация позволяет предположить наличие еще не раскопанной лестницы из помещения II-6 в нижний этаж.

Дадим теперь более подробное описание помещений II-1 и II-2, и прежде всего остатков их декоративного убранства.

Помещение II-1 ("Зал арфистки"). Длина южной стены помещения 12 м, западная стена сохранилась на протяжении 9 м, но могла быть несколько больше (до 9,5 м). В юго-западном углу высота стен сейчас достигает 2 м. Северо-восточная сторона зала разрушена вместе со стенами и полом. Отметка пола 18 м, что на 3,4 м выше пола помещений первого этажа. Посредине южной стены - дверной проем, ширина которого 1,5 м; он был перекрыт сводом (здесь найдены в завале трапециевидные кирпичи). В помещении обнаружены две кирпичные вымостки, площадь каждой около 1 $м^2$, высота их до 30 см. Эти площадки стоят на стенах нижележащих помещений. Весьма вероятно, что это опоры деревянных колонн, поддерживавших кровлю. В других помещениях дворца таких опор нет, но они широко использовались в городских постройках Топрак-калы. В рассматриваемом зале, очевидно, было четыре колонны, но участки, где должны быть опоры двух из них, разрушены. Найдены остатки рухнувших балок, располагавшиеся примерно под прямым углом к южной стене; они были прямоугольными в сечении (22×25 см) и, вероятно, относятся к перекрытию. В помещении обнаружено много камыша, высказано предположение, что он выстилал кровлю. Как высоко была она поднята? В

расположенном поблизости помещении II-4 уступ, очевидно отмечающий уровень перекрытия, или фриза под ним, имеет отметку 22,17 м. На этом основании можно предположить, что высота зала несколько превышала 4 м.

Помещение было чрезвычайно богато украшено. Здесь найдены стенные росписи, барельефная скульптура и разного рода декоративная лепнина. Однако все это не только рухнуло в разное время со стен, но в большинстве случаев претерпело перемещения при позднейших перекопах, некоторые же фрагменты провалились в нижние помещения. Поэтому восстановить картину убранства зала трудно, нам придется довольствоваться описанием отдельных элементов декора и догадками об их первоначальном расположении.

Живопись из зала II-1 относительно хорошо известна по работам С. П. Толстова. Он отметил, что в ромбических полях, образованных перекрещивающимися полосами, были изображения музыкантов, и опубликовал одно из них - арфистку[*]. Это лишь фрагмент участка росписи, сползшего с южной стены западнее двери. Вместе с некоторыми другими обломками он позволяет представить схему живописной композиции (рис. 81).

[*] (*Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 177, рис. 46.*)

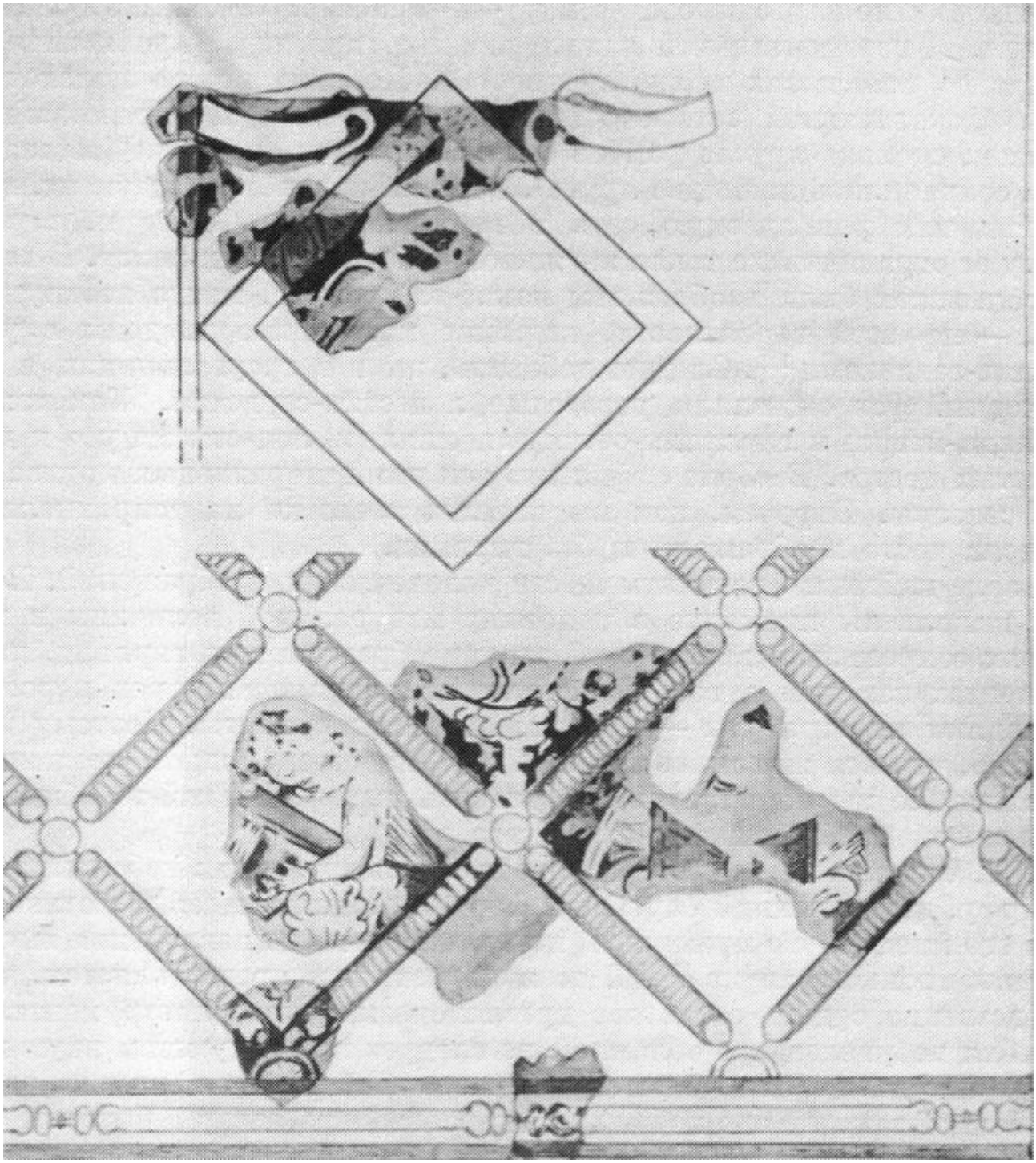

Рис. 81. Зал арфистки (помещение II-1). Крылатые музыканты. Фрагменты стенописи с элементами реконструкции

На какой-то высоте от пола (слой штукатурки с росписью лежал на 50 см выше него) проходила горизонтальная полоса шириной 12 см. На ней между красноватыми линиями были изображены гирлянды с подобием колпачков по концам; поскольку листья и цветы не обозначены, следует думать, что это хорошо известные для античности гирлянды-сетки или гирлянды-мешки*. Выше подобные же предметы образуют ромбическую сеть. Эти гирлянды имеют волнистый край и рубчатую поверхность, которые показаны красной краской. Длина их примерно 40 см, ширина 5-6 см. Пересечение осей гирлянд дают ромбы со стороной 48 см (помимо гирлянды в этот модуль укладывается ее ширина и соединительный узел). Стороны прямоугольных ромбов подчеркнуты черными линиями, которые там, где они не пересекаются с внутренними изображениями, сливаются с фоном. К горизонтальной полосе нижние гирлянды "привязаны" через посредство небольших

полуокружностей. Поэтому можно полагать, что "узлы" декоративной сети обозначились кольцами или розеттами. Мы не знаем, сколько ярусов ромбов было изображено на стене (во взаимной связи сохранились лишь два яруса). Зато зафиксирован фрагмент, видимо завершивший ромбическую сеть в верхнем углу. Сбоку и, вероятно, сверху ее ограничивала такая же живописная рама, как внизу. В верхних треугольниках были изображены какие-то светлые, мягко изогнутые полосы, - по всей вероятности, широкие матерчатые диадемы с узкими концами-завязками[**]. Следует добавить, что и в треугольниках и в ромбах черный фон оживляли розоватые лепестки-сердечки. Как известно, гирлянды-мешки и гирлянды-сетки заполнялись лепестками роз и других душистых цветов. В "Зале арфистки" эти два декоративных мотива могут быть связаны. Впрочем, как мы видели, лепестки на топраккалинских росписях часто изображали и без гирлянд.

[*] (*Ср.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись..., с. 185, 188, 197, 219, 230-236, 246-251, 299-309, 354, 374-377, 383, 406, 424, 485, 487.*)

[**] (*Разного рода повязки (диадемы, тении) нередко воспроизводились в античной декоративной живописи (см.: Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись..., с. 71-80, 163, 351).*)

В зале найдены фрагменты шести человеческих изображений. Все они были выполнены примерно в половину натуральной величины и в трех случаях сохранились вместе с участками обрамляющих гирлянд, на двух фрагментах заметны дугообразные линии над плечом, трех персонажей объединяют их атрибуты - музыкальные инструменты. Поэтому весьма вероятно, что вся живопись в зале была подчинена одной композиционной схеме (ее мы попытались представить выше) и какой-то общей теме, требовавшей изображения музыкантов.

Р. Л. Садоков подробно рассмотрел их инструменты: небольшую угловую арфу, двусторонний барабан в форме песочных часов и лютню. Интересно его мнение, что музыканты переданы в момент извлечения высокого, кульминационного звука[*]. В то же время нам представляется, что непосредственно судить о составе древнехорезмийского инструментального ансамбля по уцелевшим обломкам не следует по следующим двум причинам: до нас дошла лишь ничтожная часть всей росписи, причем росписи, построенной так, что она не могла воспроизводить единой бытовой сцены.

[*] (*Садоков Р. Л. Древнехорезмийский инструментальный ансамбль, с. 161-167.*)

Прежде чем коротко сказать об отдельных фрагментах, заметим еще, что попытки стилистического сопоставления их друг с другом, видимо, неправомерны, так как ни в одном случае не совпадают либо участки изображений, либо сохранность красочного слоя.

"Арфистка" передана в образе ребенка или молодой женщины, склонившей полное лицо к резонатору инструмента и перебирающей струны, переданы обнаженные пухлые руки. Струны, видимо, не были изображены, может быть, потому что превосходно прорисованные пальцы создают достаточную иллюзию их присутствия. Видны округлый в сечении браслет и такое же ожерелье. Прямая линия спины и направление мазков на груди позволяют предположить, что персонаж изображен в легкой свободной одежде. Ниже пояса фигура скрыта большими листьями, напоминающими традиционный для античного искусства акант. Однако ось его смещена вправо и несколько наклонена, что нарушает "архитектоничность" композиции в ромбе. Не исключено, что низ последнего заполняли

какие-то элементы изображения, с акантом не связанные. Во всяком случае, левее листа виден струнодержатель арфы, который смыкался с резонатором под локтем левой руки.

Отметим теперь деталь изображения, которая пока не привлекала должного внимания. За спиной арфистки резко выделяется на черном фоне светлый участок, по которому нанесены узкие полосы. Подобные же полосы заметны и по другую сторону фигуры, в растворе арфы (к которой они не могут иметь отношения). Маловероятно, что все это какая-то странная остроугольная накидка или просто заполнение фона. Скорее всего переданы крылья. Почти полностью убеждают в этом полевая калька с росписи, сохранившая окончание левого крыла, и копия фрагмента, очевидно передававшая конец правого крыла какой-то другой фигуры*.

* (*Эти детали, сохраненные полевой документацией, внесены на рис. 81, где в принципе реконструируются лишь недостающие участки гирлянд. Ср. цветную копию (рис. 46) в книге С. П. Толстова "По следам древнехорезмийской цивилизации".*)

Правее арфистки изображен персонаж с барабаном. Изображение инструмента сохранилось удовлетворительно, от изображения музыканта уцелели лишь прядь черных волос надо лбом, часть груди с ожерельем и, вероятно, две ладони справа от барабана*. Как и в соседнем ромбе, заметны следы аканта. Рассматриваемый участок росписи с трех сторон ограничен гирляндами, что и позволяет установить размеры ромба и тем самым - раппорт всей декоративной сети.

* (*Не исключено, что полосы со скругленными концами, обращенными вниз, не пальцы, а перья крыла. Такое его завершение, правда, отличается от резко очерченного угла на росписи, рассмотренной выше. Однако сохранился лишь набросок красными линиями, который на Топрак-кале всегда мягче и артистичнее обводки. Нельзя исключить, что "Арфистка" сохранила и следы грубоватых подновлений.*)

В ромбе, который, по нашему предположению, был верхним, заметно лишь ухо и спускающиеся по его сторонам пряди длинных каштановых волос. Позади головы - дугообразная полоса, которая может быть трактована как край взметнувшегося плаща, но скорее передает верх крыла. Параллельные полосы, сохранившиеся ниже (на смещенном обломке), могут относиться к крылу или какому-то атрибуту.

Около западной стены найдены фрагменты с изображением рыжеволосой головы. Большая часть лица разрушена, трудно судить даже о его первоначальном наклоне. Похоже, что подобранные кверху волосы были туго перевязаны на темени: свисающий кончик отделен от затылка участком фона. Шею охватывает вышитый ворот или ожерелье с кругами. Над правым плечом такие же дугообразные линии, как на предыдущем изображении.

Сравнительно хорошая сохранность красочного слоя отличает небольшой фрагмент, обнаруженный в юго-западном углу зала (рис. 82). Сильными, уверенными мазками изображены большие темные глаза и широкие брови. Вместе с тем заметна тонкая передача светотени и лепка объема направлением мазков. Свободно и верно написаны пряди черных волос. Даже эти немногие дошедшие до нас черты хорошо передают душевное состояние персонажа: внимание, спокойствие и, пожалуй, грусть. Высокие художественные достоинства данного изображения, которые вызывают ассоциации с фаюмскими портретами*, дают яркое представление о мастерстве художника, расписавшего зал II-1. Вероятно, не менее выразительны были и остальные лица, которым живописец стремился придать какие-то индивидуальные особенности (на это указывает разнообразие причесок).

[*] (*Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1946 г. - ИАН СИФ, 1947, т. IV, № 2, с. 178, рис. 4. Ср.: Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии, с. 145.*)

Рис. 82. Зал арфистки. Фрагмент росписи

Шестой фрагмент росписи - изображение руки на струнах лютнеобразного инструмента - найден в помещении 36, однако несомненно, что он рухнул туда сверху, из "Зала арфистки". Как было упомянуто, в том же наклонно падающем слое были другие обломки стенописи, лепнина, часть барельефа и голова большой глиняной скульптуры (рис. 67). Поскольку ни малейших следов декора на стенах и своде помещения 36 не было, можно думать, что все это также относилось к убранству "Зала арфистки".

Действительно, в нем были найдены фрагменты с барельефными изображениями складок одежды и руки, выполненной примерно в полторы натуральной величины. Концы ее пальцев опираются на какой-то предмет; этот жест С. П. Толстов сопоставил с тем, который характерен для царских изображений на некоторых кушанских монетах[*]. Таким образом, очевидно, что в зале II-1 была по меньшей мере одна крупная скульптура и, может быть, ее голова найдена внизу.

[*] (*Толстов С. П. По следам..., с. 178.*)

Частой находкой в зале были обломки лепных гирлянд. Их ширина 6 см, толщина 2-3 см. Рельеф изображает узкие листья, охватывающие округлые плоды, возможно гранаты. Листья окрашены в темно-зеленый цвет, плоды красно-оранжевые. Встречены также овальные медальоны с цветами или плодами, окруженными листьями. Чтобы закончить перечень декоративных рельефных изображений, отметим еще виноградную гроздь и напомним о трех грубоватых головках (птицы, обезьяны и существа с подобием хобота), которые обнаружены в помещении 36.

При раскопках зала было найдено скопление "плит" из необожженной глины, окрашенных оранжево-желтой краской. Ширина наиболее сохранившейся из них 52 см, длина превышала 85 см. Выделенная невысоким (1,5 см) рельефом плоскость отступала от краев на 3-4 см. Таким образом, если плиты монтировались рядом, они могли имитировать кладку из каменных блоков. Другим видом архитектурных декоративных деталей "Зала арфистки" могут быть обломки карниза, найденные в помещении 36. В заполнении зала

обнаружено много фрагментов решетки из раскрашенных глиняных дужек. Их ширина 8-14 см (увеличивается к вершинке), внутренний диаметр 18 см. Подобная решетка была примазана к перегородкам на суфах в Зале царей. Поскольку таких суф в рассматриваемом помещении не найдено, следует думать, что решетка украшала стену. В одном из помещений Северного комплекса рельефная решетка (правда, ромбическая) шла по основанию стен, также расположена роспись в виде решетки из дужек в некоторых помещениях дворца. Однако следов налепов на сохранившихся стенах Зала арфистки не отмечено, хотя и зафиксирована разметка росписи с помощью циркуля на южной стене. Приходится предположить, что решетка украшала рухнувшую северную стену. В этой связи возникает вопрос, не несла ли она все скульптурное убранство, следы которого обнаружены в зале? Это предположение в какой-то мере может объяснить необычное для Топрак-калы сочетание живописных и скульптурных антропоморфных изображений в одном помещении. Возможно, что большую главную скульптуру окружали какие-то второстепенные барельефные изображения, лепные гирлянды, тяги и решетки, тогда как на остальных стенах подобные же мотивы были переданы живописью. Крылатые музыканты должны были вечно славить какое-то божество или обожествленного царя, живого или умершего[*].

[*] (*Небесные музыканты достаточно известны в бактрийско-кушанском, парфянском и гандхарском искусстве (Schlumberger D. Art Parthe, art greco-buddhique, art greco-romain. - Atti del settimo Congresso internationale di archeologia classica, Roma, 1961, v. 3, fig. 2). Ср.: Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент: ФАН 1966, с. 181; Она же. Бактрийский и парфянский вклад в формирование гандхарской школы. - В кн.: Искусство Индии. М.: Наука, 1969, с. 67; ИАК, вып. 33, СПб., 1909, с. 134, 135, рис. 63-65; Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, с. 131; Ingholt H., Lyons I. Gandharan Art in Pakistan. New York, 1957, fig. 374-380; Marshall J. The Buddist Art of Gandhara. Cambridge, 1960, fig. 91,148; Rowland B. Gandharan Sculpture from Pakistan Museums. New York, 1960, p. 53). Этот тип крылатых гениев, видимо, восходит к эротам, которых иногда изображали в виде музыкантов даже на греческих саркофагах. Напомним в этой связи, что образы Амура и Психеи были тесно связаны с представлениями о смерти и душе. Изображения из "Зала арфистки", расположенные среди гирлянд и листьев, лучше всего сопоставимы с некоторыми полуфигурами в свесах гирлянд на барельефах гандхарской школы.*)

Помещение II-2. Это небольшое помещение с его двумя очень широкими дверными проемами несомненно было лишь преддверием к святилищу или залу, с которым мы познакомились выше. Оно было богато украшено великолепной росписью, о которой мы можем судить, к сожалению, лишь по разрозненным обломкам, обнаруженным как в самой комнате, так и в лежащем под ней помещении 38, куда они рухнули через пролом в своде (нижнее помещение расписано не было, а найденные в нем над толщей намывов фрагменты по ряду деталей совпадают с теми, которые сохранились в комнате II-2).

Если в "Зале арфистки" доминировал черный фон довольно сдержанных по краскам изображений, то в рассматриваемом помещении цветовая гамма была чрезвычайно яркой, горящей. Не исключено, что этот контраст должен был подчеркнуть известную мрачность и таинственность сумрачного святилища с крылатыми гениями на стенах. Основной в преддверии к нему была алая краска фона, на котором располагались лиловато-розовые фигуры птиц и зверей, белые гирлянды и ленты. Все изобразительные мотивы были резко прописаны и оконтурены черным. Листья гирлянд обозначены красными линиями, а изгибы лент - светло-оранжевыми и черными штрихами. Не довольствуясь этим, художник щедро разбросал по красному полю белые и оранжевые мазки, напоминающие узкие листочки.

О композиции росписи из-за отсутствия больших фрагментов мы можем лишь догадываться. По-видимому, и здесь гирлянды с "колпачками" образовывали ромбическую сеть, в ячейках которой и располагались (возможно, попарно, одно над другим)

изображения птиц и зверей. Во всяком случае, нет никаких оснований думать, что фоном для них служил какой-то пейзаж. Похоже, что гирлянды из узких листьев, образующих зубчатый контур, соединялись бантами; длинные концы лент, вероятно, образовывали какое-то свободное дополнительное обрамление вокруг основных изображений. На трех фрагментах это птицы с длинной шеей, по мнению специалистов - фазаны (рис. 69). На одном обломке мы видим хищника кошачьей породы, скорее всего льва (рис. 68). Оба изображения написаны чрезвычайно живо, но без светотени и, видимо, без предварительной прорисовки. Судя по всему, они выполнены не тем мастером, который работал в "Зале арфистки".

Глава четвертая. Дополнительные массивы, укрепления

Северо-западный массив

Северо-западный массив - часть дворцового комплекса, фактически являющаяся особым архитектурным сооружением, которое примыкает к основному объему. Первоначальный план дворца, очевидно, не предусматривал этого строительства, но заканчивалось оно, как кажется, одновременно с завершением работ на Центральном массиве*.

* (*Кладки конструкций двух массивов между собой не перевязаны. Квадратная планировка Центрального массива четко замкнута угловым помещением 46, соединенным с комнатой 45. Однако оно сразу было заложено, причем на стенах восьмиметровой высоты нет следов межэтажного перекрытия. Снаружи северо-западный угол Центрального массива не обработан нишами и выступами. Все это свидетельствует, что, разметив данный участок Центрального массива согласно принятой вначале схеме, строители заканчивали его, уже зная, что здесь примкнет огромная башня.*)

Поскольку подножие рассматриваемого сооружения скрыто позднейшими прикладками и огромными завалами, его размеры по основанию мы можем установить лишь приблизительно. Северная и западная стороны платформы внизу должны иметь длину около 50 м, южная и восточная, упиравшиеся в Центральный массив, - около 25 м.

Есть основания полагать, что платформа Северо-западного массива состояла из двух основных объемов: усеченной пирамиды, имевшей площадь поверхности 40×40 м и высоту около 14,5 м, и поставленного на нее параллелепипеда, высота которого была около 9 м, а площадь 26×27 м*. За счет разницы в площадях нижнего и верхнего объемов около основания параллелепипеда оставалось пространство, на котором был сооружен обводной коридор. За его внешней стеной, вероятно, была еще неширокая площадка-уступ. Первоначально пол коридора, очевидно, был на отметке около 14,5 м (т. е. на уровне полов Центрального массива), однако затем чрезмерно высокий коридор был частично заложен кирпичами на песке, и новый пол был намазан на отметке 18,5 м**. Только этот уровень коридора пока и раскрыт раскопками.

* (*Для простоты изложения мы игнорируем то обстоятельство, что с юго-востока в рассматриваемый массив вошли конструкции Центрального массива дворца.*)

** (*Такой вывод заставили сделать некоторые данные, полученные лишь в 1980 г. На крутом северном склоне массива на отметке 16,5 м обнаружились торцы четырех балок, перекрывавших проход в стенке, которая перегораживала коридор в нижнем уровне, на линии меридиональной оси сооружения. Как показал небольшой раскоп, дверной проем был заложен, на закладку с западной ее стороны были намазаны три слоя глины с саманом. Затем последовало частичное заполнение коридора кирпичами на песке. Верхняя часть*

перегородки, видимо, была срублена под уровень нового пола (18,5 м). На ней поставлена большая ступенчатая выкладка из кирпичей. Лишь дальнейшие раскопки смогут ответить, связана ли эта своеобразная конструкция с тем, что погребено под ней. Необходимо также обнаружить вход в коридор по нижнему уровню. В первую очередь этот вход следует искать за лестницей, пристроенной к восточной стороне Северо-западного массива (см. ниже). На разрезе (рис. 5А) виден только уровень пола, образовавшийся после частичной закладки обводного коридора Северо-западного массива.)

На поверхности центрального объема платформы ("параллелепипеда"), поднятые колоссальным основанием на высоту почти 25 м над окружающей равниной, некогда и располагались главные помещения Северо-западного массива. К сожалению, древняя планировка была уничтожена почти повсеместно, а поверх уцелевших участков кладки на слой глины с камышом и навозом были поставлены, очевидно в третьем периоде, новые стены. Их в свою очередь не пощадили дожди и ветры, веками проносившиеся над высокими руинами. О вторичной планировке по уцелевшим обрывкам стен судить нельзя. Похоже, что ранним конструкциям они не соответствовали. Сейчас поверхность Северо-западного массива заметно повышается от центра к краям, где местами и сохранились основания древних стен. Такой чашеобразный рельеф наводит на мысль, что внутри скрыто какое-то помещение, охваченное раскопанным периметральным коридором, однако во внутренних стенах последнего нет дверных проемов; зачистки, проведенные в 1947 г.* на скатах "чаши", обнаружили несколько слоев кирпичей на глиняном растворе, а ниже и ближе к середине - кирпичи, положенные в песок. В центре наметилась воронкообразная промоина. Таким образом скорее всего здесь найдены лишь размытые субструкции, однако возможны и другие предположения, о которых мы скажем чуть ниже.

* (*Позднее мы вели работы только на стыках Северо-западного и Центрального массивов. Лишь в 1980 г. добавился шурф на месте выхода балок.*)

Прежде чем рассмотреть и попытаться реконструировать планировку верхнего яруса, опишем несколько подробнее коридор, раскрытый по закладке с отметкой поверхности 18,5 м. Вход в него обнаружен в восточной стене у стыка с Центральным массивом. Высота плоскоперекрытого проема 1,73 м, ширина 0,7 м. Лестница из четырех ступеней, идущая внутри проема, переводила с уровня пола коридора (18,5 м) на уровень 17,5 м, примерно тот же, что и у второго этажа Центрального массива. У нижнего конца лестницы была ниша-площадка, ширина которой 1,7 м. Можно полагать, что декоративными нишами такой ширины был обработан весь фасад башни. Длина прохода вместе с нишей достигала 2,3 м, что соответствует толщине прорезаемой ими наружной стены "башни". Первоначально с площадки, очевидно, попадали на какой-то навес или террасу*, а с них - в помещения второго этажа центральной части дворца. Несколько позднее, но, видимо, еще в первый период истории памятника, кирпичная лестница была продолжена и соединила коридор с уровнем первого этажа Центрального массива**.

* (*Уровень этого перекрытия обозначен на стене небольшим уступом.*)

** (*Дополнительный отрезок лестницы проходит в толще стены, приставленной к первоначальной, и имеет длину около 3 м. Отметим, что вместе с лестницей была сооружена труба, отводившая воду с поверхности Северо-западного массива. Вертикальный отрезок ее был заглублен в юго-восточный угол нового лестничного проема. Труба состояла из керамических секций (длина каждой 0,5 м, диаметр 0,2 м), вставленных друг в друга и заключенных в алебастровый кожух. В уровне 14,65 м под кирпичными ступенями вода попадала в горизонтальный отрезок трубы, которая открывалась в лоток из керамических плит и алебастрового раствора (рис. 23). Этот лоток отводил воду в северном направлении вдоль приставной наружной стены. Позднее для ремонта дренажа южный край лестницы был вырублен, а затем засыпан. В третьем периоде лестницу заложили.*)

Коридор имеет ширину 2-2,2 м. Его высота превышала 4 м. Перекрытие было плоским. В наружной стене (значительный участок ее на большую высоту сохранился в северо-восточном углу) бойницы или окошки не обнаружены. Можно утверждать, что на стенах росписей не было; их многочисленные обломки, найденные в завале, рухнули из верхних помещений*. Коридор был разделен толстыми (до 3 м) кирпичными переборками на ряд отрезков. В переборках были оставлены проходы, очень узкие (0,6-0,7 м) и перекрытые сводами. В некоторых случаях эти проходы были подняты более чем на полметра выше пола коридора и к ним с обеих сторон подводили ступеньки. Высота проемов около 1,5 м. Несомненно, переборки были поставлены, чтобы придать устойчивость наружным стенам и, возможно, чтобы служить основанием для кладок верхнего яруса "башни". Неясно, однако, были ли эти конструкции изначальными. Две переборки с восточной стороны явно поставлены позднее стен. Относительно остальных шести, расположенных в определенной системе близ углов, данных у нас нет.

* (*Кое-где сохранилась лишь простая глиняная обмазка. Только в одном полевом дневнике отмечен небольшой кусочек росписи на стене, однако можно думать, что и он был прижат к ней в момент обрушения сверху.*)

В 12 м от угла южный участок коридора упирается в глухую стену, за которой раскрыты субструкционные кладки. Это обстоятельство затрудняет понимание назначения коридора, который, казалось бы, должен привести к лестнице на верхнюю площадку. Не исключено, что здесь была деревянная лестница, подняв которую, можно было изолировать ядро сооружения, однако подобный прием, видимо, установленный для хорезмийских крепостей*, не слишком вероятен для дворцово-храмового комплекса. Скорее на верхний ярус рассматриваемого сооружения попадали с крыши Центрального массива.

* (*Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала. - ТХЭ, 1958, т. 2, с 351, 352.*)

Теперь о планировке, прослеживаемой на верхней площадке (рис. 80). Посредине нее находилось квадратное пространство размером 12×12 м. Оно было ограничено стенами толщиной около 2 м. По-видимому, это был один большой зал (помещение С-1). В западной и южной стенах отмечены дверные проемы шириной около 0,7 м. Еще один широкий проход, видимо, прорезал восточную стену у ее северного края. Центральный квадрат, судя по сохранившимся участкам стен, окаймляли коридорообразные помещения (С-2, С-3, С-4, С-5), имевшие приблизительно метровую ширину. Северный и западный коридоры соединялись между собой, не исключено, что к ним примыкал и южный. Однако единой обходной галереи эти четыре помещения не составляли, так как восточное из них (С-5), очевидно, было отделено от остальных и, соединяясь лишь с центральным залом, имело какое-то особое назначение.

Из помещений, лежавших ближе к периферии, частично уцелело лишь одно, расположенное за полуметровой стеной севернее коридора С-4. Это помещение (С-6) имело ширину 2,5 м, дверной проем выводил из него в западном направлении. Следует заметить, что западнее и восточнее зала помещений, аналогичных С-6, не могло быть, так как их наружные стены пришлись бы на перекрытие коридора, а это исключено. Очевидно, некоторое нарушение строгой центричности плана Северо-западного массива, выразившееся в незначительном смещении зала к югу, было вызвано именно необходимостью найти место для помещения С-6. Возможно, что по периметру верхнего яруса "башни" располагался еще один пояс помещений или айванов*. У северного и южного края массива их ширина соответствовала бы ширине нижележащего коридора. Труднее представить, какими могли быть соответствующие помещения с запада и востока.

Их пол лежал бы частью на монолитном цоколе, а частью над коридором; ширина достигала бы 4-5 м. Трудно перекрыть такое пространство без промежуточных опор; имея под собой край цоколя, они хорошо пришлись бы на ось предполагаемого восточного помещения, в западном же были бы несколько смещены.

* (*От реконструкции его на прилагаемом плане мы предпочли воздержаться.*)

При раскопках на верхней площадке обнаружены следы замечательных росписей. Очень невысокие участки цветной штукатурки сохранились на подрубленных стенах, остальные фрагменты найдены в завале, часть из них могла быть перемещена при перестройках. Поэтому реконструировать какие-либо композиции невозможно. Тем не менее, рассмотрев наиболее выразительные находки, попытаемся уловить какую-то общую идею в живописном убранстве здания.

В юго-восточном углу "зала" С-1 зафиксированы по самому основанию стен ряд сомкнутых черных дужек (высота их 8 см при ширине 12 см) с белыми кругами в центре. Чуть повыше такие круги отмечены между дужками, поэтому вероятно, что тот же мотив повторился в нескольких ярусах, образуя подобие чешуи.

Чрезвычайно интересна роспись, уцелевшая на стенах узких коридоров, которые охватывали зал; она отмечена в помещениях С-3 и С-4. Здесь по голубоватому фону синевато-черной краской были изображены волны, в которых плывут рыбы (рис. 35, 8, 9). Струи прихотливо закручиваются в разнообразные крупные и мелкие спирали, рыбы красные или светлые с крупной чешуей, обозначенной красным, длина их достигает полуметра*. На какую высоту поднималась роспись с "водами", сказать мы не можем, уцелели они кое-где почти на метр. В заполнении коридора найдены обломки, которые могут указывать, что здесь были также изображения людей, животных и растений. Над полом северного отрезка найден мужской профиль, четко и резко написанный на серо-синем (таком же, как и у волн) фоне, сливающемся с темным головным убором или прической. Над головой видны светлые овалы, обведенные красной краской. Другой обломок показывает, что это часть грозди, вероятно виноградной. Свободно обозначены красными линиями розовые зубчатые листья. Видимо, входя в один живописный пояс, люди и растения были изображены в разных масштабах: первые - чуть меньше натуральной величины, вторые - больше. Трудно сказать, были ли волны частью композиции с фигурами или они заполняли отделенную от нее панель. Похоже, что все это написано рукой одного художника. В западном коридоре найдено красновато-оранжевое изображение, напоминающее уши лошади; другой обломок с той же раскраской может рассматриваться как очень длинная шея с гривой. Если это так, животное было фантастическим.

* (*Этнографами было засвидетельствовано поклонение рыбам, обитавшим в священном бассейне крупного культового комплекса Султан-бобо, который находится неподалеку от Топрак-калы (Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983, с. 82, сл.).*)

Интересное напластование обломков найдено на стыке с Центральным массивом, где от южного отрезка коридора был отделен поздней стенкой небольшой тупичок. Фрагменты одного изображения были найдены сползшими в вертикальную щель между субструкцией и восточной стеной, на которой, очевидно, сначала и была эта роспись. Она изображала мужской безбородый профиль, окруженный нимбом (рис. 83). Вероятно, именно этот персонаж был облачен в красную одежду, отделанную белой полосой с зигзагообразным узором. Хорошо, с передачей светотени, на этом обломке написаны складки ткани. При всем том образ божества или обожествленного правителя был сухим и статичным,

несколько напоминая изображения на некоторых хорезмийских монетах. Совершенно иной характер имеет женское изображение, найденное над полом. Сохранился лишь правленный красный набросок росписи. И тем не менее можно видеть, как тонко древний художник передал задумчивость или грусть изображенной им женщины. Ее голова слегка наклонена, подбородок лежит на ладони, глаза прикрыты пальцами. Лучащаяся серьга и большой спиральный браслет дополняют образ прекрасной хорезмийки*. Остальные фрагменты из тупичка, яркие и многоцветные, не позволяют понять, к каким изображениям они относились. Отметим лишь фрагмент с золотисто-красной чешуей.

* (*См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, рис. 51 в. Очень близкий образ передан в "сцене оплакивания", недавно обнаруженной на Северном комплексе.*)

Рис. 83. Персонаж с нимбом. Фрагмент росписи

В помещении С-6 на стене сохранилась роспись в виде поднимающихся друг над другом рядов черных дужек на голубовато-сером фоне. Таких рядов было не менее пяти, а высота панели - не менее 70 см (рис. 35, 6). Остальные фрагменты найдены в завале. Видимо, в помещении доминировала роспись на ярко-красном фоне. В числе изображений были фигуры животных. На одном обломке угадывается передняя нога скачущей лошади светлой масти*. Коричневой краской намечена моделировка мускулатуры, контур и суставы обведены черной краской. Длина от груди до копыта всего 30 см. Некоторые детали изображений, напоминающие кисти, бубенчики и ремни, вероятно,

свидетельствуют, что животные были взнузданы. Фон был заполнен свободно разбросанными разнообразными декоративными элементами. Среди них небольшие белые розетты с шиловидными отростками, группы белых и черных пятнышек и скобочек, причудливо завихряющиеся черные, белые и зеленые линии. Видимо, в помещении были какие-то пояса росписи с черным фоном; на нем сохранились оконтуренные красным белые розетты, красные "трефовидные" крестики и кружочки.

* (*См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, рис. 50 а.*)

Наконец, следует отметить обломок глиняной тяги или карниза с большими желтоватыми кругами на черном фоне. В нижний коридор могли упасть (или были сброшены) стены того же помещения. В пользу этого свидетельствует сходство многих мотивов росписи. Так, в юго-восточном углу коридора найдены фрагменты, вероятно относящиеся к небольшому изображению серой лошади (часть шеи, уши, круп), такие же розетки на красном фоне, как в помещении С-6, и т. д. На этом же фоне были изображены когтистые лапы, судя по ним, хищники имели те же размеры, что и лошади. В том же завале найдено небольшое изображение женской головы с темными прядями волос; заметны попытки передать светотень красноватыми штрихами, фон темно-синий, на нем белая лилия*. Два фрагмента могут относиться к крупным человеческим фигурам в черной и красной одежде с узорной оторочкой. Отметим, еще орнаментальные пояса, составленные из красной, розовато-желтой и зеленой полос, пересеченных черной ромбической сеткой, розовые с красной обводкой кружочки на светло-зеленом фоне и, наконец, фрагмент, который можно рассматривать как часть орнаментальной рамки с двускатным верхом и туго сплетенной гирляндой, отделяющей "фронтон".

* (*См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948, рис. 51 а.*)

В нашем распоряжении есть косвенные доказательства того, что помимо росписи на Северо-западном массиве была скульптура. Один обломок (часть раскрашенной глиняной головы) был найден при раскопках лестничного проема, ведущего на "башню". Там же найдена алебастровая форма, в которой изготовлялась часть барельефного изображения. Судя по отливке, это был живот с сильно развитой мускулатурой; другие детали изображения неясны: это какие-то жгуты и подобие согнутой конечности с бахромой по контуру*.

* (*Толщина формы до 10 см, ширина 24 см, первоначальная длина, вероятно, достигала 60 см. На оборотной стороне продавлен знак, напоминающий прописную букву "М" с вертикальной полосой, поднимающейся от угла.*)

Несколько форм найдено в южном конце восточного коридора "башни" (рис. 84). Одна из них позволяла оттиснуть или отлить большой змееподобный отросток, свернутый в клубок. На другой отливке хорошо различима часть большого листа, из-под которого отходит в сторону нечто вроде бедра с такими же насечками по краю, как у "змеи". Весьма вероятно, что упомянутые три формы давали детали одной фигуры: какого-то антропоморфного змееногого существа. Другие две формы предназначались для изображения козла или оленя. В одной делали ножки с копытцами, в другой - круп с хвостиком и частью ноги. Еще один барельеф, о котором мы можем судить по форме, был человеческой фигурой, достигавшей натуральной величины. Изображались ноги в мягкой обуви, перетянутые у щиколотки и под пяткой ремнями, на месте их пересечения - круглые пряжки (рис. 84, 6, 7).

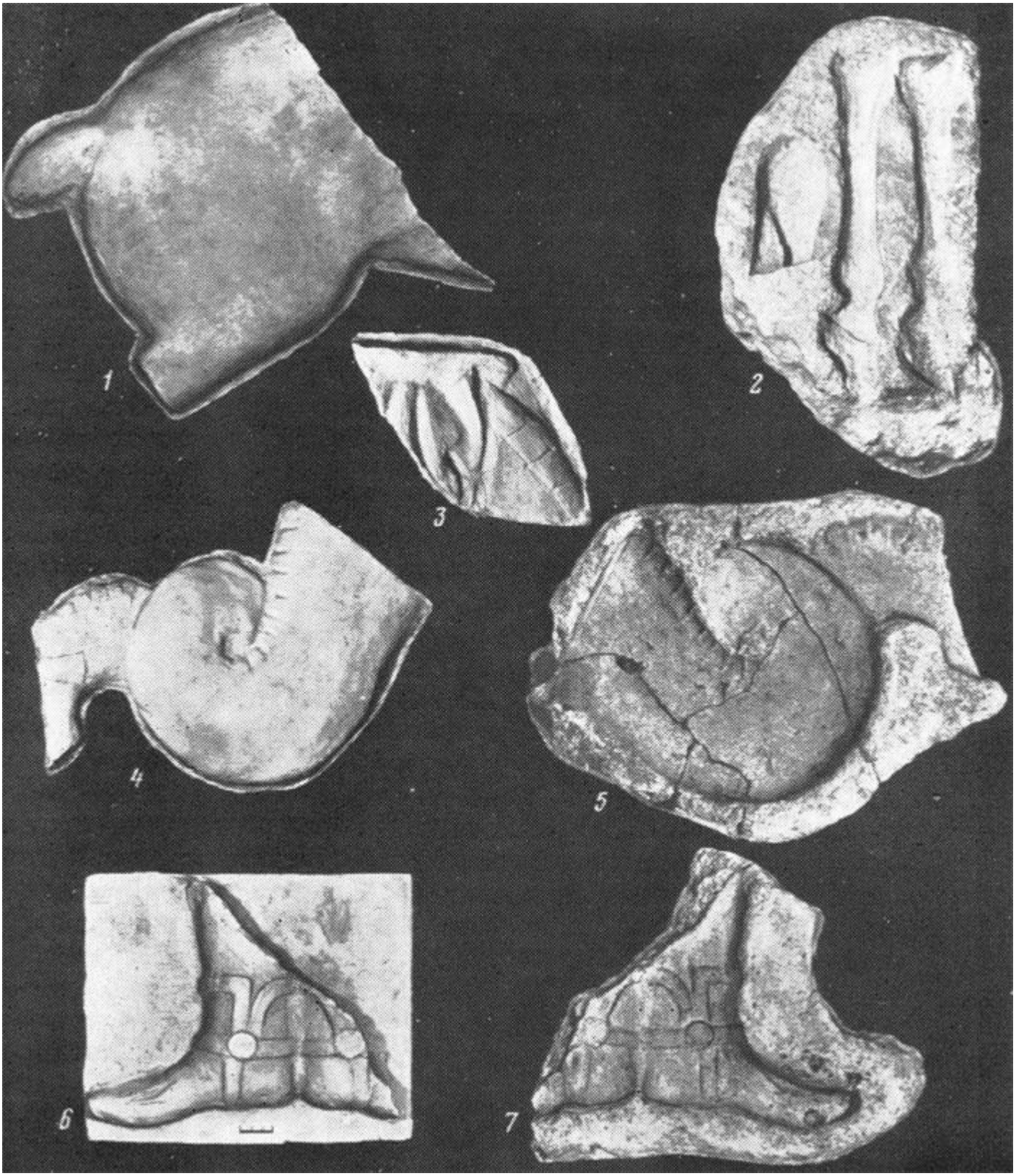

Рис. 84. Алебастровые формы для изготовления барельефов, найденные на Северо-западном массиве, и отливки по ним 1 - круп оленя, отливка; 2 - ноги оленя, форма; 3 - фиговый лист и основание щупальца змееногого существа, отливка; 4 - завиток щупальца, отливка; 5 - завиток щупальца, форма; 6 - ноги мужчины в мягкой обуви, перетянутой ремнями, отливка; 7 - ноги мужчины в мягкой обуви, форма

Трудно сказать, почему алебастровые формы оказались на толстом слое намывов в коридоре. Скорее всего эти уже ненужные обломки были использованы для укрепления кровли или дренажа.

Попытаемся осмыслить рассмотренные материалы. Северо-западный массив был значительно выше центральной части дворца, и это указывает на его важное и особое место в ансамбле. Не исключено, что это была "цитадель в цитадели" - убежище, где в тревожные времена правитель мог чувствовать себя спокойнее, чем в лабиринте Центрального массива. В этом случае оправданной была бы система подъемных лестниц.

Однако, склоняясь к предположению о сакральном характере дворца в целом, тем более естественно трактовать как святилище и эту его часть. Реконструируемый (повторим, без полной уверенности) план дает для этого определенные основания. Квадратный зал, окруженный коридором, достаточно характерен для храмовых сооружений. В частности, таков план знаменитого сасанидского святилища в Бишапуре, как полагают, храма огня или водной стихии[*]. Последнее предположение основывается на том, что вдоль стен обводного коридора были маленькие каналы, по которым струилась вода, поступавшая и в центральную часть зала (который имел почти те же размеры, что помещение С-1). Бишапурский храм заглублен в землю, тогда как рассматриваемая планировка высоко поднята[**], и это, на первый взгляд, мешает сопоставлению. Однако допустимо предположение, что, не имея возможности окружить целлу водой, в хорезмийском святилище прибегли к изображению священного потока на стенах коридоров. Они настолько узки, что рассмотреть роспись было практически невозможно, и объяснить это удается именно ритуальным ее характером. Если вспомнить, что в формах, найденных на Северо-западном массиве, изготовлялись скульптурные изображения каких-то змееногих существ[***], то предположение о связи комплекса с культом воды получит дополнительное обоснование. У нас есть некоторые данные, позволяющие думать, что этот культ, как обычно, был связан с почитанием плодоносящих сил земли. Так, весьма возможно, что земная твердь, изображена на панели второго пояса помещений: ярусы дужек в древневосточном искусстве обычно передают горы[****].

[*] (*Salles G., Ghirshman R. Chapour. Rapport preliminaire de la premiere campagne de fouilles (automne 1935 - printemps 1936). - Revue des Arts Asiatiques, 1936, X, p. 119, 120; Ghirshman R. Les fouilles de Chapour, Iran. - Ibid., 1938, XII, p. 144, 145; idem. "Richapour", v. I. Paris, 1971, p. 7, 33 и др.; Erdman K. Das iranische Feuerheiligtum. Leipzig, 1941, S. 52; Vanden Berghe L. Arcneologie de l'Iran ancien. Leiden, 1959, S. 54; Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris: Gallimard, 1962, p. 149,150; ср.: Schippmann K. Die iranischen Feuerheiligttimer. Berlin-New York: W. de Gruyter, 1971, S. 151.*)

[**] (*В этом отношении она близка залу с обводным коридором на Эрк-кале в Мерве. Исследователи не исключают дворцово-храмовый характер здания (Усманова З. И. Эрк-кала. - Труды ЮТАКЭ, 1963, т. 12, с. 48).*)

[***] (*Скорее всего это был мифологический персонаж, подобный Тритону. Ср.: Беленицкий А. М. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. - В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 73-77.*)

[****] (*Близкая, но не идентичная роспись была по основанию стен центрального зала. Может быть она символизирует небесные горы - местопребывание богов? В этом случае поток на стенах коридора мог рассматриваться как посредствующее звено между двумя мирами. Ср.: Vd. V, 4 (SRE, v. IV, Oxford, 1880, p. 53, 54).*)

Следует сказать также, что животное, фигуру которого можно получить в одной из упомянутых: выше форм, несомненно было изображено вставшим на дыбы. Поэтому можно думать, что оно входило в традиционную дли древневосточного искусства

"геральдическую" композицию с двумя вздыбившимися: козлами и древом жизни или богиней плодородия в центре. Очень возможно, что яркие изображения прекрасных животных и растений, фрагменты которых найдены на "башне", должны были передать всю прелесть того, что даруют Земля и вода.

Очевидно, в Хорезме, как и в других государствах с ирригационным земледелием, эти стихии олицетворяла местная великая богиня, которой и было посвящено рассмотренное святилище. Добавим, что при раскопках Северо-западного массива часто встречалась окрашенная в разные цвета или покрытая красными полосами яичная скорлупа. Как известно, с глубокой древности окрашенное яйцо было символом возрождения, плодородия и ритуальной пищей в соответствующих культах.

Южный массив

К Центральному массиву с юга примыкает сооружение, которое прикрывает часть фасадной стены дворца, украшенной нишами и выступами (рис. 11; рис. 85). Это свидетельствует, что Южный массив построен несколько позже Центрального и первоначальным планом не предусматривался.

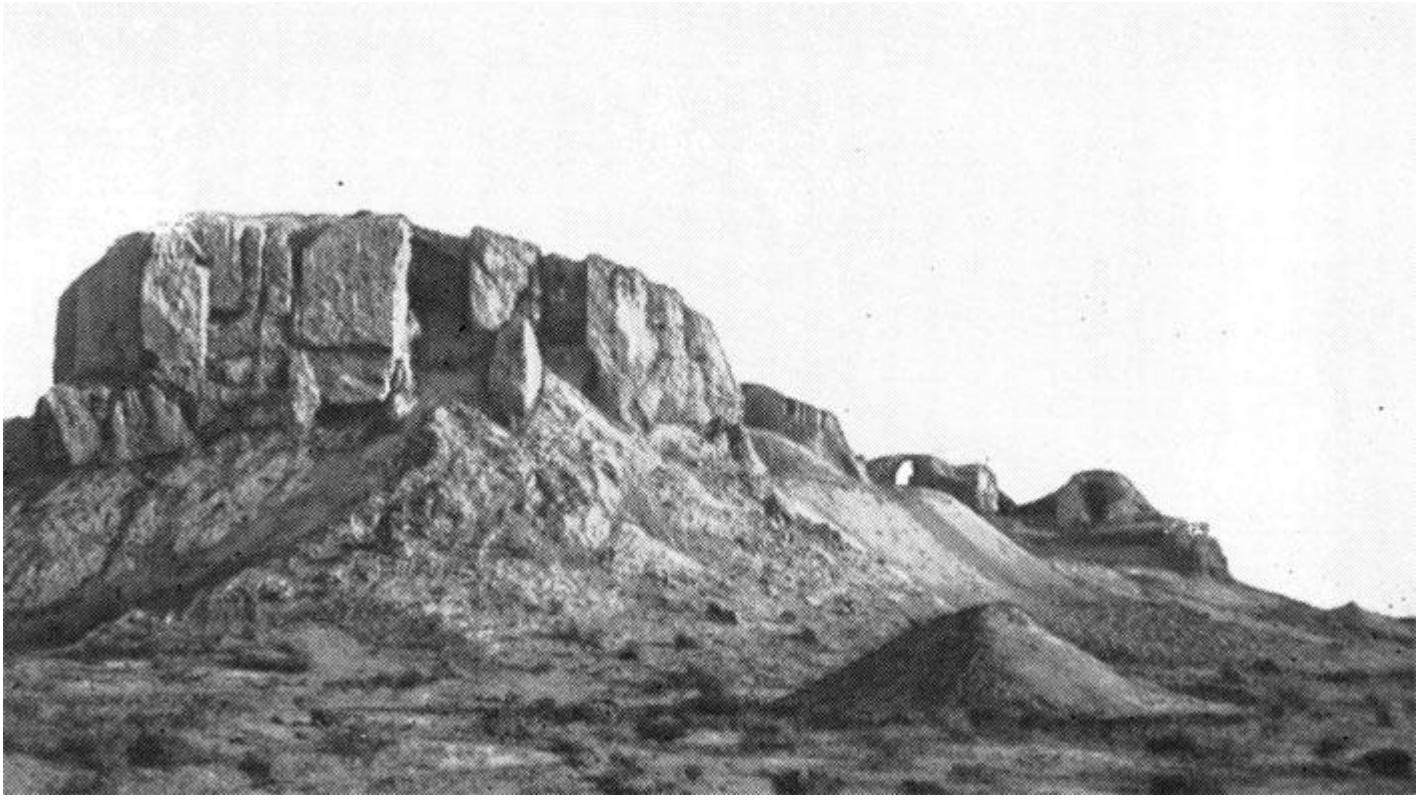

Рис. 85. Южный массив. Вид с юга, со стороны города

Подножие Южного массива было достигнуто нами лишь в узкой глубокой траншее, пробитой через завалы и наносы с восточной стороны. Нижние кирпичи были положены на поверхность, имевшую отметку 1,8 м. Основание кладки отделялось от материкового грунта слоем строительного мусора. Поэтому очевидно, что мы вышли здесь на приставную конструкцию. Грань, сохранившаяся неразрушенной лишь в самом низу (0,7 м), оказалась слегка наклонной: 16 см отклонения на 1 м высоты.

На высоте 13,9 м по краю цоколя проходил обходной коридор. Сохранились значительные участки внутренних стен его западного и южного отрезков (Ю-1 и Ю-2).

Разрушено место поворота из южного коридора в восточный. Однако есть все основания видеть в заложенном кирпичами на глине помещении Ю-3 сохранившуюся часть восточного коридора: пол его имеет ту же отметку, что и на других отрезках, а ширина (2,15 м) совпадает с шириной обходного коридора Северо-западного массива. Восточная стена помещения Ю-3 имеет толщину 1,9 м; очевидно, такими же были и остальные наружные стены обходного коридора[*]. Судя по наиболее сохранившимся участкам, высота его превышала 8 м. Перекрытие, как и на Северо-западном массиве, видимо, было плоским[**].

[*] (*К восточной стене помещения Ю-3 без перевязки примыкает значительная толща кладки. Бидимо, ее основание мы и обнаружили в упомянутой выше траншее. Скорее всего кладка относится к пристройке, удлинившей Южный массив примерно на 7 м. Если верно предположение, что документы растекались с Южного массива, то именно на пристройке должен был находиться архив.*)

[**] (*Если же допустить, что оно было сводчатым, отметка замка реконструируемого свода окажется большей, чем у полов помещений верхнего яруса. Это могло бы иметь лишь одно объяснение: разновременность коридора и сохранившейся верхней планировки.*)

Коридор охватывал с трех сторон верхний объем цоколя, ограниченный стенами трехметровой толщины. Пространство между ними (примерно 14×14 м) заполнено кирпичами на песке. С внутренней стороны южной стены они были нами разобраны до отметки 16,7 м. Углубиться ниже без большой и довольно опасной работы оказалось невозможным. Таким образом, осталось невыясненным, идет ли внутренняя "шахта" ниже пола обходного коридора и каково дно в этом уровне, если она прерывается. Эти вопросы представляются весьма существенными, поскольку нет полной уверенности в чисто конструктивном значении внутреннего объема, заполненного кирпичами. Иначе говоря, не исключено, что была заложена какая-то камера, связь которой с внешним миром после совершения неизвестного нам ритуала представлялась ненужной.

Поверх закладки и ограничивающих ее стен на высоте около 23 м сохранились остатки планировки верхнего яруса (рис. 86). Его полы и стены уцелели на площади около 120 м^2, и это лишь четверть поверхности внутри наружных стен Южного массива (даже не считая пристройки). Поэтому представить себе общий план второго яруса очень трудно. Мы не знаем даже, как на него попадали. Не исключено, что под закладкой помещения Ю-3 скрыта лестница[*], и входили в нижний обходной коридор с уступа, опоясывавшего Центральный массив. Вероятно, существовал вход на Южный массив с крыши первоначальной части дворца. Напомним, что в помещении 95 сохранились нижние ступени лестницы, и дальнейший путь на Южный массив мог идти поверх рано заложенного помещения 83.

[*] (*Однако, как мы помним, обходной коридор на Северо-западном массиве заканчивается тупиком. При этом думать о подъемной деревянной лестнице из очень глубокого коридора Южного массива, очевидно, не приходится.*)

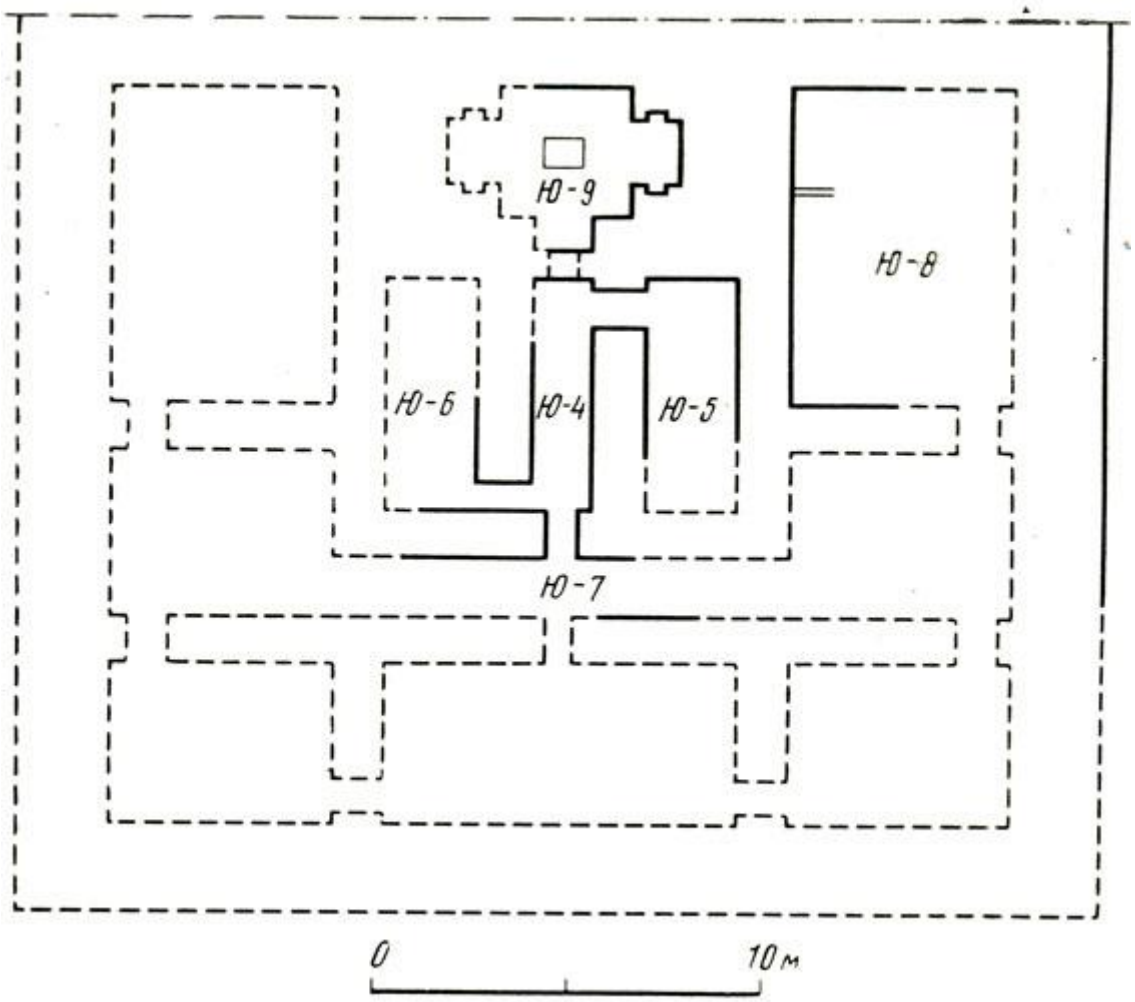

Рис. 86. Южный массив. План верхнего яруса. Реконструкция. Сплошной линией показаны сохранившиеся участки стен

Однако поскольку о месте входа мы можем лишь приблизительно догадываться, описание верхнего яруса удобнее начать с коридорообразного помещения Ю-4. Оно лежит на меридиональной оси Южного массива, возможно являющейся и осью симметрии планировки. Как и у остальных соседних комнат, стены помещения уцелели на очень незначительную высоту (менее метра). Небольшой и, очевидно, темный коридор (6×1,5 м) был расписан, следы краски сохранились не только на его стенах, но и в дверных проемах. Среди фрагментов, найденных на полу, следует отметить красивое изображение ожерелья или оплечья, выполненное красно-коричневыми линиями с заполнением отдельных элементов орнамента белым, фисташковым и черным.

Восточнее коридора было расположено помещение Ю-5, ширина которого 2,4 м. Южная часть комнаты смыта. Если исходить из предположения о симметричности планировки Южного массива, длина комнаты представляется равной 6 м. Помещение было расписано. Примечательна находка на полу сводовых кирпичей и камней из расклинки. Однако они не являются бесспорным доказательством перекрытия сводами комнат Южного массива: сводчатыми могли быть и одни проходы.

Помещение Ю-6, почти полностью смытое, как представляется, могло . быть идентично комнате Ю-5, хотя вход в нее и находится в другом конце осевого коридора.

Лишь в 1978 г. на краю обрыва были обнаружены остатки коридора, лежавшего южнее помещения Ю-4 и перпендикулярного ему. Ширина этого коридора (Ю-7) около 1,5 м,

прослеживается он по обе стороны от двери из осевого помещения в общей сложности на 9 м. Есть основания полагать, что до разрушения длина его достигала 12-13 м. На стенах и в завале сохранились следы росписи.

Вероятно, коридор выводил в помещение, лежавшее к востоку от него (оно смыто полностью), из которого можно было попасть в зал (Ю-8), частично сохранившийся в северо-восточной четверти Южного массива. Западная стена уцелела по всей длине (7,2 м). Примыкающие отрезки северной и южной стен прослеживались лишь на 1,5-2 м. Полагая, что верхнюю планировку замыкала та же стена, что и нижний обходной коридор, ширину помещения Ю-8 мы определяем в 6 м, в этом случае часть пола лежала на балках перекрытия коридора. Лицевая поверхность западной стены сохранилась на высоту 40-60 см, ее разрушенная кладка до 1,2 м выше пола. На расстоянии 2 м от северо-западного угла перпендикулярно этой стене была поставлена тонкая (0,25 м) глиняная переборка, которую удалось проследить на 0,7 м. Найденные подле переборки дугообразные раскрашенные кирпичи несомненно образовывали на ней декоративную решетку, подобную той, которая лучше сохранилась в Зале царей. Следует полагать, что к западной стене примыкала по меньшей мере еще одна перегородка, и в зале было три "ложи". На подножии стены сохранилась роспись, данная по голубоватому фону. Основным ее элементом были черные дужки с белыми кружочками в центре. Подобная живописная решетка, как мы помним, отмечена в центральном помещении Северо-западного массива. Над декоративной панелью в рассматриваемом зале располагалась какая-то сюжетная роспись, от которой в завале сохранилось несколько плохо определимых фрагментов. Среди них выделяется обломок превосходно выполненного женского изображения примерно в три четверти натуральной величины. Уцелела нижняя часть головы, обернутой в профиль, шея и часть корпуса, данного в фас. Изображения были даны на светлом желтоватом фоне, ярких тонов в живописи помещения Ю-8 вообще не отмечено.

В какой-то момент стены поверх росписей были покрыты грубой глиняной обмазкой. Среди обломков старого декоративного убранства лежал камыш, овечий помет и т. д. Все это, разумеется, следы повторного использования.

Главным на Южном массиве следует считать помещение Ю-9. Об этом свидетельствует его расположение на оси сооружения (к северу от коридора Ю-4) и особенности планировки, повторявшие, очевидно, некоторые характерные моменты плана тронного двора и его боковых приделов (помещения 12 и 13). Ширина помещения по восточной стене 3,1 м. Северная стена прослежена на 2,4 м, далее она разрушена. Южная стена на расстоянии 1,1 м от юго-восточного угла давала поворот к югу (на 0,7 м), а затем примерно на 1,6 м с большим трудом прослеживалось основание кладки, опять идущей в широтном направлении. Посредине восточной стены была ниша, дно которой на 35 см выше пола помещения. Ширина ниши 1,1 м, глубина 1,2 м. В ее южной и северной стенках были маленькие нишки с арочным верхом и приподнятым донцем. Их высота 25 см, площадь 40×25 см. Стены большой и маленьких ниш были покрыты побелкой, роспись по ней не отмечена.

На расстоянии 145 см от восточной стены, на равном удалении от южной и северной стен располагался низкий прямоугольный (60×90 см) очаг или площадка для переносного вместилища огня. Естественно предположить, что это функциональный и композиционный центр помещения и что в западной, теперь смытой стене была такая же ниша, как и в восточной. Однако в этом случае вход мог быть лишь в южной стене. Возникает вопрос, не основание ли порога или закладки прослежено к югу от очага.

Примерно в 50 см выше пола на восточной стене сохранился небольшой участок налепного карниза с росписью в виде гирлянды из листьев. Остатки настенной живописи были найдены в завале. Заслуживает упоминания профильное изображение безбородой головы, данное в 3/4 натуральной величины. Оно четко прописано черным по красной подмалевке и весьма напоминает профиль лучников с Центрального массива (не исключено, что это работы одного художника). Голова почти упирается в какое-то непонятное сочетание линий крупного красного рисунка, по-всей вероятности, от фигуры большого размера. Основные тона, прослеживаемые на обломках, - красные, черные и розовые; встречаются также оранжевая, зеленая и лиловая краски.

Предлагаемый нами вариант реконструкции Южного массива, как можно заметить, основан на предположении о симметричности его планировки, которое подсказано особенностями нижнего яруса. Длину некоторых стен, видимо, помогают определить выступы в обходном коридоре. Не претендуя на полную достоверность реконструкции, отметим, что и дошедшая до нас планировка позволяет думать о культовом назначении Южного массива, на котором главным было удаленное небольшое святилище со священным или поминальным огнем.

Северо-восточный массив

Кладки Северо-восточного массива закрывают угол первоначального квадрата дворца, обработанный нишами и пилястрами. Удалось установить также, что под пристроенным массивом лежит участок крепостной стены с башней, которые включены в платформу-цоколь*. Его границы были прослежены в нескольких шурфах, не доведенных, однако, до материка. Сначала площадь платформы была, видимо, около 50×40 м, позднее за счет прикладок, которые отмечены со всех сторон первоначальной платформы, она достигла 60×50 м. Высота цоколя (около 15 м) немного превышает уровень площадки Центрального массива.

* (*Как показал раскоп с восточной стороны массива, общая толщина городской крепостной стены здесь достигала 8 м. R ней был коридор, перекрытый сводом, над которым лежала стрелковая галерея. Отметка ее пола 9,13 м. Наружная стена галереи, насколько можно судить по срезу, была включена в платформу Южного массива, сохранив почти всю первоначальную высоту. На "гребень" (отметка около 15 м) лег пол южного коридора массива (помещение В-9). Однако мы не обнаружили бойниц на том участке стены, где они должны быть по расчетам (для поисков бойниц был немного расширен грабительский ход, пробивший часть платформы с юга). Если игнорировать малый размер шурфа и возможность какой-то ошибки при выборе места для него, это может быть объяснено следующим образом: 1) наружная стена до уровня бойниц была срублена, а затем одна из полос субструкционной кладки наращивалась по оставшемуся основанию; 2) строительство Северо-восточного массива было начато до завершения городской стены. Коридор в крепостной стене был заложен, его свод и внутренняя стена частично срублены. Поверх них легла четырехметровая толща южного панциря массива. Контур крепостной башни наметился внутри кладки платформы. Был обнаружен вход в эту башню, перекрытый сводом (замок на отметке 14,5 м). При раскопках крепостной стены внутри коридора были обнаружены ящички-оссуарии, поставленные здесь в позднее время.*)

В основе планировки рассматриваемого сооружения 8 помещений, вытянутых в меридиональном направлении (рис. 5Б, 6Б). Три из них (В-1, В-2, В-3) должны были открываться на север, остальные имели выход на юг.

Помещение В-1 сохранило только южную и восточную стены, однако, зная западный край цоколя, можно предположить, что ширина комнаты была около 2,5 м. На полу (отметка его 15,3 м) лежит слой, более всего напоминающий строительный мусор: комки засохшего глиняного раствора и щепки. До уровня 16,5 м помещение было заложено кирпичами. На ровной поверхности этой закладки сохранился тонкий слой перегнивших растительных остатков, а выше - тяжелый спаявшийся кирпичный завал. Примечательно,

что в нем было несколько плохо сохранившихся кусочков росписи. На стенах помещения В-1 не отмечено даже простой глиняной штукатурки; маловероятно, чтобы обломки росписи были заброшены на довольно высокую закладку с Центрального массива. Скорее всего они рухнули со второго этажа, который на Северо-восточном массиве не сохранился.

Помещение В-2 отделяла от предыдущего стена толщиной 2,4 м. Отметка пола 15,22 м. Восточная стена уцелела на протяжении 9,5 м. Отмечен слой строительного мусора и, что особенно интересно, камышовые веревки, натянутые вдоль подножия стен. Мы знаем, что так строители дворца намечали направление кладки. Характерно, что в помещениях В-2 и В-3 веревки не были, как обычно, прикрыты обмазкой пола, которая вообще отсутствовала. Комната заполнена кирпичной закладкой до сохранившейся поверхности своих стен.

Помещение В-3 очень узкое - 1,65 м. Северная стена его смыта. Наиболее сохранившаяся восточная стена прослеживается на 13 м. Коридорообразное помещение было перекрыто сводом, часть которого уцелела с востока. Пята его лежит на отметке 21,4 м. Очевидно, такие же своды были и в двух других помещениях западной группы. Расчеты показывают, что высота комнат достигала 7,6 м. Помещение было заложено до самого верха. Разборка закладки, как и во всех остальных помещениях Северо-восточного массива, не производилась. Возможно, под ней скрыта лестница, что могло бы объяснить необычное соотношение длины и ширины оконтуренного пространства.

Стена толщиной 3,5 м разделяет западную и восточную группы помещений[*]. Столь же массивны стены, ограничивающие помещения В-4 - В-8 с севера и востока. Южная стена этих четырех комнат еще толще - 4,2 м. Помещения однотипны. Длина их 12,7 м, ширина 2,6 м. Посредине южной стены каждой комнаты был проход шириной 1,2 м. Уровень конструктивного пола в проходах примерно 15,2 м. Очевидно, на тех же отметках находятся и полы помещений; однако, поскольку все они заложены, лишь в комнате В-7 это подтверждено раскопками[**].

[*] (*Линия западной плоскости этой стены прослеживается далее в виде шва, идущего к югу от угла помещения В-3.*)

[**] (*В 1947 г. был расчищен грабительский колодец в северо-восточном углу этого помещения. Он был пробит через закладку и субструкцию. Грабители остановились в уровне около 10 м на одном из слоев субструкционных кирпичей. Пол помещения был зафиксирован лишь в срезе. Культурный слой на нем в полевом дневнике не упомянут. Колодец, общая глубина которого около 11 м, сейчас засыпан, поэтому дать точную отметку пола в принятой здесь системе нельзя. Пол лежит в пределах от 14,4 до 15 м.*)

Длинные дверные проемы были перекрыты двойными сводами (см. гл. II), лучше всего свод сохранился перед помещением В-5 (рис. 20). Отметка нижнего свода здесь 18,97 м. Следовательно, высота входов была около 4 м.

Как это ни удивительно, до наших дней устояла открытая всем ветрам и дождям дуга свода из сырцовых кирпичей над помещением В-4 (рис. 18). Здесь шелыга находится на уровне 22,49 м. Таким образом, высота помещений восточной группы также достигала 7,5 м.

Все они соединялись с коридором, проходившим вдоль южной стороны массива (В-9). Небольшой участок его внешней стены сохранился напротив помещения В-8, что

позволяет определить ширину коридора - 2,9 м. Пол его на этом участке дал отметку 14,83 м.

Два параллельных друг другу коридора прослежены и севернее комнат В-4-В-8. Первый из них (В-10), некогда перекрытый сводом, имеет длину около 20 м и заканчивается с западной стороны тупиком, а с восточной соединяется с другим коридором, идущим в меридиональном направлении (В-11). Самое северное помещение массива (В-12) также открывается в коридор В-11. От угла он прослеживается на 7 м и далее перегораживается кладкой, которая перевязана с восточной стеной, но отделена от западной швом, уходящим далеко к югу. Перевязка лишь с одной из ограничивающих стен характерна для топраккалинских лестниц. Возможно, и помещение В-11 скрывает лестницу, выводившую на верхний этаж. Однако без разборки закладки это выяснить нельзя. По той же причине не установлены уровни полов в северных коридорах. Очевидно, в помещении В-12 пол лежал значительно ниже, чем в центральных комнатах.

Похоже, что система планировки с периметральным коридором, характерная для двух других массивов, в какой-то усложненной форме была применена и на рассматриваемом сооружении. Вполне может быть, что частью западного отрезка этого коридора являются помещения В-1 или В-3.

Помещения В-4-В-8 и их дверные проемы были заложены. Однако обнаруженный раскопками уровень кирпичного заполнения в комнатах неодинаков. Так, на большей части площади помещения В-4 он находился на 2,6 м ниже свода, в помещении В-5 - на 3,1 м, а в помещении В-8 закладка практически достигала уровня шелыги свода. Приходится предположить, что сначала все помещения были заложены доверху, а позднее в некоторых из них часть заполнения была выломана, чтобы устроить жилье под сохранившимися сводами. Действительно, следы обитания на закладках в помещениях В-4 и В-5 достаточно отчетливы, а под сводами в проходах отмечены наклонные лазы высотой около 1,5 м. Поверх культурного слоя, накопившегося в позднее время, на кирпичах закладок лег завал сводов, перемешанный со множеством обожженных кирпичей, а иногда и с блоками таких кирпичей в алебастровом растворе. Вероятно, это рухнувшая вымостка кровли. Следы трех жилых комнаток с поздним инвентарем отмечены на месте южного коридора. Здесь полы лежали в уровне старой субструкционной кладки: очевидно, помещение В-9 заложено не было.

Назначение Северо-восточного массива, причины и этапы его перестроек остаются для нас во многом неясными. Есть основания утверждать, что три западных помещения (В-1-В-3) были заложены сразу после постройки. Отсутствие обмазки и следов изношенности на стенах остальных заложенных комнат*, возможно, указывает, что и от них сразу отказались. Таким образом, не исключено, что планировка, которая дошла до нас, осталась, собственно говоря, лишь архитектурным замыслом. Можно предположить, что уровень строительной техники не позволил сделать достаточно прочными огромные своды, перекрывающие комнаты. Их заложили, чтобы поднять на более высокий сплошной цоколь какие-то планировки, до нас не дошедшие. При условии сохранения обходного коридора схема сооружения после перестройки приблизилась бы еще более к той, которая отмечена на двух других дополнительных массивах. Итак, не исключено, что от рискованного новаторского архитектурного замысла сразу отказались в пользу традиционного и проверенного решения.

* (*В двух-трех местах мы вынули по нескольку кирпичей около стен. Если бы кирпичи лежали в песке, можно было бы думать, что строительство массива по какой-то причине было прервано. Как известно, в*

древневосточном зодчестве кирпичи в песке служили иногда своего рода строительными лесами, которые потом убирали. Однако между кирпичами закладок на Северо-восточном массиве всегда глиняный раствор.)

Трудно найти какое-то объяснение и для первоначально задуманной планировки с ее очень высокими однотипными комнатами. Сомнительно, чтобы на огромный цоколь стали поднимать столь монументальные склады. Несколько более удовлетворительно предположение о казармах. И все же, для чего размещать солдат в столь высоких комнатах, за внутренними стенами четырехметровой толщины? Несомненно только, что заложенные комнаты под сводами всегда возбуждали любопытство. Недаром на Северо-восточном массиве зафиксированы четыре грабительских хода. Достаточно трудоемкие, но, как обычно, бессистемные, они не привели к искомым сокровищам. Вряд ли что-либо, кроме интересных архитектурных элементов, найдут, разобрав закладки, и будущие исследователи Топрак-калы. Но эти работы станут уместны лишь тогда, когда будет решена проблема сохранения раскрытых конструкций из необожженного кирпича.

При раскопках Северо-восточного массива были найдены две кушанские монеты. Одна из них обнаружена в шве между основным фасадом с западной стороны и утолщающей дополнительной кладкой. Это монета Канишки, что как будто указывает на весьма раннее время пристройки. Вторая монета (чекана Васудевы) лежала чуть ниже пола южного коридора между кирпичами его субструкции*. Давая самую общую датировку Северо-восточного массива, эти находки заставляют подумать, не разновременны ли его восточная и западная части. При этом не исключено, что более древней является именно меньшая западная сторона (сохранившаяся часть срубленного сооружения?). В пользу этого предположения свидетельствуют обломки росписей, найденные в помещении В-1 и ни разу не отмеченные в комнатах В-4-В-8.

* (*Эти кирпичи небрежно заполняли щель между наружной крепостной стеной, взятой в толщу платформы, и основной кладкой этой платформы. Напротив стены, разделяющей помещения В-5 и В-6, в эту более мягкую полосу субструкции врубились грабители. На месте их хода в 1947 г. был заложен шурф, из среза которого и получена монета Васудевы.*)

Укрепления

В 1967, 1969 и 1970 гг. были проведены раскопки на западном и северном склонах руин дворца. Довольно значительные по своему объему, эти работы не позволяют, однако, с желательной полнотой охарактеризовать оборонительную систему; ветер и дождевые воды, стекавшие с дворцовых массивов, оставили лишь основания стен и башен. Многие из них лишь затронуты раскопками, другие, возможно, скрыты под огромными завалами и наносами. Полученные данные заставляют, однако, предположить, что все обнаруженные нами укрепления возведены позже дворца, скорее всего единовременно при переоборудовании опустевшего династического центра в городскую цитадель. Ранее, видимо, неприступность дворца должны были обеспечивать полевые войска, священный характер сооружения и, конечно, крутизна его высоких платформ.

Городская стена раннего периода упирается в южную грань платформы Центрального массива*, западная ее грань продолжает линию крепостной стены. Ближайшая ко дворцу башня этой стены была нами раскопана. Коротко охарактеризуем ее, чтобы можно было сравнить башню, характерную для ранних укреплений Топрак-калы, с теми, которые были обнаружены вокруг дворца. Башня прямоугольная в плане, вынос за линию крепостной стены 8,5 м, ширина 7 м. Снаружи башня (как и крепостная стена) была обработана нишами с бойницей посредине каждой из них. С боковых сторон башни было по две бойницы, спереди - одна. При перестройке укреплений верх башни был срублен почти до

дна бойничных ниш, и на оставшейся части построена новая башня. Ее основание лежит на отметке 7 м. Северный фас новой башни несколько выступил за старые габариты. Нависший участок кладки был как бы подперт поставленными на ребро кирпичами, приложенными в несколько ярусов к старому фасаду. Ясно, что стоять открытым это нагромождение не могло. Действительно, к крепостной стене севернее башни и далее к стилобату дворца примыкает насыпь из мелких обломков кирпичей. Видимо, она частично образована за счет разрушенных старых укреплений. Если южнее башни старая стена с бойницами была сохранена и после закладки ниш использовалась как стена новой стрелковой галереи, то на рассматриваемом участке она была подрублена, частично сохранившиеся ниши заложены и сверху положена новая кладка. Отметка основания этой почти не сохранившейся стены 8,15 м. Вероятно, это была внутренняя стена новых укреплений; наружная стена, под которую была подведена насыпь, разрушилась бесследно. Немного севернее юго-западного угла дворцового цоколя, скос которого здесь подтесан, отмечена кирпичная кладка с отметкой основания 8,32 м. По всей видимости, это остатки того же пояса укреплений.

* (*Поскольку перекрывающий внутристенный коридор свод, выведенный из кирпичей наклонными отрезками, опирается в своем начале на наклонную грань платформы, не может быть сомнений в единовременности цоколя дворца и ранних городских стен.*)

На расстоянии 14 м к северу от юго-западного угла платформы Центрального массива обнаружена большая башня (рис. 87). На комковатый глинистый слой (отметка поверхности 0,67 м) была положена массивная глиняная кладка с наклонными краями, имевшая высоту 2,5 м и вынос около 15 м. Поверх этой платформы из сырцовых кирпичей возведен цоколь башни. Ширина его 12 м, вынос около 10 м, высота 5 м. Внешний контур округлен. На цоколе стоят стены башни, отметка их основания 8 м, толщина 2,5 м. По мере удаления от стилобата дворца стены сближаются. Передняя сторона башни не сохранилась; очевидно, и она была скруглена. Пространство между стенами плотно забутовано глиной и обломками кирпича. Поверх бута, который сохранился до отметки 10,2 м, должен был лежать пол внутренней камеры, теперь совершенно смытый. Башня перестраивалась. Поверх ее стен отмечены более новые, которые на 20 см толще подстилающих. Но и в основе своей башня, безусловно, позже дворцового цоколя. Кирпичное основание башни немного врезается в него. При расчистке хорошо заметны следы инструмента (типа теши), которым рубили стилобат Центрального массива.

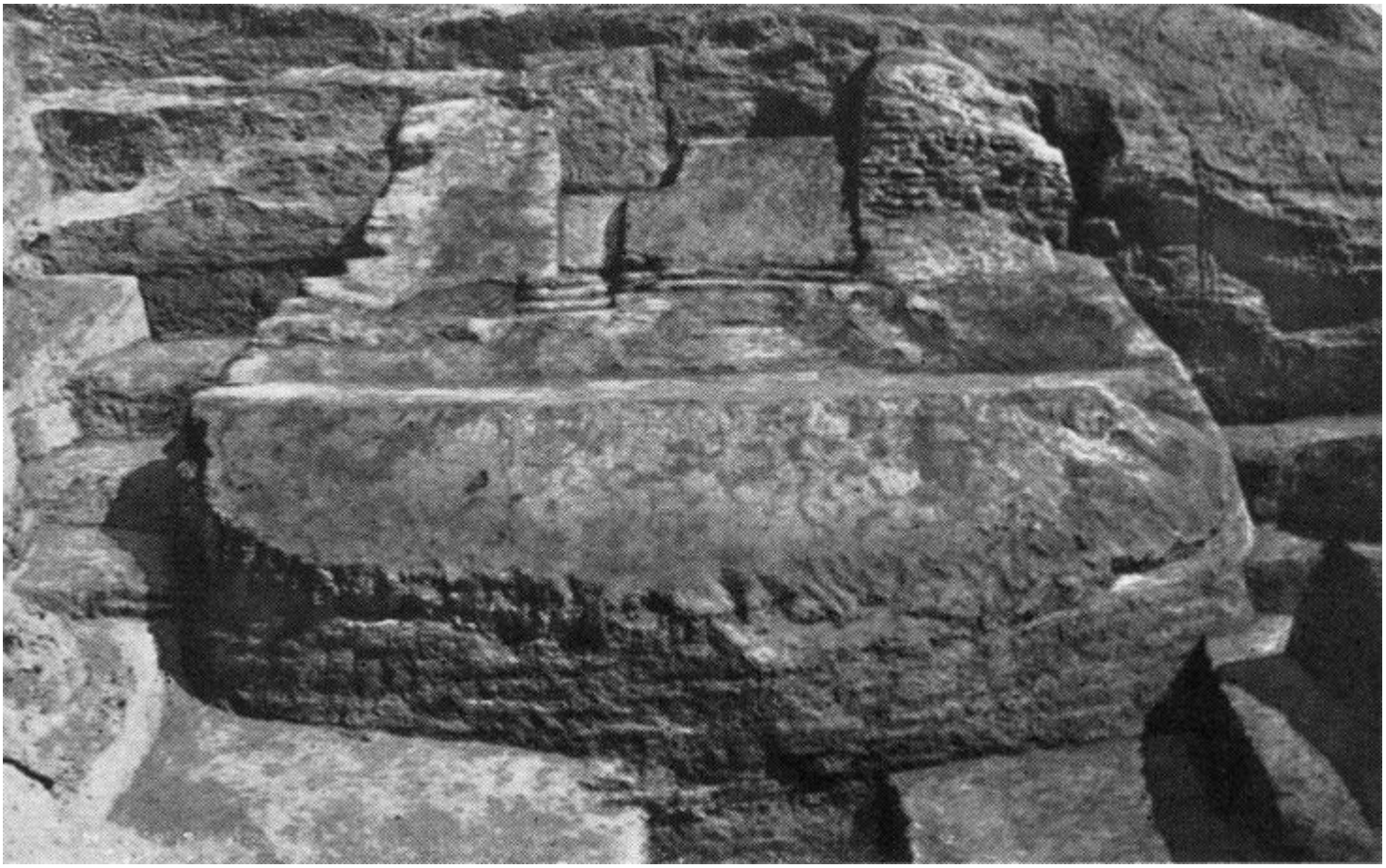

Рис. 87. Крепостная башня, пристроенная к западной стороне Центрального массива. Вид с запада

Южнее башни к дворцовой платформе примыкает своеобразная высокая прикладка, имеющая в плане очертания каплевидной фигуры, рассеченной по оси. Широкая сторона выступает на 2 м, длина 6 м, конец несколько заглублен за линию фасада стилобата. Назначение этой башнеобразной монолитной конструкции неясно. Может быть, на ней была площадка, с которой можно было обстреливать подножие высокой башни. Нельзя исключить и декоративного назначения выступа.

Нами были предприняты попытки найти башню на месте стыка Центрального и Северо-западного массивов с южной стороны последнего. Здесь была обнаружена разрушенная кирпичная кладка, низ которой лежал в уровне 9,2 м. Под ней был комковатый завал, скорее всего подсыпка. Возможно, это остатки башни, но, во всяком случае, не такой большой и глубоко заложенной, как башня у юго-западного угла.

С южной и западной стороны Северо-западного массива были отмечены участки кладок, лежащих на насыпном грунте и имеющих основание в уровне 8-9 м. Возможно, и это остатки укреплений, которые возводили вокруг дворца, как их возводят на склонах естественных возвышенностей, но ничего определенного сказать об этих разрозненных прикладках нельзя.

Северо-западный и Северо-восточный массивы дворца соединены крепостной стеной, лежащей на линии их северных фасов. Этот участок укреплений ограничивается так называемый Северный двор, зажатый между платформами трех дворцовых массивов[*]. Стена сохранилась в виде гребня высотой до 12 м. Толщина ее, видимо, около 6 м. В основе стены лежит кирпичный цоколь высотой около 6,5 м[**]. Поверх него проходил

коридор двухметровой ширины, впоследствии заложенный. Толщина его наружной стены 1,7 м, внутренней 1,4 м. Бойниц во внешней стене мы не обнаружили. Видимо, над коридором лежала стрелковая галерея, теперь разрушенная.

[*] (*В 1950 г. на площади Северного двора около Северо-восточного массива был заложен большой (6×5 м) шурф. Он пробил пятиметровую толщу наносов и завала и был остановлен на отметке около 5 м. Здесь были обнаружены остатки полов, как будто подстилаемые пахсовыми блоками. Следует отметить находку алебастрового карниза на дне шурфа.*)

[**] (*Напомним, что цоколь ранних крепостных стен пахсовый.*)

Стены коридора на 1,2 м не доходят до восточной грани Северо-западного массива, оставляя проходы к северу и югу. Севернее коридора проход имеет длину 4 м, далее он перегорожен сильно смытой кладкой. Похоже, что проход продолжался и дальше. В этом случае он через 2-3 м подводил к северному краю прямоугольной платформы, охватывавшей угол Северо-западного массива. Этот край круто обрывался на высоте 6 м над окружающей местностью. Следовательно, проход мог подводить лишь к проему для вылазок или для забора воды из рва, но не к двери, выводившей из дворца. Если же перегородки образовывали тупик, он мог быть небольшой стрелковой камерой, контролировавшей подход к калитке в крепостной стене (см. ниже).

К югу от коридора поверхность резко поднимается. Это поднятие прослеживается на 8 м вдоль восточной стороны платформы Северо-западного массива и подстилается пахсовой кладкой, имеющей внизу толщину 3,5 м. Подъем достигает 22 см на 1 м протяженности. Видимо, обнаружен участок пандуса, соединявшего Центральный массив с коридором крепостной стены Северного двора. К сожалению, с отметки 9,2 м наклонная поверхность и ограничивающая ее грань цоколя сильно разрушены. При сохранении того же подъема, что и в нижней части, пандус должен был вывести на уровень полов центральной части дворца (см. гл. III).

Крепостная стена Северного двора была усилена тремя башнями. Первой из них можно считать прямоугольную платформу, о которой мы упомянули. На расстоянии всего 6 м от нее была вторая башня. Ее основание лежит на отметке 2,85 м, ниже плохо сохранившаяся кладка из субструкционных кирпичей. От башни остался кирпичный цоколь, его ширина 4,1 м. Западный край примыкает к основному фасу стены, выступая на 9 м. Северная сторона башни скруглена. Восточный край башни короче западного. Это объясняется тем, что здесь кладка башни вперевязку соединяется с дополнительной стеной, которая в какой-то момент на 3,4 м увеличила толщину первоначального укрепления. Отмечена еще одна прикладка к крепостной стене с отметкой основания 3,85 м.

Крепостную стену между платформой на углу Северо-западного массива и второй башней прорезает глубокая промоина. Возможно, она прошла на месте ворот, для которых глубокая и узкая куртина кажется очень подходящим участком. Ширина промоины на отметке 6 м (ниже провести расчистку нам не удалось) всего 1,5-2 м. Это может указывать, что ворота были узкими, своего рода калитка, выводившая к Северному комплексу. Не исключено, что через коридор крепостной стены дополнительные ворота были соединены с пандусом.

Третья башня отстоит от предыдущей на 20 м, т. е. на обычное для хорезмийских крепостей расстояние. Расчищен небольшой участок ее округленного цоколя и сохранившаяся часть внутренней камеры. Полной уверенности, что камера построена тогда же, когда и основание, нет. Ширина ее 6 м, пол на отметке 10,1 м. Возможно, в том

же уровне лежала стрелковая галерея. Из камеры можно было попасть в небольшую (2,2×2,2 м) комнатку, возможно, колодец для лестницы, выводившей наверх. Никаких находок в двух помещениях не было, что затрудняет датировку верхнего уровня стены. Керамика, найденная в коридоре близ пандуса, имеет довольно поздний облик.

Четвертая и пятая башни, примыкавшие к Северо-восточному массиву, образуют куртины 20-метровой ширины и, очевидно, входили в один оборонительный пояс со стеной Северного двора. Как показали зачистки четвертой башни, ее цоколь был округлен с передней стороны.

Башня, охватывавшая угол Северо-восточного массива, имела очертания неправильного овала. Максимальный диаметр около 15 м. Наивысшая точка кладки зафиксирована на отметке 6,5 м, где прошло разрушение цоколя. Основание башни скрыто за кирпичной прикладкой пятиметровой толщины, которая лежит на материковой поверхности (отметка 0,8 м). Возможно, прикладка образовывала защитную платформу у подножия угловой башни. Не исключено, однако, что это основание большего по площади позднего укрепления. Но и оконтуренная нами башня - конструкция не изначальная. Сперва угол Северо-восточного массива был с двух сторон утолщен кирпичной кладкой двухметровой ширины. С восточной стороны ее длина 9 м[*]. Не исключено, что угол массива сразу был укреплен и архитектурно подчеркнут мощным выступом. Кладка этого выступа была перекрыта цоколем овальной башни, которую, таким образом, следует считать конструкцией вторичной.

[*] (*По северному фасу длина выступа не прослежена, так как он скрыт под более поздней кладкой.*)

Глава пятая. Инвентарь, полученный при раскопках дворца

При раскопках дворца предметы обихода встречались сравнительно редко. Естественно, что в первый период в его помещениях поддерживался порядок. Когда же он был покинут, все, что имело какую бы то ни было ценность, вывезли. До нас дошли лишь отдельные потерянные или оставленные вещи, часто уже во вторичном залегании - в завале, образовавшемся при обрушении второго этажа, или в местах, куда сбрасывали мусор из помещений при позднейшем их обживании. Часть находок, преимущественно керамика, приурочивается к помещениям, занятым стражей.

Во второй период в покинутом дворце охрана оставалась, и с этим временем также связана часть находок[*].

[*] (*Следует напомнить, что периоды истории дворца не совсем совпадают со стратиграфическими горизонтами, выделенными на городище. Так, первый период во дворце соответствует I горизонту на городище, т. е. раннему этапу существования города, второй - очевидно, переходному времени между I и II горизонтами или самому началу II горизонта, третий - в основном II и началу III горизонта, т. е. позднему этапу в истории города. См.: Городище Топрак-кала (раскопки 1965-1975 гг.) - ТХЭ, 1981, т. 12, с. 11-12.*)

Большая же часть керамики, бытовые вещи, остеологический материал, о виноградные косточки, косточки фруктовых деревьев и т. п. относятся к третьему периоду, когда дворец использовался как городская цитадель[**]. В ряде случаев напластования третьего периода залегали непосредственно на нижних полах помещений и далеко не всегда удается стратиграфически выделить вещи, относящиеся к тому или иному периоду.

[*] (*Керамика дворца Топрак-кала была привлечена в работе: Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. - В кн.: Керамика Хорезма. - ТХЭ, 1959, т. 4, с. 157-167; украшения частично были опубликованы в статье: Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 119-134; остеологический материал был исследован В. И. Цалкиным, см.: Цалкин В. И. Фауна античного и средневекового Хорезма. - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 213-244; Он же. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. - МИА, 1966. № 135, с. 108-157.*)

Публикуются только материалы первого и второго периодов, остальные характеризуются лишь в общих чертах. Однако мы сочли полезным включить и керамику третьего периода в сводную таблицу.

Оружие. Находки оружия концентрировались в помещениях 89-93 юго-восточного угла Центрального массива дворца. Очевидно, оно попало сюда со второго этажа, где хранилось вместе с другим дворцовым имуществом и архивом документов, при обрушении перекрытия. Несколько предметов было встречено и в других помещениях.

Луки. Из семи фрагментов луков два (из помещения 93) составляли каждый примерно две трети целого: рог, плечо, рукоять и переход ко второму плечу (рис. 88 а); два других (из помещений 89 и 90) - треть: рог с частью плеча. Остальные обломки небольшие. Сохранились деревянные части, костяные накладки и следы обмотки корой или лубом. Кроме того, одна костяная накладка была найдена в помещении 98. Все это позволило реконструировать схему построения хорезмийского сложносоставного лука (рис. 88б)[*].

[*] (*Описание оружия дано по материалам Ю. А. Рапопорта.*)

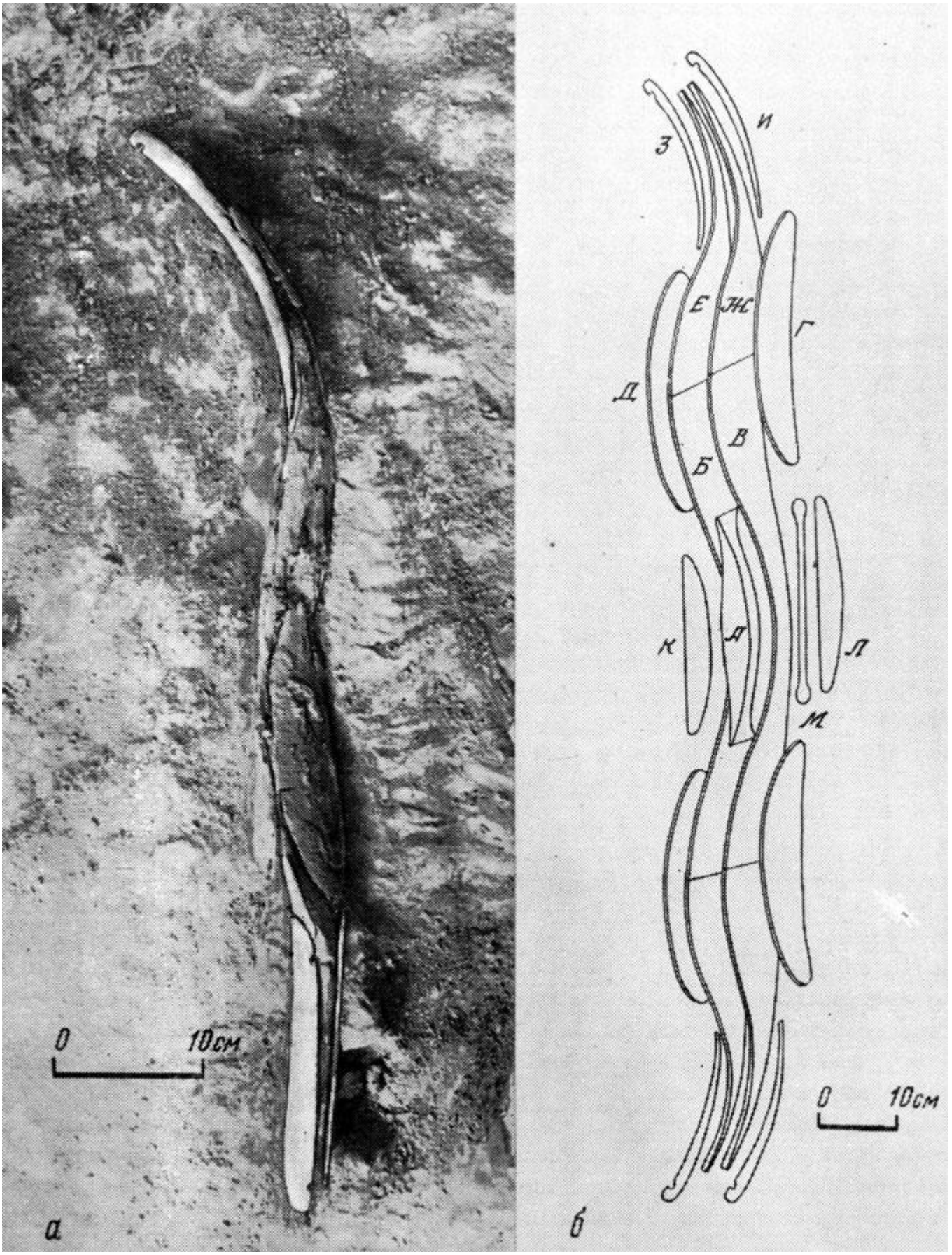

Рис. 88. Сложносоставной лук: а - половина лука (с рукоятью) в процессе расчистки, помещение 93; б - схема взаимного расположения деревянных и костяных пластин в хорезмийском сложносоставном луке: А-Ж - дерево; З-М - кость

Основу рукояти лука составляла деревянная деталь, спереди напоминавшая весло байдарки, с широкими посередине и сходившими на нет к концам боковыми сторонами

(А). Длина ее 26 см, ширина в средней части 2,5 см, толщина 4 см*. С передней и задней стороны к основе очень плотно приклеивали две тонкие, толщиной 0,3 см, пластины, в своей средней части соответствовавшие ей по ширине (Б и В). На концах рукояти их склеивали между собой и, расширяясь до 5-6 см, они переходили в плечи лука. К концам этих пластин пригонялись две пластины, также склеивавшиеся между собой, продолжавшие плечо лука и далее, сужаясь образовывавшие рог лука (Е и Ж). Еще две пластины Г и Д подклеивали к плечу лука, перекрывая стык пластин Б и В с пластинами Е и Ж. К противоположным концам пластин Б и В также подгонялись пластины, соответствовавшие пластинам Г, Д, Е и Ж и составлявшие вторые плечо и рог лука.

* (*Здесь и далее размеры даны по наиболее сохранившимся деталям.*)

Таким образом, лук состоял по меньшей мере из 11 деревянных частей. Возможно, число пластин было и большим, так как точность подгонки и прочность склейки были столь велики, что слой от слоя можно отличить с большим трудом. Кроме того, часть слоев могла просто не сохраниться.

Рукоять и рога лука были укреплены костяными накладками. Обычно их было семь. Две парные накладки перекрывали боковые стороны рукояти (К и Л). В одном случае их было четыре - в два слоя с каждой стороны. Еще в одном случае концы боковых пластин были усилены двумя дополнительными маленькими пластинками. Третья накладка помещалась с внутренней стороны рукояти, куда упиралась ладонь при натягивании лука (М). Концевые накладки с вырезами для тетивы располагались попарно на рогах лука (И и З).

Длина половины лука по прямой составляла 74 см, таким образом, длина ненатянутого хорезмийского лука была порядка 1,50 м. Скорее всего он был симметричным, так как все концевые накладки мало разнятся по длине (от 26 до 32 см). В спущенном виде плечи и рога немного выступали вперед по отношению к рукояти.

Дерево, из которого изготовлялись луки, - дзельква (zelcowa) из семейства вязовых (ulmaceae)*. Древесина ее чрезвычайно плотная, вязкая и тяжелая (удельный вес 0,95). Дзельква всегда ценилась для поделок, особенно подвергавшихся воздействию сухости и влаги, так как не коробилась и не давала трещин. По прочности она занимает первое место, превосходя даже дуб. Дзельква относится к вымирающим породам. В настоящее время произрастает в Закавказье (Мегрелия, Карабах, Имеретия), в прикаспийских провинциях Ирана, на Крите и в Восточной Азии (Япония). По любезному сообщению академика А. Н. Криштофовича, дзельква - низкое дерево или полукустарник - было широко распространено в олигоцене и миоцене на территории Казахстана. Плиоценовые и плейстоценовые флоры Казахстана и Средней Азии неизвестны, но вполне вероятно, что в речных долинах это дерево существовало здесь еще недавно. Порода могла быть местной.

* (*Определения пород дерева были сделаны в Институте леса АН СССР.*)

Костяные накладки (иногда их называют роговыми) делались из рогов благородного оленя (cervus elaphus), также до последнего времени обитавшего в Средней Азии. Лицевая поверхность накладок тщательно шлифовалась, за исключением отдельных участков, где сохраняли естественную шероховатость, обычно они отделялись резной разметочной черточкой. Обратная сторона всегда сохраняла естественную шероховатость для лучшей склейки с деревянной основой.

Боковые накладки рукояти имели длину 20, 23, 26 см, ширину 3 см. Передний край их прямой, задний - слегка выпуклый, концы скругленные (рис. 89, 2). На концах оставлены незашлифованные участки. Следы естественной шероховатости были и на переднем крае накладок. Тыльная накладка рукояти представляла собой узкую пластинку с расширениями на концах длиной 19,2 см, шириной - 1-1,5 см (рис. 89, 3). Концы ее также незашлифованы.

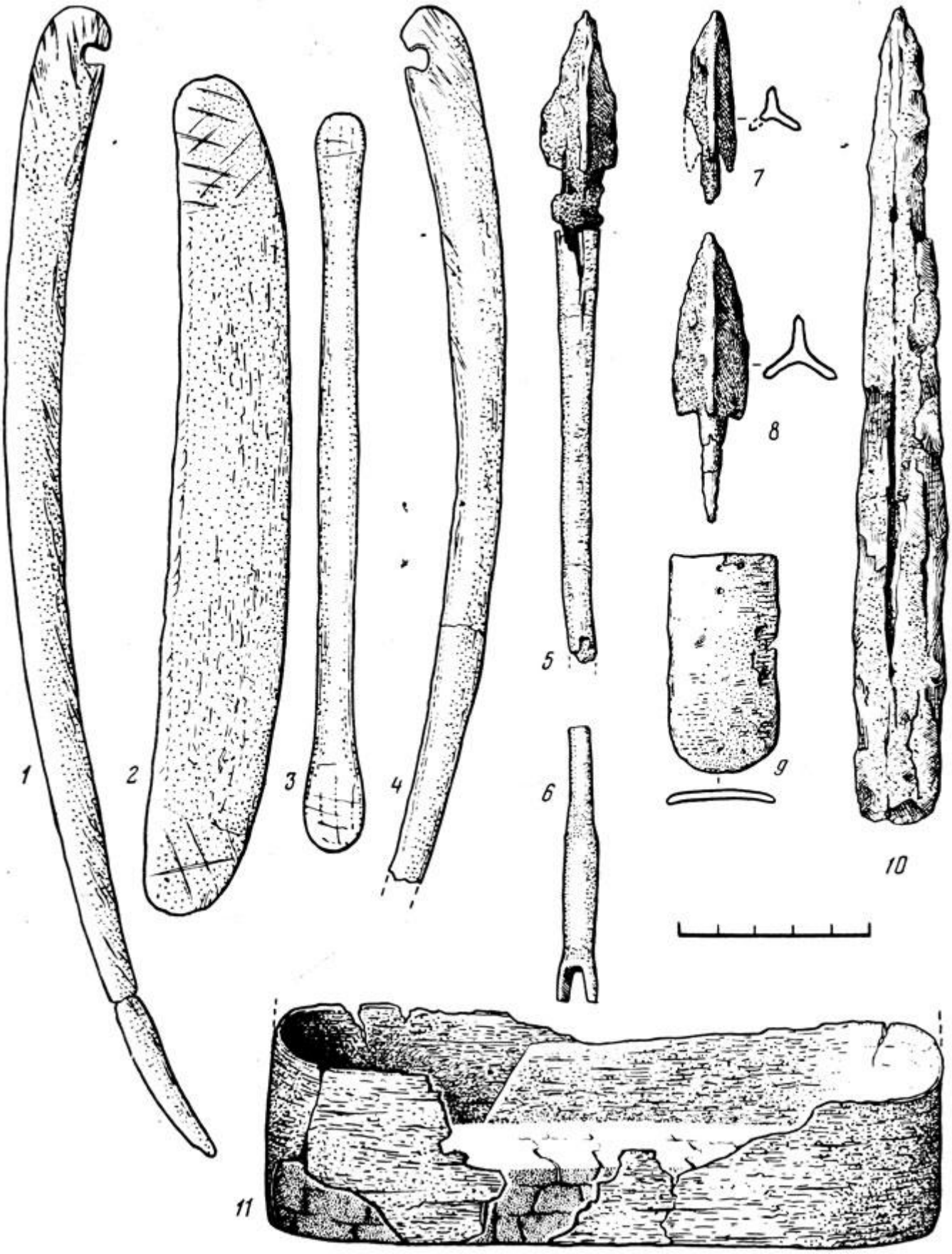

Рис. 89. Предметы вооружения: 1, 4 - концевые накладки на лук; 2, 3 - накладки на рукоять лука; 5 - обломок древка стрелы с наконечником; 6 - тыльный конец древка; 7, 8 - наконечники стрел; 9 - пластинка от панциря; 10 - наконечник копья; 11 - дно колчана; 1-4 - кость; 5 - дерево, железо; 6 - дерево; 7-10 - железо; 11 - дерево, кора; 1, 4-8, 11 - помещение 90; 2, 3 - помещение 93; 9 - помещение 89; 10 - помещение 37

Изогнутые концевые накладки имели длину (по прямой) 26; 30,2; 32,4 см. На широком (шириной 1,4; 1,6; 1,8 см) скругленном конце спереди располагался округлый вырез для тетивы глубиной 0,40-0,45 см. Передний край и узкий конец сохраняли следы естественной шероховатости (рис. 89, 1, 4). По материалу, контуру, величине и отделке эти накладки не отличались от концевых накладок, найденных в слоях I горизонта города, среднего горизонта Кой-Крылган-калы и в мастерской по обработке кости и рога на крепости Капарас в левобережном Хорезме*.

* (*Городище Топрак-кала, с. 101-104, рис. 49; Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. - IV в. н. э. - ТХЭ. 1967, т. 5, с. 136-137, рис. 54,1, 3; табл. XX, 8, 10; Поляков С. М. Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас. - В кн.: Этнография и археология Средней Азии, М., 1979, с. 49-50, рис. 1.*)

Для склейки частей лука употребляли какой-то очень прочный клей. Вероятно, это был тот самый клей, который, по сообщению Клавдия Элиана, жители прикаспийских областей варили из внутренностей осетровых рыб.

Обмотку луков, судя по сохранившимся следам, делали из коры или, скорее, луба, вероятно того же ильма. Она могла закрепляться сухожилиями или чем-нибудь в этом роде.

В целом топраккалинский лук следует рассматривать как локальный хорезмийский вариант большого сложносоставного лука - оружия, сложившегося в последних веках до н. э. - первых веках н. э. в связи с развитием и распространением тяжелого железного доспеха*.

* (*См.: Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке). - СА, 1966, № 4, с. 51-69, там же литература вопроса.*)

Колчан. В заполнении помещения 90 была найдена нижняя часть колчана (рис. 89, 11). Дно его представляло собой деревянный брусок со скругленными концами длиной 17,7 см, шириной 4,3 см, толщиной 2,7 см. Оно было обтянуто очень ветхой ильмовой корой, которая выступала над краем дна на 5 см. Кусочки такой коры попадались еще в некоторых местах.

Стрелы. Очевидно, при падении колчана с верхнего этажа стрелы из него рассыпались по помещению 90 и соседним с ним. В этих помещениях на разных уровнях, в том числе и на полу первого этажа, встречались обломки железных наконечников стрел, деревянные части и камыш от древков. От одной стрелы сохранился наконечник с частью древка (рис. 89, 5). О том, что стрелы происходили из одного колчана, может говорить такой факт: к головкам наконечников из помещения 90 в четырех случаях подошли черешки из помещения 93.

Наконечники стрел - трехлопастные черешковые. Они подверглись сильной коррозии, многие сохранились лишь в обломках, поэтому число их определить затруднительно. Во всяком случае, первоначально здесь было не менее 20-25 экз. Кроме того, по одному фрагментированному экземпляру было найдено в помещениях 2,3 и 28.

Один наконечник можно отнести к мелким (рис. 89, 7). Длина его 5,3 см. Узкая треугольная головка с опущенными жальцами имеет длину 3,6 см, ширина основания головки 1,2 см. Длина жальца, отклоняющегося от линии лопасти к черешку, 0,5 см. Длина черешка 1,6 см, диаметр 0,4 см, кончик обломан*.

* (*При описании стрел мы старались придерживаться параметров, предложенных в статье: Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Санги - Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.). - В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981, с. 206-208.*)

Остальные наконечники стрел крупные (рис. 89, 5, 8). Обычно они имеют длину от 7,6 до 8,1 см при длине головки от 4,8 до 5,5 см и ширине от 1,4 до 2,0 см. Длина черешка от 2,3 до 3,0 см. Головка вытянутая треугольная с прямым или выпуклым контуром лопастей и опущенными жальцами, отклоняющимися от линии лопасти к черешку. Длина жальца 0,2-0,4 см.

Несколько более крупных наконечников имеют длину 8,6 и 8,8 см при длине головки 5,4 и 5,8 см и ширине 2,0 и 2,4 см. Длина черешка 3,0 и 3,4 см. Один экземпляр достигает 9,9 см при длине головки 6,3 см и черешка 3,6 см. У таких более крупных наконечников контур лопастей прямой. Скорее всего первоначально они тоже имели опущенные жальца, но только в одном случае такое жальце длиной 0,4 см, также отклоняющееся от линии лопасти к черешку, хорошо сохранилось, в остальных концы лопастей повреждены. Не исключено, что отдельные экземпляры могли иметь прямое основание лопастей, перпендикулярное черешку. Так называемые наконечники с упором на черешке не представлены.

В самом Хорезме наконечники стрел, подобные топраккалинским (один - с прямым контуром лопасти и один - с выпуклым) известны соответственно из среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы*. По форме и размерам близки хорезмийским наконечники стрел из слоя Беграм II (середина II - середина III в.) и некоторые наконечники из слоя Беграм III (середина III - конец IV в.) городища Беграм в Афганистане**. По предложенной Б. А. Литвинским схеме эволюции основных типов железных трехлопастных наконечников стрел в Средней Азии, топраккалинские наконечники также укладываются в пределы середины II - начала IV в.***

* (*Кой-Крылган-кала..., с. 135-136,. рис. 53, 4, 7.*)

** (*Ghirshman B. Begram. Recherches archeologiques et historiques sur les Kouchanas. - MDAFA, t. XII, Caire, 1946, pi. XXI, 15. 16,19; pi. XXXVI, B. G. 290, a, b, c.*)

*** (*См.: Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. - СА, 1965, № 2, с. 81-82, рис. 6.*)

Древки. Древки стрел были составными. Камышовое древко имело две деревянные насадки - переднюю и тыльную. Изготовлялись они из древесины тополя. Насадки были круглыми в сечении и имели заостренный штырь для соединения с камышовой частью древка.

Из имеющихся обломков удалось выделить всего несколько, принадлежавших передним насадкам. Лучше сохранившиеся экземпляры имели длину 19,5 и 18 см, при длине передней части 14,5 и 13,5 см и штыря 5,0 и 4,5 см. Первоначально они должны были быть длиннее, так как передняя часть, куда входил черешок наконечника стрелы, в обоих случаях обломилась. Третья насадка сохранилась вместе с наконечником, но у нее утрачен штырь (рис. 89, 5). Длина оставшейся части 11,5 см. Диаметр насадок 0,9-0,7 см, штырей 0,7-0,6 см. По последнему экземпляру видно, что передний конец насадки был прямо срезан и упирался в основание головки наконечника между жальцами. Еще один обломок интересен тем, что на нем сохранилась часть гнезда от черешка наконечника.

Тыльные насадки впереди имели такой же штырь, а сзади - вырез для тетивы (рис. 89, 6). Целых и во фрагментах их было найдено 47 экз. Длина таких насадок также неодинакова. Крупные насадки имели длину 16,3 см при длине передней части 12,7 см и штыря 3,6 см; затем соответственно 14,0; 10,2 и 3,8 см (кончик штыря сломан); 11,3; 6,9 и 4,4 см (утрачены кончики выреза). Большинство насадок имело длину от 9,1 до 6,8 см при длине передней части 4,8-3,6 см и штыря 4,7-2,9 см. Диаметр тыльных насадок 1,0-0,8 см, диаметр штырей 0,7-0,6 см. Несколько насадок более миниатюрны: длина их 7,2-6,0 см, при длине передней части 3,3-2,7 см и штыря 4,2-2,5 см. Диаметр таких насадок 0,9-0,7 см, штырей - 0,7-0,5 см. Прорези для тетивы обычно имели ширину 0,5-0,6 см, у небольших - 0,3-0,4 см и глубину 0,5-0,8 см.

Разница в длине насадок определялась, очевидно, разницей в длине и весе наконечников стрел[*].

[*] (*Вес наконечников стрел (рис. 89, 7, 8) - 4,0 и 8,5 г.*)

Участок передней насадки, куда вставлялся черешок наконечника, как и места соединения деревянных и камышовой частей, имели обмотку. Обматывался также конец тыльной насадки под вырезом для тетивы, очевидно для прикрепления оперения, которое состояло из двух перьев. Для обмотки употреблялись сухожилия.

Обычно стрелы окрашивали в красный цвет. Следы краски сохранились на насадках и прилегающих участках камыша. На тыльных насадках иногда заметна широкая черная поперечная полоса, иногда от одной до трех черных поперечных черточек. В одном случае такая черточка голубая, еще в одном - бледно-зеленая. Возможно, такие полосы позволяли определить, кому из воинов принадлежала пущенная стрела.

Из-за плохой сохранности камыша трудно точно установить длину древка. Известно, что в погребениях II-IV вв. Карабулакского могильника длина древка не превышала 80 см. Длина лука из тех же погребений составляла 1,40-1,65 м[*]. Раннесредневековое древко стрелы из замка на горе Муг, по данным А. И. Васильева, имело длину 88,5 см[**]. Вероятно, длина древка на Топрак-кале варьировала в тех же пределах, а длина стрелы с учетом наконечника и оперения приближалась к 1,0 м.

[*] (*Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник. - Изв. АН КиргССР, серия общ. наук, Фрунзе, 1961, т. 3, вып. 3, с. 61-62.*)

[**] (*См.: Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 73-74, рис. 48, 1.*)

Наконечник копья. В помещении 37, расположенном на северном краю Центрального массива дворца, в канавке у основания западной стены в 2,30 м от южной найден сильно коррозированный обломок узкого массивного железного наконечника копья (рис. 89, 10). Длина его 22 см, наибольший размер в поперечном сечении 2,8×2,8 см. Каких-либо следов втулки или черешка не сохранилось. В нижней части как будто бы намечается небольшое сужение. От кончика острия вниз идут четыре продольные трещины, разделяющие плоские полосы примерно равной ширины. Очевидно, разрыв металла прошел по стыкам граней, и можно полагать, что наконечник был четырехгранным.

Наконечники копий первых веков н. э. в Средней Азии пока неизвестны. В сарматских погребениях этого времени встречаются железные втульчатые наконечники с листовидным пером. Крупный массивный четырехгранный втульчатый железный наконечник копья известен из раннесредневекового Пенджикента. В. И. Распопова

отмечает, что он был рассчитан на таранный удар. Там же найден фрагментированный железный наконечник, трехгранный в сечении*.

* (*См.: Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 74, рис. 49, 10, 11; Беленицкий А. М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951-1953 гг.). - Труды Таджикской археол. экспедиции, т. 3 (МИА, 1958, № 66,) с. 136, рис. 36, 1.*)

Хорезмийская конница была вооружена длинными тяжелыми копьями еще в IV-II вв. до н. э., о чем свидетельствуют изображения всадников, выполненные в рельефе, на керамических флягах того времени*. Топраккалинский наконечник копья, судя по условиям находки и сопровождающим предметам, одновременен предметам вооружения из помещений юго-восточного угла Центрального массива и не может быть отнесен ко времени позже, чем III - начало IV в.

* (*Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 219, табл. 82, 1; Кой-Крылган-кала..., с. 201, рис. 75, 6.*)

Доспехи. Свидетельством существования в Хорезме металлического пластинчатого доспеха может служить железная чешуйка от панциря из помещения 89 (рис. 89, 9). Пластинка прямоугольная со скругленным нижним концом. Длина ее 5,9 см, ширина 2,8 см, толщина 0,3 см. Посередине вверху два вертикально расположенных маленьких отверстия для прикрепления. Возможно, такие же парные отверстия были и по боковым сторонам. Подобная пластинка несколько меньших размеров была найдена в Хорезме на городище Куня-Уаз.

Пластинчатый доспех получил довольно широкое распространение в первых веках н. э., когда в военном деле особенно возросло значение тяжеловооруженной конницы - катафрактариев.

Некоторое представление о том, как мог выглядеть хорезмийский пластинчатый доспех, дает скульптурный торс воина в панцире из помещения 8 (см. рис. 29). В скульптуре топраккалинского дворца были воспроизведены также шлем и меч (см. рис. 64, 71)*.

* (*Толстов С. П. Работы Хорезмской... экспедиции в 1949-1953 гг., рис. 91.*)

Таким образом, во дворце, хотя и очень фрагментарно, представлен почти весь набор вооружения хорезмийского воина середины II - начала IV в.

Украшения и некоторые другие предметы. Вместе с оружием были найдены предметы, имевшие, по всей вероятности, отношение к воинской экипировке.

Пряжка. В помещении 90 в слое пола была обнаружена сильно коррозированная круглая железная пряжка из круглой в сечении проволоки с подвижным язычком. Та сторона, на которую надет язычок, возможно была спрямлена. Имела ли пряжка первоначально обойму, сказать трудно. Высота пряжки 3,6 см, ширина 3,3 см, диаметр сечения 1,1 см. Язычок с прогнутой спинкой и чуть выступающим кончиком имел длину около 4,0 см. Подобные пряжки обычны в первых веках н. э.*

* (*Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. - СА, 1971, № 2, с. 100; Гайдукевич В. ф. Некрополи некоторых боспорских городов. - В кн.: Некрополи боспорских городов (МИА, 1959, № 69), с. 223, рис. 95, 4. Погребение III в.*)

Пластинки. В помещениях 90-92 и 37 было найдено много четырехугольных бронзовых и стеклянных пластинок (причем в последнем случае отмечено, что там они встречались попарно: бронзовая и стеклянная). Всего сохранилось свыше 40 бронзовых и около 90 стеклянных. Еще две стеклянные пластинки происходят из помещения второго этажа II-1, одна - из верхнего слоя помещения 43, куда, очевидно, попала со второго этажа, и одна - из помещения 6, скорее всего от того же набора, что и пластинки из помещения 37.

Большинство пластинок квадратные или почти квадратные (длина и ширина могут разниться на 1-2 мм. Величина пластинок от 3,7×3,6 до 3,2×3,0 см.

Часть пластинок прямоугольные размером от 3,9×3,0 до 3,1×2,5 см.

Бронзовые пластинки делали из тонкого листового металла и обтягивали с лицевой стороны золотой фольгой. Толщина их менее 1 мм (рис. 90, 18).

Стеклянные пластинки изготовлены из довольно чистого и прозрачного почти бесцветного стекла с легким голубовато-зеленоватым или желтоватым оттенком, часто заметным лишь в изломе. Степень сохранности стекла разная, на многих экземплярах молочная или радужная патина, некоторые потемнели. В помещении II-1 был найден фрагмент пластинки из прозрачного медово-желтого стекла.

Большинство пластинок плоско-выпуклые в сечении с узенькими гладкими вертикальными боковыми сторонами (рис. 90, 20). Одна целая и одна во фрагментах прямоугольные пластинки другой пропорции: узкие продолговатые размером 4,1×2,0 см. Выпуклая лицевая поверхность прекрасно отшлифована.

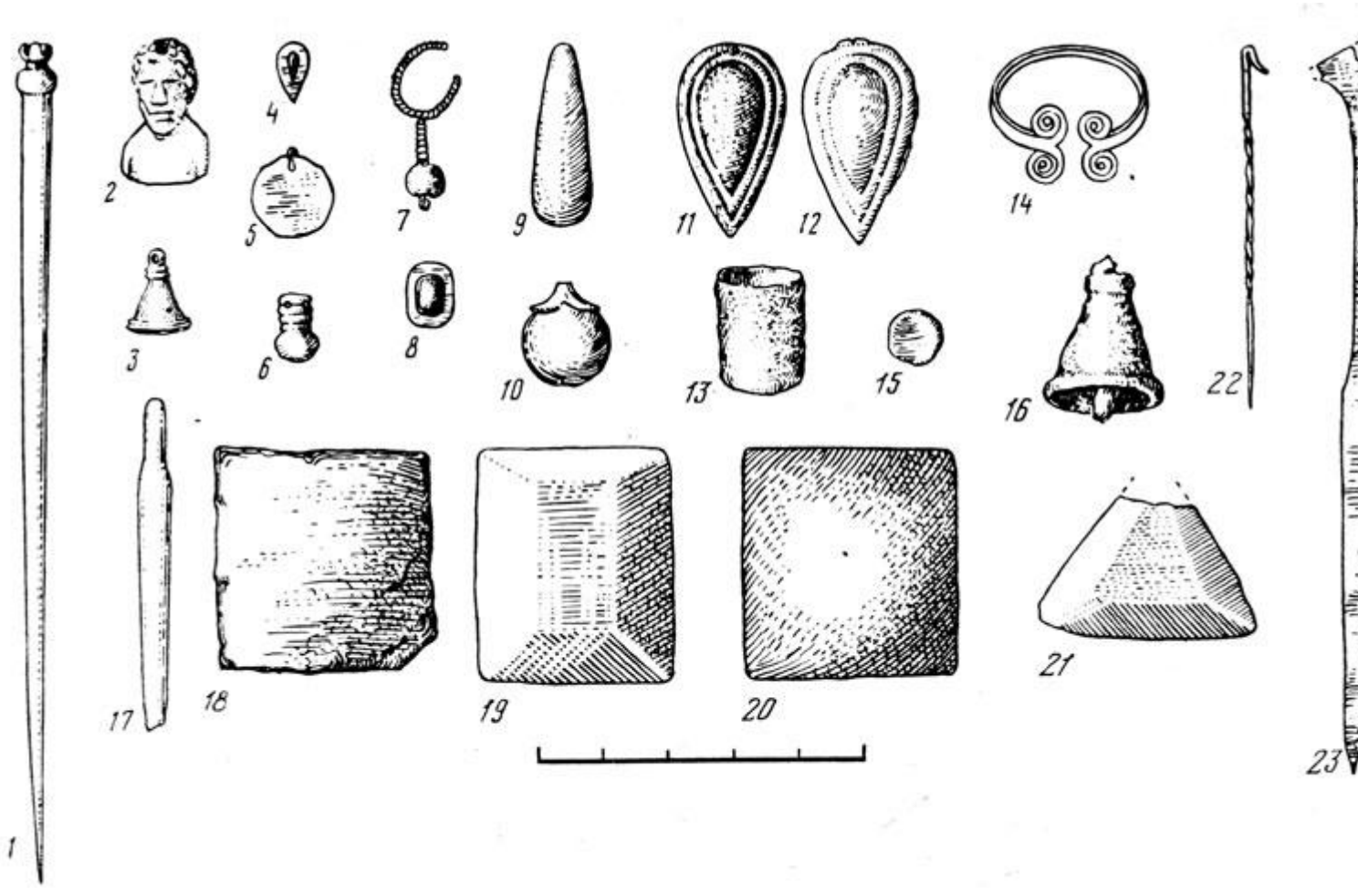

Рис. 90. Украшения и другие мелкие предметы: 1, 22 - булавки; 2, 5, 6 - подвески; 3, 16 - колокольчики; 4, 8 - щитки со вставками; 7 - серьга 9-12, 15 - бляшки; 13 - наконечник; 14 - перстень; 17 - палочка; 18-21 - пластинки; 23 - ножик; 1, 2 - кость; 3, 10, 16, 18 - бронза с позолотой; 4 - золото, гранат; 5, 6, 9, 12, 15 - золото: 7 - золото, жемчуг; 8 - золото, стекло; 11 - дерево; 13 - серебро; 14, 22, 23 - бронза; 17, 19-21 - стекло; 1 - яма на западном краю платформы; 2, 6, 8 - помещение 26; 3 - помещение 8; 4, 17 - хум в Зале с кругами; 5 - помещение 97; 7 - помещение 2; 9, 13, 16, 18-21 - помещение 90; 10 - проход между помещениями 89 и 90; 11, 12 - помещение 91; 14 - помещение 79; 15 - помещение 50; 22 - помещение 67; 23 - помещение 31

12 пластинок граненые, 8 - прямоугольные, две - квадратные и две - треугольные (рис. 90, 19, 21). Центральная грань плоская, соответственно прямоугольная, квадратная или треугольная, остальные грани трапециевидные, скошенные к краям пластинки.

Среди стандартных стеклянных пластинок встречались отдельные экземпляры менее правильной формы, иногда с необработанными рваными краями, иногда плоские. В свое время мы сочли их заготовками, плосковыпуклые - промежуточной стадией обработки, граненые - завершенными изделиями и предположили, что пластинки изготовлялись на месте[*]. Однако это не совсем так. Выяснилось, что большинство составляют плоско-выпуклые пластинки. Они тщательно отшлифованы и представляют собой законченные изделия. Немногочисленные граненые пластинки могли иметь какое-то специальное назначение. Что же касается нестандартных пластинок, то это скорее всего попытка изготовить из каких-то обломков стекла (возможно, от толстостенных сосудов) замену утраченным. В этом отношении интересна одна плоская пластинка, на которой с одной стороны сохранились следы не до конца стесанных резных черточек от гравированного орнамента на стенке сосуда.

[*] (*Трудновская С. А. Украшения..., с. 119, 130.*)

Найти аналогии пластинкам пока не удается, за исключением одного фрагмента граненой пластинки из среднего горизонта Кой-Крылган-калы[*].

[*] (*Кой-Крылган-кала..., с. 151, табл. XVII, 22.*)

Поскольку бронзовые и стеклянные пластинки, как правило, встречались вместе, иногда даже попарно, а форма и размеры их практически совпадают, можно думать, что и употреблялись они вместе. Относительно меньшее число бронзовых бляшек объясняется, очевидно, их худшей сохранностью в условиях засоленного грунта.

По всей вероятности, пластинки предназначались для украшения поясов и оторочки кафтанов. Отделка одежды полосами квадратных блях известна по некоторым кушанским статуям и парфянским рельефам[*]. Менее вероятно, что пластинками, во всяком случае стеклянными, украшались колчаны, хотя металлические бляхи для этого применялись.

[*] (*См.: Bosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushanas. Berkely and Los Angeles, 1966, fig. 3, 3a, 3b, 48, 67, 145.*)

По аналогии с украшениями, выполненными в полихромном стиле позднесарматского и гуннского времени, можно было бы предположить, что обтянутые золотом бронзовые пластинки подкладывались под стеклянные, но как они закреплялись?

В этой связи следует отметить, что в помещении 91 вместе с пластинками были найдены обломки плиток из какой-то красновато-коричневатой напоминающей сургуч пасты с отпечатками углов пластинок и следами медного окисла. Часто встречались также мелкие окисленные обломки тонких бронзовых полосок. Может быть, все это имело отношение к способу крепления пластинок. Нельзя исключать и другой вариант: бронзовые и стеклянные пластинки могли просто чередоваться.

Бляшки. В проходе между помещениями 89 и 90 была найдена полая полусферическая бронзовая бляшка с двумя рельефными расходящимися от короткого черенка листиками на одном конце, напоминающая по форме плод граната (рис. 90,10). Диаметр ее 1,4 см, высота 0,5 см. С лицевой стороны она обтянута золотой фольгой, изнутри заполнена какой-то темной массой, очевидно для прикрепления.

Обломки бронзовых бляшек со следами позолоты и кусочки золотой фольги встречались неоднократно. В том же проходе были найдены и два диска из золотой фольги диаметром 14,5 и 12,5 см. Золоченые бронзовые бляшки известны из здания II в квартале А города[*].

[*] (*Городище Топрак-кала, с. 121, рис. 59, 32, 33, 35.*)

Золотой фольгой обтягивались и деревянные бляшки. Две такие деревянные основы были найдены в помещениях 90 и 91 (рис. 90, 11).

Контур бляшек миндалевидный, поперечное сечение плоско-выпуклое, длина 3,2 и 3,0 см, толщина 1,2 и 0,6 см. Выпуклая лицевая сторона обрамлена вдоль края двумя рельефными валиками. В помещении 91 сохранились также остатки семи золотых тисненых обтяжек таких бляшек (рис. 90, 12). Близкие по форме золотые нашивные бляшки известны в памятниках I-III вв.[*]

[*] (*Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. - Труды ГИМ, 1956, вып. 18, с. 25, табл. III, 16, 17, 17а.*)

Золотая фольга применялась еще в позднеэллинистическое время, первоначально лишь для изготовления погребальных украшений. С первых веков н. э. в ювелирном деле распространяется прием обтяжки золотой фольгой более дешевого материала. Тогда же стали широко применять для скрепления отдельных элементов различные мастики.

Были встречены отдельные золотые и бронзовые нашивные бляшки. Золотая полая бляшка из помещения 90 имела каплевидный контур и две припаянные проволочные петельки на обратной стороне. Длина ее 3,0 см, наибольшая ширина 1,0 см, высота 0,5 см (рис. 90, 9). Круглая плоская золотая бляшка с узкой закраинкой и следом от петельки с обратной стороны была найдена в помещении 50. Диаметр ее 0,7 см (рис. 90, 15).

Из помещения 26 происходят миниатюрные полые полусферические бляшки: одна золотая диаметром 0,5 см и две бронзовые с петелькой на обратной стороне диаметром 0,6 см.

Несколько бронзовых плоских и полусферических бляшек сохранились лишь в обломках.

Серьги, подвески, вставки. Золотая серьга с жемчужной подвеской из помещения 2 состоит из несомкнутого кольца не совсем правильной формы размером 1,2×1,1 см, свернутого из поперечно-рубчатой проволоки круглого сечения диаметром 0,1 см. Через

нижнюю часть кольца пропущен и закреплен конец спускающегося стержня из круглой проволоки, обвитый такой же проволокой в восемь оборотов. Нижний конец стержня проходит через жемчужину и загнут крючочком, чтобы ее закрепить (рис. 90, 7). Длина серьги 2,7 см, диаметр жемчужины 0,6 см. Подобные серьги известны, например, из богатых погребений в Згудери в Иберии*.

* (*Немсадзе Г. М. Погребения иберийской знати из Згудери. - КСИА, 1977, вып. 151, с. 108-114.*)

На полу помещения 97 были найдены три маленьких золотых диска диаметром 1,2-1,0 см, на одном сохранилась припаянная изящная петелька из круглой проволоки для подвешивания (рис. 90, 5). Такими подвесками украшены модель дерева и корона из погребений бактрийской знати I в. до н. э. - I в. н. э. в Тиллятепе. Встречены они и в слое Беграм II в Бегграме*. Серьги с такими подвесками воспроизведены на двух женских изображениях на стенах помещения 85 дворца (см. рис. 76).

* (*Кузьмина Е. Е., Сарианиди В. И. Два головных убора из погребений Тиллятепе и их семантика. - КСИА, 1982, вып. 170, с. 19-21, рис. 1, 2; Ghirshman B. Begram, pi. XVI, 7; pl. XXVII, B. G. 422*).

Возможно, звену подобной серьги, к которому подвешивался диск, принадлежал и золотой щиток миндалевидного очертания с вставкой из граната-альмандина (рис. 90, 4). Длина щитка 1,0 см, наибольшая ширина 0,5 см. Камень плоско-выпуклый, с лицевой и обратной стороны охвачен узенькими вертикальными бортиками. Щитки такой формы с гранатовыми вставками известны в серьгах и других украшениях первых веков н. э.*

* (*Ghirshman R. Parthes et Sassanides. Paris, fig. 112; Curtis J. Parthian Gold from Nineveh. - British Museum Yearbook, 1976, v. 1, p. 53, fig. 91; Скалой К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. - АСГЭ, Л., 1961, с. 116, 117, рис. 1-3.*)

Два золотых щитка с сильно иризированными стеклянными вставками, закрепленными такими же бортиками, были найдены в помещении 26. Один из них овальный, размером 1,0×0,7 см (рис. 90, 8). Второй круглый, диаметром 0,7 см (рис. 91, 4). На бортике тыльной стороны крест-накрест сделаны четыре отверстия, вероятно, позднее, когда щиток был использован как пронизь в ожерелье. На всех трех щитках бортик на лицевой стороне образует отогнутый край гнезда, на тыльной же стороне бортики напаянные.

В том же помещении было и несколько подвесок. Одна из них - довольно примитивное погрудное изображение человека, вырезанное из кости (рис. 90, 2; рис. 91, 1). Лицевая сторона рельефная, обратная и нижняя - плоские. Детали проработаны резными линиями. Высота фигурки 2,3 см.

Вторая подвеска - золотая миниатюрная полая, в виде горизонтально рифленой трубочки, заканчивающейся шариком (рис. 90, 6). Длина ее 1,0 см, в верхней части трубочки четыре отверстия крест-накрест, возможно, вторичные, для подвешивания*. Подвесками служили и две просверленные раковины каури (cyprea moneta) (рис. 91, 5). Последняя подвеска - миниатюрный бронзовый колокольчик высотой 1,3 см. Второй такой же колокольчик со следами позолоты был найден в помещении 8 (рис. 90, 3).

* (*Аналогичными элементами украшены колты гуннского времени, однако рифление там несколько иное. См.: Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 15, 16, 34-36, табл. 1.*)

Могли служить подвесками и более крупные бронзовые колокольчики со следами позолоты, два из которых найдены в помещении 90, а третий - в проходе из него в помещение 89. Высота их 2,3-2,5 см, диаметр 1,8 см (рис. 90, 16).

Можно упомянуть еще звено составной подвески из помещения 8. Это бронзовый кружок диаметром 1,0 см с полой выпуклой серединой, отделенной от плоского края бороздкой. В центре к нему сверху и снизу припаяно по петельке для соединения с другими звеньями. Такой же кружок с подвешенным к нему бронзовым диском был найден при раскопках в городе[*].

[*] (*Городище Топрак-кала, с. 114, рис. 54, 24.*)

Бусы. В помещении 26 на полу была россыпь бус, всего около 300 экз. (рис. 91, 2, 4). В центре сохранившейся части низки помещен круглый золотой щиток со стеклянной вставкой, к которому подвешена раковина каури (рис. 91, 4). Вместе с бусами были найдены уже упомянутые второй щиток со вставкой, еще одна раковина каури и мелкие подвески. Эти украшения были уже предварительно опубликованы[*]. Еще около 120 бусин было найдено в помещении 8 (рис. 91, 3). Все бусы мелкие, преимущественно из стекла.

[*] (*Трудновская С. А. Украшения..., с. 120-128, табл. I-III. В числе украшений в статье упоминается также рельефная бронзовая с позолотой сердцевидная бляха. В дальнейшем при расчистке и реставрации выяснилось, что это головка льва, аналогичная найденным впоследствии в помещении 2 (см. рис. 25).*)

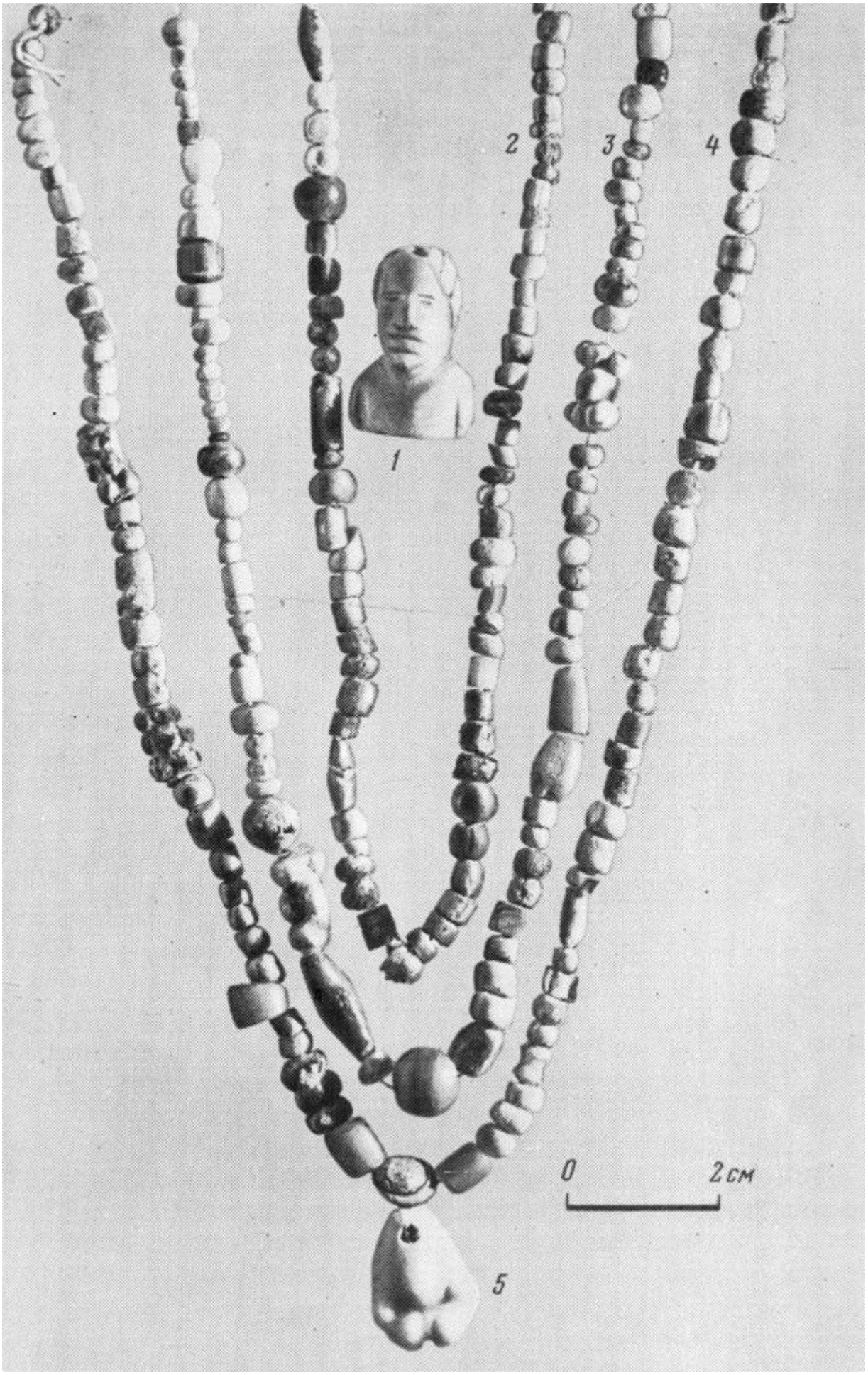

Рис. 91. Бусы и подвески: 1,5 - подвески; 2-4 - бусы 1 - кость; 2-4 - стекло, жемчуг, перламутр, янтарь, гранат, сердолик, пирит; 5 - раковина; 3 - помещение 8, остальные - помещение 26

Большинство стеклянных бус - округлые, одночастные и двухчастные, и цилиндрические, много крупного рубленого бисера и несколько экземпляров - очень мелкого. Стекло большей частью разложившееся, многие бусы побывали в огне. Можно выделить бусы из полупрозрачного и глухого стекла синего, голубого, бирюзового, зеленого и желтого цвета. Есть несколько бусин из глухого оранжевого и красного стекла.

Из других форм представлены небольшие 14-гранные, бипирамидальные усеченные, бугристые, веретеновидные бусы, удлиненная цилиндрическая бусина с перетяжками по краям из глухого голубого стекла, бочковидная бусина с валиками по краям, миниатюрные 14-гранные и веретеновидные бусы из глухого серовато-голубоватого стекла с поперечной красной полоской, зажатой между двумя белыми, или из синего стекла с двумя белыми полосками.

Довольно много бус из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой: округлые одночастные, двухчастные и трехчастные бусы и удлиненные бугристые пронизи.

Одна округло-ребристая бусина - из бирюзового египетского фаянса.

В целом стеклянные бусы идентичны античным бусам из Северного Причерноморья, относимым к первым векам н. э., преимущественно к II-III вв.*

* (*См.: Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. - САИ, 1975, вып. Г-I-12: одноцветное стекло: типы 5, 9, 13, 15, 16, 52, 66, 68, 69, 134, 137, 139, 160. 166, 168, 170, с. 63-67, 70-73, табл. 33, 1, 3, 9, 11, 12, 41, 42, 44, 64, 71, 73, 75; многоцветное стекло: типы 168, 171, 174, с. 42, табл. 27, 34, 47, 48; стекло с металлической прокладкой: типы 16, 20, с. 29, 30, 32, табл. 26, 4, 8, 59; гагат: тип 27а, с. 14, табл. 20, 41.*)

Кроме стеклянных бус, было 14 мелких жемчужин, 40 бусин из коралла - несколько округлых и цилиндрические, две - из граната-альмандина, одна - из сердолика с содовым орнаментом в виде пояска из четырех косых крестиков, одна цилиндрическая, сжатая - из гагата, одна сильно разрушенная - из янтаря, одна - из перламутра и три просверленных кристаллика железного пирита.

Почти весь набор бус очень близок по составу к многочисленным бусам из зданий II и III в квартале А города*.

* (*Городище Топрак-кала, с. 121, 122.*)

Перстень. Бронзовый перстень диаметром 1,9 см был найден в помещении 79. Он свернут из узкой полоски металла сечением 0,25×0,15 см, концы которой раздвоены, уплощены и образуют по два спиральных завитка (рис. 90, 14). Прием украшения несомкнутых колец спиральными завитками известен в Хорезме по бронзовой застежке из среднего горизонта Кой-Крылган-калы, но там их только два и расположены они в одной плоскости с кольцом*.

* (*Кой-Крылган-кала..., с. 156, табл. XVIII, 11.*)

Булавки. В яме, пробившей платформу дворца у ее западного края, в которую, очевидно, сбрасывали мусор при расчистке помещений для повторного использования, оказалась костяная булавка (рис. 90, 1). Длина ее 10,5 см, наибольший диаметр 0,5 см, кончик заострен. Округлое навершие с четырехчастным завершением схематически воспроизводило плод граната.

Подобные предметы иногда считаются стилями - по аналогии с античными, иногда - шпильками, заколками, булавками, что для стран Востока более вероятно. Такие острия с различными навершиями неоднократно встречались в Хорезме на памятниках первых веков н. э. Они известны также с Гяур-калы в Мерве, с Дальверзинтепе, а также из слоев Беграм I-III в Беграме*. Наиболее близкую аналогию дают булавки из слоев Сиркап II и IV Таксилы**.

* (*Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 111, табл. 27, 1; Коляков С. М. Мастерская..., с. 50-52, рис. 4 б, в; Городище Топрак-кала, с. 121, рис. 59, 38, 39; два экземпляра из дома № 2 Джанбаскалинского поселения - фонды ХЭ; Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы. - Труды ЮТАКЭ, 1963, т. 12, с. 152, 153, рис. 24; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзин-тепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 110; Ghirshman R. Begram, pl. XI, 1; pl. XXVII, B. G. 450; pl. XVI, 1; pl. XXXVII, B. G. 396; pl. XLVII, B. G. 557.*)

** (*Marschall J. Taxila III. Cambridge, 1951, tabl. 199, N 28, 33.*)

В верхнем слое помещения 97, относящемся к третьему периоду, были найдены три бронзовые булавки (рис. 90, 22). Длина их 5,5-6,0 см. Они сделаны из тонкого заостренного витого четырехгранного стержня с загнутым в виде крючочка навершием.

Стеклянная палочка. Фрагмент стеклянной палочки из прозрачного голубовато-зеленоватого стекла из хума в Зале с кругами имел длину 5,4 см и диаметр 0,5 см (рис. 90, 17). Один кончик утоньшенный, отделенный уступчиком, второй - очевидно заострявшийся - сломан. Тонкие заостренные стеклянные палочки с фигурными навершиями известны из раскопок слоев римского времени в Кельне, их считают палочками для помешивания или шпильками*. Можно предположить, что это - обломок какого-то косметического предмета.

* (*Fremersdorf F. Romisches Buntglas in Koln. Koln, 1958, S. 55, T. 124 a-g; Eggers H. J. Der romische Import in Freien Germanien: Atlas der Urgeschichte, Bd. 1. Hamburg, 1951, S. 193.*)

Зеркало. Дисковидное бронзовое зеркало со следами припаянной петельки-ручки на обратной стороне найдено в помещении 26. Диаметр его 7,6 см. Здесь же был обломок края еще одного зеркала. Небольшие круглые зеркала с петелькой на обороте распространились в позднесарматское время и продолжали употребляться еще довольно долго*.

* (*См.: Латвийский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 90-98, отдел III, тип. 1.*)

Ножик. Миниатюрный бронзовый ножик из помещения 31 имел длину 11,2 см (рис. 90, 23). У него узкое лезвие длиной 6,0 см и шириной 0,5 см с чуть выпуклой спинкой. Длинная четырехгранная рукоятка заканчивалась плоским лишь частично сохранившимся навершием. Можно предположить, что оно было круглым или сегментовидным. Ножик мог служить инструментом скульптора.

Наконечник. В помещении 90 вместе с документами был найден серебряный наконечник цилиндрической формы с плоским "донцем" (рис. 90, 13). Длина его 1,8 см, диаметр 1,4 см. Там же было несколько обломков колец того же диаметра, свернутых из тонкой серебряной полоски. Может быть, наконечник и кольца украшали деревянные стержни свитков.

Гвозди. При раскопках довольно часто встречались бронзовые гвозди длиной от 4,3 до 1,1 см. Шляпки гвоздей круглые плоские, у отдельных экземпляров тыльный конец был просто загнут наподобие "костылика". Всего их было около 80 экз. Железных гвоздей несколько, все они короткие.

Из бытовых вещей, относившихся к третьему периоду, кроме уже упомянутых трех бронзовых булавок отметим еще железный серп, обломок железного землеройного орудия, три фрагментированных оселка, два обломка костяных рукояток и несколько пряслиц, выточенных из черепков гончарной посуды.

Ткани. В числе сохранившихся фрагментов тканей были шерстяные, шелковые, хлопковые и один кусочек льняной[*].

[*] (*Реставрация и определение тканей были сделаны ученым реставратором отдела тканей ГИМ Е. С. Видоновой.*)

Шерстяные ткани. Представлены шерстяные ткани с различным переплетением нитей. Часть тканей была натурального, очевидно, белого цвета, но со временем приобрела желтовато-песочный оттенок. Некоторые ткани были из окрашенной пряжи, одна - узорчатой двуцветной, а ковровые - многоцветными.

Три мелких кусочка тонкой белой шерстяной ткани из помещения Ю-2 изготовлены техникой простого полотняного переплетения, нити основы и утка одинарные.

Из помещения 90 происходят мельчайшие кусочки очень тонкой ткани репсового переплетения натурального, теперь песочного цвета. Оттуда же - очень маленький кусочек тонкой пурпурной ткани саржевого переплетения с остатками вышивки светлой неокрашенной шерстью и мельчайшие кусочки ткани алого цвета сложного переплетения, на которой можно различить узор узкими частыми дорожками, но в промежутках между ними рисунок не улавливается.

Большинство фрагментов принадлежало довольно тонким тканям гобеленового переплетения. Основа и уток были тонкими и ровными. Кусочек неокрашенной плотной ткани гобеленового переплетения найден в помещении Ю-2. Фрагмент гобеленовой ткани из помещения II-1 песочно-желтого цвета. Нити утка тоньше нитей основы и перекручены слабее. Кусочек гобеленовой ткани из помещения II-5 желтовато-зеленого цвета. В помещении 90 найден кусочек тонкой плотной гобеленовой ткани с узором. Тона - желтовато-зеленый и лиловатый (рис. 92, 4). Назначение гобеленовых тканей было декоративным. Декоративной была и плотная пурпурная ткань простого гроденаплевого переплетения из помещения 90. Основа и уток толстые, ссученные в несколько нитей.

1
2
3
4
5
6
7

Рис. 92. Ткани: 1-3, 5 - шерстяные ковровые ткани; 4 - шерстяная узорчатая ткань; 6-8 - шелковые ткани с вышивкой; 9 - шерстяные крученые нити; 1-4, 6-8 - помещение 90; 5 - помещение 39; 9 - помещение II-1

Все обрывки ковровой ткани из помещения 90 принадлежали коврам простого переплетения типа паласов. Один из них светло-песочного цвета из толстых, ссученных вдвое нитей, остальные пестрые. Основа ковровой ткани - из довольно тонкой, скрученной вдвое коричневой нити, уток из тройных нитей. Тона уточных нитей на одном фрагменте - светлый, песочный, алый, светло-голубой и ярко-голубой (рис. 92, 3). На другом фрагменте уточные нити светлые и зеленые, кроме того, пропущены алая и желтая (рис. 92, 7), на третьем - светлые, песочные и алые (рис. 92, 2). Остальные кусочки - мелкие, тех же тонов.

Особо следует выделить сравнительно большой фрагмент ковра из помещения 39. Нити основы довольно тонкие, скрученные вдвое, песочного цвета. Уток из четырех слабо перекрученных нитей песочного, терракотового, светло- и темно-голубого цвета. Чередование нитей разных цветов образовывало продольные и поперечные полоски, из которых складывался какой-то более сложный узор. Кроме того, по направлению уточных нитей проходили узкие ворсовые полосы песочного цвета (рис. 92, 5).

Отметим еще двойную крученую желтовато-оранжевую нить, обрывки толстой крученой неокрашенной нити или шнура и обрывки такого же шнура из натуральной коричневой шерсти из помещения II-1 (рис. 92, 9).

Шелковые ткани. На полу помещения 90 были найдены мелкие кусочки полуистлевшего шелка. Это очень тонкая тафта светлого, алого, пурпурного, синевато-зеленого и желто-зеленого цвета. Светлый шелк, видимо, имел натуральный цвет, но со временем приобрел желтовато-песочный оттенок. Шелковые ткани - китайские[*].

[*] (*См.: Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. - III в. н. э. в собрании ГЭ. Л., 1961, с. 7, 8.*)

На некоторых кусочках сохранилась вышивка. На фрагменте пурпурного шелка видны остатки мелких кружков, выложенных нитью пряденого золота, и мельчайшие дырочки от остальной, к сожалению, утраченной вышивки (рис. 92, 8). На кусочке синевато-зеленого шелка тонкой желтоватой нитью стебельчатым швом был вышит какой-то растительный мотив - побег или бутон (рис. 92, 7).

Еще от одной вышивки сохранилась большая семилепестковая розетка и часть второй такой же (рис. 92, 6). Они были выполнены красной нитью тамбурным швом. Цвет почти истлевшего фона бежевый, но, судя по другому фрагменту той же ткани, это сильно выгоревший зеленый шелк.

Следует вспомнить, что растительные мотивы побега, бутона, розетки очень распространены в стенной росписи дворца.

Хлопковые ткани. В помещениях II-1 и 90 отмечены мелкие кусочки тонких неокрашенных тканей простого переплетения из хлопка. Остальные обрывки хлопковых тканей более грубые. Они найдены в верхних слоях помещений 37, В-5, В-6, В-8 и относятся к периоду обживания дворца в раннем средневековье.

Стеклянная посуда. На полу первого этажа в помещении 90 были найдены осколки от трех стеклянных сосудов. Среди них были мелкие фрагменты горла чрезвычайно тонкостенного сосуда, скорее всего кувшинчика. Широкий горизонтально отогнутый венчик имел слегка утолщенные края (рис. 93, 1). Диаметр края венчика 10,8 см, горла 7,8 см. Толщина стенки около 1 мм. Стекло в изломе прозрачное, почти бесцветное, с легким желтоватым оттенком. Поверхность покрыта молочной патиной.

От второго сосуда сохранилась верхняя часть стенки со слегка отогнутым венчиком, имевшим округлый край, несколько ниже венчика - валик, полученный путем выдувания в форму (рис. 93, 2). Диаметр венчика 10,8 см, толщина стенки 1,5 мм. Стекло прозрачное, бесцветное, с легким желтоватым оттенком, покрытое молочной патиной с иризацией. Судя по профилю, фрагмент принадлежал чаше.

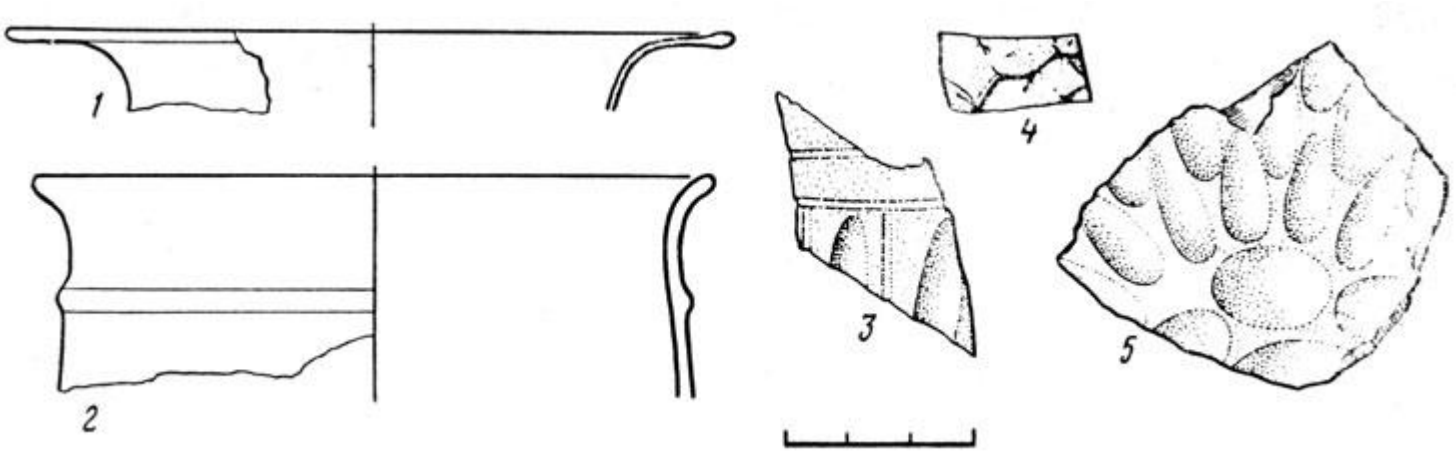

Рис. 93. Фрагменты стеклянных сосудов: 1, 2, 5 - помещение 90; 3 - помещение 26; 4 - помещение 8

От третьего сосуда сохранился фрагмент придонной части толстостенной чаши или кубка с шлифованным орнаментом (рис. 93, 5). На фрагменте сохранилась часть круглой донной фасетки, часть окружавшего ее пояса горизонтальных овалов, выше которого шли ряды тесно расположенных в шахматном порядке узких вертикальных овальных фасеток, занимавшие по крайней мере нижнюю часть, если не весь сосуд. Толщина стенки 8 мм. Стекло прозрачное, чуть желтоватое, с разложившейся поверхностью.

Фрагмент сосуда с гравированным и шлифованным орнаментом найден также в помещении 26. Узор состоял из двух гравированных поясков, от нижнего отходили такие же линии, между которыми были заключены узкие вертикальные шлифованные овалы. Толщина стенки 2,5 мм. Стекло прозрачное, бесцветное (рис. 93, 3). Маленький осколок прозрачного стекла с частью шлифованного овала был в помещении II-1. Толщина его 4 мм. Еще один маленький осколок прозрачного стекла с двумя параллельными гравированными линиями был в помещении 8. Толщина его 5 мм. Там же был найден кусочек очень тонкого (до 1 мм) стекла с позолотой и росписью черными линиями (рис. 93, 4).

Все фрагменты по качеству стекла и орнаментации очень близки к находкам из здания II в квартале А города[*]. Они находят аналогии в стеклах первых веков н. э., преимущественно II-III вв. Центром изготовления стеклянных сосудов с гравированным и шлифованным орнаментом, а также золоченых стекол на Востоке был Дура-Эвропос[**].

[*] (*Городище Топрак-кала, с. 117-119, рис. 58, 12-15, 19, 21, 27.*)

** (*Clairmont Chr. W. The Glass Vessels. - In: The Excavations et Dura-Europas. Final Report, IV, part V, New Haven, 1963, p. 56.*)

Керамика. Керамика первого периода очень немногочисленна и неоднородна. Почти все фрагменты, позволявшие дать хотя бы частичную реконструкцию формы, вошли в таблицу (рис. 94, I).

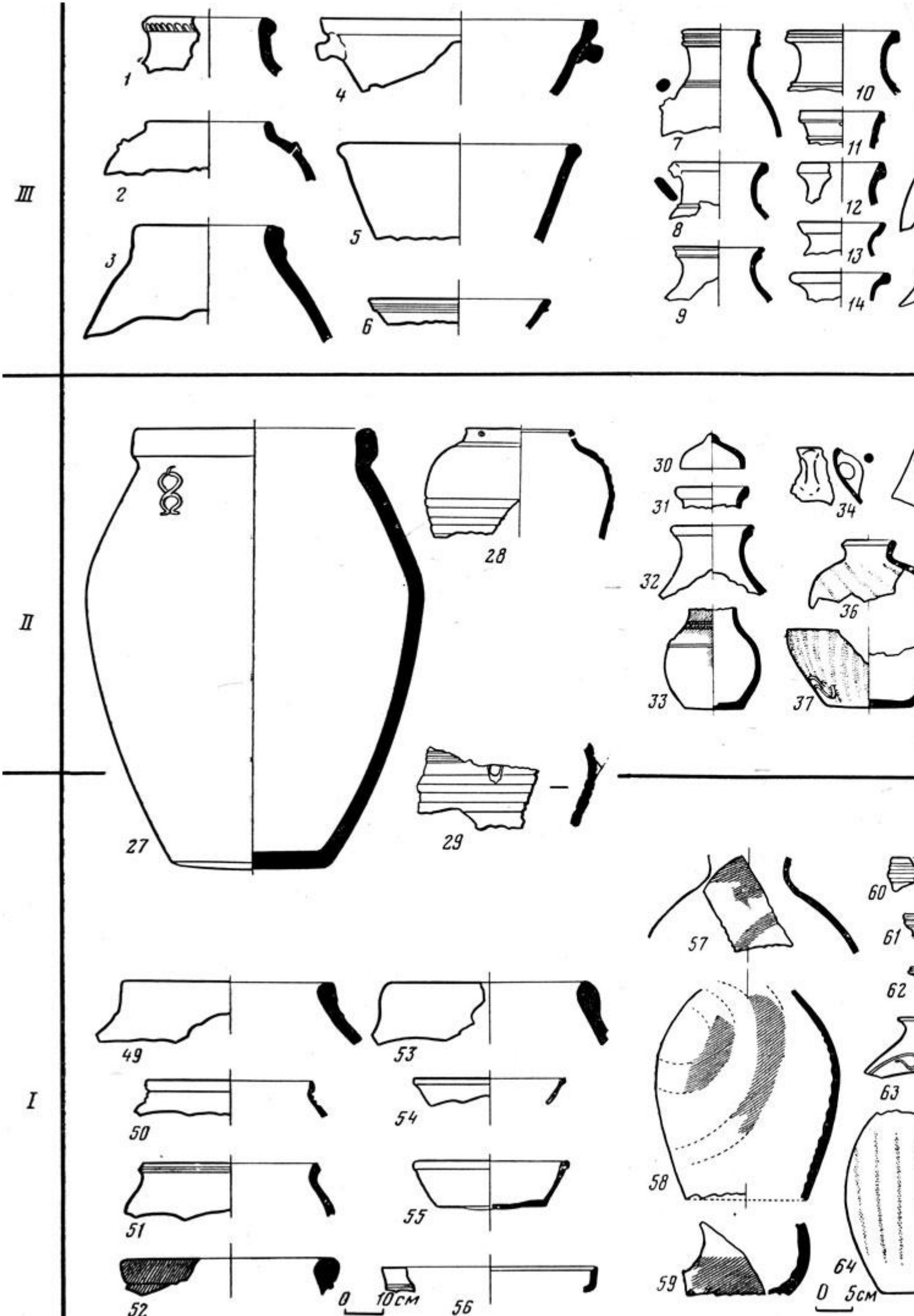

III
II
I
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
27
28
29
30
31
32
33
34
36
37
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
0 10см
0 5см

Рис. 94. Круговая керамика: 1, 3-14, 16, 17, 19-26, 28, 31, 32, 49, 54, 55, 81 - светлоангобированная; 2, 18, 27, 53 - неангобированная; 15, 29, 30, 34-48, 50, 51, 56, 60-78 - красноангобированная, 33, 52, 57-59, 79, 80, 82-85 - светлоангобированная с остатками красной росписи

Главным образом из парадных помещений происходят редкие фрагменты высококачественных тонкостенных сосудов, преимущественно чаш. Часть таких чаш употреблялась мастерами при росписи интерьера для разведения красок, о чем свидетельствуют следы зеленой, красной и розовой краски на внутренней стороне некоторых черепков. Часть же могла использоваться при совершении каких-то ритуальных действий во дворце.

В помещениях 98 и 102 восточной части Центрального массива были установлены хумы и тазы.

Из помещения 45 и некоторых других, располагавшихся на периферии Центрального массива в его северо-западной и западной части, происходит небольшой комплекс столовой посуды хорошего качества, принадлежавшей скорее всего обслуживающему персоналу или страже.

Ранние черепки были найдены также в помещениях 2 и 97, превращенных при повторном освоении здания в свалки.

За малым исключением, вся керамика - ремесленного производства, сделана на гончарном круге быстрого вращения из тонко отмученной, тщательно промешанной лёссовой глины с мельчайшими, иногда неразличимыми примесями, прекрасного равномерного горнового обжига. В качестве примесей использовались хорошо просеянный песок и тонко размолотый гипс, редко - очень мелкий шамот. Черепок в изломе - от светло-коричневого, иногда с розоватым или сиреневатым оттенком, до коричневого и красно-коричневого цвета.

Часть хумов ручной формовки, но по качеству теста и обжига они мало отличались от круговых. Венчики всегда подправлены на круге.

Поверхность толстостенной керамики - хумы, тазы - хорошо заглажена и покрыта плотным светлым ангобом или оставлена без ангобного покрытия. Хумчи покрыты снаружи и изнутри по горлу красным ангобом со сплошным лощением. Толщина стенок хумов 2,7-3,3 см, хумчей и тазов - 1,0-1,3 см.

Тонкостенные сосуды заглажены еще более тщательно. Поверхность их покрыта либо светлым желтоватым ангобом, по которому нанесена красная или коричневая ленточная роспись, либо сравнительно жидким красным ангобом со сплошным или полосчатым лощением. Толщина стенок кувшинов и крупных горшков 0,6-0,7 см, мелких сосудов 0,4-0,5 см.

Хумы. Хумы имели чуть выпуклое дно, яйцевидное тулово, наибольший диаметр которого приходился на верхнюю треть, довольно покатые плечики и венчик обычно в виде уплощенного валика, отделенного более или менее выраженной ложбинкой или бороздкой. Хумы достигали в высоту 1,25 м. Диаметр дна составлял 40-50 см, наибольший диаметр 80-85 см. Диаметр венчика 50-60 см.

У хума из Зала с кругами венчик был в виде округлого валика, уплощенного в нижней части и отделенного ложбинкой. Поверхность с обеих сторон покрыта плотным светлым ангобом, по которому снаружи по венчику нанесен плотный красный ангоб (рис. 94, 52).

Хум из помещения 91, куда он, очевидно, был перемещен во второй период, имел венчик в виде вертикального сильно уплощенного валика, отделенного ложбинкой. На плечиках - прочерченный до обжига знак, напоминающий восьмерку. Ангобного покрытия не было (рис. 94, 27).

Хумы из помещения 98 ручной формовки, венчики подправлены на круге. Один из них, также без ангоба, имел венчик в виде слабо выступающего валика, отделенного только перегибом (рис. 94, 53). Другой хум имел короткую утолщенную почти вертикальную горловину со скошенным внутрь краем. Поверхность покрыта плотным светлым ангобом. В тесто, кроме песка и гипса, добавлен шамот (рис. 94, 49)*.

* (*Аналогии к хумам см.: Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). - ТХЭ, 1976, т. 9, рис. 23, 8; Воробьева М. Г. Керамика Хорезма, рис. 32, 24, 31; Городище Топрак-кала, рис. 10, 63; рис. 39, 36, 37.*)

Хумчи. В помещении 2 были найдены фрагменты двух красноанго-бированных хумчей. Диаметр их устья 43 и 41 см. У одной из хумчей округлые плечики через слабо выраженный уступ переходили в короткое слегка отогнутое горло с подтреугольным в сечении венчиком. По венчику проходили три бороздки, еще одна бороздка - под венчиком (рис. 94, 51). У другой хумчи такие же округлые плечики переходили в короткое вертикальное горло с манжетовидным венчиком. При переходе к горлу - слабо выраженный валик, такой же валик в нижней части горла (рис. 94, 50)*.

* (*Аналогии к хумчам см.: Городище Топрак-кала, рис. 39, 27, 30.*)

Тазы. Три одинаковых таза из помещения 102 имели широкое чуть выступающее, посередине дно и прямые расходящиеся стенки со слабо выступающим венчиком в виде уплощенного валика. Диаметр тазов 39 см, дна 29 см, высота 12,7 см. Поверхность покрыта жидким светлым ангобом. В центре дна - просверленное отверстие (рис. 94, 55).

Там же найден фрагмент таза с низкими прямыми слегка отогнутыми стенками и подкошенной донной частью, сформованной на песчаной подсыпке. Край скошен внутрь. Диаметр 54 см. Снаружи и по краю - красный ангоб (рис. 94, 56). Фрагмент близкого по форме таза с выступающей с наружной стороны края закраинкой и валиком при переходе к подкосу найден в помещении 2. Диаметр его 41 см. Поверхность покрыта светлым ангобом.

На полу помещения 97 найден фрагмент таза с округлыми стенками и выступающим манжетовидным венчиком. Диаметр его 41 см. Поверхность покрыта светлым ангобом с обеих сторон (рис. 94, 54). Фрагмент такого же таза был в помещении 94*.

* (*Аналогии к тазам см.: Воробьева М. Г. Керамика Хорезма, рис. 32, 32; рис. 34, 8; Городище Топрак-кала, рис. 40, 55, 60.*)

Курильница. На полу помещения 101 найден фрагмент донной части курильницы. Диаметр дна ее около 35 см, поверхность покрыта желтовато-розоватым ангобом. Вдоль дна по стенке - широкая красная полоса (рис. 94, 59). Плоскодонные курильницы, напоминающие по форме песочные часы, известны в Хорезме с памятников первых веков н. э.*

* (*Кой-Крылган-кала..., с. 122, табл. IX, 40, 41.*)

Кувшины. В культурном слое на материковой поверхности перед лестницей входной башни были найдены обломки крупных светлоангобированных сосудов с красной росписью. В числе их был бок кувшина с частью росписи в виде двойного круга, может быть даже спирали, что изредка еще встречалось в кушанское время (рис. 94, 58)*. Наибольший диаметр, составлявший 27 см, приходился на верхнюю треть тулова. Высота тулова примерно 31,5 см, диаметр дна около 18 см. Часть плечиков более крупного светлоангобированного кувшина с коричневой полосой по горлу и частью круга под ней была найдена в помещении 2 (рис. 94, 57).

* (*Воробьева М. Г. Керамика Хорезма, с. 151.*)

Венчики светлоангобированных кувшинов с росписью были окрашены как снаружи, так и изнутри. Венчик кувшина из Зала с кругами - плоский, подтреугольный в поперечном сечении. Венчик кувшина из помещения 20 - отогнутый со скошенной наружу площадочкой, по которой шла слабо выраженная ложбинка. Под венчиком - остатки красной полосы. Диаметр венчиков 11 см*.

* (*Аналогии кувшинам с росписью см. там же, рис. 32, 1; рис. 35, 11, 16, 17; Городище Топрак-кала, рис. 10, 61.*)

Венчики красноангобированных кувшинов покрыты с обеих сторон ангобом с зеркальным лощением. Венчик кувшина с конструктивного пола помещения 43 - подтреугольный в сечении, на скошенной наружу площадочке - желобок, как бы разделяющий ее на два валика (рис. 94, 62). Венчик кувшина из помещения 60 - широкий, утолщенный, сильно отогнутый, профилированный двумя желобками, с "припухлостью" в нижней части. Изнутри слегка углубленный "карманчик" (рис. 94, 61). Диаметр венчиков 9 и 11 см. Венчик большого кувшина из Зала царей широкий, с чуть стянутым внутрь приостренным краем. Двумя желобками и резной линией внизу он разделен на три валика. Под венчиком еще одна резная линия. Изнутри - углубленный "карманчик". Диаметр венчика 14,5 см. Черепок несколько отличается от обычных бледно-коричневым оттенком и обилием мелко размолотого гипса. С обеих сторон - коричневато-красный ангоб (рис. 94, 60)*.

* (*Близкая профилировка венчика на сосуде из слоя Беграм II см.: Ghirshman R. Begram, pi. XLII, 49, а также: Городище Топрак-кала, рис. 10, 58; рис. 39, 19.*)

В нижнем горизонте культурного слоя в помещении 45 сохранились фрагменты двух кувшинов, поверхность которых была покрыта по светлому ангобу коричневато-красным. Придонная часть обоих сосудов была горизонтально заглажена дощечкой. От одного из них осталась половина тулова высотой примерно 27 см. Наибольший диаметр, лежавший посередине высоты, составлял 26,6 см, диаметр дна 18 см. По тулову - вертикальное полосчатое лощение (рис. 94, 64). От второго кувшина сохранились фрагменты донной части и половина горла с частью плечиков. Плечики покатые, горло низкое, венчик отогнутый с горизонтальной площадочкой, по которой проходил слабо выраженный желобок. На плечиках - прочерченный до обжига знак. Заметны следы лощения. Диаметр венчика 12,6 см, дна - 16 см (рис. 94, 63). Еще два венчика такого же профиля от красноангобированных кувшинов были найдены в помещениях 42 и 47*.

* (*Аналогии к венчикам красноангобированных кувшинов см.: Городище Топрак-кала, рис. 26, 5, 6; рис. 40, 6, 10, 13.*)

Горшки. Почти все горшки небольших размеров, с округлым туловом, плоским дном и низким горлом. Отличались они по высоте тулова, оформлению венчика и некоторым другим деталям.

В помещениях 45 и 47 были найдены фрагменты трех маленьких тонкостенных светлоангобированных горшков с остатками красно-коричневой росписи. Остальные горшки красноангобированные. По венчику и горлу ангоб нанесен и с внутренней стороны. Лощение сплошное, иногда полосчатое.

Горшок из-под документов, найденный в помещении 90, имел высоту 23,5 см, диаметр венчика 18,5 см, дна - 16 см (рис. 94, 65; рис. 95). Венчик манжетовидный, разделенный резной бороздкой. На плечиках - такая же бороздка, еще ниже - двойная бороздка. Две вертикальные петлевидные круглые в сечении ручки прикреплены на плечиках. По сторонам ручек расположены попарно четыре круглых плоских налепа.

Рис. 95. Сосуд, в котором были найдены документы. Красный ангоб; помещение 90

Высота небольшого горшка из ямки в полу помещения 43, равная его наибольшему диаметру, составляла 12,5 см. Диаметр венчика 10 см, дна - 7,2 см. Горшок имел отогнутое горло и манжетовидный венчик со слабо выраженной ложбинкой, край его приострен (рис. 94, 75). Фрагменты еще двух подобных венчиков найдены в помещениях 42 и 47.

У горшка из помещения 60 был скошенный наружу подтреугольный в сечении венчик с двумя желобками и с "припухлостью" в нижней части. Диаметр его 15 см. На горле полосчатое лощение зигзагом (рис. 94, 70).

У горшка из помещения 70 был отогнутый венчик с широкой горизонтальной площадочкой с двумя бороздками. На горле слабо выраженный валик. Диаметр венчика 16 см (рис. 94, 69).

Второй горшок из помещения 60 имел слегка отогнутый венчик с утолщенным скошенным наружу краем. Диаметр венчика 9 см. При переходе к горлу - валик (рис. 94, 68).

Небольшой горшок из помещения 41 имел покатые плечики и отогнутое горло с отделенным неглубокой широкой ложбинкой скругленным краем. Диаметр края 9,5 см. На плечиках прикреплена ручка в виде фигурки барана. И передние и задние ноги фигурки

показаны неразделенными. Мордочка упиралась в край сосуда. Рога переданы двойным защипом. Глаза обозначены пунсоном. Еще три кружка нанесены пунсоном на спинке. На плечиках сосуда вертикальное полосчатое лощение. На стенках несколько просверленных ремонтных отверстий (рис. 94, 66)*.

* (*О сосудах с зооморфными ручками см.: Литвинский Б. А. Кангюйскосарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 2-13, табл. 1, 4; 2, 8.*)

Горшок из нижнего горизонта культурного слоя помещения 45 имел сплюснутое тулово и отогнутый венчик с мягкой "припухлостью" и отделенным бороздкой скошенным внутрь краем (рис. 94, 67). На плечиках были две прочерченные бороздки и по крайней мере два, но скорее четыре круглых плоских налепа. Наибольший диаметр тулова 15,5 см, диаметр венчика 11 см.

Второй горшок из того же помещения принадлежал к другому типу. У него также округлое тулово и плоское дно, но горловина короткая утолщенная, стянутая внутрь (рис. 94, 74). Горловина отделена резкой бороздкой. На плечиках - поясок из двух таких же бороздок и четыре просверленных отверстия. Под горловиной на плечиках намечен уступ. Высота сосуда 17 см, наибольший диаметр 19 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 12 см*.

* (*Аналогии к красноангобированным горшкам см.: Городище Топрак-кала, рис. 39, 18, 49; рис. 40, 4; Кой-Крылган-кала..., табл. VIII, 27; IX, 46; Воробьева М. Г. Керамика Хорезма..., рис. 34, 31.*)

Чаши и блюда. Глубокое блюдо из ложи 12 Зала царей имело округлые стенки и чуть стянутый внутрь манжетовидный венчик, профилированный двумя желобками. Под венчиком резная линия (рис. 94, 85). По качеству черепка и профилировке венчика блюдо близко к фрагменту венчика кувшина, найденного здесь же. Поверхность покрыта светлым желтоватым ангобом, поверх которого внутри и по краю положен красный ангоб с потеками по наружной стороне. Красные поверхности подлощены. Диаметр блюда 28 см, толщина стенки 0,8 см. Внутри остатки красной краски*.

* (*Блюдо по форме близко к мискам из среднего горизонта Кой-Крылган-калы, см.: Кой-Крылган-кала..., табл. VIII, 3, 7.*)

Высококачественные тонкостенные светлоангобированные чаши имели почти одинаковую форму. У них небольшое плоское дно и более или менее высокая усеченно-коническая придонная часть, через мягкий перегиб переходившая в невысокий слегка отогнутый бортик со скругленным или приостренным краем. Диаметр небольших чаш 13-14 см, более крупных - 17-19 см, высота 6,1-6,6 см, диаметр дна 4 см, толщина стенок около 4 см. Поверхность с обеих сторон очень тщательно заглажена и покрыта желтоватым светлым ангобом. На некоторых чашах сохранились следы красновато-коричневатой росписи*.

* (*Чаши такой формы известны еще из слоя Беграм I, см.: Ghirshman R. Begram, pl. XXX, 1.*)

У чаши из ложи 12 Зала царей был пристроенный скошенный внутрь край. Внутри сохранились остатки светло-зеленой краски (рис. 94, 81). У чаши из ложи 1 Зала царей был скругленный край, вдоль которого с обеих сторон следы красного ангоба (рис. 94, 84). У чаши из помещения 35 скругленный край отделен легким прогибом. Вдоль края снаружи - следы коричневатого ангоба. Внутри - остатки красной и зеленой краски (рис. 94, 83). У чаши из помещения 38 край скошен наружу, на бортике и перегибе остатки красной

полосы (рис. 94, 82). У чаши из коридора С-а край приострен, внутри - остатки красной полосы, снаружи - потеки от венчика вниз (рис. 94, 80). Придонная часть второй чаши из того же коридора украшена пояском нанесенных до обжига вертикальных овальных углублений, очевидно, в подражение декору стеклянных чаш со шлифованным орнаментом. Изнутри чаша была покрыта красным ангобом и залощена. Снаружи вдоль края следы красно-коричневой полосы. Внутри сохранились остатки красной и розовой краски (рис. 94, 79).

Красноангобированные чаши сравнительно редки. Встречались только фрагменты крупных тонкостенных чаш диаметром 16-18 см. Они также с обеих сторон покрыты ангобом, по которому нанесено сплошное лощение.

Выделяется высококачественная чаша из ложи 2 Зала царей. У нее два мягких перегиба: при переходе от придонной части к стенкам и при переходе от них к бортику, у которого чуть стянутый приостренный край. Поверхность с обеих сторон покрыта полупрозрачным красновато-коричневатым ангобом с прекрасным зеркальным лощением (рис. 94, 78).

Чаша из помещения 7а отличалась от светлоангобированных более низким бортиком со скошенным наружу краем. Под перегибом проходила неглубокая ложбинка с чуть выступающими краями (рис. 94, 77). Чаша из помещения 27 была полусферической формы (рис. 94, 76). В западной части Зала царей был найден фрагмент чаши на дисковидном поддоне.

Небольшое блюдо на дисковидном поддоне из нижнего горизонта культурного слоя помещения 45 имело пологие скругленные стенки со скошенным внутрь краем. Диаметр его 20 см, высота 5,5 см (рис. 94, 71). Изнутри на дне два концентрических вмятых круга с выступающими краями и круглым выступом в центре. Очевидно, они связаны с формовкой поддона. Однако от них по стенкам расходятся проведенные до обжига углубленные радиальные полосы, затем вертикально залощенные[*].

[*] (*Красноангобированные чаши и блюда на дисковидном поддоне см.: Кой-Крылган-кала..., табл. IX, 78; Воробьева М. Г. Керамика Хорезма..., рис. 37, 8; Неразик Е. Е. Сельские поселения..., рис. 14, 13, 14; Городище Топрак-кала, рис. 40, 37, 44.*)

В помещениях 47 и 36 были найдены обломки близких по профилю блюд или низких мисок диаметром 20-22 см, донные части от них отсутствовали. На фрагменте блюда из помещения 60 стенка через мягкий перегиб переходила в оттянутый наружу скругленный край. Диаметр блюда 24 см (рис. 94, 72). У фрагмента блюда из помещения 43 были почти прямые расходящиеся стенки с утолщенным краем. Диаметр блюда 28 см (рис. 94, 73).

Особую группу керамических изделий, близких по качеству глины и выработки к круговым толстостенным сосудам, составляли *водоотводные трубы*. Они были цилиндрическими, с суженной короткой прямой горловиной. Край горловины обычно скругленный или уплощенный. Противоположный конец трубы был срезан прямо. Длина труб 52-59 см, диаметр - около 20 см. Поверхность обычно покрыта снаружи и по горловине изнутри, реже - с обеих сторон плотным светлым ангобом. Некоторые трубы были вообще без ангобного покрытия (см.1 рис. 22).

Светильники и жаровни. Светильники и жаровни были ручной лепки. Светильник из помещения 41 был традиционной для Хорезма формы, известной еще по нижнему горизонту Кой-Крылган-калы. Это полусферическая чаша диаметром 11,5 см на толстой невысокой ножке с полым коническим основанием, диаметр которого 5 см. Высота

светильника 11 см. Тесто коричневатое, с крупными примесями, поверхность покрыта светлым коричневатым ангобом (рис. 96, 5). Ножки от таких же светильников были найдены в помещениях 51 и 97*.

* (*Аналогии к светильникам см.: Кой-Крылган-кала..., табл. VI, 3; XIV, 31.*)

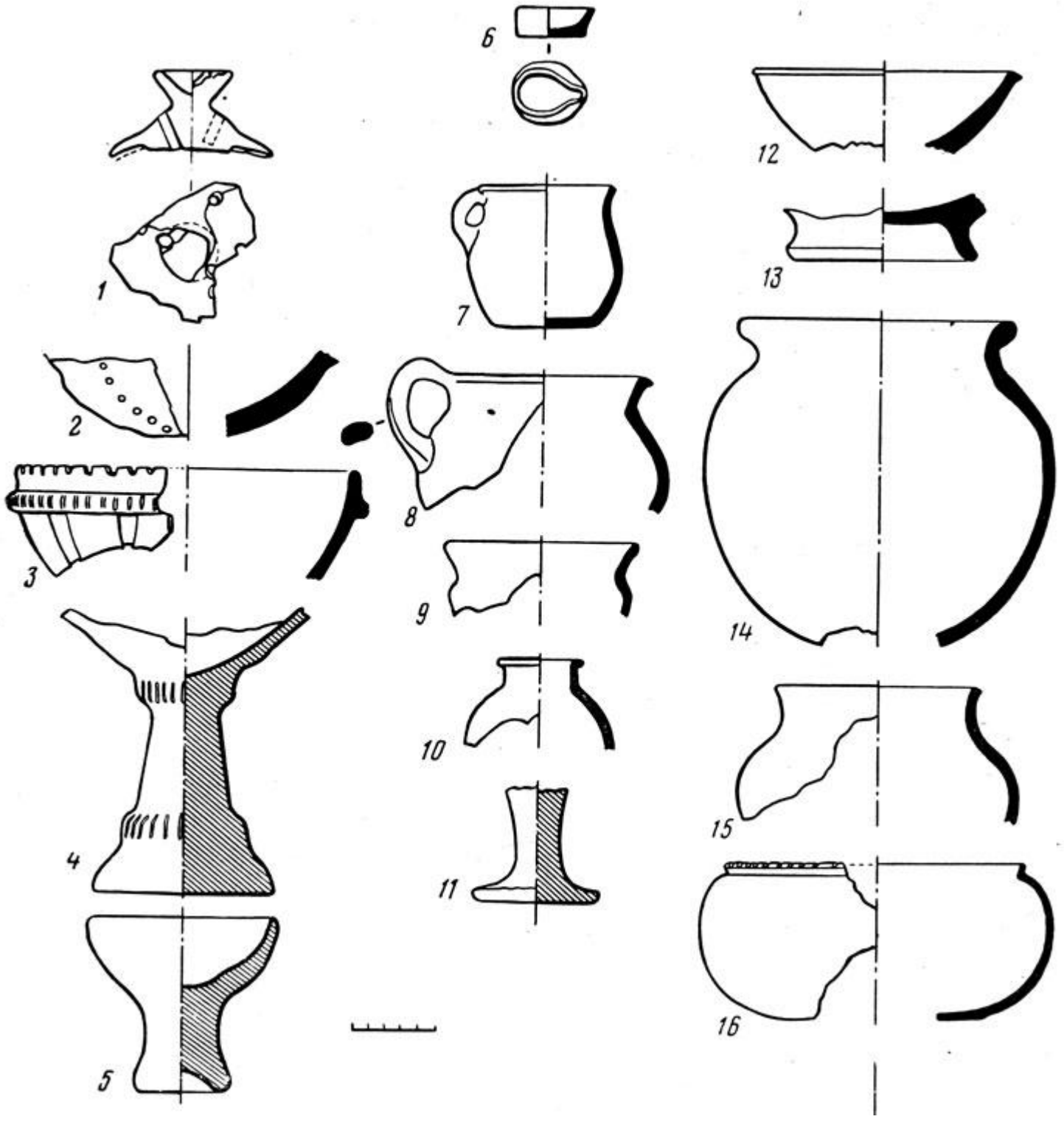

Рис. 96. Лепная керамика: 1 - крышка; 2-5, 11, 12 - светильники; 6 - льячка; 7,8 - кружки; 9, 14-16 - горшки; 10 - миниатюрный сосуд; 13 - поддон сосуда

Другой вариант светильников - более поздний. По выработке они близки к лепной светлоангобированной керамике III-IV вв. Это также чаши диаметром до 21 см на высокой

ножке, со сплошным коническим основанием, диаметр которого до 11 см. Высота светильников более 18 см. Ножки светильников из помещения 9 и из Зала с кругами украшены валиками с вертикальными насечками (рис. 96, 4). Чаша светильника из помещения 97 имела такой же валик, от которого вниз шли углубленные полосы. Край был зубчатым (рис. 96, 3). Чаша другого светильника из того же помещения была украшена пунсонным орнаментом (рис. 96, 2).

Жаровни, обломки которых были найдены в нижнем горизонте культурного слоя в помещении 45 и в помещении 97, были плоскодонными с низким оттянутым бортиком. Край дна также был оттянут наружу. Величина их была не менее 40 см, но по имеющимся фрагментам трудно сказать, круглыми они были или овальными.

Керамика, которую можно приурочить ко второму периоду, очевидно, принадлежала страже, оставшейся в покинутом дворце. Сюда относится прежде всего посуда из верхнего горизонта культурного слоя в помещении 45 и соседних с ним (рис. 94, II).

В это время еще продолжали употребляться отдельные сосуды, оставшиеся от предыдущего периода. Таковы хум из помещения 91, небольшой светлоангобированный кувшин с коричневой росписью, у которого отбился венчик, а затем край горла был обточен, красноангобированные бокал с тонкими лощеными полосами, подражавший по форме стеклянным бокалам римского времени[*], и блюдо на трех выступах-ножках с радиальным полосчатым лощением из помещения 45[**]; небольшой тонкостенный горшочек из помещения 42 с остатками красного ангоба, на плечиках которого четыре круглых налепа с проткнутыми до обжига отверстиями (рис. 94, 27, 33, 45, 48, 39).

[*] (*Ср.: Harper P. O. The Royal Hunter. Art of the Sasanian Empire. - Catalogue of Exhibition at the Asia House Gallery. New York, 1978, p. 152, fig. 75.*)

[**] (*Аналогию блюд на трех ножках см.: Городище Топрак-кала, рис. 40, 31.*)

Ремесленная керамика к этому времени несколько огрубела. Исчезли светлоангобированные сосуды с росписью. Форма посуды стала однообразнее. Увеличилась толщина стенок сосудов. В глине, кроме обычных примесей песка и гипса, появились мелко раздробленный шамот и иногда дресва. Обжиг, как правило, не столь равномерный, часты черепки с серым закалом, внутренняя поверхность также часто серая. Сосуды покрыты толстым слоем плотного красного ангоба, который приобрел интенсивный коричневатый оттенок. Полосчатое лощение почти вытеснило сплошное. Стали употребляться светлоангобированные сосуды без росписи и посуда ручной лепки, чаще светлоангобированная.

Новые хумы уже не устанавливались. Светлоангобированная хумча горшковидной формы из коридора С-а была украшена в нижней части несколькими резными поясками (рис. 94, 28). Также была отделана нижняя часть фрагмента хумчи из Зала с кругами. На плечиках сохранилось основание ручки и три более глубоких и широких желобка. Поверхность была покрыта красноватым ангобом (рис. 94, 29). Еще один фрагмент красноангобированного сосуда с резными линиями был в помещении 97[*].

[*] (*Аналогичный прием украшения со судов см.: Кой-Крылган-кала..., табл. V, 17-19.*)

Красноангобированные кувшины из помещений 45 и 76 имели покатые плечики, короткое горло и подтреугольный в сечении венчик со скошенной наружу площадочкой, по которой шла ложбинка. По тулову нанесено вертикальное полосчатое лощение. У

кувшина из помещения 76, кроме того, на плечиках были две прочерченные бороздки (рис. 94, 40). Второй кувшин из помещения 45 имел очень крутые плечики и короткое отогнутое горло со скошенным наружу краем. На плечиках - косое полосчатое лощение (рис. 94, 37). Все три кувшина не имели ручек.

В Зале побед и в помещении 23 были найдены фрагменты двух небольших красноангобированных кувшинчиков, имевших круглую в сечении ручку. На одном из них у основания ручки круглый плоский налеп (рис. 94, 34, 35).

В помещениях 44 и 45 были найдены фрагменты светлоангобированных кувшинов (рис. 94, 31, 32).

Все горшки, фрагменты которых были найдены, принадлежали к одному типу. Они имели округлые плечики с уступом и более или менее стянутую короткую горловину. На плечиках располагались четыре просверленных отверстия. По тулову нанесено вертикальное полосчатое лощение. Таковы горшки из помещений 45 и 7а (рис. 94, 38, 42, 41).

Небольшая чаша из коридора С-а имела ту же форму, что и светлоангобированные чаши предыдущего периода, но стенки ее вдвое толще, а поверхность покрыта плотным отслаивающимся красным ангобом (рис. 94, 43). Диаметр ее 12,5 см. Крупные красноангобированные чаши из помещения 11а и прохода из помещения 7а в помещение 8 по форме близки к более ранней чаше из помещения 7а (см. рис. 94, 77), но стенки их толще и на поверхности было нанесено вертикальное полосчатое лощение. Диаметр их 16,5 и 18 см (рис. 94, 47). В помещении 41 был найден фрагмент чаши или блюда, дно которого имитировало дисковидный поддон (рис. 94, 46)*.

* (*Аналогии к чашам и мискам см.: Городище Топрак-кала, рис. 44, 36, 45.*)

Ручной лепки были миниатюрный светлоангобированный сосудик, кольцевой поддон котла и горшок из помещения 41 (рис. 96, 10, 13, 15)*; горшок или кружка с ручкой из помещения 45 (рис. 96, 8).

* (*Аналогию к поддону сосуда см.: Городище Топрак-кала, рис. 39, 26.*)

В керамике дворца первого периода представлены в основном светлоангобированные сосуды с росписью и тонкостенные красноангобированные сосуды со сплошным лощением. Изредка встречается и лощение узкими полосками. Большинство сосудов находит аналогии в керамике Хорезма II - первой половины III в., прежде всего из I горизонта городища Топрак-кала, а также с Джанбаскалинского и Аязкалинского поселений и из слоя этого времени на городище Куня-Уаз. Отдельные сосуды находят аналогии также в слое Беграм II, а форма светлоангобированных чаш - даже в слое Беграм I в Бегpаме. Однако наряду с этой керамикой встречаются и сосуды, приобретающие черты, свойственные керамике второй половины III - начала IV в. Посуда второго периода уже почти вся относится к керамике этого времени.

Многочисленная керамика третьего периода имела совершенно иной облик (рис. 94, III). Ремесленная керамика обычно покрыта плотным светлым желтоватым или зеленоватым ангобом. Хумчи и часть кувшинов были вообще не покрыты ангобом. Фрагменты красноангобированной посуды редки.

Хумы принадлежали к тому же типу, что и хум из помещения 98 (см. рис. 94, 49). Однако плечики их более покаты, а горловина несколько выше (рис. 94, 3). Один хум имел уже высокое горло и венчик, украшенный пальцевыми вдавлениями (рис. 94, 1)*.

* (*Аналогию к горлу хума см.: Городище Топрак-кала, рис. 7, 14; 47, 11.*)

Хумчи встречались только горшковидной формы, с чуть стянутой короткой горловиной и четырьмя налепами с отверстиями или просто отверстиями на плечиках (рис. 94, 2)*.

* (*Аналогии к хумчам см.: Городище Топрак-кала, рис. 7, 1.*)

Большие глубокие тазы и чаны имели прямые расходящиеся стенки. У некоторых было по две ручки-штыря (рис. 94, 4, 5).

Большинство фрагментов круговой керамики принадлежало светлоангобированным кувшинам (рис. 94, 7-14, 16). Некоторые из них имели круглую или овальную в сечении ручку (рис. 94, 7, 8)*.

* (*Аналогии к горлам кувшинов см.: Городище Топрак-кала, рис. 43, 11, 13, 17, 18; рис. 46 1.*)

Появились большие светлоангобированные тагары диаметром 26-35 см (рис. 94, 19-26). Глубокие тагары по форме близки к тазам. По венчику некоторые тагары украшены косыми насечками (рис. 94, 26), насечками в виде косой решетки (рис. 94, 21), прочерченной волнообразной линией (рис. 94, 23-25). У одного экземпляра край украшен пальцевыми защипами (рис. 94, 20)*.

* (*Аналогии к тагарам см.: Городище Топрак-кала, рис. 7, 19; рис. 10, 14; рис. 44, 40; рис. 45, 33, 44; рис. 47, 58, 59.*)

Остальная посуда была ручной лепки. Эта группа керамики весьма многочисленна. Встречались горшки, горшки с ручкой, кружки, крышки, светильники и даже льячка (см. рис. 96, 1, 6-7, 9, 11-12, 14, 16).

Керамика третьего периода в основном находит аналогии в керамике из II и III горизонта городища, т. е. второго этапа существования города, и может быть отнесена к IV-V вв.

Отдельные сосуды, как круговые, так и лепные, правда, принадлежат к типам, появляющимся в городе еще в III в., но на территорию дворца они, очевидно, попали позднее, только с появлением там какой-то части городского населения.

Следует упомянуть еще, что среди керамики этого периода было обнаружено десятка полтора фрагментов керамики сырдарьинского происхождения.

Подводя итоги рассмотрения довольно немногочисленного и разрозненного археологического материала, полученного при раскопках топраккалинского Высокого дворца, можно сказать, что датировка предметов вооружения, украшений, стекла, тканей, керамики, относящихся к первому периоду его существования, в целом укладывается в пределы от середины II до рубежа III-IV вв. Это вполне согласуется с датами, сохранившимися на некоторых документах дворцового архива.

Наконечники стрел, близкие беграмским, некоторые украшения, аналогии которым дают находки с кушанских и позднепарфянских памятников, стекло, центром производства которого был Дура-Эвропос, бусы восточно-средиземноморского происхождения, китайские шелка позволяют наметить довольно широкий круг внешних связей Хорезма во II - III вв.

Второй период, исходя из датировки относящегося к нему очень небольшого керамического комплекса, был, очевидно, очень кратковременным и падает на рубеж III-IV - начало IV в.

Эти периоды примерно соответствуют первому этапу существования города.

Начало третьего периода приходится, очевидно, на время около середины IV в. и относится уже ко второму этапу существования города.

Глава шестая. Документы

Хорезмийские документы были найдены в юго-восточной части Центрального массива дворцового комплекса в четырех помещениях нижнего этажа: 89 (232), 90 (231), 93 (239), 91 (ЮР). Места находок позволяют заключить, что документы были смещены с верхнего этажа[*].

[*] (*Подробные описания мест находок документов см. выше, гл. III, 12. В скобках указаны номера помещений, данные им во время раскопок.*)

Во дворце хранились документы на коже и дереве - на дощечках[*] и палках. Все они написаны "тушью" (черными чернилами). Их письмо может быть определено как раннехорезмийский курсив, в котором уже регулярно употреблялись лигатуры. Формы многих букв значительно отличаются от начертаний в "имперско-арамейском" письме, к которому восходит хорезмийская письменность, а также от начертаний, свойственных наиболее ранним хорезмийским надписям[**]. Эти отличия особенно заметны для букв ’ (*’äleph*), m, s, p, t.

[*] (*Ср. позднехорезмийское (далее в сокращении: п.-хор.) pd'ryk "дощечка для письма" в хорезмийской версии словаря аз-Замахшари "Muqaddimatal-Adab". См.: Togan Z. V. Documents on Khorezmian culture. Part 1. Muqaddimat al-Adab, with the translation in Khorezmian. Istanbul, 1951 (далее: М., первая цифра обозначает страницу факсимиле, вторая, после запятой, - строку). О чтении pd'ryk в М 10, 8 см.: Henning W. B. The Khwarezmian Language. - Z. V. Togan'a Armagan. Istanbul, 1956, p. 435; MacKenzie D. N. The Khwarezmian Glossary. V. - Bulletin of the School of Oriental and African Studies (далее - BSO(A)S), London, 1972, v. 35, pt. 1, p. 58.*)

[**] (*Несколько надписей на керамике из Кой-Крылган-калы (см.: Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. - IV в. н. э. - ТХЭ, 1967, т. 5, рис. 83, 1-5); надпись на хуме с городища Большая Айбуйир-кала (арамейская или раннехорезмийская? см.: Мамбетуллаев М. Хум с городища Большая Айбуйир-кала с древнейшей надписью в Средней Азии. - Вестник Каракалпакского филиала АН УзбССР, 1979, №1(75), с. 46-48); надпись на кости с городища Бурлы-кала (см.: Манилов Ю. П., Хажаниязов Г. Городища Аяз-кала 1 и Бурлы-кала. - В кн.: Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981, с. 38, рис. 3, 2); неопубликованные надписи, открытые Б. И. Вайнберг на памятниках Калалы-гыр 2 и Гяур 3.*)

Из 22 букв арамейского прототипа в топраккалинских документах до сих пор удалось обнаружить 20, из них l, c ' (*ayin*), q засвидетельствованы лишь в арамейских идеограммах. Остальные две буквы - t (*teth*) и s (*sade*) - также должны были употребляться только в идеограммах. Для обозначения фонемы /c/ в хорезмийском письме применялась буква š;

звонкая /c/, если эта фонема уже существовала в хорезмийском языке в III в. н. э., также могла обозначаться посредством š (или посредством t - в случаях, когда хор. /c/ восходит к др.-ир. t). Фонема /v/ передавалась буквой t (сравни, например, теофорные имена с Mtr-, а также и. с. Mytprtrk=Mevfratarak, букв, "имеющий лучший день", в документе на дереве IV, стк. 7). Орфография документов из Топрак-калы, как и других текстов на древнехорезмийской письменности, - историческая*.

* (*Ср.: Толстов С. П., Лившиц В. А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала. - СЭ, 1964, № 2, с. 53, 55.*)

Документы на коже: фрагменты и отпечатки на глине

Обнаружено 8 фрагментов документов на коже. В настоящем издании они обозначаются как документы К-1 - К-8. Многие документы на коже, хранившиеся во дворце, истлели. Остатки истлевших документов - мелкие обрывки и чешуйки кожи со слабыми следами разрушенных букв - были найдены в пом. 91 в хуме среди пылевидной и слоистой глины, заполнившей сосуд. От других истлевших документов сохранились зеркальные отпечатки текстов на глине, просочившейся между слоями кожаных свитков. Крупные скопления таких отпечатков обнаружены в пом. 90 и 93. Участки глины с отпечатками извлекались при раскопках небольшими блоками. Из пом. 90 было извлечено 20 блоков. В полевых инвентарях блоки обозначены как объекты, их шифры следующие: Г-II, Г-IIIа, Г-IIIб, Г-V, Г-VIII, Г-VIIIа, Г-IX, Г-X, Г-XI, Г-XII, Г-XIII, Г-XIV, Г-XV, Г-XVа, Т-XVб, Г-XVI, Г-XVII, Г-XVIII (см. фото части этого блока, рис. 97), Г-XIX, Г-XX. Из пом. 93 извлечена 13 блоков - объекты Г-3, Г-4, Г-5, Г-7, Г-8, Г-9, Г-10, Г-11, Г-12, Г-13, Г-15 (рис. 98), Г-16 (рис. 99), Г-17.

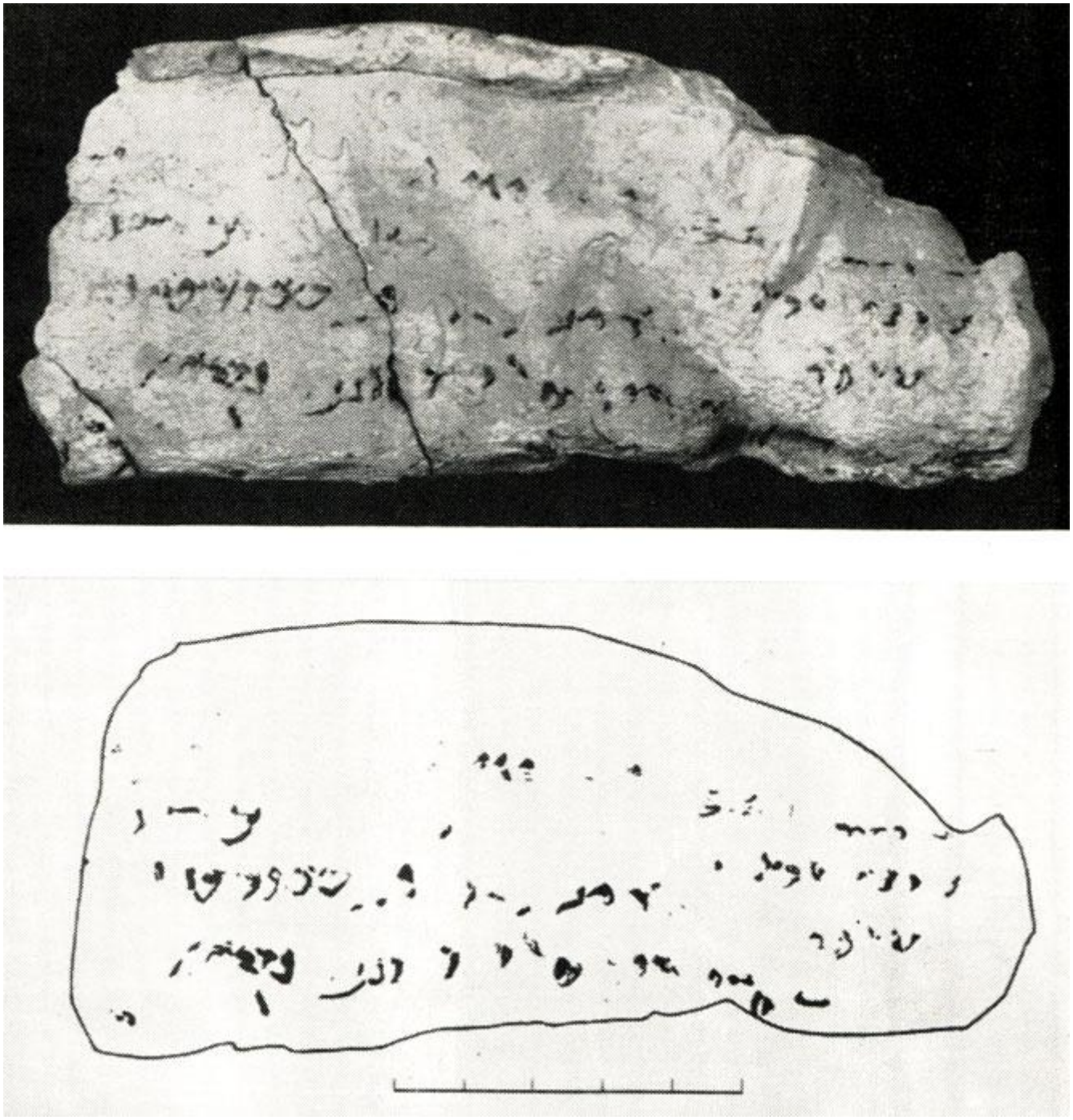

Рис. 97. Отпечаток документа на глине Г-XVIII/1-4. Помещение 90: а - фотография (снимок зеркальный), б - прорисовка

Рис. 98. Отпечаток документа на глине Г-15/2. Помещение 93: а - отпечаток (снимок зеркальный), б - прорисовка

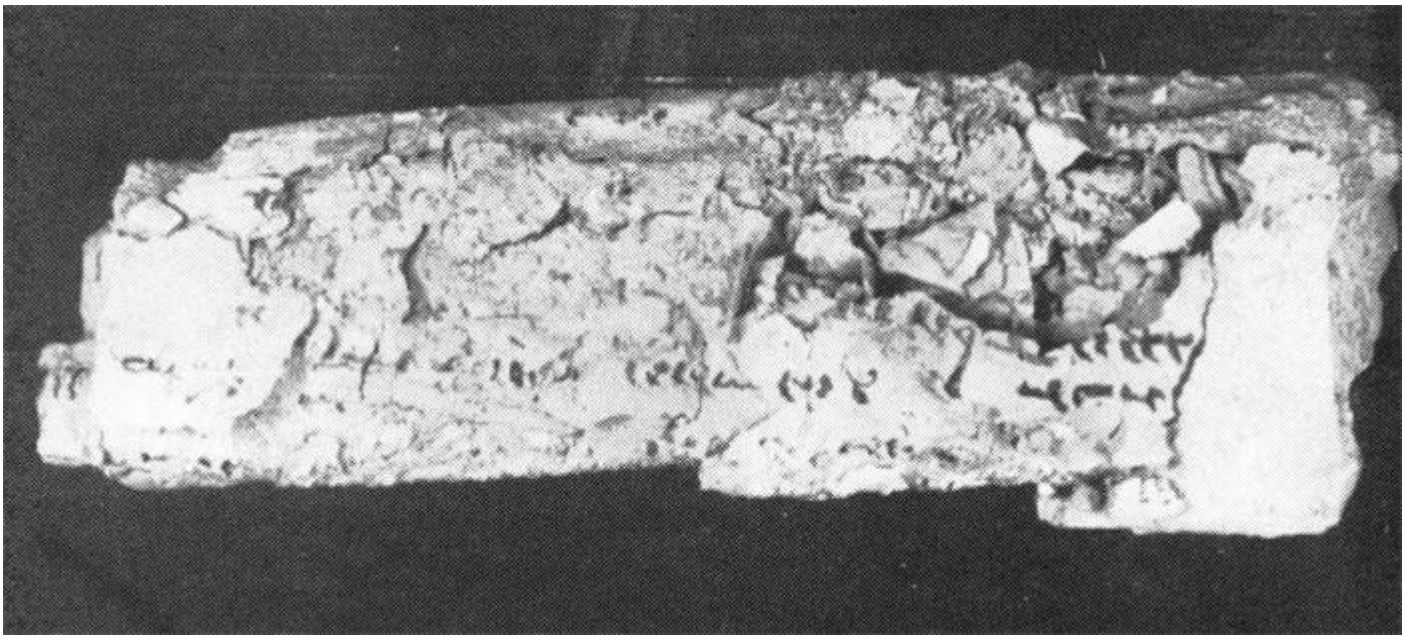

Рис. 99. Отпечаток документа на глине Г-16/3. Общий вид одной из сторон тюбика. Помещение 93

После реставрационных работ эти блоки представляют собой совокупности кусочков глины разной величины и формы, в том числе части "тюбиков", в которых натекшая глина воспроизводит слои кожаных свитков-с отпечатками на внешних и внутренних сторонах. При расчистке и реставрации блоков Б. И. Вайнберг удалось обнаружить несколько фрагментов, имеющих два и даже три слоя отпечатков текста. Части блоков пронумерованы как отдельные документы - это мелкие куски глины, содержащие, как правило, отпечатки одной или нескольких букв; некоторые "документы" объединяют несколько кусков глины, что отражено в шифрах (например, Г-XV/3-1 обозначает 1-й фрагмент 3-го документа объекта Г-XV; помета "фрг." указывает на куски глиняных "тюбиков"; римские цифры после шифров, обозначающих объект и "документ", указывают на порядок слоев отпечатков; пометы "нар." и "внутр." обозначают, соответственно, отпечатки на наружной и внутренней поверхностях кусков глины). На поверхности глины нередко сохранились мелкие обрывки и чешуйки кожи со слабыми следами текста[*].

[*] (*Так, в пом. 90 найдено около 30 обрывков кожи, относящихся, судя по почерку, к одному документу. Лишь на двух обрывках сохранились целые слова, на трех видны слабые следы отдельных букв, на остальных текст полностью разрушен.*)

К сожалению, объединить отпечатки на глине, принадлежащие одному и тому же объекту, даже в небольшие по объему сегменты связных текстов оказалось возможным лишь в очень немногих случаях; ни одной полной строки восстановить не удалось. Общее число кусочков глины с отпечатками текста, мелких обрывков и чешуек кожи, извлеченных из пом. 90 и 93, очень велико (около тысячи), однако невозможно даже приблизительно установить, сколько документов на коже дошло до нас в виде отпечатков.

Кожаные свитки были, по-видимому, намотаны на втулки или древки стрел и скреплены печатями (одна такая печать - оттиск геммы на глине - обнаружена в ходе реставрационных работ)[*] (рис. 79). По крайней мере часть хозяйственных документов на коже имела даты, начинавшиеся идеограммой BSNT - "год" (эта идеограмма была прочитана С. П. Толстовым). Даты помещались в начале документа, о чем свидетельствуют, например, фрагменты К-2 и К-6, но могли стоять и в середине текста (при регистрации в документе нескольких операций), а также в заключительной его части. Идеограмма BSNT сохранилась в трех фрагментах документов на коже (К-1, К-2, К-6) и на 11 отпечатках на глине, однако только в шести случаях уцелели цифровые обозначения года: 188 (или 189? - r-XVIII/1-4, внутр.)[**], 204 (Г-12/4-1, фрг. "а"), 207 (или 208, 209 - Г-15/2, фрг. "а")[***], 223 (Г-XVIII/2, фрг. "а"), 231 (К-2, стк. 1), 252 (К-1, стк. 18)[****]. Это даты по хорезмийской эре, засвидетельствованной также в надписях на серебряных чашах и в надписях на оссуариях из некрополя Ток-калы.

[*] (*Толстов С. П. Хорезмская археологоэтнографическая экспедиция АН СССР (1945-1948 гг.). - ТХЭ, 1952, т. 1, с. 42, прим. 1; с. 43, рис. 31.*)

[**] (*((BSNT I C XX) [XX] (XX XX III) III (II)[*)

[***] (*BSNT II C III III I[*)

[****] (*Ср. еще [BSNT IIC](XXXX)[ ]I в Г-V/1, фрг. "а+б", нар., где установить дату даже с точностью до десятилетия невозможно.*)

Начало этой эры должно приходиться на какой-то год первой половины I в. н. э. - между 10 и 30 гг., как представляется нам наиболее вероятным (по расчетам Б. И. Вайнберг, хорезмийская эра начиналась в 40-х или в начале 50-х гг. н. э.)[*]. Таким образом, если судить по сохранившимся фрагментам, документы на коже из дворца Топрак-калы можно датировать в пределах III в. н. э. Палеографическую датировку для фрагментов, не имеющих дат, установить трудно, поскольку мы должны считаться с индивидуальными особенностями почерков у разных писцов (на фрагментах кож и в отпечатках на глине представлено не менее десятка почерков). Сравнительно с другими фрагментами более ранним, судя по редким лигатурам, следует считать К-4.

[*] (*См.: Henning W. B. The Choresmian documents. - Asia Major, new series (далее: AM, NS), London, 1965, v. XI, pt. 2, p. 168-170; Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийскне надписи из некрополя Ток-калы и проблема хорезмийской эры. - Вестник Каракалпакского филиала АН УзбССР, 1967, №1, с. 7-9; Livshits V. A. The Khwarezmian calendar and the eras of Ancient Chorasmia. - Acta Antiqua Academiae scientiarum Hungaricae (далее - AAASH), 1968, t. XVI, p. 440; Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 79; Городище Топрак-кала (раскопки 1965-1975 гг.). - ТХЭ, 1981, т. 12, с. 129.*)

С. П. Толстов опубликовал фотографии и чтения двух фрагментов документов на коже: К-1 (инв. № 5)[*] и К-2 (инв. № 4)[**]. Наличие арамейских идеограмм - предлогов MN, 'L, а также цифровых знаков позволило ему определить документы на коже как административно-хозяйственные - описи или реестры выдач и доставок каких-то предметов. Такое определение документов на коже подтвердилось при дальнейшем их изучении. Так, в К-1 и К-3 упоминается мука (идеограмма SMYD'); судя по аббревиатуре S, которая разъясняется как сокращение арамейской меры объема и в отпечатках на глине следует непосредственно после SMYD'[***], доставки и выдачи муки зафиксированы также в К-6 и К-8; аббревиатура γ в К-5 и К-6 показывает, что в этих документах были зарегистрированы доставки и выдачи вина, поскольку из отпечатков на глине выясняется,

что γ служило сокращением меры объема, связанной прежде всего с измерением количества вина (HMR γ ... "вина мер...").

* (*Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. - ТХЭ, 1959, т. 2, рис. 97, 2, с. 210; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 132в, с. 220.*)

** (*Толстов С. 77. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937-1956). - СЭ, 1957, №4, рис. 3в, с. 33; ТХЭ, т. 2, рис. 97, 3, с. 211; Tolstov S. P. Results of the work of the Khoresmian archaeological and ethnographic expedition of the USSR Academy of Scienses. 1951-1956. - Journal of the Asiatic Society, Bombay, v. 33, 1960, fig. 2 c, p. 4; Толстов С. П. По древним дельтам..., рис. 132г, с. 221. Ср. также: Altheim F., Stiehl B. Die Araber in der Alten Welt. Bd. I. Berlin, 1964, S. 658-660; Livshits V. A. The Khwarezmian calendar..., p. 438, n. 24.*)

*** (*Livshits V. A. New Parthian documents from South Turkmenistan. - AAASH, t. XXV, 1977 (1980), p. 172, n. 26. Сопоставление с хор. SMYD' показывает, что и в парфянском SMYD служило лишь идеограммой и не было лексическим заимствованием из арамейского, с. 257.*)

Однако чтение фрагментов К-1-К-8, как и отпечатков на глине, до сих пор вызывает большие трудности. Следует учитывать, что фрагменты не сохранили ни одной полной строки (единственное исключение - краткая заключительная строка в К-6), что в них присутствует ряд арамейских идеограмм, в том числе графически деформированных или выступающих в виде аббревиатур, и что среди хорезмийской лексики в этих фрагментах до сих пор достаточно надежно удалось выявить лишь имена собственные.

В настоящем издании приводятся фотографии ранее не публиковавшихся фрагментов К-3-К-8 (рис. 100-105), нескольких отпечатков на глине (рис. 97-99), транслитерации К-1-К-8 с очень кратким комментарием и сведения о содержании фрагментов, сохранившихся в виде отпечатков на глине. Публикация всех отпечатков, а также подробный комментарий к К-1-К-8 будут даны в специальной работе.

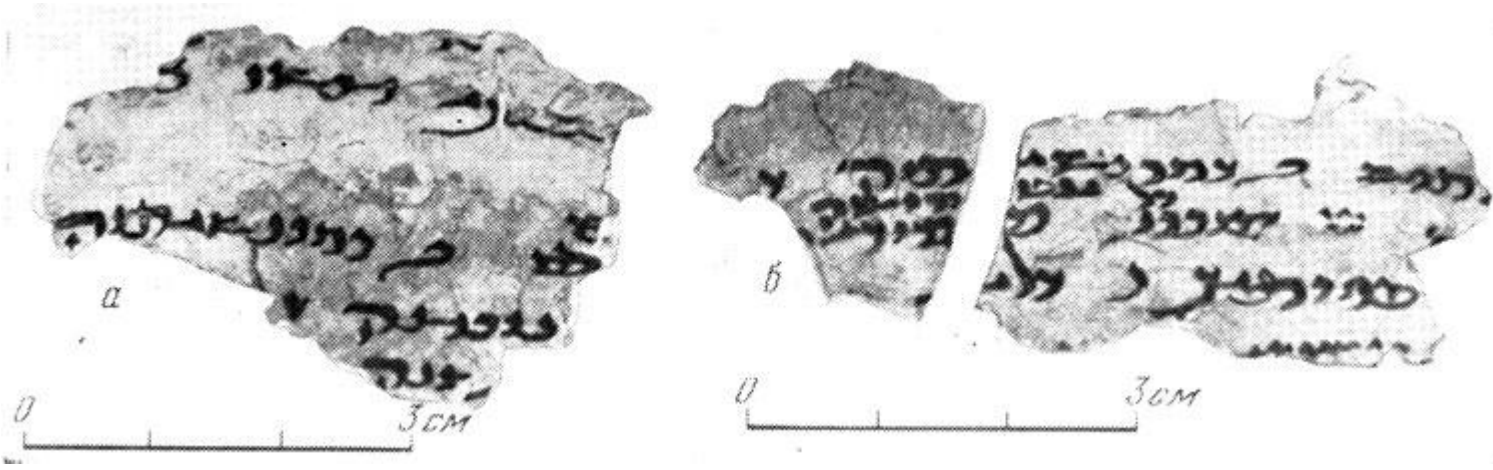

Рис. 100. Документ К-3а, б. Кожа. Помещение 93

Рис. 101. Документ К-4. Кожа. Помещение 89 (слева)

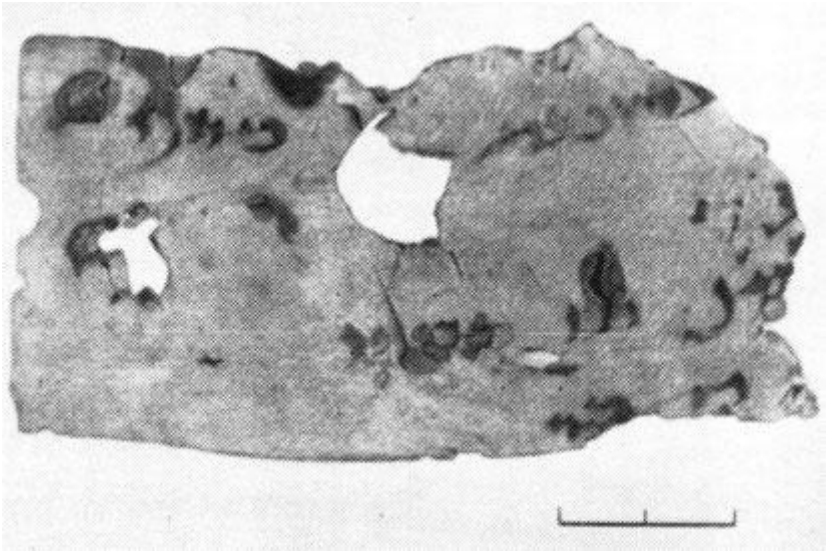

Рис. 102. Документ К-5. Кожа. Помещение 89 (справа)

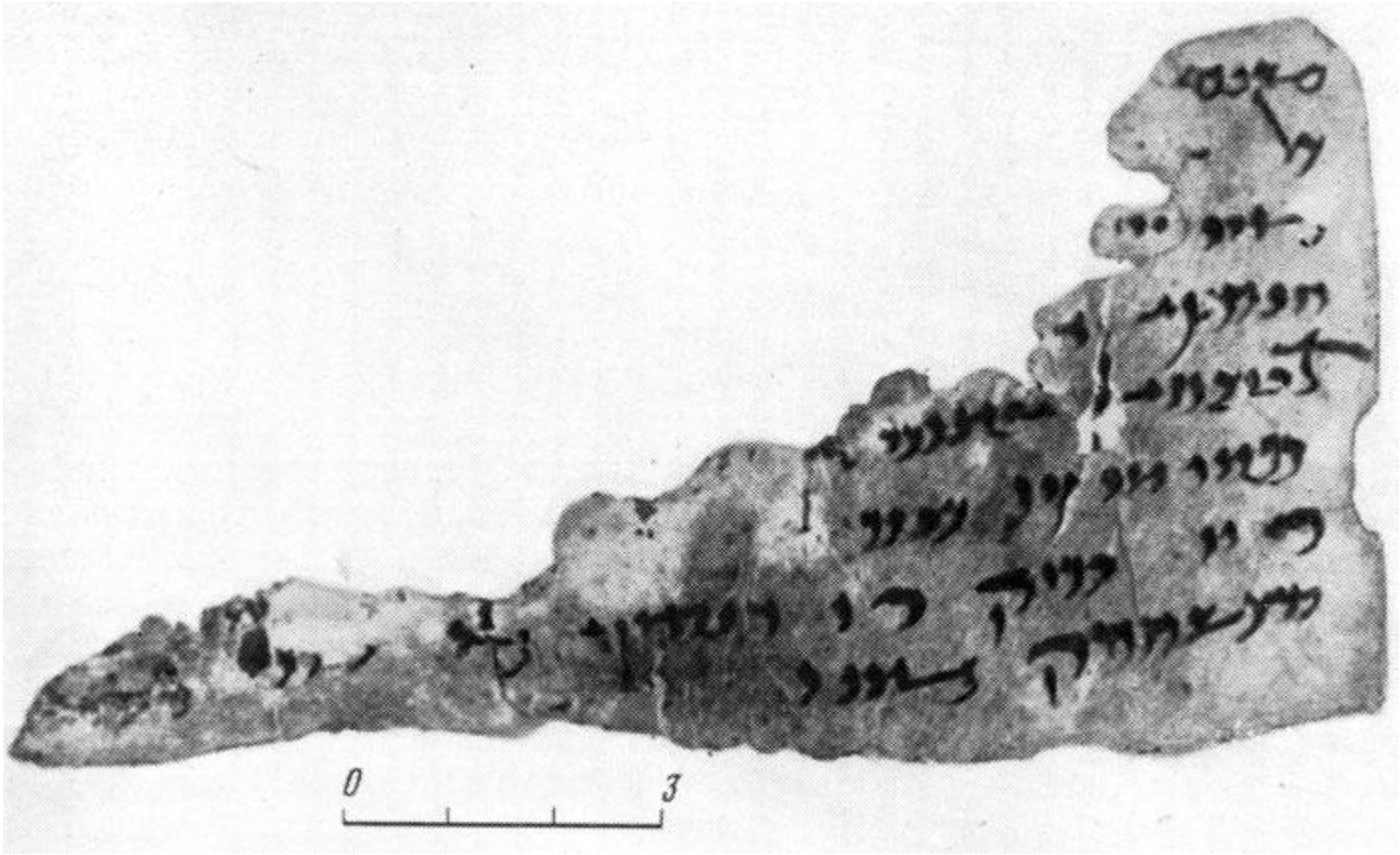

Рис. 103. Документ К-6. Кожа. Помещение 89

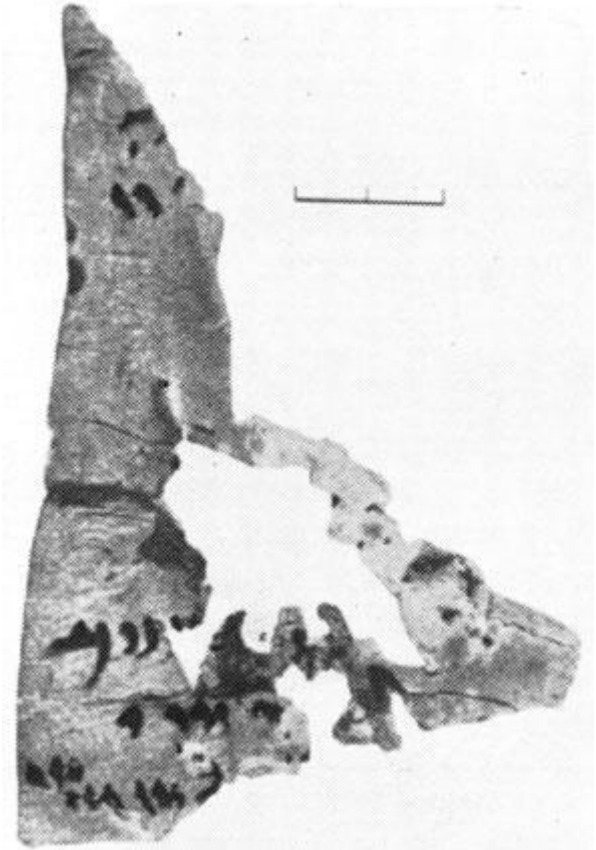

Рис. 104. Документ К-7. Кожа. Помещение 89

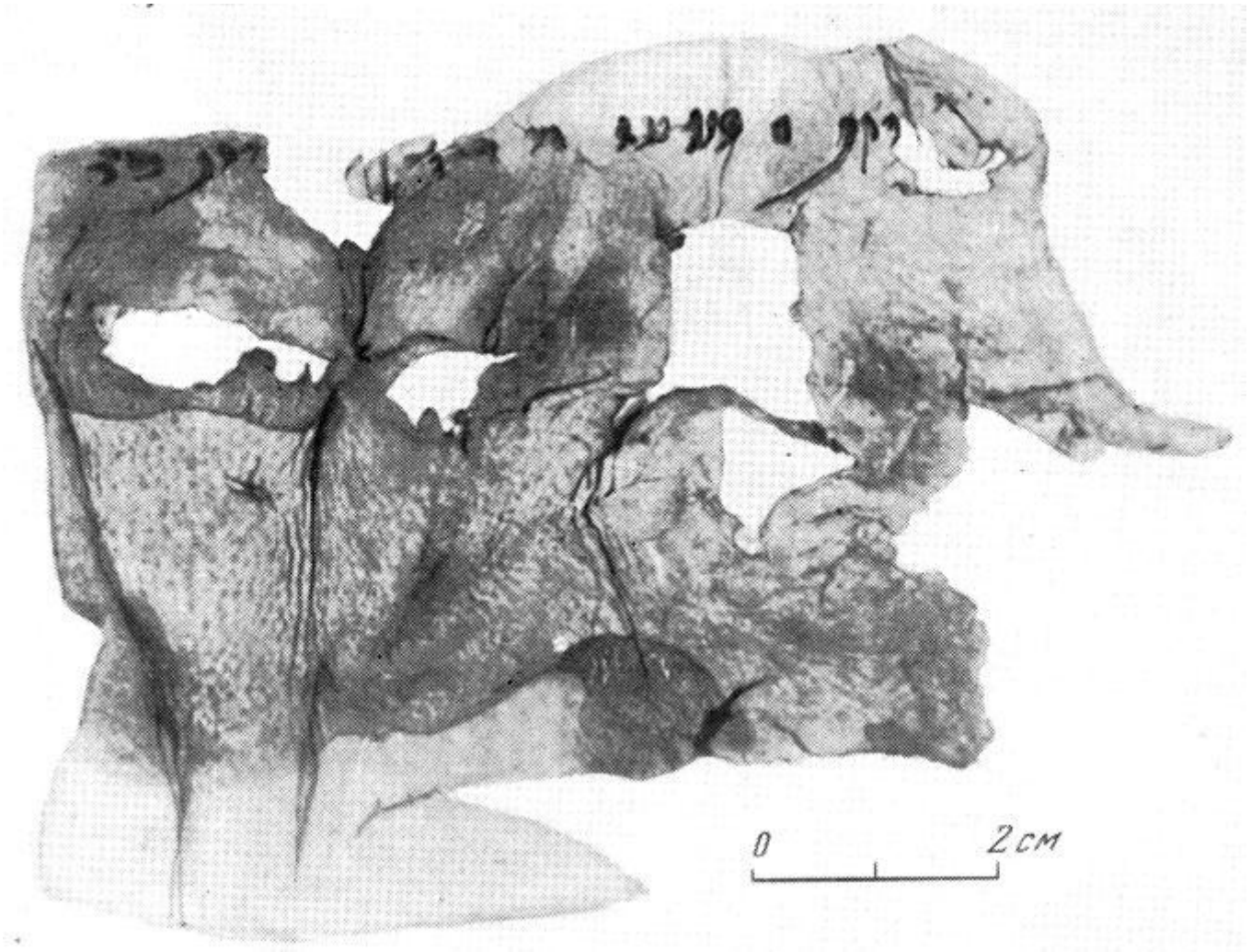
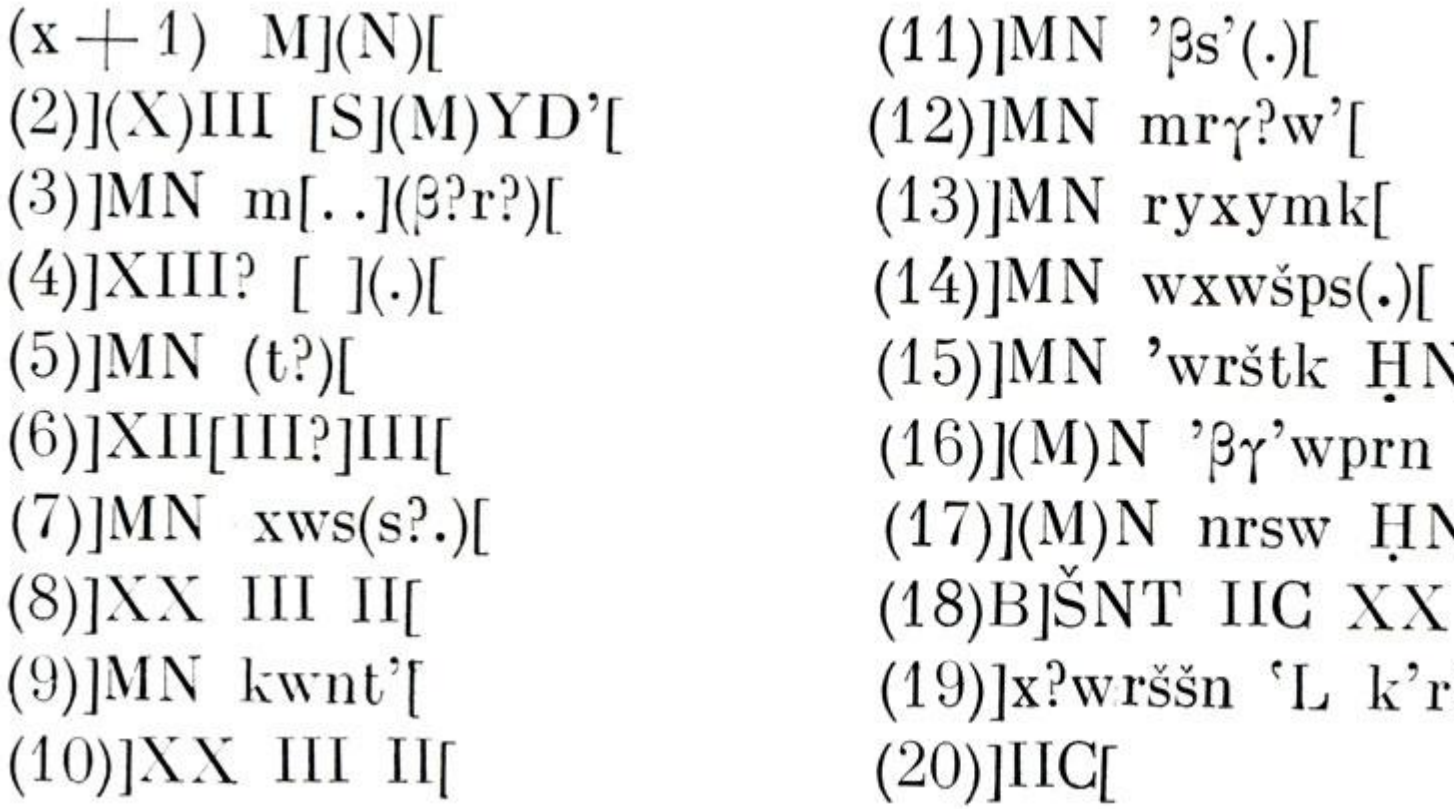

Рис. 105. Документ К-8. Кожа. Помещение 89

К-1. Инв. ТК 1948, пом. 89, № 5; длина 16,5 см, ширина 3-6 см; сохранились части 20 строк (о публикациях фрагмента в работах С. П. Толстова см. прим. 11; чтение, предлагаемое ниже, значительно отличается от чтения С. П. Толстова).

Текст

"От... 13. Мука...: от М...; [от...] 13 (+ ?); от Т.[...; от...]19; от Хвас...[...; от...]25; от Кунда[ка? ...; от...]25; от Абс...[]; от Маргва[]; от Рехйамака[]; от Вахвапшас[]; от Ораштака 11 (+ ?) хин; от Абгавфарна 10 (+ ?) хин; от Нарсава 10 (+ ?) хин. Год 252. Выдано []. Х. [выдал?] Кар...200..."

Комментарий. Документ содержал реестр поступлений от отдельных лиц. Восстановление в стк. 2 идеограммы [S] (M)YD' "мука (тонкого помола)", соответствующей, очевидно, хорезмийскому* "art (п.-хор.'rd M 25, 5 и др., 'rd^{y}k M 18, 6), кажется наиболее вероятным. Ср. SMYD' в К-3, фрг. "б", стк. 2, 4 и в нескольких отпечатках на глине (Г-XV/4, 1, нар., стк. 6, 7 и др.), а также SMYD "мука" в парфянских остраках из Нисы, арам, smyd(t') "тонкая пшеничная мука, манная крупа"*.

* (*Livshits V. A. New Parthian documents from South Turkmenistan. - AAASH, t. XXV, 1977 (1980), p. 172, n. 26. Сопоставление с хор. SMYD' показывает, что и в парфянском SMYD служило лишь идеограммой и не было лексическим заимствованием из арамейского.*)

Неясно, как соотносится SMYD' в К-1 с HN в стк. 15-17 (ср. также HN I в К-8, стк. 1). Если видеть в HN обозначение меры, то, возможно, это графическое искажение арам, hn (hin) - меры объема, величина которой сильно колебалась в странах древнего Переднего Востока (евр. hin - 6,074 л, но известны и гораздо меньшие величины, до 0,45 л в Египте)*. Следует, однако, учитывать, что в топраккалинских отпечатках на глине после SMYD' в качестве обозначения меры выступает аббревиатура S (SMYD' SI, Г-XVIII/1-4, внутр., стк. 2; SMY[D'] (S) [, Г-XVIII/1-4, внутр., стк. 4 и др., ср. также SIII III III в К-6, стк. 7, SXXBK-8, стк. 1). Сочетание HN + цифры представлено только в К-1 и К-8. Поскольку в S мы вправе видеть абрревиатуру от арам, s'h(sea) - меры объема, составлявшей около 13,2 л**, то HN могло соответствовать hin и служить частью S лишь в случае, если в Хорезме hin составлял 0,25 S (ср. XXIIIП в К-1, стк. 8, 10).

* (*Jean Ch.-F., Hoftijzer J. Dictionnaire des inscriptions semitiques de l'ouest. Leiden, 1965, p. 66.*)

** (*В Палестине в III - IV вв. s'h точно соответствовала по объему мере grb - 13, 184 л, см.: Sperber D. Roman Palestine 200-400. Money and prices. Ramat-Gan, 1974, p. 241, n. 9.*)

Другие возможности интерпретации фрагмента связаны с пониманием HN как двух аббревиатур (H из HMR "вино"+?) или как целого неизвестного нам слова, скорее всего идеограммы. Не исключено, наконец, что в первой части документа были зафиксированы поступления муки (причем в этой части фигурировала мера S), а во второй части - поступления другого продукта (вина?).

Среди немногих полностью сохранившихся имен собственных не вызывают сомнений чтение и этимология лишь одного: 'βγ'wprn (стк. 16), из др.-ир.* "Abigava(t)-farnah- "тот, слава которого увеличивается", ср. иной порядок компонентов в и. с. Prnβγ'wk (документ на дереве I, стк. 24).

В стк. 9 восстанавливать kwnt'[k]=Kundak? Ср. пехл. kundag "прорицатель, чародей", н.-п. kunda "прорицатель, астролог, мудрец; доблестный"*, а также перс. и. с. Kundagusaspn (в арабских передачах) Kundaj, Kundajiq**, согд. и. с. Kwnt.*** Ryxymk или Духутк (стк. 13)? Для чтения Ryxymk ср. др.-инд. rikhati, rekha-, в этом случае буквальное значение имени - "имеющий царапины"? - 'wrstk (стк. 15) = Orastak "направленный, правильный", из *ava-rasta-. В стк. 17 nrsw (с необычным удлинением конечного -w)=Narsu или Narsaw, букв, "польза мужей, воинов"?

* (*Henning W. B. A list of Middle Persian and Parthian words. - BSOS, v. VIII, pt. 1, 1937, p. 84; Bailey H. W. Indo-Iranian Studies. III. - Transactions of the Philological Society. London, 1955, p. 74; Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenuberlieferungen. Wiesbaden, 1975, S. 154.*)

** (*Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 166.*)

*** (*Humbach H. Die sogdischen Inschriftenfunde vom oberen Indus (Pakistan). - Allgemeine und vergleichende Archaologie-Beitrage, Miinchen, 1980, Bd. 2, S. 226.*)

Стк. 18-252-й год хорезмийской эры - самая поздняя из сохранившихся дат в документах дворца Топрак-калы (С. П. Толстов читал здесь 231). - YHYB - "он дал" или "выдано", арам, пассивное причастие от yhb "давать". Идеограмма YHYB засвидетельствована в парфянских остраках из Нисы в значении "выдано" или "получено" (в парфянской письменности для datan "давать" употреблялась идеограмма YNTN-; в пехл. YHBWN-tn=dadan). Возможно, что в хорезмийской письменности YHYB служило идеограммой для глагола haβar- (из *frabara-) "давать", п.-хор. hpr-, однако контекст не позволяет установить, какую форму скрывает эта идеограмма. Для прошедшего времени наиболее вероятными кажутся 3 л. ед. ч. имперфекта (*haβarata) или перфектное причастие (*haβat из *frabrta-). Отметим здесь же, что глагольных идеограмм с хорезмийскими флективными показателями (фонетическими комплементами) в топраккалинских фрагментах нам обнаружить не удалось. Помимо "чистой" идеограммы (тип YHYB) представлена еще модель с наращением показателя -W, неясного по происхождению:]HYTYW MND' (III...) 'L'wh'z ["принесено (или "он принес") Охазу 3 ..." (Г-16/3, фрг. "а+б", стк. 3)*. Ср. HYTY//HYTYW "он принес" или "принесено" в парфянском (Ниса)**, HYTYW в раннем пехлеви (SKZ 21), аналогичное наращение -W в согд. CNC YW (откуда, с графической деформацией, 'CNY ~ W в согд.-будд, текстах) "он приказал, сказал"***.

*M (*ND' (или MNR'), судя по контекстам, должно быть обозначением меры, а не наименованием подати, ср. арам, mndh, mdh (minda, midda, из аккадского) "налог". Слово несколько раз засвидетельствовано в отпечатках на глине из объекта Г-16: HMR MND' I (Г-16/3-2, фрг." "а", стк. 2) "1 т. вина", HMR MND' IIII (Г-*

16/3-5, фрг. "a", стк. 4) "4 т. вина", ср. еще |H]MRγ I MND' ([Г-16/3-1, фрг. "a", стк. 6), где MND' может быть понято как доля меры у; менее ясно употребление MND' в] у XX III II t'rδky MND'[(r-16/3-3, стк. 4) "NN (выдано) 25 мер g., Тардаку выдано ... мер т."? О мере, обозначаемой аббревиатурой γ, см. ниже.)

** (*Ср. еще в остраках из Нисы альтернации форм с комплементом -t и с -W: HN'Lt//HN'LW "внесено", YNTNt//YNTNW "дано".*)

*** (*Henning W. B. Mitteliranisch. - In: Handbuch der Orientalistik, 1. Abt., Bd IV, Abschnitt 1. Leiden-Koln, 1958, S. 34.*)

К-2. Инв. ТК 1948, пом. 89, № 4; 5×8 см; сохранились начальные части 4 строк (о публикациях фрагмента в работах С. П. Толстова см. прим. 12).

Текст

(1) BŠNT II C XX XI[(3) MN (š)[yr]'rt('?w)[
(2) δrwky prγrt'n?wW[(4) š X γ(β)šy[

"Год 231 [Выдано?] Друку, сыну Фрагарта, и... От Ширартава... 10 колес (?) ..."

Комментарий. Разрушенный контекст не позволяет точно определить значения сохранившихся слов в стк. 2. Если δrwky - апеллятив, то его можно было бы объяснить из др.-ир. *druka-, ср. авест. dru- (наряду с daru-) "дерево (как материал), древесина", тогда prγrt'nw (чтение последних двух букв очень сомнительно) - "сырой", от др.-ир. *fra-garta-, ср. п.-хор. šγr-"становиться мокрым, влажным" (M 445,2), šγ'ry- "мочить" (M 208,8), šγr "канал, арык" (M 91,7)*. Однако при переводе "сырая (непросушенная) древесина" остается неясным грамматическое значение конечного -у, сомнение вызывает и адъективный суффикс -an при причастии *fragarta-. Более вероятным поэтому представляется понимать δrwky как имя собственное, а prγrt'ny как поссесив от имени отца. И. с. δrwk = Δruk хорошо разъясняется из др.-ир. *druvaka- "здоровый, невредимый", авест. drva-, др.-инд. dhruva- (ср. п.-хор. δrw^{y}k "больной", M 81, 4; 261, 2; 408, 6, из *a-druvaka-). В конечном -у следует, возможно, видеть флексию локатива, но в этом случае в конце стк. 1 мы должны восстанавливать идеограмму 'L, соответствующую хорезмийскому предлогу* "aβ(i) или *β(i), *f(i), п.-хор. f- "в, к". Ср. -у при именах собственных в конструкциях с 'L в док. К-4, стк. 1; 'Lβ'mky и в отпечатках на глине: 'Lwxswβrky "Вахш(у)бараку", Г-16/4-3, III, стк. 4; 'L m'xky "Махаку", Г-16/3-1, фрг "a", стк. 2, и др., наряду с формами без -у: 'L srtk (Г-16/2-2, фрг. "a", внутр., стк. 1), 'L wrms'k (Г-5/2, фрг. "a", стк. 1), CL w/y'hw/yt' (Г-16/3-3, стк. 5, с флексией-'?). В позднехорезмийском существительные мужского рода в формах ед. ч. аблатива (обычно с предлогом с- "из, от") и локатива (с предлогом f- и некоторыми другими предлогами) имеют, как правило, флексию -a**, однако Д. Н. МакКензи отметил, что при двух существительных наряду с -a выступает флексия -i (cy pcx'syh "с его одежды", M 464,2; pzy pcryh "за его отцом", M 479,5 - наряду с -' в f-pcx's'h, M 471,5, fy pcr'h, M 148,8)***. В документах Топрак-калы при именах собственных в конструкциях с предлогом MN (хор.*ca, п.-хор. c-) флексия графически не выражена (-ø или -a?, ср., например, в док. К-1: MN 'wrstk, MN'βx'wprn, MN nrsw), в конструкциях с предлогом 'L флексия -у (/i/?) выписывалась, по-видимому, непоследовательно.

* (*MacKenzie D. N. The Khwarezmian Glossary. I. - BSOAS, 1970, v. XXXIII, pt. 3, p. 546.*)

** (*Henning W. B. The structure of the Khwarezmian verb. - AM, NS, 1955, v. V, pt. 1, p. 46, n. 1.*)

*** (*MacKenzie D. N. The Khwarezmian Glossary. IV.- BSOAS, 1971, v. XXXIV, pt. 3, p. 525.*)

Стк. 4. Аббревиатура § встречается также в отпечатках на глине: s 211 (Г-15/5, фрг. "а", стк. 5). Вероятно, это сокращение от слова sxr (или sxδ), выступающего в сочетаниях с цифрами, причем количество варьирует очень сильно: sxr 2 на фрагментах хозяйственных документов на дереве XVI и XVII (см. ниже), sxr 3 в отпечатке Г-16/4-3, III, стк. 3, но также sxr 65 (Г-15/2, фрг. "а", стк. 7), sxr 40 (там же, стк. 6). Исключение составляет сочетание sxr 'n(yw) [в Г-16/4-3,1, стк. 6, где непосредственно после sxr цифр нет. Поскольку перед sxr и s нет названий продуктов, это слово не может быть обозначением меры. Неясно, имеем ли мы дело с "раскрытым" написанием или с идеограммой. В первом случае sxr могло бы соответствовать хор.* сахг "колесо" (авест. сахга-, п.-хор. сх^{у}г), во-втором - арам, shr "корзина, короб". - Слово γβsy встречается также в док. К-3 (фрг. "а", стк. 2), значение его нам установить не удалось.

К-3(рис. 100). Инв. ТК 1948, пом. 93, № 7; два обрывка документа: "а" - 3,5×7 см, части 6 строк; "б" (составляется из двух кусков) - 27 см, части 4 строк.

Текст

"а" (x + 1)](š?)[
(2)](....) k' γβš (XX?)[
(3)](..)[
(4)]tw/y ~* r/δxwns'tyh[
(5)]ny/wβγnh ('L)[
(6)](s?)nh[

"б" (x + 1)]tr/δs~r/δxwns'tyh ('L)[
(2)](.)IIIt?nβk'<'L 'ns?m?ysh**
SMYD'(.)[
(3)]twyrt'k W KL'[
(4)](SMYD')[

* (*Знак "абзаца" встречается также в от печатках.*)

** (*Дописано над строкой, та же рука.*)

К-4 (рис. 101). Инв. ТК 1948, пом. 89, №2; 4,5×7 см; части 4 строк

Текст

(x + 1)](.)[
(2)]MN'ntry(k?)[
(3)]w?ny III(.)[
(4)]~(s?)xrδx(.)[
(5)]II[

К-5 (рис. 102). Инв. ТК 1948, пом, 89, № 1; 5×19 см; части 3 строк.

Текст

(x + 1)](.) mz/ynky' ['](L) β'mky[
(2)](k)[
(3)(.)'n MN (t)ryx?w[
(4)]γI sr

В стк. 1 β'mk=βamak, и. с. - гипокористик с суффиксом -ak, образованный посредством усечения двучленного имени с βam "свет, сияние; цвет" во второй части, ср. п.-хор. xvrkβ'm "серый, пепельный" (M 459,3), согд. -β'm , эойередаче Bamaqa)*, а также двучленные и. с. - ср.-перс. Bamdad, н.-п. Bamsad.** - Стк. 4. Аббревиатура у засвидетельствована также в К-6, стк. 3, 8 и многократно в отпечатках на глине, причем из последних выясняется, что так обозначена мера объема вина: HMR γ I (Г-16/3-9, фрг. "а", стк. 2)***, HMR y III (Г-16/3-3, стк. 5; Г-XI, фрг. "а", стк. 1) и др., ср. также у XX III II в Г-

16/3-3, стк. 4. По-видимому, это сокращенное обозначение хор. *yriw (др.-ир. *griva-[****], парф. griw в SKZ 20, 22, 29) или арамейского наименования этой же меры grb, grw, grjb', заимствованного еще из древнеперсидского (в этом случае следовало бы передавать аббревиатуру как G, ср. G, GRBN в парфянских остраках из Дура-Европос, III в. н. э.[*****], g в арамейских документах V в. до н. э.[******]).

[*] (*Benveniste E. Titres et noms propres en Iranien ancien. Paris, 1966, p. 80; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973, S. 140, § 8.247; Hinz W. Altiranisches Sprachgut..., S. 62.*)

[**] (*Justi F. Iranisches Namenbuch, S. 62.*)

[***] (*HMR "вино" также в парф., ср. согд. X'MRh (документы с горы Муг), пехл. HML' {Nyberg H. S. Middle Iranian has, hasenag. - In: W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970, p. 345; Nyberg H. S. A Manuel of Pahlavi. Wiesbaden, 1974, p. 122; Nordio M. Lessico dei logogrammi Aramaici in Medio-Persiano. Venezia, 1980, p. XVII, 13).*)

[****] (*О др.-ир. *grlva- в эламских табличках из Персеполя см.: Gershevitch I. in: Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969, p. 72-73.*)

[*****] (*Ср.: Harmatta J. Die parthischen Ostraka aus Dura-Europos. - AAASH, 1958, t. VI, S. 99.*)

[******] (*Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C Oxford, 1923, N2[7], 24[38, 41]*)

Данных для определения величины меры y в дошедших до нас хорезмийских документах нет. В ахеменидское время, как можно судить по персепольским табличкам, соответствующая мера (*griva-) равнялась 9,7 л[*]; в III в. н. э. в Иране griw соответствовала латинскому модию - 8,754 л; в Палестине в III-IV вв. арам, grb, grjb' составляла 13,184 л. Примечательно, что в дошедших до нас документах из Топрак-калы не представлена мера mry, засвидетельствованная для Хорезма более раннего времени в надписи на хуме с городища Большая Айбуйир-кала (IV в. до н. э.?)[**], а также для Парфии и Гиркании раннеаршакидской эпохи (остраки из Нисы и Тюренг-тепе)[***].

[*] (*Hallock R. T. Persepolis Fortification Tablets, p. 73; Hinz W. Neue Wege im Altpersischen. Wiesbaden, 1973, S. 101.*)

[**] (*Мамбетуллаев М. Хум с городища Большая Айбуйир-кала... Надпись на хуме содержит обозначение объема сосуда: mry XI h III III III "11 мари 9 х". Согласно археологической реконструкции, хум вмещал около 195,5 л, так что величина мари составляла около 16 л.*)

[***] (*Deshayes J. Tureng Tëpë. - Iran, London, 1976, v. XIV, p. 170-171, pl. II d; Bivar A. D. H. The second Parthian ostracon from Qumis. - Iran, 1981, v. XIX, p. 83, n. 10.*)

Как было отмечено[*], загадочная единица объема MND' должна была составлять какую-то долю меры γ.

[*] (*См. прим. 20.*)

К-6 (рис. 103). Инв. ТК 1948, пом. 89, № 6; 6×12 см; начальные части 7 строк, 8-я (последняя) сохранилась целиком.

Текст

(1)BSNT[(5) LBYRH' '(k/n)'z?y/wrδ(...)[

(2)L'(.)[(6) S III III III r/δβnδ(.)[](III?)[
(3)γ III III[(7) X II wr/δyh* XI xwsyn' X?I(...) r/δ[](...)[
(4)xwsyn' γ[(8) mrsxth** γIIII

* (*Или wr/δyH?*)

** (*mrsxtH?*)

Судя по аббревиатурам γ и S, документе регистрировались выдачи ('L в стк. 2) и доставки (?) вина и муки. Мера объема муки, как отмечалось, обозначается аббревиатурой S (от арам, s'h, sea)* и в отпечатках на глине. Величина этой меры была, по-видимому, весьма значительной - только в К-8 мы встречаем 20 S, в отпечатках на глине объемы доставок и выдач муки не превышают 3 S. Фрагмент реестра в отпечатке Г-XV/4 показывает, что при измерении муки пользовались также меньшей мерой, обозначаемой аббревиатурой к (из хор. *kap(i)c "кафиз"?, др.-ир. *kapica- в греческой передаче χαπινη, ср. аббревиатуру k в остраках из Нисы и Тюренгтепе, обозначающую часть мари - $^1/_4$ или $^1/_5$**; согд. крс в документах с горы Муг служит мерой для вина и муки); П.-хор. kpcyk, M 36, 4).

* (*Ср. s в арамейских документах V в. до н. э., см.: Cowley A. Aramaic Papyri..., N 81*[34, 134,136].)

** (*Bivar A. D. H. The second..., p. 83.*)

В стк. 4 и 7 xwsyn' - и. с., как и wr/δyh, стк. 7, и mrsxth, стк. 8? В последних двух словах -h может быть либо графическим постпозитивным детерминативом женских имен собственных (как в парфянском и согдийском), либо аббревиатурой для глагола, ср. H для HYTY "он доставил, принес" в парфянских реестрах из Нисы. В трех отпечатках на глине также засвидетельствовано mrsxth (Г-12/4-1, стк. 2; Г-12/6, фрг. "б", нар., стк. 1; Г-XV/4, нар., I, стк. 4), но контексты не сохранились; оснований для того, чтобы считать это слово графически деформированной идеограммой из арам, msht' "величина, мера", не видно.

Не менее загадочно значение идеограммы LBYRH' в стк. 5 с необычным для топраккалинских документов начертанием L - вряд ли можно предполагать, что верхняя часть L вплотную примыкает к знаку "абзаца", начертанному в виде открытого угла. Такая же форма L в LBYRH' выступает в отпечатке Г-XVIII/1, фрг. "а", III, стк. 1 (контекст не сохранился). "Месяц" в хорезмийской письменности обозначался идеограммой YRH'; поэтому LBYRH' не может иметь значение "на месяц...", тем более, что следующее после этой идеограммы слово нельзя отождествить ни с одним и наз ний мес ев известн по ика ий п п м ь BYRH' как деформированного арамейского *lbyrt' "для крепости".

К-7 (рис. 104). Инв. ТК 1948, пом. 89, № 3; 11×7 см; заключительные части 5 строк.

Текст

(x + 1)]h (3)xw](s?)yn'*
(2)](.)II? (4)](I) III I
(*пробел* 5,5 см) (5)](XX) III III <III>**

* (*Очень сомнительно, восстановление по К-6, стк. 4, 7.*)

** (*Над строкой.*)

К-8 (рис. 105). Инв. ТК 1948, пом. 89, № 8; 5×7 см; часть одной строки:

(x+1)](.)[ ] HN I wyγz?r/δy M* (M)N [ ].ynk/S XX

* (*Описка? Ср. далее MN.*)

В хозяйственных документах, фрагменты которых дошли до нас в отпечатках на глине, наиболее часто упоминается вино (HMR) и мука (SMYD'). С доставками вина связано, очевидно, идеограмматическое сочетание MN KRMYN "из виноградников" (Г-12/3, фрг. "а", стк. 3, контекст не сохранился); ср. в том же значении MN KRMN в одном из парфянских остраков Нисы.

Идеограмма 'MR' "ягненок" (библ.-арам, 'mr, акк. immeru "овца, ягненок", сир. 'mr "ягненок") в Г-16/4-3, нар., I, стк. 4, показывает, что в документах регистрировались также доставки и выдачи скота (ср. ниже, о фрагменте документа на дереве XVIII, в котором упоминаются быки и овцы). Отсутствие контекста не позволяет установить точное значение для слова γ'wn' в Г-12/6, фрг. "а". Толкование его как Pl от γ'w "бык" кажется возможным, форма Pl могла бы объясняться тем, что далее следовали цифры (употребление Pl при числительном известно в п.-хор.), однако в док. XVIII бык обозначается идеограммой TWR.

О значениях нескольких других слов, выступающих в отпечатках на глине в качестве названий предметов доставок и выдач, можно делать лишь предположения. В MSRH' (или MSDH') соблазнительно видеть искаженную идеограмму, восходящую к арам, mgh' (misha) "масло" и соответствующую хор. *roγan или *ruγan, п.-хор. rγ^{y}n (ruγen)*; MSRH' засвидетельствовано в Г-XV/4, I, нар., стк. 5, 7; примеры графической деформации арамейских словоформ в хорезмийских идеограммах мы встретим ниже DHWNT' может быть связано с евр.-талм. dhwnwt (Fem. Pl.) "столовые блюда", но контекст и в этом случае неясен:] DHWN (T') SH (? или BY/WH)... LHN' ["столовые блюда(?)... этому..." (Г-16/4-3, II, стк. 3). Ср. пехл. HN' (арам, hana) =ed "этот" и хор. LH "тот, он" (арам, leh), соответствующее, вероятно, п.-хор. n'w^{y}r "тот, он" (пехл. 'LH=oy, парф. LHw=ho).

* (*Ср. в пехл. Псалтири MSH', кн. - пехл. MHSY' "масло", парф. (Ниса) MSH'.*)

О возможных значениях слова sxr (sxδ, SHR?) и аббревиатуры s, отмеченных несколько раз в отпечатках, см. выше.

Дважды в отпечатках засвидетельствована идеограмма 'LHY', по форме - арам. Pl ('elahayya) от 'lh "бог". В хорезмийском эта идеограмма сохраняла значение Pl., соответствуя, очевидно, хор. *βγn', поскольку в документе на дереве XIX выступает 'LH', арам. Sg. ('elaha). Сопоставление с парф. 'LH'=baγ, пехл. 'RHY'=bay "бог; государь" позволяет предположить, что и в хорезмийском 'LH', 'LHY' имели оба эти значения, но в значении "государь" идеограммы употреблялись, по-видимому, только при упоминании царей Хорезма, как это было в сасанидском Иране (пехл. oy bay Wahram "(покойный) государь Бахрам"). Фрагменты, в которых выступают 'LH', 'LHY', не позволяют, как нам представляется, установить, в каком значении здесь употреблены идеограммы - идет ли речь о "боге, богах" (в контексте хозяйственных документов это могло быть связано с фиксацией расходов продуктов на культовые нужды) или же о доставках, предназначенных для самого царя ('LHY' "государи" в таком контексте выглядело бы очень странно, если только не имелись в виду расходы, связанные с заупокойным царским культом). Док. XIX, стк. 3:] (.. m?'r/δ 'nptk) ZK'LH' r/δ'(.) ["... этот(?) Амбатак богу?..." (или "государю"? ср. царское имя R'st на монетах, тип Б^{2}13 по классификации Б. И. Вайнберг)*.

Здесь ZK - скорее идеограмма для указательного постпозитивного местоимения, соответствующего п.-хор. ny(n) "этот" (ср. 'BDn' ZK 'NTTYH "эти рабы (его) жены", 'BDn' ZK 'MYH "эти рабы (его) матери" в документах на дереве, где ZK соответствует, очевидно, п.-хор. n'w "эти"), а не препозитивный определенный артикль Masc. Sg., п.-хор. 'y.** Г-16/4-3, II, стк. 4:]sh'mk ZK 'LHY' ["... этот Сахамак богам?..."; в Г-XX/12-2, фрг. "к", стк. 1 сохранилось лишь](')LHY' [.

* (*Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма, с. 56.*)

** (*Идентификация ZK осложняется тем, что в надписях на оссуариях из Токкалы указательному местоимению*

ny(n) соответствует, по мнению В. Б. Хеннинга, идеограмма ZNH (Henning W. B. The Choresmian documents, p. 173, n. 28). В дошедших до нас документах из Топрак-калы ZNH не встречается).

В отпечатках Г-V/1, фрг. "а+б", нар., стк. 2 и Г-15/2, фрг. "а", стк. 1, соответствующих началу документов, после формулы датировки (BSNT...) следует сочетание BHLM' ZK "в этой связке" или "в этой сокровищнице", которое может указывать, что помимо реестров доставок и выдач в архивах хозяйственных документов дворца Топрак-калы были и описи имущества, хранившегося в царской (?) сокровищнице. Для HLM' ср. евр.-талм. him "объединять, присоединять", 'lmh "сноп, скирда", а также пехл. ML' (из HML')=sahigan "царская казна, царская сокровищница, царский фиск" (Fr. Pahl. II, 4)*.

* (*Э. Эбелинг сопоставлял пехл. (H) ML' с сир. hemala "сокровищница" (Ebeling E. Das aramaische-mittelpersische Glossar Frahang-i-Pahlavik im Lichte der assyriologischen Forschung. Leipzig, 1941, S. 9). Дж. Машкур предлагает читать ML'Y вместо ML' и связывает эту идеограмму с арам, ml' "товар, торговое имущество; сокровищница", сир. ml'y (J. Maskur. Farhang-i huzwarisha-yi pahlawl. Tihran, 1968, с 142).*)

Титулов чиновников и обозначений профессий в отпечатках сохранилось очень немного. К первым принадлежат prmt'r (или prmt'r) "интендант", "главный эконом" в Г-XVIII/1-4, внутр., стк. 3 (контекст разрушен), пехл. prmt'r (надписи), plm't'l (кн.-пехл.), парф. prmtr, арм. hra-matar, но согд. prm'nδ'r*, а также, по-видимому, srk'r (Г-16/4-3, II, стк. 2, ср. CL srkr'n в Г-16/2-1, стк. 1, но также (L srkr', Г-12/7, фрг. "а", стк. 1, -', -'n - флексия?) - "управляющий" или "смотритель, надзиратель", н.-перс. sarkar. Ко вторым относится kβsk'rk "сапожник, башмачник" в Г-XV/3-2, фрг. "а", стк. 5 и, возможно, s(y/w)k'rk, Г-12/4-1, стк. 2. Подавляющее большинство лиц, упоминаемых в отпечатках, обозначены только именами собственными. Полностью сохранившихся имен около 40, среди них теофорных сравнительно немного, как это видно из приводимого ниже алфавитного перечня**: 'βt'k (Aβdak); 'nt'k (Andak); 'rγs (Arγic ?); 'rm; 'rt'rywy (Artarew, -y - флексия); 'rtwrst (Artawarst); trwsrk (Atrosarak "объединенный с божеством огня", ср. 'trw как календарное название); 'wh'z; 'wh(t/s)k; xsrtny ('L~, -y - флексия?); 'xwsr/δtyn; βγys (βaγic); prtrtk; prtrynk (Fratarenak); kmδrnγ; knstk (Kanistak "наименьший", ср. ksystk в надписи из Бурлы-калы); m'xky (Maxak, 'L~, -y - флексия?); mrsxth(?); mtrβyrt (Mihr(a)βirt или Mihr(a)βyart "обретенный благодаря Митре", ср. mtry'βyrtk в документе на дереве I, стк. 13); mtrk (Mihrak); n'hyt'[k] (Nahitak); pry'k (Friyak); pxky (-y - флексия?); spyt'k (Spetak или Spitak); srt'k (Sartak, из *sartaka- ?); srtk; srwstk?] (Srosak?); srwtk (Srutak); s'xrk (Caxrak?); st'wn'ky (-y - флексия?); sx't'ky (-y - флексия?); t'rδky (-y - флексия?); w/y'hw/yt'; wrδ'k (Warδak); wrms'k (или wβms'k); wrtyh (?); wxgwβrky (Waxs(u)βarak "плод божества Вахш", 'L ~); wxwsrk (Wax(u)sarak? но ср. whw- в и. с. Whwmnδ't, документ на дереве VIII, стк. 1, и в календарном названии whwmn в надписях Ток-калы).

[*] (*О функциях сасанидских сановников framatar и wazurg framatar см.: Chaumont M.-L. Chiliarque et curopalate a la cour des Sassanides. - Iranica Antiqua, Leiden, 1973, v. 10, pp. 148-150.*)

[**] (*Подробный этимологический комментарий к именам собственным в документах Топрак-калы будет опубликован в специальной работе.*)

По дошедшим до нас фрагментам кож и отпечаткам на глине трудно судить о том, насколько широко были представлены в датах документов названия месяцев и дней. Сохранились только две даты такого рода, указывающие на фиксацию помесячных и подневных поступлений и выдач: BYWM 'rtwhst (3-й день зороастрийского календаря, ср. 'rtwyS в надписях Ток-калы, 'rdwst у ал-Беруни), Г-16/3-6, 7, стк. 4; prwrtyn - название 1-го месяца или 19-го дня (prwrtn, prwrtyn в надписях Ток-калы, rwrjn(') у ал-Беруни), Г-16/3-2, фрг. "а", стк. 2.

Документы на дереве: "списки домов", хозяйственные документы, бирки

Среди документов на дереве можно выделить три группы. К первой принадлежат перечни имен мужчин - свободных и домашних рабов ('BDn'), входивших в состав больших семей ("списки домов", идеограмма BYT' "дом, семья" начинала все эти документы). Таких полных списков 5 - док. I-V в настоящем издании; это единственные целиком сохранившиеся документы из дворца Топрак-калы. Найдено также 10 фрагментов "списков домов" (док. VI-XV).

Ко второй группе относятся фрагменты хозяйственных документов на дереве, всего 4 небольших обломка (док. XVI-XIX), содержащие остатки реестров выдач и доставок колес (? док. XVI, XVII), скота (док. XVIII) и, вероятно, других предметов.

К третьей группе относятся 7 палочек (П-1 - П-7), все они имеют тонкие насечки на одной или обеих сторонах (верхней и нижней), что позволяет считать их бирками. Надписи на всех палочках сильно выцвели, но видно, что они содержали по одному слову; по-видимому, это имена собственные.

"Списки домов". Издание документов этой группы начал С. П. Толстов, опубликовавший фотографии и транслитерации текстов двух списков - док. I (инв. № 8)[*] и II (инв. № 10)[**]. Содержание документов удалось установить после того, как были прочтены идеограммы BYT' "дом, familia", 'BDn' "рабы" (арам. 'BD + хор. флексия Pl. - n')[***], 'NTTYH "жена" и хор. z'mk "зять". Эти чтения С. П. Толстов имел возможность учесть в своей последней публикации[****].

[*] (*Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 219, рис. 132 а.*)

[**] (*Толстов С. П. Итоги двадцати лет..., с. 32-33, прим. 4, рис. 3а, б; ТХЭ, т. 2, с. 208-209, рис. 97, 1; Tolstov S. P. Results of the work..., p. 2-3, fig. 2; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 219-220, рис. 1326.*)

[***] (*В написании флексии Pl. в некоторых документах этой группы примечательно отсутствие соединения n с '- орфографический прием, позволявший более четко выделять флективный показатель (в других позициях n' образуют лигатуру). Ср. аналогичное раздельное написание n и w во флексии посессива -'nw в надписях из Токкалы, см.: Henning W. B. The Choresmian documents, p. 178, n. 51.*)

[****] (*Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 217.*)

Следующий шаг в расшифровке док. I и II сделал В. Б. Хеннинг. Он существенно уточнил чтения нескольких имен собственных, установил чтение часто встречающегося слова 'γt (букв, "пришедший")* и обнаружил в док. I две составные идеограммы, очень трудные для интерпретации вследствие того, что арамейские слова были сильно искажены хорезмийскими писцами: KNYWRTYH из *BRY-BRTYH "дети", букв, "сын (и) дочь", и BRYTKYH из *BRY- 'MTYH "сын наложницы"**.

* (*О возможных значениях этого слова в "списках домов" см. ниже, с. 268.*)

** (*Henning W. B. The Choresmian documents, p. 171-174, 176, n. 24, 25-27, 40.*)

Из 5 полностью сохранившихся "списков домов" в четырех перечислены мужчины, входившие в состав больших семей - домов, включавших в себя три поколения агнатов, а также домашних рабов. Глава семьи - домовладыка - обозначен только по имени, которое фигурирует в первой строке документа - названии списка - "дом X" (BYT'...; идеограмма BYT' соответствует, возможно, п.-хор. pvk "дом") и повторяется во второй строке. Далее в док. I, II и IV а (по два в каждом документе), в которых мы вправе видеть сыновей домовладыки - взрослых, но еще не женатых или, во всяком случае, не выделившихся из домаа отца. Отсутствие соответствующих имен в док. III может объясняться тем, что сыновья либо уже выделились, либо к моменту переписи не достигли еще необходимого для включения в список возраста. После имен сыновей в док. I следует имя, сопровождаемое апеллятивом z'mk "зять"* В док. III, где нет имен сыновей, зять стоит непосредственно после имени домовладыки. Упоминание только одного зятя должно, очевидно, указывать на то, что замужние дочери могли оставаться вдоме отца, но чаще они переходили в дом мужа.

* (*Ср. авест. zama- в zamaoya- "брат зятя", пашто zmt "зять", др.-инд. jami- "родственник, сородич". П.-хор. z'm'd (M 2,1) "зять", как и перс, damad, продолжает вторичную индоиранскую форму с -tar- (авест. zamatar-, др.-инд. jamatar-), образованную по аналогии с другими терминами родства. См.: Benveniste E. Le voca-bulaire des institutions indo-europeennes, 1. Paris, 1969, p. 256; Szemerenyi O. Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages. Teheran-Liege, 1977 (Acta Iranica, 16), p. 69-72.*)

После перечисленных имен в документах стоит знак "абзаца" (открытый острый угол), за ним следуют заголовок 'BDn' "рабы" и новый перечень имен. Это домашние рабы, принадлежащие домовладыке, а также, очевидно, упомянутым в списках взрослым сыновьям и зятю. Далее, разделенные такими же знаками "абзаца", в док. I, II, IV следуют "эти рабы его жены" (или "жен", 'BDn' ZK 'NTTYH)* - имеется в виду, очевидно, жена домовладыки. После этой группы в док. I упоминаются "рабы детей" ('BDn' KNYWRTYH), речь идет скорее о внуках домовладыки - детях дочери (*BRY- BRTYH в таком значении?), оставшейся в доме отца, или детях женатых, но не выделившихся сыновей, а не о малолетних (несовершеннолетних) детях самого домовладыки. Заключают док. I "рабы сына наложницы" ('BDn' BRY' TKYH), но под этим заголовком выступает только одно имя.

* (*В док. V вариант 'NTTH. Идеограмма 'NTTYH из *'NTTY (арам, "моя жена", из 'ntt, st. constr. от 'nth "женщина, жена", ср. 'ntt в арамейской (или индийской?) версии Мцхетской билингвы) + -H - чисто графическое наращение идеограммы, вряд ли хор. *-he, п.-хор. -hi - энклитическое местоимение 3 Sg.). Ср. аналогичную структуру в 'MYH "мать", док. V.*)

В док. II и IV среди 'BDn' фигурируют только рабы домовладыки и его двух сыновей и рабы его жены. В док. III упомянуты рабы домовладыки и его зятя, а также 'BDn'

K'SBKYH - рабы какой-то категории жен? Арамейский прототип для последней идеограммы нам восстановить не удалось; 'NTTYH в этом списке отсутствует.

Всего в док. I содержатся имена 21 мужчины: домовладыка, два сына, зять и 17 рабов е 12 - домовладыки, его сыновей и зят домовладыки, 2 - внуков (?), 1 - сына наложницы. В док. II - 15 мужских имен: д а сына и 12 рабов, среди них ады овей, 2 - омовладыки. Док. 17 и 15 рабов, в том числе 1 и и зятя, 3 - K'SBKYH. Док. 15 мужских имен: домовлад ва с них 8 - 4 - жен В этих документах представле енно, весьма зажиточные о чем ясно свид ов, особенно если уче ношение с численностью св ных взрослых мужчин (17:4; 12:3; 15:2; 12:3). Отсутствие титулов или званий при именах глав домов не позволяет судить о том, к какой категории знати принадлежали эти семьи. Неясно также, имеем ли мы дело с горожанами, жителями самой столицы Хорезмы III в., или же с сельской знатью.

Особняком стоит док. V, в котором перечислено лишь 4 мужских имени: домовладыка и 3 раба, из них 1 - раб домовладыки, 1 - его жены и 1 - его матери. Этот список отражает состав взрослых мужчин малой семьи; приписка к документу, сделанная рукой другого писца - MN nwkβγ, может быть понята либо как "из (селения) NokjBay", либо как "из вновь выделенного (дома)" (nok-βaγ)*.

* (*Данные о структуре и содержании топраккалинских "списков домов" и значении этих документов для изучения социально-экономических отношений в Хорезме III в. н. э. приводились в нескольких докладах автора настоящей главы (см. краткую сводку: Лившиц В. А. Земледелие и аграрные отношения в период раннего средневековья (IV-VII вв. н. э.). - В кн.: Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане. Ашхабад, 1971, с. 103-104). Эти чанные широко привлекла Е. Е. Неразик в исследованиях, посвященных типам жилищ, семейным отношениям и экономике древнего и средневекового Хорезма, см.: Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I-XIV вв.). Из истории жилища и семьи. - ТХЭ, 1976, т. 9, с. 205, 213-216. Ср. также: Ртвеладзе Э. В. О численности населения кушанских населенных пунктов Северной Бактрип. - В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 111.*)

Имена рабов, приводимые в "списках домов", в большинстве своем надежно этимологизируются как хорезмийские и в этом отношении не отличаются от имен свободных членов домов. Единственным исключением можно было бы считать Xritak (xrytk) в док. VI (фрагмент), стк. x+1, букв, "купленный" (п.-хор. (') xn-"покупать", согд. xryn- :°xryt-) - имя, намекающее на покупку раба. Ни одного определенно не хорезмийского (или, точнее, не иранского) имени раба в этих документах обнаружить не удалось. Поэтому мы вправе считать, что речь идет о рабах-хорезмийцах, входящих в круг патриархал и подчиненных ее главе; это домашние р висимое положение выросло, очевидно, и альных отношений в семье. Общесемитский термин 'bd, выступающий в идеограмме 'BDn', использовался для обозначения всякого зависимого состояния человека (раб бога, подданный царя, подчиненный вельможе, настоящий раб - патриархальный или иной)*, поэтому сама идеограмма никак не может характеризовать форму и степень зависимости топраккалинских рабов.

* (*Ср.: Амусин И. Д. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте, по данным Септуапшты. - БДИ, 1952, № 3, с. 46-67; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 88-89.*)

В то же время кажется несомненным, что перевод 'BDn' как "слуги" не меняет сущность дела: в "списках домов" 'BDn' довольно четко отграничены от свободных (полноправных) членов семьи, а детальная их классификация по признаку принадлежности определенным группам внутри больших семей лишь свидетельствует, по нашему мнению, о патриархальном характере рабства в Хорезме в III в. н. э.

Отметим также, что остается неизвестным, какое хорезмийское слово скрывается за идеограммой 'BD-n'. Сопоставление со среднеперс., парф. 'BDk=bandag, согд. βntk, а также с п.-хор. βnd^{y}k, βyd^{y}k (=βendek) "раб" могло бы свидетельствовать в пользу тождества 'BD=раннехор. *βntk, βandak. Однако настораживает тот факт, что в п.-хор. существительные с исходом на -k образуют Pl. не с помощью флексии -n', а заменой -k на -ci: z'd^{y}k "сын", Pl z'd^{y}c; snk "камень", Pl. snc; y'k "яйцо", Pl y'c и др. Можно поэтому полагать, что 'BD соответствует не п.-хор. βnd^{y}k, а какому-то иному обозначению раба в раннехорезмийском. П.-хор. hwnz'd^{y}k "молодой раб", букв, "сын гунна", и hwn'n "рабыня" возникли, очевидно, позднее, когда на территорию Хорезма стали проникать гунны, и первоначально могли быть обозначениями рабов-военнопленных (ср. перс, hun "враг").

По своему назначению "списки домов" являлись скорее всего документами переписи взрослых мужчин, составлявшимися для комплектования армии или ополчения*. Слово 'γt, часто встречающееся в этих документах, В. Б. Хеннинг предлагал переводить как "взрослый" или "присутствующий" (значения, производные от основного, первичного значения этого слова - "пришедший"), сопоставляя его с перс, raside "прибывший; взрослый", араб. а также с п.-хор. 'γdk'w^{y}k "присутствие"**. Такой перевод может показаться на первый взгляд странным, поскольку "взрослыми" (или "совершеннолетними" - у зороастрийцев сасанидского Ирана совершеннолетним считался юноша, достигший 15-летнего возраста) следует считать всех перечисленных в "списках домов" по именам, в том числе, конечно, и домовладык. Между тем слово 'γt в док. I-V засвидетельствовано 26 раз, из них 19 - при именах рабов (59 таких имен, 6 - при именах сыновей домовладык (все имена сыновей сопровождаются этим словом), 1 - при имени зятя. Имена домовладык никогда не сочетаются с 'γt.

* (*Предположение о том, что документы составлялись для взимания подушной подати, кажется маловероятным, поскольку в других странах Переднего Востока подать взималась только со взрослых свободных мужчин.*)

** (*Henning W. B. The Choresmian documents, p. 173.*)

В. И. Абаев, который любезно ознакомился с нашими транслитерациями и переводами док. I-V, предложил понимать 'γt как "пришелец > принятый в семью, приймак", считая, что такое толкование лучше всего объясняет сочетание "Х., зять, 'γt". Однако в этом случае трудно понять, почему 'γt сопровождает имена сыновей домовладык (все шесть сыновей, перечисленных в док. I, II, IV, не могут быть, конечно, приемными).

Мы переводим 'γt как "впервые присутствующий". Такой перевод отдаляется от буквального значения слова, но он, как представляется, наиболее точно соответствует ситуации составления документа: достигший совершеннолетия и потому впервые присутствующий при переписи, впервые вносимый в список*.

* (*Сопоставление 'γt с п.-хор. 'γd "установленное время, χαιρο ς" (=aγda, Fem., из др.-ир. *a-gata-, см.: Henning W. B. A Fragment of a Khwarezmian Dictionary. Ed. by D. N. Mac-Kenzie. London, 1971, p. 20) кажется маловероятным как с точки зрения семантики, так и по форме - в документах ожидалось бы в этом случае *'γt'.*)

Док I. Инв. ТК 1949, пом. ЮР (91), № 8. Дощечка, заостренная с правого края; длина 36,5 см, ширина 8,5 см. Текст содержит 3 столбца, всего 26 строк и 4 знака "абзаца". Стк. 16 добавлена после написания стк. 17. Слева от 3-го столбца у края дощечки приписка - одно слово, написанное по вертикали. Текст сохранился хорошо; исключение составляют лишь стк. 1, конец которой стерт, и стк. 3, уничтоженная почти целиком.

Фотографию и транслитерацию документа опубликовал С. П. Толстов[*]. Уточнения чтений нескольких имен собственных и идеограмм принадлежат В. Б. Хеннингу[**]. В приводимых ниже транскрипциях звездочкой(*) отмечены имена собственные, этимология которых неясна[***].

[*] (*Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 219-220, рис. 132б.*)

[**] (*Henning W. B. The Choresmian documents, p. 172-174, n. 24-25.*)

[***] (*Подробный этимологический комментарий к док. I-XIV будет опубликован в специальной работе.*)

Текст

I столбец: (1) BYT' (γ') [wnsmy] (2) γ'wnsmy (3) m [5-6 *букв*] (..) ['] γt (4) pry'xws 'γt (5) γ'wprnk z'mk < (6) 'BDn' (7) st'ywδk (8) k'tpnk

II столбец: (9) δwsy(t)'nk (10) xwsk (11) prβwδk (12) mrty'sk (13) mtry'βyrtk (14) xwrzβ'nk (15) pntk'skγ[*] (16) swβγtk (17) βywrswk[**] (18) wxwsmry

[*] (*Или γrβk, γrpk?*)

[**] (*Или βywrsrk, βywδsrk, как предлагал читать В. Б. Хеннинг (The Choresmian documents, p. 174).*)

III столбец: < (19) 'BDn' ZK 'NTTYH (20) rzmβywrk (21) pyt'nk < (22) 'BDn' KNYWRTYH (23) k'k (24) prnβγ'wk < (25) 'BDn' BRY' TKYH (26) δ rtyγ(')nk 'γt

По вертикали (другим почерком?): YNK/BLN'

"Дом *Γawnasami: *Γawnasami; (сыновья) - впервые присутствующий M. .., впервые присутствующий *Friyaxwas[1], зять Γawfarnak[2]; рабы: Satayoδak[3], Katfanak[4], Δusitanak[5], *Xwasak, Fraβoδak[6], Marti(y)asak[7], *Mihraβirtak[8], Xwarzβanak[9], Pandkasak[10] ...[11], Sawβaγdak[12], βewarsawak[13], *Wax(u)smari[14]; эти рабы жены (домовладыки) - Razmβewarak[15], Pitanak[16]; рабы детей - Kak[17], Farnaβγawak[18]; рабы сына наложницы: впервые присутствующий Δarteγanak[19] ...[20]".

[1]Буквальное значение имени - "любимый (и) милый". В -'- можно видеть, согласно мнению В. И. Абаева (устное сообщение), соединительный гласный в композите (подобно осет. xal-a-märzän "грабли"); [o]xwš из *hvars-, авест. hvarəs- (ср. Xwšk в стк. 10), ср.-перс, н.-п. xwaš "приятный, милый"? Или читать Friyaxwič (от др.-ир. *Friyaahva-), с -š-, scr. def. для суффикса -ič, ср. βγyš=βaγič в док. IX, стк. 2, но парф. (Ниса) dynyš, dynš=Denič.

[2] (*"Тот, у которого счастье в скоте", чтение и этимология В. Б. Хеннинга (The Choresmian documents, p. 172, n. 25).*)

[3] (*"Сто сражений" (~ "тот, кому предстоит сто сражений"), ср. авест. yaod- "сражаться", или Satayuδak, из др.-ир. *satayu-da-, авест. satayu- "имеющий сто опор" (Henning W. B. The Choresmian documents, p. 174).*)

[4] (*"Двигающий славу", из *kata- "слава, почесть" и *fan- "двигать" (см. Bailey H. W, Armeno-Indoiranica. - Transactions of the Philological Society, London, 1956, p. 118-123).*)

[5] (*"Несчастный", авест. dušiti- (из dušiti-)+суф. -anak(a-).*)

[6] (*"Пробуждающийся", авест. fra-baod-.*)

[7] (*"Захватывающий (вражеских) мужчин", из martiya- (п.-хор. mrc, mrcy) и as- "брать" (п.-хор. ‘s-).*)

[8] (*"Обретенный благодаря Митре" или "обретенный в день Митры"? Ср. и. с. mtrβyrt в отпечатке на глине (см. выше), согд. и. с. βγγβyrt. Написание mtry с -y- напоминает парф. mtryhwšt=Mihrxwašt в ŠKZ 24, 28 (в остраках Нисы - mtrhwšt); -y- нет и в хор. п. с. mtrwrt=Mihrwart "избранный Митрой" или "защищенный Митрой" (док. VI, стк. 4).*)

[9] (*"Тот, у кого хорошее сияние", из др.-ир. *Hvarza- banu- с ранней тематизацией. Это имя напоминает об осет. dä bon xorz "добрый день! здравствуй!", xärz(ä)bon "прощай". Для xwarz- ср. п.-хор. xz, xz^{y}k "хороший, правильный, исправный".*)

[10] (*"Смотрящий на дорогу" или, как указал В. И. Абаев, "стерегущий дорогу", из pand, др.-пр. *panta- "дорога" (п.-хор. pnd’k), и -kasak от *kas- "смотреть", ср. п.-хор. škš- (*frakasa-), осет. käsyn и др. Менее вероятным представляется сближать это имя с п.-хор. k'sb(n)d'k "трудный, мучительный" (M 326, 8-9; 487, 7; 508, 4-5; ср. Mac Kenzie D. N. The Khwarezmian Glossary. IV, p. 531).*)

[11] (*γrnk, γδnk" γrβ/pk? Это слово, судя по его позиции в тексте, обозначает либо определенную категорию рабов, либо какую-то возрастную группу (вряд ли прозвище, сопровождающее и. с). В других топраккалинскпх документах это слово не засвидетельствовано.*)

[12] (*"Наделенный пользой/выгодой", из др.-ир. *Sav(a)-baxta(-ka-). О чтении -βγtk см.: Henning W. B. The Choresmian documents, p. 172, n. 25.*)

[13] (*"Обладающий мириадом польз", ср. Henning W. B. The Choresmian documents, p. 172, n. 25, с. 174.*)

[14] (*"Хорошо считающий, думающий"? Ср. Wxwsrk на отпечатке (см. выше), но Whwmnδ't в док. IX, стк. 1, прилагательное whwrw'nk на медных монетах (Вайнберг Б. И. Монеты..., табл. IV). Wxwšmry может быть сопоставлено и с согд. и. с. 'wyšmryk//'yywšmryk//γ'šwmryk (мугские документы), но этимология последнего неясна.*)

[15] (*См. у В. Б. Хеннинга (с. 162, прим. 24).*)

[16] (*"Отцовский" (~ "похожий на отца"?), ср. скифские и. с. Φιδάνους, Πίδανους, осет. fidon "отчий", арм. Fidan.*)

[17] (*"Дядя"? Перс. и. с. Кака и суффиксальные варианты Kakoi, Kakoya от "детского слова" kaka "старший брат, дядя по отцу" (Justi F. Iranisches Namenbuch, S. 152). Ср. также M'mk ("Мамин"), T'tk ("Тятин") в док. II.*)

[18] (*См. у В. Б. Хеннинга, с. 172, прим. 25. Ср. 'βγ'wprn в док. К-1 (см. выше). По значению эти имена сходны с тадж. Зиёдбахт.*)

[19] (*"Опирающийся на меч", авест.[2] darəṯ-, taeya-.*)

[20] (*Приписка, чтение и значение идеограммы неясны; -n' - хор. флексия Pl?*)

Док. II. Инв. ТК 19 10. Дощечка с ручкой; длина 11,5, ширина 7-6 см, длина ручки 4 см. Текст на обеих сторонах дощечки: recto - 13 строк+1 знак "абзаца", verso - 5 строк+1 знак "абзаца". Сохранность хорошая, повреждены лишь отдельные буквы в стк. 4, 11, 16.

Фотографию и транслитерацию несколько раз публиковал С. П. Толстов[*], чтения нескольких имен собственных уточнил В. Б. Хеннинг[**].

[*] (*Толстов С. П. Итоги двадцати лет..., с. 32-33, прим. 4, рис. 3а, б; ТХЭ, т. 2, с. 208-209, рис. 97, 1; Tolstov S. P. Results of the work..., p. 2-3, fig. 2; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 219-220, рис. 132б.*)

[**] (*См. у В. Б. Хеннинга, с. 172, 176, прим. 40.*)

Текст

R (1) BYT' xrk (2) xrk (3) βywrsr[*] 'γt (4) p(y?)k[**] 'γt<(5) 'BDn' (6) m'mk (7) rzm'γtk (8) k'k'nšk (9) 'prtγrywk (10) 'wpnyštk (11) 'rtxw(t'w?) (12) wnynk (13) trmtk.

[*] (*После -r - точка (след смытой буквы?).*)

[**] (*Или β(y)k, p/β(w)k, менее вероятно p/β(δ)k, ср. у В. Б. Хеннинга, с. 176.*)

V (14) t'tk (15) k'šβrzk <(16) 'BDn' ZK 'NTTYH (17) krtyw'nk (18) mrš pk[*].

[*] (*Или mršβk, mδšp/βk (ср. у В. Б. Хеннинга, с. 176).*)

"Дом Xarak[1]: Xarak; (сыновья) - впервые присутствующий βewarsar[2], впервые присутствующий *Pek[3]; рабы: Mamak, Razmaγatak[4], Kakanačak[5], Apartγr ïwak[6], *Upništak[7], *Artaxwataw[8], Wanenak[9], *Tarmatak[10], Tatak, Kašβarzak[11], эти рабы жены (домовладыки) Kartyawanak[12], *Marčpak".

[1] (*Гипокористик - от др.-ир. *xara- "осел" (п.-хор. $x^{y}r$)? Ср. перс, xarak "кузнечик, вид саранчи", от xar "осел" (ср. русск. кобылка), хор. Xarak может происходить от апеллятива с тем же значением (в п.-хор. xrcyk, в сочетании βwmy' xrcyk, M 55, 2, с другим суффиксом).*)

[2] (*"Обладающий тысячью связей (с богами)", авест. sar- "соединять", вряд ли "тысячеголовый", ср. у В. Б. Хеннинга, с. 174.*)

[3] (*Ср. др.-инд. payate, -pïta "разбухать, изобиловать"?*)

[4] (*"Пришедший на битву" (~ "тот, кто родился воином"), см. у В. Б. Хеннинга, с. 172.*)

[5] (*Или Kakaničak, гипокористик от патронимического *Kakan. О чтении имени см. у В. Б. Хеннинга, с. 176, прим. 40.*)

[6] (*"С толстым телом", из *aparta-, авест. par- "наполнять", и grïva-, ср. п.-хор. υ-γryw "сильный, большой". Чтение имени см. у В. Б. Хеннинга, с. 172.*)

[7] (*"Стоящий рядом", upa-, ni-, sta-? (так В. И. Абаев). О чтении имени см. у В. Б. Хеннинга, с. 176.*)

[8] (*"Артовский государь", "государь (благодаря) божеству праведности"? Ср. xwt'w на медных хорезмийских монетах (Вайнберг Б. И. Монеты..., табл. III/4, XXVII).*)

[9] (*"Побеждающий", гипокористик с суф. -enak.*)

[10] (*"Непослушный", ср. авест. taro.mati-, tarə.mati- "строптивость", пехл. tarmad dew?*)

[11] (*Из *kaš, вриддхи от kaš "подмышка, пазуха", авест. kaša-, и βarz "высокий, длинный" (п.-хор. $βz^{y}k$). Для семантики имени ср., например, парф. Barzpaδïk (brzpdyk) "длинноногий".*)

[12] (*"Орудующий ножом", авест. karəta- "нож" (п.-хор. krc), yav- "направлять, прикладывать".*)

Док. III (рис. 106). Инв. ТК 1949, пом. 89, № 7. Дощечка, 29×9,5 см; текст на одной стороне: 3 столбца, разделенных вертикальными линиями, 20 строк (8+11+1)+1 строка, написанная по вертикали (приписка, другой почерк)+2 знака абзаца". Стк. 13 вставлена после написания 14-й. Трещина в нижней части первого столбца уничтожила 2 или 3 буквы в приписке, но следов горизонтальной строки здесь не видно. Сильно повреждены стк. 1, 2, 8, 17, 18.

Рис. 106. Документ III. Дерево. Помещение 89

Текст

I (1) BYT' β'(nr/δ) [...] (šr/δ) (2) β'(nr/δ..) [.] (šr/δ) (3) mnz't* z'mk 'γt<(4) 'BDn' (5) β'γδ'rk (6) kwšk (7) γrynk (8) x(β)wtrk '(γt).

* (*mny't?*)

II (9) 'p'βk* (10) 'xšyrβst** (11) wrnk (12) wnyptk 'γt (13) 'yš'kδstk 'γt (14) n'ws'rδyk 'γt (15) prmnwk 'γt (16) xrδnwnt 'γt< (17) 'BDn' K'Š(B)KYH (18) (p/β)r(')γ'(t/m?) [k] 'γ(t) (19) 'my'kr(')nk 'γt.

* (*Или 'p'pk, 'β'βk?*)

** (*'xsyδβst, 'xsywβst?*)

III (20) š'tywrtk 'γt

По вертикали: '(m) []γwnt.

"Дом *βanar[...]car: *βanar[...]car, впервые присутствующий зять Manzat[1]; рабы (домовладыки и зятя) - βaγδarak[2], Košak[3], *Гarenaк[4], впервые присутствующий *Xaβwitarak, *Apaβak[5], *Åxšïrβast, Warnak[6], впервые присутствующий *Wanïpauak[7], впервые присутствующий Ešakδastak[8], впервые присутствующий Nawsarδïk[9], впервые присутствующий Framanok[10], впервые присутствующий *Xarδanwand[11]; рабы... - впервые присутствующий *Fraγamak[12], впервые присутствующий *Amayakaranak[13], впервые присутствующий Šatïwartak[14] ...[15]".

[1] (*"Рожденный разумом" или "лишенный разума ~ глупышка", с zat от авест. za (y)-, др.-инд. ha- "оставлять, покидать; отделять(ся)", см.: Perikhanian A. Notes sur le lexique iranien et arménien. - Revue des études arméniennes, nouvelle serie, Paris, 1968, t. V, p. 9-16.*)

[2] (*"Держащий долю, надел" или "владеющий садом", по форме точно соответствует согд.-христ. b'γd'ry, ср. п.-хор. β'γ^{y}к "сад", -δ'r (-^{y}k) "имеющий, владеющий" (в композитах).*)

[3] (*Ср. авест. Kaoša-, др.-ир. *Kauša- (в эламской передаче Kamša), др.-инд. Kosá- (см.: Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973, S. 175, § 8.732), от *kauš- "замечать, наблюдать" (и.-е. *keu-, *skeu-), согд. tk(')wš- "наблюдать, смотреть", хот. kus- (иная этимология для авест. Kaoša- у: Mayrhofer M. Die avestischen Namen. Wien, 1977, S. 56).*)

[4] (*"Горец", гипокористик с суф. -en-ak от двучленного имени с γar(i) "гора"? Ср. авест. gairi-, согд. γr-, п.-хор. γryc^{y}k.*)

[5] (*"Без блеска, тусклый", из *apa-aba-, др.-инд. abha-, перс, ab?*)

[6] (*"Обладающий здоровым цветом", авест. varəna h- "цвет, признак здоровья" (Bartholomae Chr. Altiranisches Worterbuch. Strassburg, 1904, sp. 1372).*)

[7] (*"Имеющий победный путь", из *vanya-pava-, или "победно двигающийся"? Относительно др.-ир. *pav-, др.-инд. path-, panth- "двигаться"*

см.: Benveniste E. Études sur la langue ossète. Paris, 1959, p. 47; Emmerich R. E. Saka Grammatical Studies. London, 1968, p. 59.)

[8] (*"Тот, у кого имущество в руке", из авест. aeša- "имущество, состояние", и -δast, п.-хор. δst "рука".*)

[9] (*"Родившийся в месяце nawsarδï" ("новогоднем") - первом месяце хорезмийского природного календаря, n'ws'rjy (=nawsarjï) в "Хронологии" ал-Беруни (ср. также праздник n'ws'rjyk'nyk=nawsarjïkanek), согд. n'wsrδyc. В naw- долгое -a- отражает вриддхи в первой части композита, тогда как -a- в -sarδï - из др.-ир. прилагательного *sardiya-, др.-инд. saradya-.*)

[10] (*Гипокористик с суф. -ок от *Framanah- "ожидающий блага, надеющийся", ср. п.-хор. šmnk (M 402,6 и др.), согд. prmynwkh, парф.-ман. frmnywg "надежда", см.: Schwartz M. On the vocabulary of the Khwarezmian Muqaddimatu l-Adab, as edited by J. Benzing. - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1971, Bd. 120, Ht. 2, S. 303; Skjærvø P. O. Sogdian notes. - Acta Orientalia, Copenhagen, 1976, t. 37, p. 111.*)

[11] (*"Бегущий осел"? Из *xara-danvant-, др.-инд. dhánvati "он бежит, течет", др.-перс, danv-?*)

[12] (*Из *fra-gama-? п.-хор. frγ'mk "взрослый", šγ'm'n^{y}k "годовалый теленок" (пашто waryumay, ягн. faryumč и т. д.). Или читать Fraγata[k], ср. авест. fro. ga(y)- "шагающий во главе".*)

[13] (*Из *amaya-kara- "причиняющий страдание"+суф. -anak, ср. др.-инд. amaya-, "болезненность", авест. amay-ava- "боль, страдание"?*)

[14] (*"Защищенный радостью" или "место пребывание радости", из *šati(ya)- varta-, авест. ^{1}varəta- "местопребывание" (Bartholomae. Op. cit., sp. 1368).*)

[15] (*Приписка '(m)[ ]γwnt может бытьназванием селения, ср. 'rsknt в док. V, verso.*)

Док. I рис. 107). Инв. ТК 1948, пом. 90, N 12. Обструганная тонкая палка, поверхности выровнены, левый край заострен; 25,5×3 см. Текст на обеих сторонах: recto - 4 столбца, verso 3 столбца, всего 18 строк. Между столбцами разделительных полос нет, знаки "абзаца" перед перечнями рабов также отсутствуют. Правый край палки частично обломан, повреждены стк. 1 и 14; трещины в стк. 10-11 и 17-18; некоторые буквы выцвели.

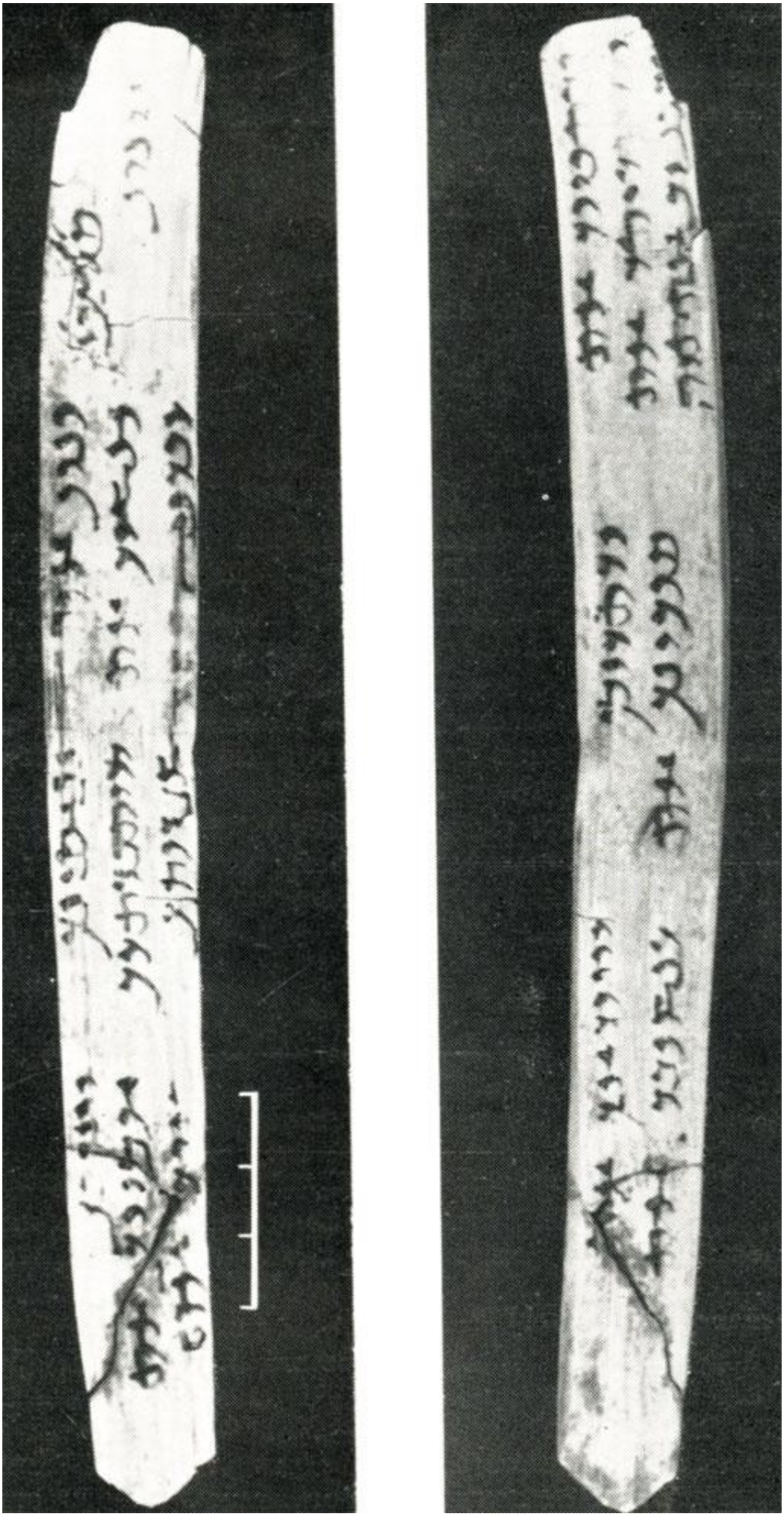

Рис. 107. Документ IV. Дерево. Помещение 90: а - recto; б - verso

Текст

R I (1) [BY] (T') s(wnwn) (2) swnwn

II (3) wnwn 'γ(t) (4) γnšyk 'γt (5) 'BDn'

III (6) (s)'s'nk (7) mytprtrk (8) škrwsk

IV (9) w'y(ws)k (10) 'wsynk 'γt (11) (β)ywr 'γt

V I (12) wrtβywr 'γt (13) (x?)rn(w?)rytk 'γt (14) ['] (B) Dn* ZK 'NTTYH

* (*Так, описка!*)

II (15) wrtrzm (16) swrynk 'γt

III (17) δswr('nk) 'γ(t) (18) kn(š)wkr 'γt.

"Дом Sunwan[1]: Sunwan, (сыновья) - впервые присутствующий *Wanon[2], впервые присутствующий Gančïk[3]; рабы (домовладыки и его сыновей) - Sasanak[4], Meυfratarak[5], *Škarwasak[6], Waywasak[7], впервые присутствующий *Usenak[8], впервые присутствующий βewar[9], впервые присутствующий Wartβewar, впервые присутствующий *Xarnwarïtak (??); эти рабы жены (домовладыки) - Wartrazm[10], впервые присутствующий Surenak[11], впервые присутствующий Δaswaranak[12], впервые присутствующий Kančuk(k)ar[13]".

1 (*"Желающий успеха" или "добивающийся успеха", из *suna-, др.-инд. suná- "успех, счастье", и авест. [3]van- "желать, любить" или [2]van- "добывать, обретать".*)

2 (*Или Wanup? Ср. парфянское имя, известное по латинской передаче: Vonones, греч. 'Ονωνης, Ουονωνης, Βονωνης, см.: Justi F. Iranisches Namenbuch, S. 376.*)

3 (*"Сильный, отважный", ср. согд. γn- "сила", γnkyn "сильный, отважный".*)

4 (*Гипокористик от теофорного Sasan, особенно широко представленного в парфянской ономастике. См.: Livshits V. A. New Parthian documents..., p. 174-178.*)

5 (*"(Имеющий) лучший день" ~ "счастливый", п.-хор. tyυ "день", frdr "лучший". Для семантики имени ср. пехл. Rozweh, перс. Rozbeh, арм. Ročik-wahan, Rojweh (Justi F. Op. cit., S. 266 sq.).*)

6 (*"Погоняющий телят", из *skara(t)-vasa-ka-? Ср. п.-хор. ws^{y}k "теленок", 'šk'ry- "гнать, вести" из *skaraya-. Другая возможная этимология имени основывается на др.-ир. *vasa- "желание": "тот, кто ведет к желанию". Начальная группа sk- могла развиться в šk- очень рано, еще до создания хорезмийской письменности (ср. очень раннее š- из sr- в šïr- "прекрасный, добрый"<srïra-).*)

7 (*"Обладающий любовью бога Вайу"?*)

8 (*Гипокористик с суф. -enak от авест. Usan-, Nom, (kavi) Usa? Ср. также др.-ир. *us-, *vas- "светить, сиять", авест. vi-usa-, хот. byus-, согд. wyws- "рассветать", и. с. Wy'ws (мугские документы).*)

9 (*Усеченное имя, образованное от сложений с βywr "мириад". Заслуживают внимания пары имен с одинаковыми компонентами: *Škarwasak и *Waywasak, βewar и Wartβewar, последнее может осмысляться как "обращающий вспять мириад (врагов)".*)

[10] (*В. И. Абаев предложил этимологизировать это имя как "щит сражения", из *w(a)rvra-razma-. Другие возможные толкования: "тот, кто поворачивает (исход) сражения" или "защищенный в бою" (wart от авест. var- "укрывать, защищать").*)

[11] (*Гипокорпстик от *Sura-, авест. sura- "сильный", ср. популярное парфянское имя Suren и сложные имена с sura-, см.: Justi. Op. cit., S. 316; Mayrhofer. Onomastica Persepolitana, § 8.392; 8.605; 8.625.*)

[12] (*Гипокорпстик от патронима с суф. -an, ср. авест. dasvar- "здоровье", для которого до сих пор, насколько известно, не находилось соответствий в средне- и новоиранских языках. Но δswr'nk может быть понято и как "обладающий десятью варами", авест. var-, в котором С. П. Толстов видел обозначение хорезмbйских укрепленных "домов-стен" ("городища с жилыми стенами", см.: Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 81; ср. также: Боголюбов М. Н. Древнеперсидские этимологии. - В кн.: Древний мир. М., 1962, с. 368-370).*)

[13] (*"Делающий накидки, плащи" - имя, образованное от названия профессии. Др.-ир. *kančika-, засвидетельствованное, как показал И. Гершевич*

*(Gershevitch I. Iranian nouns and names in Elamite garb. - Transactions of the Philological Society, London, 1969, p. 172), в элам. kansuka (k&##225;nsu-uk-ka ... hu-ut-ti-ip "изготовляющие kančuka-", PF 999, по значению точно соответствует др.-перс. *kančukakara-, хор. *kanču(k)kar). Ср. также парф.-ман. qnjwg "одежда", др.-инд. kancuka- "покрытие", откуда "накидка, плащ", а также "панцирь", "ножны" (Bailey H. W. Saka Miscellany. - In: Indo-Iranica. Melanges G. Morgenstierne. Wiesbaden, 1964, p. 10; Mayrhofer M. Kurzgefaβtes etymologisches Worterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953-1976, Bd. I, S. 139 sq.; Bd. III, S. 659). В п.-хор. knc^{y}k "рубаха", M 27, 4, но также "чехол (лука)", M 42,5 - производные значения от исходного "оболочка, покрытие". Ср.: Teubner J. K. Chwaresmian kancik und das Eurasisch-Afrikanische Wanderwort Hemd/Camisia/Kanzu. - Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Suppl. III, 2. Wiesbaden, 1977, S. 1084-1089.*)

Док. V (рис. 108). Инв. ТК 1949, пом. 89, № 1. Дощечка, 15×6 см. Recto: два столбца, разделенных вертикальной чертой, всего 9 строк+3 знака "абзаца", стк. 9 отделена от предшествующей большим пробелом. Verso: приписка по вертикали (другой почерк).

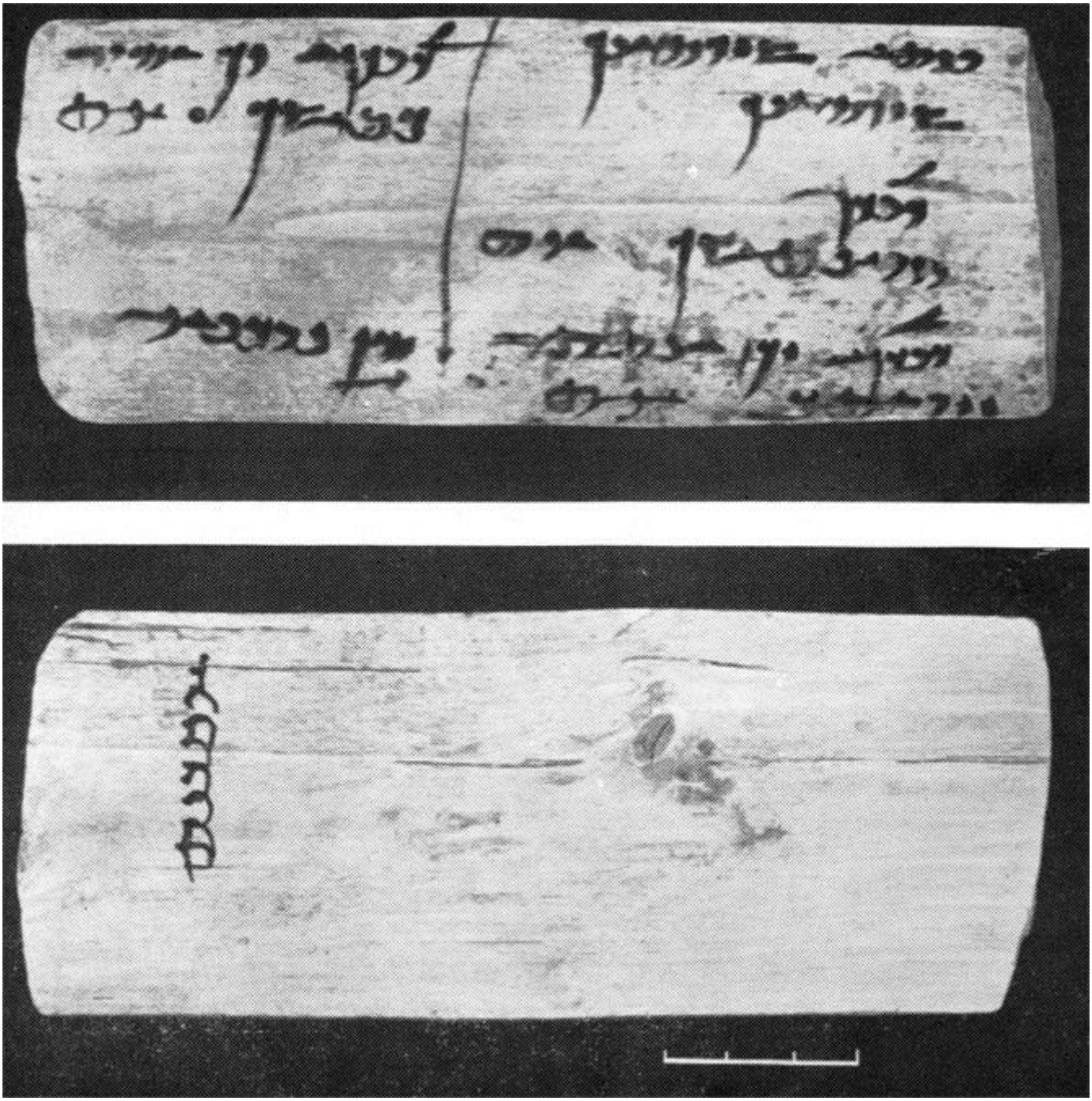

Рис. 108. Документ V. Дерево. Помещение 90: а - recto, б - verso

Текст

R I (1) BYT' šyrm'nk (2) šyrm'nk<(3) 'BDn' (4) xw'ntšk 'γt<(5) 'BDn' ZK 'NTTH (6) zyw'tk 'γt

II<(7) 'BDn' ZK 'MYH (8) kssk[*] 'γt (9) MN nwkβ'γ V 'rsknt.

[*] (*Точка после слова.*)

"Дом Šïrmanak[*]: Šïrmanak; рабы (домовладыки) впервые присутствующий Xwanυačak[**]; рабы жены: впервые присутствующий *Zïwatak[***]; рабы матери (домовладыки): Kasačak[****]. Из вновь выделенного (дома)[*****].

[*] (*"Обладающий прекрасной мыслью, Добромысел", из *srïra-mana-ka-, авест. srïra-, др.-инд. srïlá, °srïrá-, согд. šyr (šir - легкая основа), парф. šyr-, хот. ss ära-, для второй части - др.-инд. mana-, пехл., парф. manag "мысль", согд. m'n "мысль; намерение, желание", п.-хор. m', m'n (mā) "желание".*)

** (*"Обладающий хорошей долей", гипокористик от *Hvanυa- (<*hu-anυa-), вриддхи к *anυa-, др.-инд. ámsa-, ср.: Gershevitch I. Iranian nouns..., p. 185 sq.*)

*** (*От *zïw-, п.-хор. zyw- "жить"?*)

**** (*"Маленький, худенький", от др.-ир. *kasu- с ранней тематизацией, п.-хор. ks, 'ks "худой, тощий". Ср. и. с. Ksyštk (Kasištak), букв, "наименьший", в ранней хорезмийской надписи из Бурлы-калы.*)

***** (*Или: "из (селения) Nokβaγ"? Для топонима Nokβaγ, букв. "Новый участок" или "Новый сад", ср. Nwkb'γ, Nwkf'γ (=Nogβaγ) у арабских географов - город в средневековом Хорезме, лежавший на правом берегу Амударьи, примерно в 100 км к с.-з. от Кята, в 50 км от Миздахкана (Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. - Сочинения, т. I. М., 1963, с. 205-207) и примерно в 100 км от городища Топрак-кала. Территория, подведомственная царской канцелярии, могла быть весьма обширной и включать в себя несколько округов, в том числе *Arskanυ, упомянутый в приписке к документу (-kanυ "город", ср. средневековые Kaυ и Nozkaυ/t).*)

(*Приписка*) (селение? округ?) *Arskanυ".

Док. VI (рис. 109). Инв. ТК 1949, пом. 89, № 5. Дощечка, 15×6,5 - 4 см. Текст на одной стороне, 4 строки, в 1-й буквы выцвели, на 2-ю приходится трещина. Начальная формула - BYT'+имя главы дома - отсутствует, нет также имен сыновей и последующего 'BDn' (или 'BTn', как в стк. 3 - описка или искажение идеограммы). Следов отлома не видно, поэтому можно предположить, что начало документа, не менее 4-5 строк, было на другой дощечке.

Рис. 109. Документ VI. Дерево. Помещение 89: а - фотография, б - прорисовка

Текст

(x+1) xrytk (2) xwrzprtm 'γt (3) 'BTn' ZK 'NTTYH (4) mtrwrt 'γt. "[Рабы домовладыки (и его сыновей?)]: Xrïtak, впервые присутствующий Xwarzfratam*; эти рабы жены: впервые присутствующий Mihrwart**".

* (*"Милый (и) первый", n.-хор. xz, frdm. Для структуры этого имени (прилагательное+прилагательное) ср. авест. Srïravaŋhu-, Mazdravaŋhu- (с -a-, подобно хор. Pry'xwš в док. I, стк. 4).*)

** (*"Защищенный Митрой", -wart от авест. [1]var-, в этом случае имя синонимично более распространенному в иранской антропонимике *Miθra-pata-. Возможны и толкования "желанный Митре", от *var- "желать", ср. авест. fra-var-, или "избранный Митрой".*)

Док. VII (рис. 110). Инв. ТК 1949, пом. 89, № 2. Фрагмент палки 13×2,5 см; текст на одной стороне. Документ содержал несколько столбцов, сохранились конец первой строки предпоследнего столбца и полностью последний столбец.

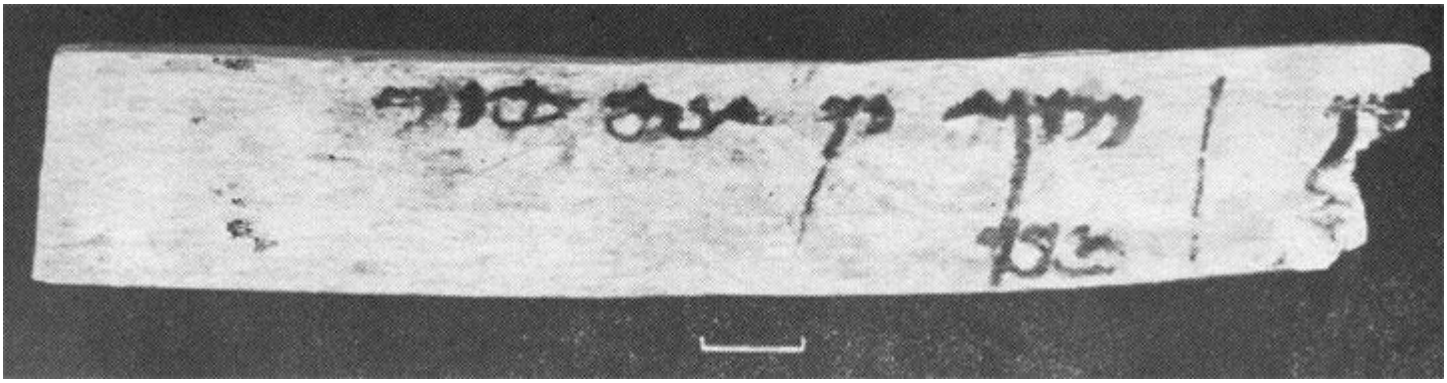

Рис. 110. Документ VII. Дерево. Помещение 89

Текст

(x+1)](r/δ?)k (2) 'BDn' ZK 'NTTYH (3) skr/δ*.

* (**Skar, *Skaδ, этимология неясна.*)

Док. VIII (рис. 111). Инв. ТК 1948, пом. 93, №9. Обломок обструганной палки, 12,5×3 см. Текст на одной стороне, сохранились заключительные части двух строк. Под стк. 1 следы смытого текста. В стк. 2 два последних слова написаны другим почерком (палимпсест?):

(1)]whwmnδ't* z'mk (2)]xn?k 'γt skwnt**.

* (*Wah(u)manδat - "созданный Вохуманом", определенно зороастрийское имя.*)

** (*И. с.?*)

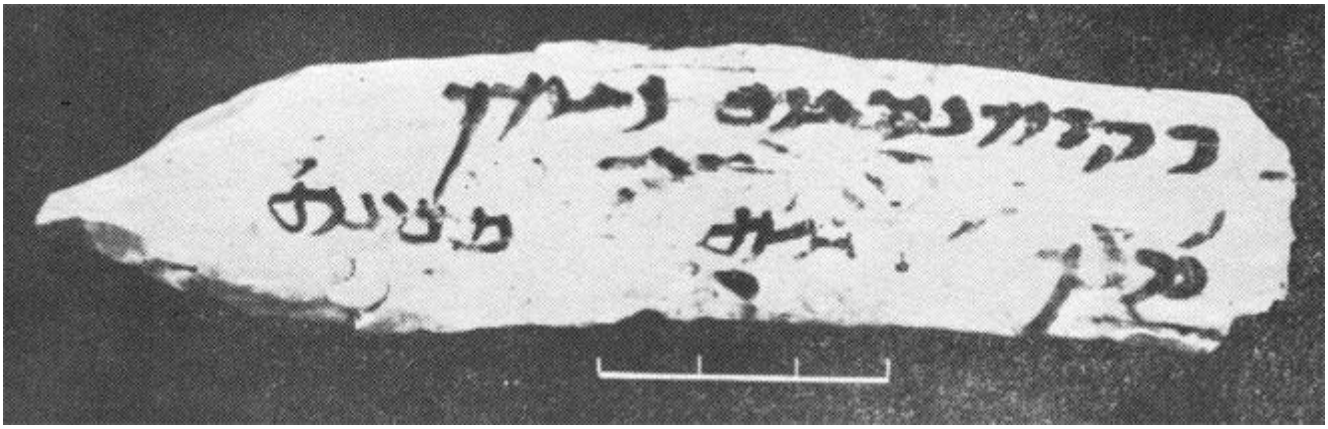

Рис. 111. Документ VIII. Дерево. Помещение 93

Док. IX (рис. 112). Инв. ТК 1949, пом. 89, №3. Обломок палки, 10,5×2,5 - 1 см. Остатки трех строк:

(x+1)] (k) [(2)] βγyš* '(γt) [(3)] 'BDn'

[*] (*βαγič, гипокористик с суф. -ič, образованный от усеченного двучленного имени.*)

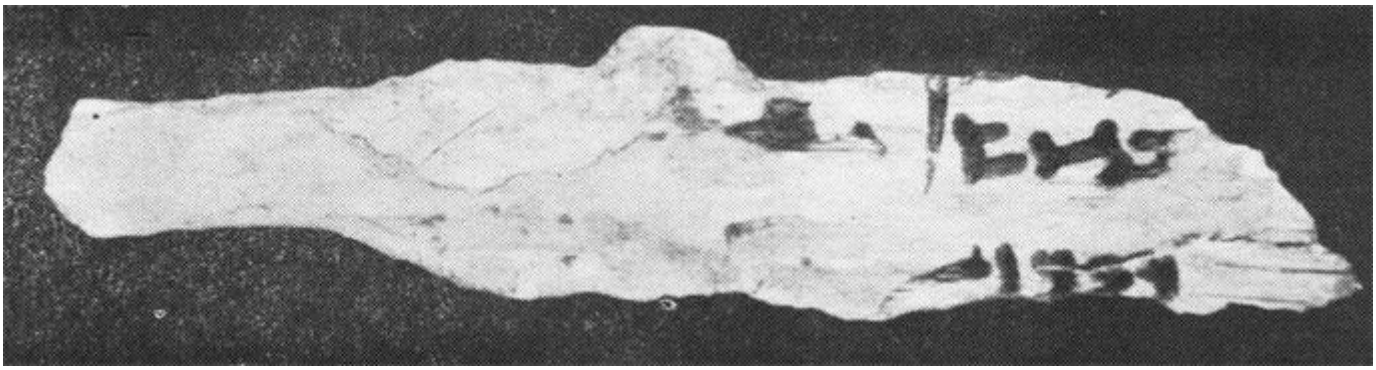

Рис. 112. Документ IX. Дерево. Помещение 89

Док. X (рис. 113). Инв. ТК 1949, пом. 89, № 4. Обломок дощечки, сохранилось одно слово - и. с.:

(x+1)]δwšxw(k) [[*].

[*] (*Δušaxwak "Имеющий плохое существование", "Адский" - имя-оберег, ср. авест. duza ηhu-, daozahva-, пехл. dušox, парф. duzax.*)

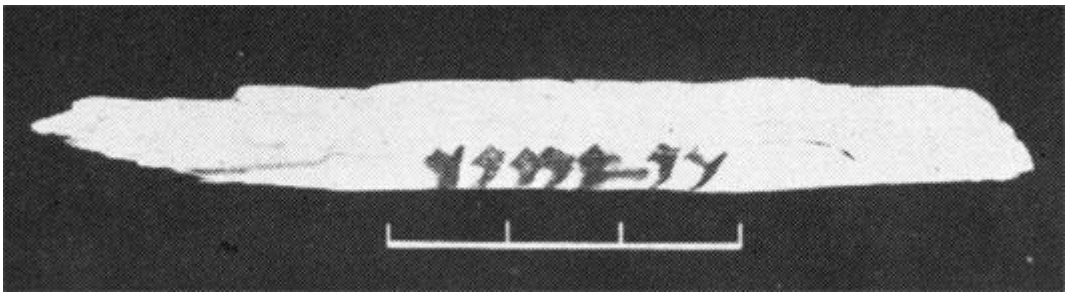

Рис. 113. Документ X. Дерево. Помещение 89

Док. XI (рис. 114). Инв. ТК 1947, пом. 90, № 1. Обломок палки разрезанной ветки, текст на выпуклой стороне). Сохранились части двух столбцов, разделенных вертикальной чертой:

столбец x+I: (x+1) (prt')xyk[*] (2) ('BD) [n']

столбец x+II: (3)r/δx? (..)[

[*] (*Или (prt')xwk?*)

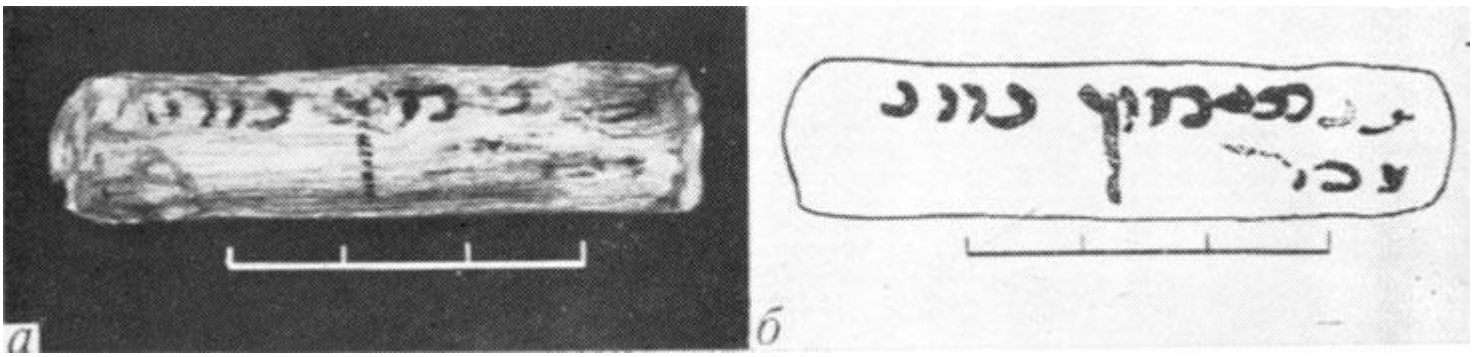

Рис. 114. Документ XI. Дерево. Помещение 90: а - фотография, б - прорисовка

Док. XII. Инв. ТК 1948, пом. 90, №11.

Дощечка с ручкой, 7×5,5 см; остатки разрушенного текста на одной стороне - части 7 строк:

(1) [BYT] (' m'?)s(...)<..>* (2)] (k...t)k (3)](..w?y)k ('γt) (4)] (.st) [k?] ('γt) (5)] (...k 'γt) (6)] (... 'γt) (7)](...r/δk).

* (*Конец слова над строкой.*)

Док. XIII (рис. 115). Инв. ТК 1949, пом. 89, № 6. Обломок дощечки, 7,5×5 см; остатки четырех строк, первые три содержат лишь слабые следы нескольких букв:

(x+4)]w'xn(y?)k (..)[

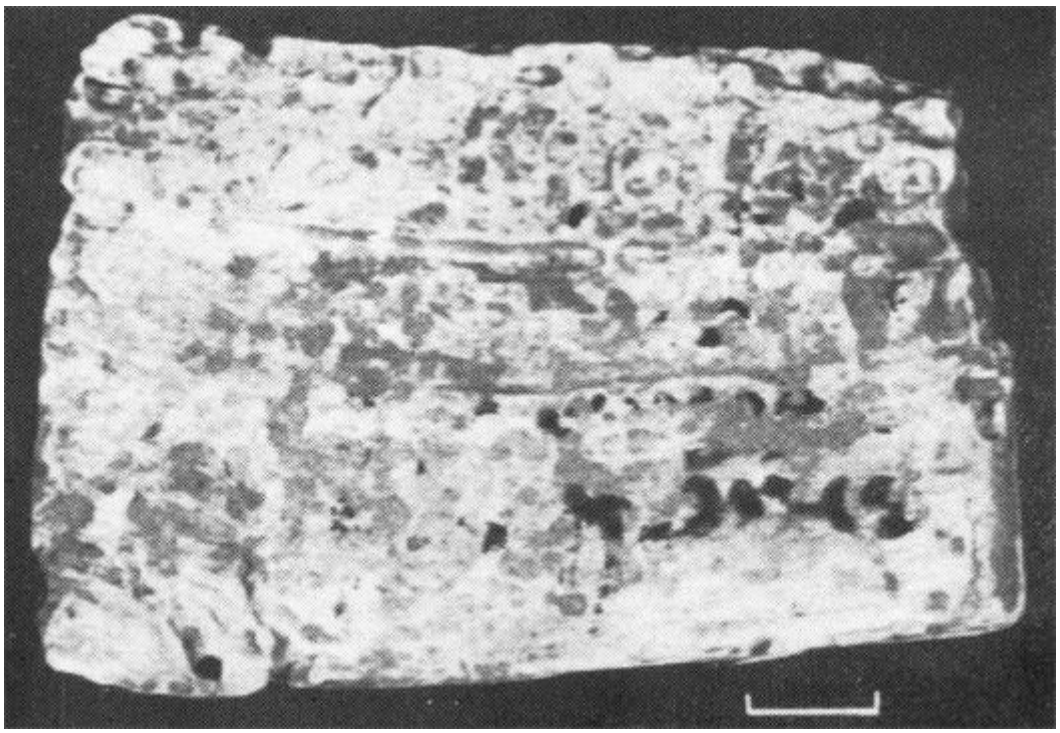

Рис. 115. Документ XIII. Дерево. Помещение 89

Док. XIV. Инв. ТК 1949, пом. 89, №10. Обломок дощечки, 11×5,5 см; очень слабые следы двух разрушенных строк:

(1) [BY] (T' x.)[(2) (pryt.)[

Док. XV (рис. 116) Инв. ТК 1972, пом. 93. Обломок 10×3 см. Сохранились части двух строк:

(x+1)] (βw)nk 'BDn'[(2)] (.x)t'nk 'γt.

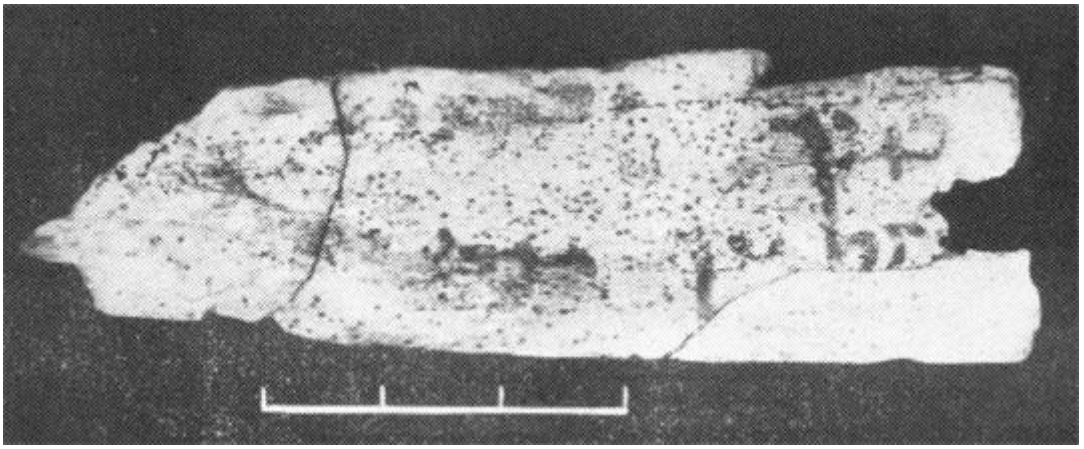

Рис. 116. Документ XV. Дерево. Помещение 93

Фрагменты хозяйственных документов. *Док. XVI* (рис. 117). Инв. ТК 1948, пом. 90, №13. Обломок дощечки, 12,5×2,5 - 2 см. Сохранились части двух столбцов, разделенных вертикальной чертой:

I (x+1)]t'k/n (2)] (.)r I šxr II

II (3) Q 'rδ(s?)[(4)Q mrγ[(5) Q t(wz?.t/m)[

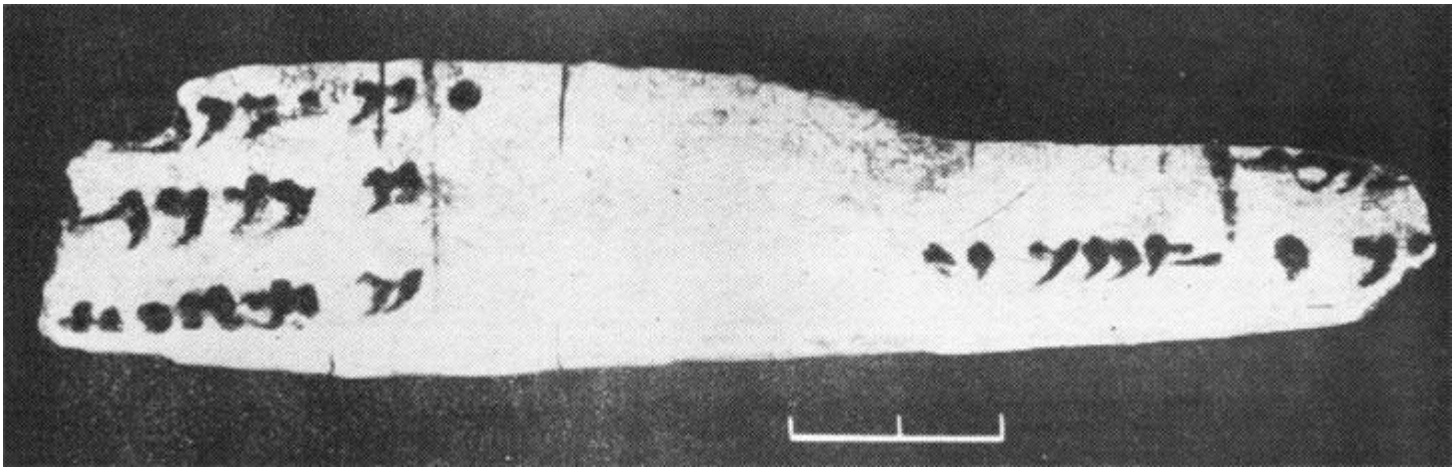

Рис. 117. Документ XVI. Дерево. Помещение 90

О возможных значениях šxr см. выше. Буква Q, стоящая в начале каждой строки II столбца перед именами собственными, служит аббревиатурой для какой-то идеограммы (глагольной?); в других топраккалинских фрагментах, в том числе и в отпечатках на глине, эта аббревиатура не встречается.

Док. XVII (рис. 118). Инв. 1948, пом. 90, № 15. Два обломка дощечки. На одном - фрг. "a", 4×1,3 см - остатки двух строк (почерк тот же, что в док. XVI):

(x+1)]šxr II[(2)š]xr I[

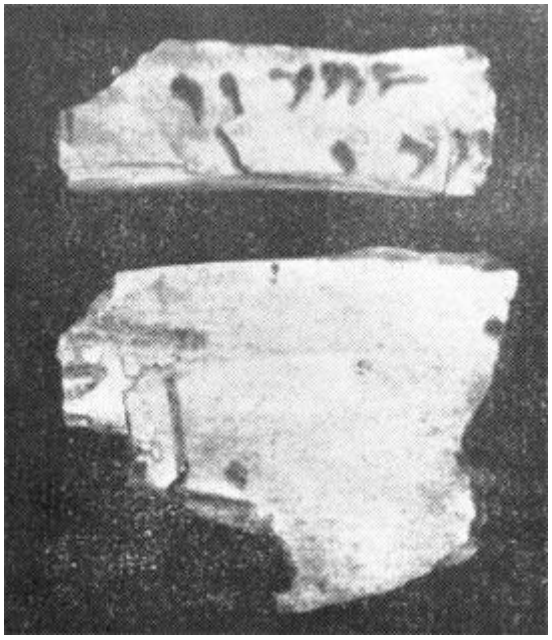

Рис. 118. Документ XVII а, б. Дерево. Помещение 90

На втором - фрг. "б", 4×3,5 см - вертикальная черта, знак "абзаца" (или рисунок?) и следы одной буквы.

Док. XVIII (рис. 119). Инв. ТК 1948, пом. 90, №14. Обломок дощечки, 7×3,5 см, части 4 строк:

(x+1)](k/n)[(2)](T)WR I QN' X[

(3) T]WR IIII LQN' I (.)[4)](T)WR II?

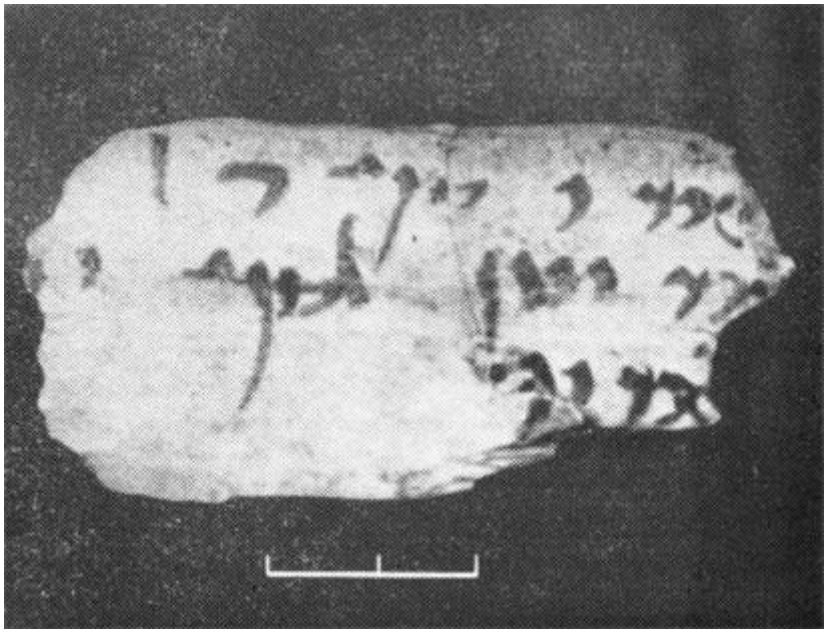

Рис. 119. Документ XVIII. Дерево. Помещение 90

"...1 бык, 10 овец...; 4 быка, по (?) 1 овце...; 2 (?) быка".

Идеограмма TWR "бык", арам. st. abc., соответствует хор. γaw (в п.-хор. γ'w "бык", γwk "корова"). Ср. пехл. TWR'=gaw "бык", корова". QN', арам. qn', st. emph. от qn "овца" (ранняя форма, употреблявшаяся и в "имперско-арамейском", позднее - 'n)*, идеограмма

для хор. *pas, п.-хор. ps, 'ps. Ср. пехл. KYN=gospand "овца"**, KNN'=warrag "ягненок"***, парф. QYN "ягненок" (о хор. 'MR' "ягненок" см. выше). Сочетание предлога L с QN' и числительным в стк. 3 может иметь, по-видимому, дистрибутивное значение: "по одной овце". Речь идет, вероятно, о выдачах нескольким лицам. Дистрибутивные конструкции с предлогом l известны в "имперско-арамейском"****, так что LQN' можно относить идеограмматическим сочетаниям, традиционно употреблявшимся в хорезмийских канцеляриях.

* (*Jean Ch.-F., Hoftijzer J. Dictionnaire des inscriptions..., p. 218; Lipinski E. Studies in Aramaic inscriptions et onomastiques, I. Leuven, 1975: p. 44.*)

** (*Из арамейской диалектной формы qena? См. Nyberg H. S. Manuel of Pahlavi, II. Wiesbaden, 1974, p. 4; Nordio M. Lessico..., p. 17. Иначе: MacKenzie D. N. A concise Pahlavi dictionary. London, 1971, p. 37 (KYN'<арам. qnyn'?).*)

*** (*Э. Эбелинг объяснял KNN' как графическое искажение из *Q'N'<арам, qana (Ebeling E. Das aramäischmittelpersische Glossar..., S. 17), но ср.: MacKenzie. A concise..., p. 87; Nordio. Lessico..., p. 16.*)

**** (*Driver G. R. Aramaic documents of the fifth century B. C 2. ed., Oxford, 1957, p. 60.*)

Док. XIX. Инв. ТК 1949, пом. 89, №9. Обломок дощечки, 15×8 см. Сохранились остатки 4 строк и приписка - одно слово, написанное другим почерком в обратном направлении. Буквы сильно выцвели.

(x+1)](t'tk...)[(2)](trk)[(3)](..m?'r/δ 'nptk) ZK 'LH' r/δ'(.)[(4)] δ/rnδ/rn[

(*Приписка*) 's(w/yt.)

*Бирки**.

* (*Найдены в пом. 90.*)

П-1. Палочка - ветка, расщепленная по середине; тонкие насечки - на верхней стороне их 24, на нижней - 5. Левый край палочки обломан. Надпись в центре выпуклой стороны:

(s)[ ]sp?t[...](kr)

П-2. Палочка, 22 насечки на нижней стороне. Надписи в центре:

k(m?)β'k

П-3. Палочка, левый край обломан; 25 насечек на верхней стороне. Следы разрушенной надписи:

(š)[..](wyn?)

П-4. Поверхность палочки сильно повреждена, насечки не сохранились. Следы надписи:

(wsyδ/rk)[.

Заключение

Строительство дворцов и города, руины которых образуют археологический комплекс Топрак-калы, несомненно, было важным политическим актом, равным по своему значению установлению хорезмийской эры". Трудно сказать, одновременно ли были приняты эти решения, но связь между ними представляется бесспорной. Очевидно, во II в. до н. э. в результате натиска степных племен не только рухнула Греко-Бактрия и оказалась на краю гибели Парфия, но был также нанесен сильный удар Хорезму и классической для него "кангюйской" культуре. Введение в I в. н. э. "хорезмийской эры" должно быть связано с возрождением и упрочением в низовьях Амударьи единого государства, с приходом к власти новой династии. Год воцарения ее основателя сразу или при ком-то из ближайших преемников мог быть принят за точку отсчета нового летосчисления.

Возведение Топрак-калы, очевидно, также знаменовало обретение политической независимости и должно было символизировать незыблемость царского дома, подчеркнуть его связь с давней исторической и идеологической традицией страны. Убеждают в этом прежде всего особенности самого памятника. Важны и отмечаемые для этого периода изменения в монетном чекане, в частности появление легенд, выполненных арамейским письмом, распространение которого в Хорезме IV-III вв. до н. э. доказано недавними находками[*].

[*] (*Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 52; Она же. Археологические работы в южной части Присарыкамышской дельты. - АО 1981 г., М., 1983, с. 473.*)

Должен ли был топраккалинский комплекс стать новой столицей Хорезма? Видимо, нет. Размеры города сравнительно невелики. Раскопки не обнаружили здесь следов развитого ремесленного производства или интенсивной торговой деятельности. Важный центр хорезмийской торговли и ремесел обязательно должен стоять на реке или большом судоходном канале, признаков которого поблизости нет. Можно, конечно, предположить, что столица была лишь царской резиденцией, местом сосредоточения административных функций государства, которые не требовали большого числа горожан и значительных размеров самого города. Однако в древности столица, как правило, и крупнейший городской центр государства, его олицетворение. В полном соответствии с такой традицией средневековые источники называют город Кят, который стал столицей, очевидно, уже в IV в., "город Хорезма" или просто "Хорезм". Необходимо также учитыват важное сообщение географа X в. Ибн Хаукаля о местоположении столицы Хорезма, предшествовавшей Кяту. Оно не позволяет отождествить этот город с Топрак-калой, хотя, видимо, и указывает на небольшое расстояние между ними[*]. Вероятно, взаимоотношение комплекса Топрак-калы и синхронной ему столицы в определенной степени было таким же, какой немного позднее была связь между крепостью ал-Фир, в которой находился дворец Африга, и лежавшим рядом столичным городом Кятом[**].

[*] (*В "Книге путей и стран" есть такая фраза: "Столицей его [Хорезма] был Дарджаш, он погиб, и люди устроили себе по соседству другой [город], называющийся по-хорезмийски Кас" (МИТТ, т. 1. М.; Л., 1939, с. 183). Особенности рукописи заставили автора приводимого перевода усомниться, что она точно передает название старой столицы Хорезма. Действительно, в том варианте текста Хаукаля, который послужил основой перевода Дж. Крамерса и Г. Вьета, погибший столичный город назван Кас-Дархас (The Hauqal Configuration de la terre. Introduction et traduction, avec index par J. H. Kramers et G. Wiet. T. II. Paris, 1964, p. 460). Ал-Истахри, современник Ибн Хаукаля, на труд которого последний опирался в своей работе, упоминает пункт Дерхас (Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1, М., 1963, с. 205). С. А. Волин, очевидно, учитывая близость написания двух топонимов, дал следующий перевод соответствующего места "Книги путей стран" Истахри: "От главного города до Дарджаша два дня пути..." (МИТТ, т. 1, с. 181). Представляется очевидным, что Дарджаш, Кас-Дархас и Дерхас - варианты названия одного и того же пункта. Оно дано еще у Идриси (Бартольд В. В. Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 48) и ал-Макдиси. Описывая, как и ал-Истахри в приведенном отрывке, начало пути вдоль правого берега Амударьи от средневековой столицы Хорезма к морю, ал-Макдиси указывает: "От Каса до Хаса день пути..." (МИТТ, т. 1, с. 206). Известно, что у Макдиси "переходы" больше,*

чем у Истахри, и тождество Хаса и Дерхаса сомнений не вызывает (Бартольд В. В. Сочинения, т. 1, с. 205). Местоположение Хаса с большой точностью установлено Я. Г. Гулямовым (История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, с. 148). Этот населенный пункт и местность упомянуты в связи с походами Тимура на Хорезм, а в XVII в. Абулгази неоднократно говорит о "Башне Хаста" (Хас-Минар). Я. Г. Гулямов застал людей, которые сами видели близ переправы на Гурлен остатки этой башни, открывавшиеся при спаде воды. Поколения местных жителей разбирали ее на кирпич. Итак, если идентификация Дарджаш (Кас-Дархас) - Дерхас - Хас верна, а сообщения Бируни и Ибн-Хаукаля достоверны, столица Хорезма, существовавшая одновременно с царским городом (развалины Топрак-кала), была в 20-25 км от него, на ближайшем участке берега Амударьи. Река разрушила и древний город, и находившееся здесь потом средневековое поселение Дерхас. Возможно, название это и означало "былой город". Как бы то ни было, идентификации Топрак-калы с Дарджашем (ср. предположение О. Г. Большакова: Бартольд В. В. Сочинения, т. 3, с. 47, прим. 57) препятствуют два момента. Из контекста Ибн Хаукаля ясно, что древнюю столицу погубила река, в то же время для него "Дарджаш" - реально существующий населенный пункт или караван-сарай. Между тем на Топрак-кале нет ни признаков гибели от наводнения, ни построек мусульманского времени.)

** (*Бируни описывает ал-Фир, который река разрушила на его глазах, достаточно похожим на городище Топрак-кала: "... крепость на краю города Хорезма, построенная из глины и сырцового кирпича [в виде] трех укреплений, одно внутри другого. Они следовали друг за другом в отношении высоты, а выше всех были дворцы царей" (Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957, с. 48).*)

Главное своеобразие рассматриваемого нами комплекса заключается, очевидно, в том, что город здесь создавался для двух огромных дворцов. Как уже отметила Е. Е. Неразик, его население в значительной степени должно было состоять из людей, которые эти дворцы обслуживали и охраняли*. Интересно сопоставить площадь городских кварталов с территорией дворцово-храмовых комплексов. Если к ним отнести цитадель, крепостные стены которой отделяли храм огня и Высокий дворец от городской застройки, то соотношение будет примерно равным: 13 га и 10 га. К нижнему дворцу примыкает обвалованный прямоугольник, который так или иначе связан с дворцами, а не с городом. Если же мы отнесем огромную (120 га) площадь "ограды" к дворцово-храмовому комплексу, то последний станет резко доминировать над городом не только в высотном, но и в пространственном отношении.

* (*Городище Топрак-кала. М., 1981, с. 139.*)

Сказанное выше заставляет считать Топрак-калу династическим центром, быть может, одной из царских резиденций, а не главным городом страны в обычном понимании этого слова. Наилучшим сопостановлением в функциональном отношении для Топрак-калы является городище Старая Ниса, широко известное благодаря раскопкам Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Это была царская крепость с дворцами, храмами и гробницами парфянских царей. В отличие от нисейского комплекса, складывавшегося постепенно, с использованием существовавших прежде поселений и неровного рельефа местности, Топрак-кала во всех своих основных компонентах была построена сразу на безлюдной ранее равнине. Это обусловило многие особенности хорезмийского династического центра, и прежде всего необычайную четкость его плана. Именно эта четкость, как кажется, позволяет увереннее, чем обычно, судить о тех идеях и традициях, которыми руководствовались при создании проекта комплекса.

Несомненно, такой проект существовал, он был заранее обдуман, обсужден и зафиксирован, возможно, в моделях или чертежах и наверняка разбивкой на местности. Достаточно сказать, что одну ось симметрии, как оказалось, имеют Высокий дворец и пять зданий Северного комплекса; длина соответствующей линии свыше 500 м. Скорее всего над проектом работала группа архитекторов, жрецов, художников и администраторов. Можно утверждать, что создатели Топрак-калы были хранителями архитектурных, художественных и религиозных традиций, уходящих корнями в глубь веков, и в то же

время людьми, знакомыми с изобразительным искусством достаточно удаленных от Хорезма центров цивилизации своего времени*. К таким выводам приводят материалы, изложенные в предыдущих главах. Добавим здесь еще некоторые факты и соображения.

* (*Наряду с росписями, выполненными в традиционной древневосточной технике раскрашенного рисунка, на Топрак-кале есть композиции, выполненные с применением эллинистической техники моделировки светотени штрихами, а также лессировочного письма. Примечательно использование египетской синей краски. По материалам, опубликованным С. П. Толстовым, была написана статья Г. А. Кошеленко и Л. А. Лелекова "Живопись древнего Хорезма позднеантичной эпохи" (Сообщения ВНИИЛКР, 1972, №28, с. 195-210). Последние годы технику росписей Топрак-калы исследуют В. П. Бурый и Н. А. Ковалева (Бурый В. П. Техника монументальной живописи Среднего Востока. - В кн.: Методы консервации и техника монументальной живописи на лёссовых основаниях. Обзорная информация ВНИИР. М., 1979, с. 18-22). Выше были отмечены древне-восточные, местные (восходящие к сакским) и эллинистические традиции в скульптуре.*)

Чем был обусловлен выбор места для строительства? Прежде всего, видимо, наличием здесь достаточно большого и свободного равнинного пространства, находившегося сравнительно близко от столичного города и в то же время на достаточном удалении от могучей реки, которая погубила столько хорезмских городов. Немалое значение имела, очевидно, близость урочища к горному массиву Султануиздаг (в древности - горы Чагра)*. Сохранение в местном фольклоре молитвенных обращений (*муножат*) к этим горам позволяет думать, что они были священными и в древности. Представление о находящихся на севере горах, являющихся обителью богов, универсально. Нередко при этом имелись в виду не мифические, а конкретные вершины**.

* (*Это название сохранено в рукописи "Родословное дерево хорезмшахов" хивинского историка Баяни. См.: Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма, с. 22.*)

** (*Gaster Th. И. Thespis. Ritual, myth and drama in the ancient Near East. N. Y., 1950, с 169-171.*)

Ориентировка цепи дворцовых и храмовых зданий вполне могла быть подсказана подобными представлениями. Какое-то время мы пытались даже отклонение главной оси памятника от астрономического севера объяснить тем, что она нацелена на определенную вершину. Мы добрались до нее и нашли обломки сосудов разного времени (V в. до н. э. - VIII в. н. э.). Трудно сомневаться, что в бесплодных горах это следы традиционных жертвоприношений. Однако число фрагментов оказалось не столь велико, чтобы можно было говорить об особой интенсивности культа и полагать, что огромный памятник был ориентирован именно на эту вершину. Потребовалось какое-то иное объяснение.

Строительство велось на равнине, и ориентировка не определялась рельефом, быть произвольной у комплекса такого значения и масштаба, как Топрак-кала, она не могла. Удалось установить, что отклонение оси Топрак-калы от северного направления такое же, как и у вавилонского "севера" - *iltanu*. Это совпадение, очевидно, не случайно. Можно указать и другие факты, которые находят объяснение, если предположить, что хорезмийская цивилизация формировалась при определенном воздействии культуры Двуречья*.

* (*Примерно на рубеже V и IV вв. до н. э. прямоугольный сырцовый кирпич вытесняется в Хорезме квадратным кирпичом, который традиционен для передневосточного зодчества. Тогда же возникает хорезмийская форма базы колонны, которая через шесть столетий будет повторена на Топрак-кале; характерная деталь базы, имеющая форму сосуда, наилучшие соответствия находит в зодчестве Ассирии. Рога, свойственные головным уборам месопотамских божеств, легко распознаются на шлеме богини из Зала царей. Сложная система ниш и выступов на фасадах Высокого дворца почти полное соответствие находит в архитектуре Урарту (Всеобщая история архитектуры. Т. 1. М., 1970, с. 257, рис. 7. Ср. рис. 12 в гл. II).*)

С. П. Толстов не раз отмечал, что архитектура Топрак-калы вызывает определенные ассоциации с сооружениями Месопотамии[*]. Действительно, уже в III тысячелетии до н. э. там на платформах в виде усеченной пирамиды возводились храмы, белые стены которых были обработаны выступами и нишами. Высокий дворец Топрак-калы, особенно до пристройки дополнительных массивов, несомненно выглядел как древневосточное сооружение, воплощающее идею священной горы. Можно ли считать, что древний архитектурный образ спонтанно повторился здесь на основе сходной строительной техники, достигнутого уровня социальных отношений и идеологических представлений? Скорее всего, нет. Во всяком случае, стоит задуматься над тем, когда и каким путем месопотамские традиции могли проникнуть в Хорезм. Вряд ли они пришли из южнотуркменистанской зоны древней земледельческой культуры: в те времена, когда на Алтын-депе и Яз-депе возводились сооружения на платформах, в Хорезмском оазисе еще не сложились условия для восприятия каких-либо элементов монументальной архитектуры.

[*] (*Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 123, 124; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 175.*)

Иным стало положение в период вхождения Хорезма в состав Ахеменидской империи. Как показали раскопки на городище Кюзели-гыр, в VI-V вв. до н. э. здесь был обширный дворцовый комплекс, принадлежавший местному правителю. Однако планировка этих сооружений еще довольно нерегулярна, а строительная техника достаточно архаична. Совершенно в иных традициях на рубеже V и IV вв. до н. э. возводились мощные крепостные стены и дворец на городище Калалы-гыр 1, который, бесспорно, имеет черты сходства с дворцами ахеменидского Ирана[*]. Есть все основания полагать, что огромная крепость на Калалы-гыре возводилась как центр недавно образованной отдельной Хорезмийской сатрапии[**]. В задачу сатрапа, очевидно, входил не только военный контроль над далеким Хорезмом, но и увеличение податных поступлений из этой страны. Основательное увеличение продуктивности земель в низовьях великой среднеазиатской реки возможно лишь посредством развития и перестройки ирригационных систем. Вполне вероятно, что для руководства такими работами персы направляли выходцев из Месопотамии - древнейшего центра дельтового орошаемого земледелия. Именно они могли принести с собой уходящие в глубь веков строительные приемы, архитектурные образы и идеологические представления, свойственные речным цивилизациям[***]. Однажды попав на привычную лёссовую почву орошаемых равнин Хорезмского оазиса, семена месопотамской культурной традиции должны были дать устойчивые всходы. И весьма возможно, многие особенности Топрак-калы могут служить подтверждением известного тезиса В. В. Бартольда о том, что в Хорезме "даже заимствованные черты обнаруживали особую живучесть[****]".

[*] (*Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958 г. - МХЭ, 1963, вып. 6, с. 141.*)

[**] (*Ср.: Пьянков И. В. "История Персии" Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. - ВДИ, 1965, № 2, с. 42.*)

[***] (*Известное сообщение Геродота (III, 117) о персидских плотинах на принадлежавшей хорезмийцам реке Акес позволяет предположить, что ирригационное строительство в целях фиска велось уже при первых Ахеменидах. Но серьезные перемены в строительной технике Хорезма можно отметить именно накануне падения их власти в этой стране. Город персидского сатрапа строился неподалеку от старой хорезоминской крепости на Кюзели-гыре, очевидно, в противовес ей. Тогда же в этой крепости из квадратного кирпича возводится храм и три культовых башнеобразных сооружения. Квадратный кирпич начинает применяться и в жилых постройках. В керамическом материале при этом существенных перемен не наблюдается.*)

**** (*Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2, ч. 1. М., 1963, с. 206.*)

Очень существенно для понимания Топрак-калы наличие в комплексе двух дворцов - верхнего и нижнего. Уже исходя из универсальных оппозиций (верх-низ, сакральный-мирской), представлялось возможным определение Северного комплекса как дворца жилого. Действительно, как показали раскопки, здесь в восточной части основного дворцового здания I были сосредоточены склады, кухни и т. д. Однако Северный комплекс включал также храмы (здание III) и внутридворцовые святилища (в одном из них роспись передавала сцену оплакивания). Пока сделаем осторожный предварительный вывод: высокий дворец имел преимущественно сакральное назначение, а нижний - жилое. В связи с дублированием некоторых планировочных элементов в двух синхронных дворцах возникает вопрос, не имели ли они разных хозяев? В свое время С. П. Толстов предположил, что в Хорезме традиционно существовало разделение сакрально-правовой и военно-административной власти между двумя царями*. Широко распространенный институт двоецарствия был исследован в известном труде А. Хокарта и в последние годы нередко упоминается в работах, основанных на принципах структурной лингвистики**. Хокарт подчеркивал, что царь - хранитель правовых и сакральных традиций (law-king) именно в силу своей "святости" оказывался изолированным от реального мира и фактическая власть, как правило, переходила к активно действующему военному царю (war-king). Известны конфликтные и компромиссные ситуации. К числу последних, как кажется, могла бы быть отнесена передача ряда важных сакральных функций царице***. Если допустить такое предположение, оказывается возможным для нас и другое: Высокий дворец считался дворцом царицы Хорезма. Напомним в этой связи, что царицы хеттов имели собственный дворец с важнейшими святилищами****, а у многих народов власть царя узаконивалась посредством священного брака с богиней-царицей*****. О соответствующих обрядах и изображениях в Высоком дворце мы уже говорили в главе III и еще коснемся этого вопроса.

* (*Толстов С. П. Новогодний праздник "Каландас" у хорезмийских христиан начала XI в. - СЭ, 1946, № 2, с. 99-102; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 225. Первая публикация С. П. Толстова, посвященная дуальной организации у народов Средней Азии, относится к 1935 г. ("Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен"); очень большой материал по этой теме содержится в монографии "Древний Хорезм".*)

** (*Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo, 1936, с. 158-174 и др. (переиздание: Chicago, 1970); Иванов В. В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях. - Народы Азии и Африки, 1969, № 5, с. 114, 115; Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 286 сл.*)

*** (*Ср. известные гипотезы, согласно которым кровнородственные браки (идеальные с точки зрения зороастризма) - путь обхода традиционного наследования по женской линии.*)

**** (*Guterbock H. G. The Hittite Palace. - In: La palais et la royaute. Paris, 1974, p. 307, 308; Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982, с. 140-142.*)

***** (*Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 93-103, 163.*)

Нижний дворец какими-то стенами, от которых остались лишь кирпичи в основаниях, был соединен с валом огромной прямоугольной ограды. Для чего был насыпан высокий вал, общая длина которого превышала 4,5 км? Его нельзя принять за ограждение парка: внутри нет следов парковых планировок, которые бывают хорошо заметны на снимках с воздуха. Любой вал - не преграда для антилоп, коз и других животных, содержавшихся в

парадесах - охотничьих зверинцах. Вполне допустимо предположение, что внутри ограды перед походом собиралось войско*, что именно там составлялись те списки воинов, которые найдены в священном дворце. Заметим, что составление таких списков, согласно Шахнаме, было делом жрецов-мобедов**. Но есть основания считать, что топраккалинская "ограда" должна была использоваться и в культовых целях. Лучшим сопоставлением для нее являются большие обвалованные прямоугольники в курганных могильниках Приаралья. В связи с раскопками на Чаштепе мы предположили, что такие ограды могли рассматриваться как убежища для душ погребенных, предназначались для обрядов, предшествовавших захоронению, служили местом собраний членов рода или всего племени, которые сопровождались пиршествами и агоническими играми; было отмечено, что размеры площадок достаточны для некоторых состязаний всадников***.

* (*О валах на месте сбора персидского войска см.: Herod., VII, 59; Q. Curti Rufi. Hist. Alexandria III, 2, 2. Правда, пространство для отсчета 10 тысяч человек, о котором идет речь в этих сообщениях, должно быть много меньше, чем топраккалинский прямоугольник.*)

** (*Фирдоуси. Шахнаме. М., 1960, т. 2, с. 366, 367. Из повествования о сборе войска Кей-Хосровом можно заключить, что витязей с их родичами-воинами призывали по спискам, которые уточнялись и переписывались после явки.*)

*** (*Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Курганы на возвышенности Чаштепе. - В кн.: Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 156.*)

Наличие "ограды" рядом с Высоким дворцом, таким образом, существенно поддерживает наше предположение о царских захоронениях на Топрак-кале*. Очень может быть, что обведенное валом пространство воспроизводило мифическую Вару, построенную из глины Йимой - первопредком людей и их первым царем**. С. П. Толстову принадлежит мысль о том, что миф о квадратной Варе может быть привлечен для трактовки археологических памятников***. Поиски в этом направлении особенно охотно ведутся в последнее время****. Весьма плодотворна идея К. Иеттмара, опирающегося на свои этнографические исследования "церемониальных центров" у горцев Гиндукуша, согласно которой некогда Вару могли имитировать символические укрепления, отделявшие от внешнего мира общину (community), собравшуюся "для совершения ритуалов внутри ограды в атмосфере святости"*****. Можно допустить, что такую "общину" во время царских похорон, коронаций и важнейших календарных праздников составляли тысячи хорезмийцев, собиравшиеся за валами топраккалинской ограды-вары******. Это тем более вероятно, что начало года у согдийцев и хорезмийцев было связано с "возвращением царя Джама"*******, т. е. Йимы. У полулегендарных для Бируни персидских царей Хосроев (к ним возводили свой род и хорезмшахи) отмечен такой обычай: "В день Науруза царь начинал [празднество] и объявлял [простым] людям, что будет сидеть для них"********. Если дать некоторую волю фантазии, можно допустить, что среди царских обрядов, воспроизводивших деяния Йимы, было моление Ардвисуре Анахите о ниспослании верховной власти (ср. Yt V, 7), зажжение наиболее священного для зороастрийцев Огня жрецов в Хорезме (ср. Бундахишн, XVII, 5) и т. д.

* (*Стоит отметить, что самые большие курганы на Чаштепе всегда расположены восточнее относящихся к ним оград. Курганные насыпи - квадратные в плане.*)

** (*Vid., II (SBE, v. IV, Oxford, 1880, p. 10-21). В древнеиндийской мифологии Яма - царь мертвых, хозяин квадратной обители.*)

*** (*Толстов С. П. Городища с жилыми стенами. - КСИИМК, 1947, вып. 17, с. 3-8; Он же. Древний Хорезм, с. 80, 81. После своих раскопок на Калалы-гыр 1 СП. Толстов отказался от трактовки этого памятника как "городища с жилыми стенами" (ср.: Толстов С. П. Работы Хорезмской экспедиции в 1949-1953 гг., с. 154, 155).*)

**** (*Brentjes B. Die Stadt des Yima. Weltbilder in Architectur. Leipzig, 1981. Приходится отметить, что предложение считать хорезмийские городища Кюзели-гыр и Калалы-гыр 1 ипподромами (с. 11, 12) входит в противоречие с археологическими материалами, в том числе и с материалами, давно опубликованными.*)

***** (*Jettmar K. Fortified "ceremonial centres" of the Indo-Iranians. В кн.: - Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 223. Привлечение в этой интересной работе городища Дашлы 3 (северо-западный Афганистан, раскопки В. И. Сарианиди) в качестве примера такого центра не кажется удачным. Если и центральная и периферийные постройки этого памятника, по мнению К. Йеттмара, слишком малы, чтобы служить храмом или жильем, то как они могут быть местом многолюдных церемоний? Трудно ведь предположить, что ритуал передавал изолированное прозябание в маленьких комнатах в дни "Великой стужи". Гораздо лучше сопоставление с огромными раннемусульманскими мечетями (с. 224).*)

****** (*М. Н. Боголюбов предложил для самого названия страны Хорезм такую этимологию: "страна с хорошими варами" (Боголюбов М. Н. Древнеперсидские этимологии. - В кн.: Древний мир. М., 1962, с. 368-370).*)

******* (*Бируни А. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957, с. 251, ср. с. 256.*)

******** (*Бируни А. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений. Ташкент, 1957, с. 229, ср. с. 48, 52.*)

Длина Вары, построенной Йимой, согласно Видевдату, определяется прилагательным от слова caroətu-. При некотором различии в оттенках перевода (stadii-longitudine, riding-ground, hippodrome, Länge einer Laufbahn) исследователи сходятся на том, что это определенная длина конского забега. Пехлевийский комментарий указывает, что сторона Вары равнялась двум hâthra*. Согласно мнению В. Б. Хеннинга, это также очень древняя мера длины скаковой дорожки (racecource), равная приблизительно 700 м**. Тот же исследователь предлагает уравнение хеттской меры расстояния (va-ša-an-na) с авестийской carətu (tacar). Есть данные, что у хеттов единица измерения дистанций при тренинге была около 600 м***. Удвоение ее, как, впрочем, и удвоение длины hâthra, показывает, что сторона мифической Вары ("лошадиный бег") оказывается очень близкой длине топраккалинской ограды (примерно 1250 м).

* (*SBE, IV, p. 17, note 1.*)

** (*Henning W. B. An astronomical Chapter of the Bundahishn. - Henning W. B. Sellected Papers. V. 2. Teheran-Liege, 1977, p. 102 (Acta Iranica, 16).*)

*** (*Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977, с. 57.*)

Наконец, необходимо подчеркнуть, что древнеиранское слово tacar означало одновременно и "жилой дворец" и "ристалище"*. Как своего рода поздний археологический комментарий этому может рассматриваться сочетание Северного комплекса и "ограды" на Топрак-кале. Таким образом, помимо поддержки предположения о жилом характере нижнего дворца мы получаем основания думать, что в хорезмийской ограде-варе, расположенной подле дворцов и храмов, происходили также состязания всадников.

* (*Bartholomae Chr. Altiranisches Worterbuch. 2 Auflage. Berlin, 1961, col. 628, 629.*)

У нас нет возможности развить здесь эту интересную тему. Напомним лишь, что в новогодний праздничный цикл, который для Самарканда описан Вэй-цзе, входила стрельба с коня из лука, при этом победитель становился временным царем*. Весьма вероятно, что четырьмя веками ранее подобные ритуальные состязания проходили на топраккалинском ристалище, причем победитель их ассоциировался с легендарным предком хорезмийских царей Сиявушем**. Он стал победителем в конном поло, затем превзошел всех в ударе копьем на скаку, в стрельбе с коня и, наконец, свалил руками двух всадников. Все это и предопределило гибель героя иранского эпоса: озлобленные соперники зарезали его, как овцу, "у той же мишени, где, мчавшийся вскачь, стрелял он вдвоем с Герсивезом". Кей-Хосров на том же месте дал клятву отомстить за отца***.

* (*Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 6. СПб., 1903, прим. 5 к стр. 132 (Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentau. Recueilles et commentes par E. Chavannes); Толстов С. П. Древний Хорезм, с. 204.*)

** (*Ср.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма, с. 117. О тесной связи новогодних празднеств с почитанием умерших царей см. там же, с. 114-118, 121.*)

*** (*Фирдоуси. Шахнаме, т. 2, с. 215-220, 248-250; т. 3, с. 457.*)

Пережитком древних мистерий представляется сообщение Махмуда Кашгарского (XI в.) о том, что "огнепоклонники" Бухары ежегодно шли к тому месту, где был убит Сиявуш, и с воплями лили там кровь жертвенных животных*. Бухарские музыканты и декламаторы исполняли не только "плачи магов" о гибели Сиявуша, но и повествования о его борьбе, известные, по словам Наршахи, во всех областях**.

* (*Привожу по книге: The History of Bukhara. Translated from a Persian Abridgement of the Narshaki by H. N. Frye. Cambridge, Massachusetts, 1954, p. 122, note 10.*)

** (*Мухаммед Наршахи. История Бухары. Перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, с. 25, 33.*)

Итак, есть основания полагать, что топраккалинская "ограда" была местом сбора хорезмийцев в дни войны и важнейших празднеств, когда оживали древнейшие представления о единстве племени, народа-войска. Возможно, этот компонент комплекса воплощает некоторые древние идеи индоиранской мифологии и находит археологические соответствия в сооружениях саков - предков хорезмийцев (Strabo, XI, 8, 7).

Мы уже прошли по кирпичной "горе", через многочисленные комнаты, дворы и залы Высокого дворца. Остается обобщить наши наблюдения и догадки, чтобы попытаться охарактеризовать это удивительное сооружение в целом.

Подъем к нему начинается узкой крутой лестницей. Она явно не подходит для многолюдного жилого дворца и в то же время не допускает прямых сопоставлений с культовыми сооружениями типа священных террас Бард-е Нешандэ, Масжид-и Солайман* или Сурх-Котала**. Их огромные широкие лестницы - очень важный элемент архитектурного ансамбля, рассчитанного на присутствие множества молящихсч***. Высокий дворец, напротив, стремились всячески изолировать от города и округи. В то же время вполне возможно, что в определенные праздничные дни совершался обряд отворения дверей дворца, и у края высокой платформы появлялся озаренный восходящим солнцем священный царь, которого могли видеть собравшиеся внизу люди.

* (*Ghirshman R. Terrasses sacree de Bard-é Nechandeh et Masjid-i Solaiman. - Memoires de la Delegation Archéologique en Iran, Paris, 1975, t. 45, p. 150 f., 185 f.*)

** (*Schlumberger D. The Excavations at Surkh Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India. - Proc. of the British Academy, 1961, v. 47, p. 77-95; Idem. Sur la nature des temples de Surkh Kotal. - В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975, с. 97-102.*)

*** (*Отметим еще, что платформа Высокого дворца в отличие от "священных террас" не включает в свой массив никакого естественного всхолмления. Хорезмийцы прекрасно умели использовать возвышенности для своих крепостей и некоторых культовых сооружений. Они без труда могли найти подходящий скальный останец всего в 3-4 км от местоположения Топрак-калы. Очевидно, в данном случае руководствовались традициями архитектуры равнинной страны. Возможно, казалась необходимой связь с землей, способной плодоносить, с грунтовыми водами, которых мог достичь священный колодец.*)

Около входа в юго-восточной части центрального массива находилась изолированная группа комнат, не украшенных росписями. Часть из них, вероятно, связана с ритуальными омовениями. Напомним, что в помещении 102 был приподнятый деревянный пол, а под проемами в нем стояли глиняные тазы с отверстиями в центре. Они хорошо сопоставимы с традиционными среднеазиатскими *ташнау*[*]. Для воды предназначались четыре хума в соседней комнате с подобием маленького бассейна, выложенного обожженным кирпичом. Хеттские царские ритуалы (о них известно особенно много) почти всегда включают омовение. Для них в дворцово-храмовых комплексах существовали специальные постройки, где цари облачались перед выходом и даже совершали некоторые обряды[**]. В позднеассирийских больших дворцах непременно была умывальная комната, причем располагалась она всегда рядом с тронным залом[***].

* (*Отметим еще, что платформа Высокого дворца в отличие от "священных террас" не включает в свой массив никакого естественного всхолмления. Хорезмийцы прекрасно умели использовать возвышенности для своих крепостей и некоторых культовых сооружений. Они без труда могли найти подходящий скальный останец всего в 3-4 км от местоположения Топрак-калы. Очевидно, в данном случае руководствовались традициями архитектуры равнинной страны. Возможно, казалась необходимой связь с землей, способной плодоносить, с грунтовыми водами, которых мог достичь священный колодец.*)

** (*Güterbock H. G. The Hittite palace, p. 310; Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы..., с. 9, 10, 19, 28, 40, 125 и др.*)

*** (*Turner G. The State Apartments of Late Assyrian Palaces. - Iraq, 1970, v. 32. pt. 2, p. 190, 192, 194.*)

Севернее дверей дворца, на пути к парадным помещениям были две комнаты (2 и 3), которые можно рассматривать как приемную. Сводчатые помещения у северного края Центрального массива (35-37), возможно, были кордегардией, связанной с подъемом от нижнего дворца.

Большую часть платформы занимали помещения, которые в принципе можно разделить на два больших комплекса. В первый из них входили девять залов с примыкающими к ним комнатами. Второй составляли сравнительно небольшие, почти изолированные от остального дворца помещения южной группы (60-87).

Ядром дворца был ансамбль тронного зала (11а-в), предназначенный, очевидно, как для тронных, так и для религиозных церемоний. Мы полагаем, что в тронный айван (Ив), как в пронаос храмов, выносили ту часть обрядов и мистерий, которую должны были видеть люди, допущенные для этого во дворец. Кульминация таких действий, очевидно, происходила под трехарочным порталом, делившим тронный ансамбль на две части. Портал этот - геометрический, символический и функциональный центр всего громадного

здания. Парадный двор (11а) свободно мог вместить две-три сотни людей, пришедших поклониться богам или владыкам.

Главное святилище, непосредственно соединявшееся с тронным айваном, - Зал танцующих масок (14). Своей планировкой оно весьма напоминает квадратные целлы иранских храмов огня с алтарем в центре и четырьмя колоннами около него. Если бы это святилище было расположено по оси тронного ансамбля, то комплекс помещений 11 и 14 вообще можно было бы рассматривать как традиционную храмовую планировку, включенную в дворцовое здание*. Однако хорезмийский зодчий сместил главную целлу. Очевидно, он сделал это потому, что в священном дворце был нужен тронный зал, который лишь в определенных случаях становился своего рода храмом. К тому же у этого "храма" было несколько святилищ-целл. Оформление Зала танцующих масок и некоторые письменные источники позволяют считать его святилищем верховной богини хорезмийцев (Наны-Анахиты?), в котором как главный обряд праздновалась священная свадьба.

* (*Отсутствие кулуара вокруг целлы в нашем случае не кажется препятствием для сопоставления. Назначение таких коридоров - дополнительная изоляция от внешнего мира и возможность обойти святилище. Все это обеспечивалось расположением целлы в глубине священного дворца.*)

Залы 26 и 29 имели одинаковое устройство (гл. III). В них перед широкой нишей - экраном, которую обрамлял высокий портал, горел огонь, зажигавшийся, очевидно, для определенного божества, изображение которого было в большой нише напротив алтаря. Эти изображения до нас не дошли. Частично сохранились лишь барельефные композиции, украшавшие стены этих двух святилищ. Они и позволяют высказать некоторые предположения о локализованных здесь культах. В Зале воинов (26) под схематизированными изображениями громадных бараньих рогов были многократно повторены фигуры царей, стоящих на вершинах гор. Военный характер апофеоза определяют фигурки воинов в панцирях, видимо трубачей. Налепные дуги "рогов" могли быть символом авестийского бога войны и победы Веретрагны: одним из его воплощений был баран. В том же обличье мог представляться царский Фарн. Следует предположить, что в Зале воинов совершались обряды, связанные с войной и воинскими функциями царя.

В барельефных композициях Зала побед (29), на которых изображены сидящие цари и царицы с богинями подле них, с достаточной уверенностью можно видеть триумфальные или инвеститурные сцены. Отличить такие сцены друг от друга нелегко даже при полной их сохранности*. Мы не знаем даже, какие атрибуты несли богини, в принципе, вероятно, соответствовавшие Виктории и Фортуне. Меньший, чем у царей, масштаб этих фигур, пожалуй, позволяет предположить, что они рассматривались как посредницы между царями и каким-то божеством высшего ранга. От попыток угадать, кто был изображен в большой нише святилища, следует отказаться. Можно лишь полагать, что обряды совершавшиеся здесь, были связаны с поддержанием славы и благополучия царского дома, периодическим подтверждением его легитимности.

* (*Ср.: Duchesne-Guillemin J. La royauté iranienne et le xvaranah. - Iranica (Instituto Universitario Orientale. Seminario di Studi Asiatici. Series minor, X), Napoli, 1979, p. 385.*)

Своеобразно убранство Зала оленей (17). В нем не было антропоморфных изображений. Барельефные панно или фризы, видимо, передавали какие-то космологические идеи. Грифоны и олени, можно полагать, олицетворяли сферы мироздания, деревья - связь между ними. Жертвоприношения и молитвы у алтарной ниши, возможно, должны были способствовать поддержанию порядка во вселенной.

Особое место среди дворцовых святилищ занимает Зал царей (32), весьма напоминающий своей планировкой тронный зал. Здесь с матерью-владычицей во главе восседали изображения обожествленных умерших царей или богов. Сцена поклонения каждому из них была запечатлена в однотипных скульптурных группах. В определенный день такое поклонение, можно полагать, реально совершалось перед одним из кумиров. Для всего пантеона или "панбасилейона" возжигался или постоянно горел огонь на большом алтаре у входа. Можно не сомневаться, что правитель Хорезма как глава царского дома или царь-жрец, отвечавший, в частности, за благополучное течение времени*, принимал участие в церемониях в этом чертоге богов или обожествленных предков.

* (*Ср.: Hocart A. M. Kings and Councillors, p. 143, 164 f.; Widengren G. The Sacral Kingship of Iran. - The Sacral Kingship (Supplements to Numen, IV), Leiden, 1959, p. 250.*)

Есть основание считать, что изображение царя-жреца, несущего свитки, было открыто при входе в небольшое святилище с несколько необычной для дворца планировкой (25). Возможно, здесь действительно хранились священные тексты*.

* (*Напомним, что помещение 25 находится в центре юго-восточной четверти квадрата Центрального массива. Возможно, что при построении плана дворца пересечением главных и четвертных диагоналей не только было определено место центральной арки, но и намечено расположение алтаря в Зале царей, ниши для священных рукописей, алтарной ниши в комнате 67 и какой-то неизвестной нам святыни в помещении 50. Таким образом могло быть осуществлено сакральное деление квадрата на четыре части, которое, на первый взгляд, планировка дворца не обнаруживает.*)

Трудно предложить вполне однозначную трактовку для Южной группы помещений Центрального массива. Почти целиком она состоит из небольших двухкамерных блоков. В первой комнате каждого блока был пристенный алтарь, напротив него - арочная ниша с росписью. Таким образом в миниатюре повторяется планировка святилищ 26 и 29. Сохранилась часть лишь одной композиции в нише: большой саркофаг и стоящая подле него женщина. На стенах подобных комнат, связанных с внутренним двориком (77), уцелели изображения женщин-музыкантов, пряхи, в одном случае группы плакальщиц. При каждой комнате была узкая сводчатая камера; в очень низких дверных проемах иногда отмечены кирпичные закладки. Все это заставляет предположить, что вокруг "Зала с кругами" группировались молельни, связанные с обрядами в честь умерших. Несколько по-иному были устроены четыре блока, открывавшиеся в южный коридор: они имели лестницы, ведущие на второй этаж. Там могли быть комнаты каких-то лиц, состоявших при культовом комплексе. Если это были знатные женщины, допустим, царские вдовы, то предлагаемая трактовка в определенной степени согласовывалась бы с мнением С. П. Толстова, что Южная группа помещений была гаремом. Следует сказать, что это мнение хорошо увязывается с местом Южной группы в системе планировки дворца.

У нас нет оснований считать, что весь второй этаж Центрального массива был занят жилыми помещениями. Так, очевидно святилищем был верхний зал (II-1) с изображениями крылатых музыкантов. Весьма возможно, что универсальная идея трехчастности мироздания по вертикали была отражена в структуре Высокого дворца. Тогда "небу" соответствовал бы именно верхний этаж, а нижнему миру - толща платформы*. Напомним в этой связи о шахте в помещении 10, которая уходит в глубь этой толщи и еще не раскопана.

* (*Ср. соответствующее истолкование хеттского текста с упоминанием фундамента и двух верхних уровней дворца, которое предложил В. Г. Ардзинба (Ритуалы и мифы..., с. 93, 94).*)

Трудно сказать, что заставило дополнить законченную символику плана и архитектонику Центрального массива еще тремя "башнями". Скорее всего это результат благочестивых устремлений преемников царя-строителя. Есть основания видеть в Северо-западном массиве, самом высоком на Топрак-кале, святилище божества водной стихии. Сходен в своих основных объемных построениях второй - Южный массив, сохранивший алтарный подиум; вероятно, и здесь было высоко поднятое святилище. Очень привлекательно предположение, что три "башни" были посвящены богам верховной триады хорезмийцев*. Такой трактовке несколько мешает своеобразный план Северо-восточного массива. Однотипные помещения под очень высокими сводами, расположенные на нем, могли быть задуманы как гробницы, но, похоже, что сразу после постройки они были заполнены кирпичной кладкой. Какую планировку вывели наверху, мы просто не знаем.

* (*Ср. трактовку трех огромных алтарей, поставленных во втором этапе существования культового здания 3 в археологическом комплексе Дахани-Гула-ман (Scerato U. Evidence of Beligious Life of Dahan-e Ghulaman, Sistan. - South Asian Archaeology, 1977. Naples, 1979, v. 2, p. 718). В Высоком дворце Топрак-калы алтари, отделенные от стен, обнаружены в трех помещениях: в "комнате жреца" (25), в Зале царей и в Зале танцующих масок, определенно связанном с культом плодородия. Из этого, разумеется, не вытекает, что здесь постоянно горели Огни жрецов, воинов и земледельцев. Но, возможно, эти святилища действительно были связаны с представлением о царе как о главе трех "сословий" и с соответствующими его сакральными функциями. В принципе возможно, что три святилища, которые включал Центральный массив, были потом дублированы на огромных дополнительных массивах. Скорее в качестве курьеза, чем для подтверждения этой догадки, стоит добавить, что Б. Шлерат, поясняя взаимосвязанность функций нескольких божеств, с которыми ассоциировалась царская власть в древнеиндийской мифологии, построил графическую схему, которая удивительным образом напоминает контур плана "трехбашенного" Высокого дворца (Schlerath B. Das Königtum im Rig- und Atharvaveda. Wiesbaden, 1960, S. 8).*)

Каково же было назначение Высокого дворца Топрак-калы? Он явно не приспособлен для повседневной жизни царского двора: крайне затруднена связь с внешним миром, нет кухонь и бытовых очагов, складов и емкостей для воды, вина и припасов. Из примерно 150 известных нам помещений лишь несколько, и то без полной уверенности, могут быть приняты за жилые. Высокий дворец мог служить убежищем в военное время, но в его проекте не были заложены достаточные возможности для активной обороны и выживания в случае осады: отсутствовали боевые башни, стрелковые галереи, хранилища. Значит, раскопанное Хорезмской экспедицией сооружение не создавалось как жилой дворец или дворец-крепость.

В огромном здании, доминировавшем над всем комплексом Топрак-калы, в органическом архитектурном и функциональном единстве была сосредоточена группа святилищ, связанная с царскими ритуалами, различными аспектами династийного и царского культа. Прослеживается почитание обожествленных или героизированных предков, представление о магическом воздействии царя или царской четы на плодородие страны, ход времени, сохранение структуры мироздания. Оформлением святилищ прокламировались божественное происхождение власти царей, предопределенность их воинской славы и т. д. Все это, очевидно, поддерживалось соответствующими обрядами у определенных алтарей. Найдено изображение, указывающее, что царь выступал в роли верховного жреца*. Повсеместно во дворце прослеживается высочайшее значение женских божеств или различных ипостасей одной великой богини**. Это позволяет предположить, что ее жрицей, а в определенных случаях и олицетворением была царица. Не исключено, что в самом дворце или в толще его платформы находились царские гробницы.

* (*О характере царской власти и функциях царей у ираноязычных народов см., например: Christensen A. E. Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire legendaire des iraniens. Stockholm, t. 1, 1917; t. 2, 1934; Dumezil G. L'ideologie tripartie des Indo-Europeens. Bruxelles, 1958; Wiedengren G. The Sacral Kingship of Iran. - In:*

The Sacral Kingship. Leiden, 1959 (в том же сборнике ряд статей по теме и литература вопроса); idem. La royauté de l'Iran antique. - Acta Iranica, Teheran-Liege, 1974, v. 1; Filippani-Ronconi P. La conception sacrée de la royauté iranienne. - Ibidem; Раевский Д. С. Очерки идеологии...; Duchesne-Guillemin J. La royaute iranienne...)

** (*О многогранности образа Анахиты и ее роли в царских культах см., на пример: Chaumont M. L. La culte de la désse Anahita (Anahit) dans la religion des monarques d'Iran et d'Armenie au I-er siecle de notre ere. - Journal Asiatique, t. CCLIII, fasc. 2, 1965; Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударышского клада. - СА, 1979, № 1.*)

Все сказанное позволяет назвать рассмотренное в этой книге сооружение священным дворцом. В научной литературе, видимо, еще недостаточно определились критерии для определения и классификации дворцовых зданий, особенно таких, где значительное место занимают святилища*. Иногда их называют "храм-дворец" (temple-palais). Но этот термин вряд ли применим для Высокого дворца Топрак-калы, если исходить из обычного определения храма как специальной постройки, посвященной божеству и предназначенной для общественного культа в его честь. В Высокий дворец владыки Хорезма, очевидно, удалялись в определенные дни или периоды для совершения тайных обрядов и закрытых культов, во многом сходных с домашними (хотя им и приписывалось огромное значение для судеб страны). Даже заключительную часть ритуалов в самом священном дворце, вероятно, могли наблюдать лишь царская семья, ее слуги (двор) и специально приглашенные гости. Но иногда в дни важнейших празднеств ритуалы, начатые в Высоком дворце, должно быть, выходили за его стены и перерастали в многолюдные празднества с драматизированными процессиями, пирами и состязаниями**. О них мы говорили, напомним еще, что несчастная Мина вышла из своего дворца, чтобы умереть за его пределами.

* (*Ср.: Margueron J. Les palais de l'age du bronze en Mesopotamie. Bilan de nos connaissances et problemes. - In: Le palais et la royaute. Paris, 1974, p. 12 f. Продолжают называть дворцом сооружения на террасе Персеполя, хотя большинство исследователей считают, что они использовались только в ритуальных целях, были, по выражению К. Ниландера, "молитвой в камне, окаменевшим ритуалом" (Nylander C. Al-Beruni and Persepolis. - Acta Iranica, 1974, v. 1, p. 139). Краткое рассмотрение дискуссий о Персеполе и литературу см.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 254.*)

** (*Ср.: Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма, с. 114, сл.*)

В обычные дни хозяева дворцов, обитатели цитадели и города были изолированы друг от друга при совершении обрядов и молились в разных храмах. Следует при этом отметить, что храм огня горожан имел иную планировку, чем храмы на цитадели и в комплексе нижнего дворца*. Очевидно, социальной стратификации соответствовали определенные различия в религиозной сфере, хотя общей для всех хорезмийцев в первых веках нашей эры была религия, близкая зороастризму. Об этом, в частности, свидетельствует имя царя, возможно строившего Топрак-калу, - Артав (праведный) и другие, прочитанные В. А. Лившицем характерные теофорные имена, следы зороастрийского календаря в документах.

* (*Храм в городе включал три поперечно-вытянутых помещения, соединенные осевыми проходами (Городище Топрак-кала, с. 41-52, 140-142). Храм на цитадели, прослеженный С. П. Толстовым, имел центрическую планировку: квадрат, охваченный периметральным коридором. Сходным по своему плану, ориентации и размерам оказалось в комплексе нижнего дворца здание III, субструкции которого расчищены нами в 1981-1982 гг.*)

В заключение обратим внимание, что публикуемая дешифровка документов, найденных в Высоком дворце, содержит очень важное подтверждение сакрального характера топраккалинского комплекса. Зафиксированы поступления, адресованные "богам". Автор

заключительной VI главы этой монографии указывает, что соответствующая идеограмма могла передавать и слово "царь", но применение ее множественного числа должно тогда быть связано с заупокойным царским культом.

Мы прощаемся с Высоким дворцом - памятником, который в определенной степени подводит итоги многовекового развития архитектуры, искусства и религии древнего Хорезма накануне средневековья. В нем воплощены и изнурительный труд рабов, и мастерство зодчих, и мысль жрецов-схоластов, и творческая радость художников. Архитектурный комплекс Топрак-калы как бы олицетворял социальную структуру страны, тяжелый массив "священного дворца" господствует над ним.

Работая над этой книгой, мы вновь и вновь горько сожалели, что время пощадило лишь ничтожную часть богатств Высокого дворца. Но и она позволяет увидеть, понять и почувствовать очень многое.

Список сокращений

АО - Археологические открытия. М.: Наука

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора

ВДИ - Вестник древней истории

ВИ - Вопросы истории

ВИА - Всеобщая история архитектуры. М.: Стройиздат

ВЦНИЛКР - Всесоюзная Центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей

ГИМ - Государственный Исторический музей

ГЭ - Государственный Эрмитаж

ИАК - Известия Археологической комиссии. СПб.

ИАН СИФ - Известия Академии наук. Серия истории и философии. М.: Изд-во АН СССР

ИЭ - Институт этнографии АН СССР

КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.: Наука.

КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. Наука)

МИТТ - Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, т. 1, 1939 г.

МХЭ - Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. Наука)

ИВ - Проблемы востоковедения.

ПИДО - Проблемы истории докапиталистических обществ.

СА - Советская археология

САИ - Археология СССР: Свод археологических источников. М.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. Наука)

СЭ - Советская этнография

ТХЭ - Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР (с 1964 г. Наука).

ХЭ - Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ЮТАКЭ - Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция

BSOAS - Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London

MDAFA - Mémoires de la Delegations archeologique francaise en Afghanistan

SBE - The Sacred Books of the East translated by various oriental scholars and edited by F. Max Muller. Oxford.